Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Рузаев Станислав Валерьевич

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ В 1941–1942 гг.

Научная специальность: 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Пученков Александр Сергеевич

Санкт-Петербург – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…… 3
Глава I. ОРГАНЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ
В 1941–1942 гг…… 31
I. 1. Местные органы власти накануне обороны города
(июнь–октябрь 1941 г.)…….. 31
I. 2. Трансформация системы местного управления во время первого
и второго штурма города (ноябрь–декабрь 1941 г.)…… 43
I. 3. Структура городского управления в период стабилизации фронта
и третьего штурма (январь–июнь 1942 г.) ……..... 53
Глава II. ВОЕННО-ОБОРОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ……. 67
II. 1. Организация военного обучения и формирование добровольческих
подразделений из жителей города…… 67
II. 2. Развитие местной противовоздушной обороны…….. 91
II. 3. Оборонная промышленность Севастополя накануне
и во время обороны …… 118
Глава III. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБОРОНЫ……. 160
III. 1. Организация продовольственного снабжения……..... 161
III. 2. Медицинское и социальное обеспечение населения…… 180
III. 3. Мероприятия в сфере культурного обслуживания населения…… 202
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……. 217
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ…… 222

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Великая Отечественная война является одним из ключевых событий в отечественной истории XX века. Грандиозное противостояние, завершившееся Победой над нацизмом в мае 1945 г., оставило глубокий след в исторической памяти народов бывшего СССР, в частности, в России, вынесшей на своих плечах основную тяжесть войны. В последние десятилетия осмысление военных событий получило новый импульс за счет снятия действовавших ранее идеологических запретов, развития плюрализма мнений и оценок, а также повышения доступности архивных документов.

Помимо традиционно высокого интереса к изучению собственно военных действий, все большее число исследователей обращается к различным аспектам истории тыла. В свою очередь это неразрывно связано с анализом деятельности центральных и местных властей в чрезвычайных условиях войны. Выявление общих и региональных особенностей работы властных структур в годы Великой Отечественной войны требует дальнейшего расширения географии исследования.

Одним из наименее изученных регионов Советского Союза можно считать Крымскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (далее – КАССР). В 1941–1944 гг. территория Крымского полуострова являлась ареной ожесточенного противостояния между войсками Красной армии и Вермахтом. Особое место занимает 250-дневная оборона Севастополя, которая стала не только примером длительного удержания полностью блокированного приморского города – военно-морской базы, но и ярким символом единства фронта и тыла, героизма и самоотверженности советских людей.

Военные аспекты севастопольской обороны 1941–1942 гг., нередко сравниваемой с блокадой Ленинграда, нашли должное отражение в отечественной и зарубежной историографии. Однако многогранная деятельность властей города Севастополя по укреплению тыла Севастопольского оборонительного района (далее – СОР) и организации повседневной жизни городского населения в условиях осады, в силу ряда причин, остается недостаточно изученной в научном

плане. В отличие от историографии блокады Ленинграда[1], классической академической истории блокированного Севастополя, охватывающей все аспекты жизни крымской твердыни, включающей изучение решений руководящих партийных и советских властей города по обеспечению выживанию жителей города в условиях осады, до сих пор не написано.

Анализ деятельности Севастопольского комитета ВКП(б), исполкома горсовета, а также городского комитета обороны в 1941–1942 гг., сделанный с привлечением архивных документов, в том числе ранее не введенных в научный оборот, позволит осветить механизм принятия управленческих решений, выявить особенности взаимодействия местных властей с военным командованием и республиканскими органами управления, а также охарактеризовать основные направления работы.

Без этих знаний невозможно реконструировать исчерпывающую картину событий, происходивших во время обороны Севастополя 1941–1942 гг. В то же время опыт организации управления, полученный в чрезвычайных условиях осажденного Севастополя, может быть применим и в современных реалиях.

Историография проблемы. В историографии изучаемого вопроса можно выделить три основных этапа, каждый из которых характеризуется корпусом используемых источников, тематикой и уровнем осмысления, а также методологическими подходами. При этом необходимо отметить, что интерес представляют не только работы, освещающие деятельность гражданского руководства города Севастополя в 1941–1942 гг., но и те, в которых рассмотрены общие вопросы истории тыла и государственного управления во время Великой Отечественной войны.

Первый этап, охватывающий период с 1940-х до середины 1950-х гг., характеризуется накоплением документального материала и написанием первых исследований, посвященных деятельности центральных и местных органов власти.

---

[1] Пученков А. С. Классическая история блокадной эпопеи // Российская история. 2019. № 3. С. 150–153.

Во время Великой Отечественной войны в периодической печати были опубликованы многочисленные очерки фронтовых корреспондентов, посвященные обороне Севастополя. Работы некоторых авторов были переизданы в составе отдельных книг и сборников[2]. Также известны небольшие сообщения про работу партийной организации, написанные первым секретарем горкома партии Б. А. Борисовым[3].

Несмотря на свой пропагандистский характер, данные публикации содержат разнообразную информацию о деятельности городских властей, яркие зарисовки из повседневной жизни севастопольцев. Долгое время, вплоть до середины 1960-х гг., материалы периодической печати оставались одним из основных источников информации о событиях обороны.

Первые попытки сбора и анализа данных о севастопольской обороне были предприняты в 1942 г., когда в осажденном городе решением Крымского обкома ВКП(б), была создана историческая комиссия[4]. В то же время соответствующая работа проводилась комиссией по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР.

В 1942 г. была опубликована небольшая подборка документов Севастопольского комитета обороны[5], в 1943 г. – работа сотрудника комиссии М. Г. Седова, которую можно считать первой научной публикацией по данной теме[6]. В статье дается краткий очерк обороны, при этом показана работа городского руководства в области создания военной промышленности, развития

---

[2] Апошанский В. Это было в июне. М.: Военмориздат, 1943. 64 с.; Капица П. Мужество. М.: Военмориздат, 1942. 40 с.; Петров Е. Фронтовой дневник. М.: Советский писатель, 1942. 132 с.; Хамадан А. Севастопольцы. Записки военного корреспондента. М.: Молодая гвардия, 1942. 128 с.; Сажин П. А. Щит Севастополя. Симферополь: Красный Крым, 1945. 89 с.; Севастополь. 250 дней героической обороны. М-Л.: Военмориздат, 1942. 311 с.; Героический Севастополь: Сборник материалов, напечатанных в центральных газетах / Под ред. П. Анчарского. М., 1942 89 с. и др.

[3] Борисов Б. А. Большевики Севастополя / Правда. 1942. 28 мая; Борисов Б. А. Героический Севастополь / Партийное строительство. 1945. № 9–10. С. 69–73.

[4] Утробин Ю. А. Комиссия по истории обороны города Севастополя при Крымском обкоме ВКП(б) (1942 г.) // Крымский архив. 2009. № 11. С. 37–50.

[5] Руководство городом в дни героической обороны Севастополя (из документов Севастопольского ГКО) // Партийное строительство. 1942. № 14.

[6] Седов М. Г. Героическая оборона Севастополя (1941–1942 гг.) // Исторический журнал. 1943. № 5–6. С. 7–17.

местной противовоздушной обороны (далее – МПВО), а также приводятся данные о функционировании учреждений культуры и образования[7].

В 1943–1947 гг. работала Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны[8], в результате чего была собрана коллекция документальных материалов. Некоторые из них, посвященные обороне Севастополя, были включены в тематический сборник документов, изданный в 1946 г.[9]

Также для нашего исследования представляют интерес издания наркоматов обороны и военно-морского флота времен войны, которые до недавнего времени имели гриф «секретно»[10]. Они содержат данные о снабжении осажденного города боеприпасами и продовольствием, строительстве укреплений.

Со второй половины 1940-х гг. проводилась работа по созданию официальной трактовки событий Великой Отечественной войны. В это время советская историография истории войны приобретает свои характерные черты: идеологизированность, отстаивание ведущей роли коммунистической партии в организации борьбы с фашизмом, замалчивание отдельных проблемных вопросов и сюжетов, избирательность в использовании архивных документов.

В данном ключе были написаны первые исследования, в которых обобщался опыт работы органов государственной власти во время войны[11]. В частности, в статье О. М. Якубы делалась попытка определения статуса чрезвычайных органов власти, а также проводилось сравнение с аналогичными структурами периода Гражданской войны.

---

[7] Седов М. Г. Указ. соч. С. 9, 12–13, 16.

[8] Утробин Ю. А. Архивные материалы о начальном периоде историографии Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1947 гг.) // Культура народов Причерноморья. 2007. № 104. С. 99–101.

[9] Героическая оборона Севастополя 1941–1942 гг. Сборник документов и материалов / Под ред. П. А. Чурсина. Симферополь: Крымиздат, 1946. 292 с.

[10] Замятин Н. М., Воробьев Ф. Д. Оборона Севастополя: оперативно-тактический очерк. Военно-исторический отдел Ген. Штаба Красной армии. М.: Воениздат, 1943. 46 с.; Киряев Н. М. Героическая оборона Севастополя (учебное пособие). М., 1943. 65 с.

[11] Ананов Н. И. Местные Советы в период Отечественной войны // Советское государство и право. 1946. № 1. С. 23–25; Коток В. М. Сессионный порядок работы местных Советов в военное время // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 13–21; Якуба О. М. Чрезвычайные органы советского социалистического государства // Ученые записки Свердловского юридического института. Т.1. Свердловск, 1945. С. 3–33. и др.

Научных работ, посвященных деятельности советских и партийных органов Севастополя, в этот период не было опубликовано. Краткие сюжеты из истории обороны присутствовали только в некоторых обобщающих работах по истории войны[12], а также брошюрах пропагандистского характера[13].

В то же время в 1950 г. в журнале «Знамя» был опубликован первый вариант воспоминаний секретаря севастопольского горкома Б. А. Борисова. В следующем году мемуары были изданы отдельной книгой, которая впоследствии неоднократно переиздавалась большими тиражами[14].

Текст воспоминаний представляет собой беллетризованное изложение событий, происходивших в Севастополе накануне и во время обороны 1941–1942 гг. В целом они дают общее представление об основных направлениях работы властей, содержат различные данные о жизни населения в условиях осады. Несомненным достоинством работы является использование автором не только личных наблюдений и дневниковых записок, но и разнообразных документов городского комитета партии и комитета обороны.

Книги Б. А. Борисова сыграли большую роль в возникновении общественного интереса к истории обороны Севастополя и до настоящего времени являются одним из основных источников информации о деятельности городских организаций для исследователей, занимающихся данной проблематикой.

Необходимо отметить и публикации, вышедшие в 1954 г., когда отмечался 100-летний юбилей начала первой обороны Севастополя и 10-летие освобождения города от гитлеровских оккупантов. Так, в сборнике литературно-

---

[12] Очерки истории Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / Под ред. Б. С. Тельпуховского, И. С. Короткова, А. В. Митрофанова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 535 с.

[13] Бабаян К. Патриоты Родины. Рыбаки Азовского и Черного морей в годы Великой Отечественной войны. Симферополь: Крымиздат, 1947. 72 с.; Гайдовский Г. Н. Герой Советского Союза Иван Голубец. М.: Воениздат, 1954. 88 с. и др.

[14] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь: «Крымиздат», 1951. 328 с.; Он же. Подвиг Севастополя. М.: Советский писатель, 1952. 354 с.; Он же. Подвиг Севастополя. М.: Воениздат, 1957. 392 с.; Он же. Подвиг Севастополя. Симферополь: Крымиздат, 1959. 403 с.; Он же Подвиг Севастополя. Симферополь: Крым, 1970. 320 с.; Он же. Подвиг Севастополя. Симферополь: Таврия, 1977. 399 с.

художественных произведений было опубликовано несколько воспоминаний участников событий из числа советского и партийного актива города[15].

Второй этап в историографии изучаемого вопроса охватывает период с конца 1950-х до нач. 1990-х гг. Его начало связано с изменениями в общественно-политической жизни государства, происходившими после XX съезда КПСС. Отразились они и на исторической науке: были ослаблены ограничения по изучению проблемных вопросов советской истории, более доступными стали архивные документы, начали публиковаться воспоминания, иностранная научная и мемуарная литература.

Одной из основных тем для изучения стала история Великой Отечественной войны. С середины 1950-х гг., помимо работ, посвященных описанию боевых операций на советско-германском фронте, появились исследования, в которых историки начали разработку вопросов функционирования государственного аппарата с использованием документов центральных и региональных архивов.

Большое внимание уделялось обоснованию тезиса о выдающейся организаторской деятельности коммунистической партии[16]. Необходимо отметить статьи А. М. Синицина, в которых анализировалась работа комитетов обороны, а также описывались мероприятия по созданию Фонда обороны[17]. Исследователь подчеркивал, что горкомы обороны напрямую подчинялись Государственному Комитету Обороны (далее – ГКО)[18]. В отдельную группу можно выделить исследования, в которых рассматривались вопросы создания и функционирования военной экономики[19].

---

[15] Севастополь: сборник литературно-художественных произведений о героической обороне и освобождении города русской славы. 1941–1944 гг. / Сост. Г. Н. Гайдовский. М.: Воениздат, 1954. 554 с.

[16] КПСС – вдохновитель и организатор побед советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войн. М.: ВПА, 1957. 811 с.; Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны / Шляпин И. М., Шварев М. А. М.: Воениздат, 1958. 238 с. и др.

[17] Синицын А. М. Чрезвычайные органы советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 45–58; Синицын А. М. Из истории патриотического движения советского народа за создание фонда обороны в первый период Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 44–58.

[18] Синицын А. М. Чрезвычайные органы советского государства в годы Великой Отечественной войны. С. 35.

[19] Митрофанова А. В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 486 с.; Морехина Г. Г. Рабочий класс – фронту: подвиг рабочего класса СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Соцэкгиз, 1962. 480 с.; Кравченко Г. С. Военная экономика СССР, 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1963. 398 с. и др.

В период хрущевской оттепели значительно активизировалось изучение второй обороны Севастополя, в том числе деятельности местных властей. В рассматриваемое десятилетие были опубликованы работы И. Е. Петрова, В. Ф. Воробьева, Г. Н. Караева, Л. И. Павличенко, С. Н. Максимова[20]. Соответствующие разделы были включены в издания по истории Крыма и Севастополя[21].

В целом для всех работ характерно использование воспоминаний Б. А. Борисова и материалов периодической печати в качестве основы, описательный характер повествования, наличие идеологических штампов и стандартный набор сюжетов. Фактически авторы только констатируют большую организационную роль горкома партии и горкома обороны, особенно в сфере развития производства военной продукции, а также приводят примеры трудовых подвигов горожан.

Исключением являются работы ленинградского историка Е. И. Кельнера, которые написаны с привлечением документов комиссии по истории войны АН СССР и исторического отдела ВМФ. В 1956 г. он опубликовал первую в историографии вопроса статью, посвященную деятельности органов власти Севастополя в 1941–1942 гг.[22]

В ней подробно рассмотрены мероприятия властей накануне и в ходе трех штурмов города. Особое внимание уделено работе промышленности, деятельности МПВО, а также описанию повседневной жизни населения города. При это автор не избежал некоторых фактических ошибок, например, он пишет, что народное ополчение в Севастополе формировалось во время первого штурма, а Спецкомбинаты создавались по решению комитета обороны. В 1958 г. вышла

---

[20] Петров И. Е. Севастополь в Великой Отечественной войне. Доклад на научной сессии отдела исторических наук АН СССР, посвященный столетию Севастопольской обороны в Крымской войне 1853–1856 гг. (Москва, 28 октября 1954 г.) / Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып.5. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 29–42; Воробьев В. Ф. Оборона Севастополя в 1941–1942 гг. Краткое учебное пособие. М.: б.и., 1956. 51 с.; Караев Г. Н. Оборона Севастополя (военно-исторический очерк). Ленинград: Детгиз, 1956. 151 с.; Павличенко Л. М. Героическая быль. Оборона Севастополя 1941–1942 гг. М.: Гос. издательство политической литературы, 1958. 71 с.; Максимов С. Н. Оборона Севастополя 1941–1942 гг. М.: Воениздат, 1959. 138 с.

[21] Семин Г. И. Севастополь: исторический очерк. М.: Воениздат, 1954. 552 с.; История города-героя Севастополя. 1917–1957 гг. / Отв. ред. С. Ф. Найда. Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1958. 339 с.; Очерки по истории Крыма. Часть IV. Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1941–1965 гг.) / Под общей редакцией И. С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1967. 319 с.

[22] Кельнер Е. И. Трудящиеся Севастополя в борьбе с гитлеровскими захватчиками (1941–1942 гг.) // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 101–110.

монография Е. И. Кельнера, посвященная обороне Севастополя в целом, в которой использованы также и материалы из его ранней статьи[23].

Продолжил исследовательскую работу Б. А. Борисов: опубликованы его книги «Севастопольцы не сдаются» (1958 г.) и «Дети Севастополя» (1963 г.), описывающие работу комсомольской организации и юных жителей города[24]. Значительный интерес представляет статья, посвященная деятельности Севастопольского комитета обороны (1959 г.)[25]. В ней отстаивается ведущая роль комитета обороны как главного органа гражданского управления. Также известна статья Б. А. Борисова, посвященная работе городской партийной организации[26].

Данной проблематикой занимался журналист П. И. Мусьяков – автор мемуаров и ряда научно-популярных работ по истории обороны[27]. В 1962 г. была опубликована его статья, в которой описывалась работа партийной организации, в которой использовались некоторые архивные материалы[28].

Представляет интерес и статья Е. А. Шишко, в которой делается попытка анализа работы Крымского обкома ВКП(б) осенью 1941 г., когда крымское руководство находилось в осажденном Севастополе[29]. Работа важна тем, что деятельность обкома, а также республиканских властей практически не нашла отражения в других исследованиях, посвященных обороне.

В 1960-е гг. начал свою научную карьеру известный севастопольский историк Г. И. Ванеев[30]. В 1965 г. была опубликована его первая книга, в которой описывался трудовой подвиг женщин в период осады, при этом делался несколько ошибочный вывод, что «женщины стали главной силой города»[31].

---

[23] Кельнер Е. И. Героическая оборона Севастополя. Симферополь: Крымиздат, 1958. 161 с.
[24] Борисов Б. А. Севастопольцы не сдаются. М.: Молодая гвардия, 1958. 175 с.; Борисов Б. А. Дети Севастополя. Симферополь: Крымиздат, 1963. 83 с.
[25] Борисов Б. А. Городской комитет обороны Севастополя // Военно-исторический журнал. 1959. № 11. С. 20–36.
[26] Борисов Б. А. Партийная организация Севастополя в обороне города / Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / Под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 45–93.
[27] Мусьяков П. И. Севастопольские дни (записки редактора флотской газеты). Симферополь: Крымиздат, 1963. 192 с.; Мусьяков П. И. Город-герой Севастополь. Стенограмма публичной лекции. М.: Знание, 1954. 32 с.; Мусьяков П. И. Они стояли насмерть. М.: Изд-во ДОСААФ, 1963. 149 с.
[28] Мусьяков П. И. Севастопольская партийная организация в дни обороны города (октябрь 1941 г. – июль 1942 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 2.
[29] Шишко Е. А. Крымская партийная организация летом и осенью 1941 г. / Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / Под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 24–44.
[30] Ванеев Г. И. Героини Севастопольской крепости. Симферополь: Крым, 1965. 107 с.
[31] Там же. С. 7.

В 1962 г. Н. И. Селивановой была защищена первая диссертация по истории обороны Севастополя, которая была посвящена анализу периодических изданий осажденного города[32]. Некоторые аспекты работы севастопольской комсомольской организации были затронуты в диссертационном исследовании Г. С. Бабичева[33].

Активная работа по изучению обороны проводилась в самом Севастополе – исторической комиссией при горкоме Коммунистической партии Украины (далее – КПУ), а также сотрудниками Музея героической обороны и освобождения Севастополя. В 1950–1960-е гг. ими был организован сбор воспоминаний участников обороны, в том числе гражданских лиц.

В мае 1961 г. по инициативе командования Черноморского флотом и горкома КПУ была проведена первая конференция по истории обороны, в которой приняли участие несколько сотен ветеранов. Выступления были посвящены, в том числе, и деятельности городских организаций. Жесткой критике со стороны бывшего командующего Севастопольским оборонительным районом Ф. С. Октябрьского подвергся Б. А. Борисов, который, по мнению адмирала, недостаточно подробно отразил руководящую роль Военного совета флота в обороне.

В октябре 1963 г. было проведено заседание ученого совета Музея обороны и освобождения Севастополя, которое было полностью посвящено работе гражданских властей. Была продолжена дискуссия между Б. А. Борисовым и Ф. С. Октябрьским, при этом бывший секретарь горкома занял принципиальную позицию, заявив: «в полемику не намерен вступать и в следующие издания принципиальных изменений, о которых говорит Ф. С. Октябрьский, вносить не буду»[34].

---

[32] Селиванова Н. И. Печать – могучее оружие коммунистической партии в мобилизации воинов и трудящихся на оборону Севастополя 1941–1942 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1962. 24 с.

[33] Бабичев Г. С. Комсомольцы Крыма – активные помощники партии в Великой Отечественной войне (1941–1944 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1959. 25 с.; Бабичев Г. С. Поколение отважных. Комсомольцы Крыма – активные помощники партии в Великой Отечественной войне. Симферополь: Крымиздат, 1958. 200 с.

[34] Стенографический отчет расширенного заседания совета Музея обороны и освобождения Севастополя на тему «Партийные организации и трудящиеся города в обороне Севастополя в 1941–1942 гг. (28–29 октября 1963 г.)» / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя (далее – МООВС). Т. XXX. Севастополь, 1963. С. 281, 288.

Воспоминания, собранные исторической комиссией, а также материалы конференции и заседания ученого совета, несмотря на свою ценность, так и не были опубликованы и находились в ограниченном доступе в городском архиве Севастополя, рукописных фондах Музея обороны и освобождения и Морской библиотеки вплоть до начала 1990-х гг. Вероятно, это связано с критикой командования СОР, а также звучавшей в отдельных докладах и воспоминаниях неофициальной трактовкой событий обороны.

Исследовательская работа историков, краеведов и публицистов 1950–1960-х гг. в значительной степени способствовала признанию коллективного подвига защитников Севастополя в период второй обороны, причем не только воинов Приморской армии и моряков Черноморского флота, но и гражданского населения. 8 мая 1965 г. Севастополь был официально признан «городом-героем». Ф. С. Октябрьский подверг резкой критике формулировку соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР, т. к. в нем говорилось не о моряках-черноморцах, а о «трудящихся города Севастополя». Вплоть до своей смерти в 1969 г. адмирал в своих статьях и выступлениях продолжал оценивать горком партии и комитет обороны исключительно в качестве вспомогательных органов, выполняющих указания Военного совета Черноморского флота[35].

Период со второй половины 1960-х до начала 1990-х гг. характеризуется интенсивным изучением истории Великой Отечественной войны. При этом произошла значительная корректировка официальной трактовки событий, ужесточены цензурные требования, ярко проявил себя догматизм в изложении материала и избирательность в использовании архивных источников.

Одной из центральных тем оставалось изучение деятельности коммунистической партии во время войны с целью обоснования ее выдающейся роли в деле мобилизации советского народа[36]. Общие вопросы функционирования Советов в 1941–1945 гг. были рассмотрены в исследованиях Т. А. Архиповой,

[35] Октябрьский Ф. Увенчанные славой / Годы борьбы и побед. Крым в боях и труде. Сборник воспоминаний, статей, очерков, стихов. Симферополь: Крым, 1967. С. 121–135.

[36] История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 Т. Т. 5. Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны, в период упрочения и развития социалистического общества. 1938–1959. Кн. 1 (1938–1945 гг.) / Авт. Ю. П. Петров, В. С. Зайцев, Е. Ф. Агафоненков. М.: Политиздат, 1970. 722 с.

Г. А. Варюхина, Ю. С. Кукушкина, Г. Б. Куликовой и др.[37] При этом ряд исследователей отмечают, что в условиях войны роль исполкомов горсоветов возрастает именно как исполнительно-распорядительных органов, особенно в области финансов, развития местной промышленности, бытового устройства населения, регламентации работы торговых предприятий и транспорта [38].

Определению правового статуса городских комитетов обороны, а также описанию процесса создания и функционирования посвящены статьи М. Л. Гутина, Р. А. Усикова, П. Н. Чернозуба[39]. Горкомы понимались, в соответствии с постановлением ГКО от 22 октября 1941 г., как чрезвычайные органы партийно-государственной и военно-хозяйственной власти, которые обладали правами, определенными Указом Президиума Верховного Совета «О военном положении». При этом был сделан вывод о зависимости работы комитетов от решений местных партийных властей[40]. В качестве основных направлений деятельности назывались создание и развитие оборонной промышленности, а также подготовка боевых резервов для фронта.

Отдельные аспекты работы государственных и местных органов власти подробно рассмотрены в монографиях А. Н. Кирсанова, А. Д. Колесника, В. П. Доброва, Н. Я. Пашко, Г. А. Куманева, Н. Ф. Банникова, С. В. Биленко, А. Н. Беляева[41]. Патриотическим движениям во время войны (создание фонда

---

[37] Архипова Т. Г. Государственный аппарат РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1981. 93 с.; Варюхин Г. А. Военно-организаторская деятельность городских Советов в первый период Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 6. С. 18–29; Кукушкин Ю. С. Исторический путь Советов в СССР. М.: Знание, 1966. 54 с.; Куликова Г. Б. Советы депутатов трудящихся в 1941–1945 гг. / Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы / Под общ. ред. П. Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. С. 80–92 и др.

[38] Советский тыл в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие / С. А. Байбаков, Н. А. Кирсанов, Л. А. Пинегина и др. М.: Высшая школа, 1986. С. 17.; Варюхин Г. А. Военно-организаторская деятельность городских Советов в первый период Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 6. С. 19–20; Куликова Г. Б. Советы депутатов трудящихся в 1941–1945 гг. / Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы. Под общ. ред. П. Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. С. 81.

[39] Гутин М. Л. О деятельности местных комитетов обороны в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1970. № 7. С. 82–91; Усиков Р. А. Городские комитеты обороны Крыма, Северного Кавказа и Поволжья в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1971. № 2. С. 83–87; Чернозуб П. Н. Городские комитеты обороны в прифронтовой полосе // Военно-исторический журнал. 1974. № 5. С. 125–126 и др.

[40] Гутин М. Л. Указ. соч. С. 90.

[41] Кирсанов Н. А. По зову Родины: Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1974. 275 с.; Колесник А. Д. Народное ополчение городов-героев. М.: Наука, 1974. 367 с.; Народное ополчение защищает Родину / П. В. Добров, Н. Я. Пашко, А. Д. Колесник, Г. А. Куманев. М.: Наука, 1990. 379 с.; Банников Н. Ф. Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне

обороны, сбор теплых вещей, стахановское движение) посвящена работа А. М. Синицына[42]. Особо необходимо отметить исследование А. Д. Колесника, в котором был описан процесс создания Севастопольского соединения народного ополчения и организация на его базе военной подготовки населения.

Также значительное число работ посвящено общим вопросам функционирования советской военной экономики во время войны[43].

Для 1970–1980-х гг. характерно активное изучение деятельности региональных органов управления в период войны. При этом, в отличие от предшествующего десятилетия, не было опубликовано ни одной работы, посвященной собственно анализу деятельности гражданских органов Севастополя.

Отдельные вопросы были рассмотрены в статьях севастопольских краеведов и сотрудников музеев. Опубликованные в малотиражных сборниках, они не стали достоянием широкой научной общественности[44].

Соответствующие разделы в изданиях по истории города базировались в основном на воспоминаниях Б. А. Борисова и отличались шаблонностью изложения материала[45]. Не стали исключением и главы, посвященные работе

(1941–1945 гг.). М., 1968. 72 с.; Биленко С. В. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1969. 119 с.; Беляев А. Н. Местная противовоздушная оборона страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1985. 232 с. и др.

[42] Синицын А. М. Всенародная помощь фронту: о патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1985. 319 с.

[43] Беликов А. М. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М.: Знание, 1969. 46 с.; Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1970. 389 с.; Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 2. Трудовой подвиг народа / Под общ. ред. П. Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. 366 с.; История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 гг. М.: Наука, 1978. 562 с.; Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / Отв. ред. Г. А. Куманев. М.: Наука, 1988. 424 с. и др.

[44] Аридова А. М. Комсомольцы в дни героической обороны Севастополя / Сборник сообщений Музея героической обороны и освобождения Севастополя. Симферополь: Крым, 1969. С. 65–72; Сысоев Н. Е. Ремонт кораблей Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны / Бюллетень № 8. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. Севастополь, 1977. С. 80–104; Сарина А. А. Героические дела трудящихся Севастополя в период обороны города / Бюллетень № 14. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. Севастополь, 1981. С. 71–82; Лезинский М. Уроки мужества / Крымские каникулы: Сб. для туристов и краеведов: Кн. 2 / Сост. Л. А. Литвинов. Симферополь: Таврия, 1985. С. 90–107 и др.

[45] Неверов И. М. Севастополь: Страницы героической защиты и освобождения города-героя, 1941–1944. М.: Политиздат, 1983. 206 с.; Гармаш П. Е. Севастополь – город-герой. М.: Воениздат, 1983. 128 с.; История городов и сел Украинской ССР: Крымская область. Гл. ред. П. Т. Тронько. Киев: Главная редакция Украинской советской энциклопедии, 1974. 624 с.

севастопольского горкома в книге по истории Крымской партийной организации[46].

Важной для историографии вопроса можно считать диссертацию В. И. Васильева, в которой рассматривалась деятельность городских комитетов обороны Крыма (1974 г.)[47]. Несомненным достоинством исследования, написанного в рамках официальной идеологии, стало привлечение материалов областного партийного архива, в том числе протоколов заседаний Севастопольского горкома партии и горкома обороны, а также отчетной документации. В диссертации была сделана попытка анализа организаторской работы комитета обороны прежде всего в военно-хозяйственной сфере. Автор подчеркивает тесное взаимодействие руководства флота и городских властей, особо выделяя роль горкома, который «полностью оправдал свое назначение»[48].

В то же время в 1970–1980-е гг. были изданы фундаментальные исследования, посвященные рассмотрению военных аспектов истории обороны Севастополя 1941–1942 гг., в которых была представлена разнообразная информация о работе гражданских органов управления. Все они принципиально отличались от работ предыдущих лет использованием широкого круга документальных материалов, в том числе из Крымского партийного архива, воспоминаний, а также сборников севастопольских конференций 1961 г. и 1966 г.

Первой из них стала монография «Героическая оборона Севастополя» (1969 г.), написанная группой историков и ветеранов[49]. Одним из авторов книги являлся Г. И. Ванеев, который в те годы стал ведущим исследователем данного вопроса. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Оборона Севастополя в Великой Отечественной войне 1941–1942 гг.», в 1970 г. – докторскую диссертацию «Черноморский флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

---

[46] Очерки истории Крымской областной партийной организации / Под ред. Н. В. Багрова и др. Симферополь: Таврия, 1981. 376 с.

[47] Васильев В. И. Деятельность партийных организаций и городских комитетов обороны Крыма в первый период Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. М., 1974. 208 с.

[48] Там же. С. 181.

[49] Героическая оборона Севастополя. 1941–1942 г. / Ванеев Г. И. и др. М.: Воениздат, 1969. 367 с.

Значительный вклад в изучение истории обороны Севастополя внес бывший начальник береговой обороны Черноморского флота генерал П. А. Моргунов подготовивший монографию «Героический Севастополь»[50]. Автор описывает взаимодействие военных органов управления с властями города, приводит данные по эвакуации населения, созданию добровольческих формирований, МПВО, участию горожан в строительстве инженерных сооружений.

В 1985 г. была опубликована монография А. В. Басова, в которой впервые была предпринята попытка комплексного изложения событий, происходивших в Крыму в 1941–1944 гг. В ней также было уделено место работе местных органов власти, в первую очередь – Севастопольскому городскому комитету обороны[51].

Начало третьего, современного, этапа в историографии изучаемого вопроса приходится на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Масштабные внутриполитические изменения, происходившие в стране, предопределили снятие цензурных ограничений, массовое рассекречивание архивных документов и укрепление связей с иностранными научными кругами.

На фоне возросшего общественного интереса к отечественной истории уже с конца 1980-х гг. начинается переосмысление истории Великой Отечественной войны, которая продолжала оставаться одним из ведущих направлений для исследования. Историки обратились к изучению дискуссионных вопросов: боевым операциям начального периода войны, материальным и людским потерям, которые понес Советский Союз, проблемам коллаборационизма, военного плена и депортаций.

На качественно новый уровень вышло изучение работы центральных органов власти, в том числе Государственного Комитета Обороны, которому посвятили свои исследования Н. Я. Комаров, Ю. А. Горьков, А. А. Печенкин, В. Н. Хрусталев, В. В. Черепанов и др.[52] Отдельно стоит отметить работы

---

[50] Моргунов П. А. Героический Севастополь. М.: Наука, 1979. 516 с.

[51] Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Наука, 1987. 335с.

[52] Комаров Н. Я. Государственный Комитет Обороны постановляет…: Документы, воспоминания, комментарии. М.: Воениздат, 1990. 428 с.; Горьков Ю. А. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945 гг.). Цифры, документы. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 572 с.; Печенкин А. А. Государственный Комитет Обороны в 1941 г. // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 126–142; Черепанов В. В. Власть и война. Сталинский механизм

О. В. Хлевнюка, в которых рассмотрены вопросы функционирования высших органов власти во время войны и механизм принятия решений, а также проанализирована деятельность И. В. Сталина в 1941–1945 гг.[53] Некоторые выводы об особенностях работы центральных властей применимы и к управленческим практикам регионального руководства.

Была продолжена работа по анализу работы органов власти разных уровней в области организации военного производства, создании добровольческих формирований, развития МПВО. Особое внимание стало уделяться вопросам социального обеспечения граждан и организации повседневной жизни в чрезвычайных условиях войны[54].

В 1990–2010-е гг. подготовлено большое количество диссертационных исследований, написанных на основе документальных собраний местных архивов, в которых комплексно изучалась деятельность региональных советских и чрезвычайных органов власти[55], а также отдельные направления работы: военно-оборонное[56], развитие МПВО[57], решение социальных вопросов и организация повседневной жизни населения[58].

государственного управления в Великой Отечественно войне. М.: Известия, 2006. 496 с.; Хрусталев В. Н. Государственный Комитет Обороны в системе чрезвычайных органов власти СССР в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – май 1945 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 19с.

[53] Хлевнюк О. В. Государственный Комитет Обороны СССР. Структура, функции, архивные фонды / Историк и Художник: сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М.: Институт российской истории РАН, 2013. С. 441–454; Хлевнюк О. В. Система высшей власти в СССР в годы Великой Отечественной войны. Историография, источники и перспективы исследований // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 15–26 и др.

[54] Кожурин В. С. Неизвестная война: Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М: АНО, 1990. 288 с.; Загвоздкин Г. Г. Цена Победы: социальная политика военных лет. Киров: Волго-Вятское книжное издательство, 1990. 262 с.; Зинич М. С. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. М.-СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 347 с. и др.

[55] Молоков Е. В. Деятельность военных отделов партийных комитетов областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис ... канд. ист. наук. Курск, 2010. 22 с.; Чугунова Н. В. Тульский городской комитет обороны (1941–1943 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 22 с.; Пищулина С. Ю. Сталинградский городской комитет обороны в 1941–1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2007. 27 с.; Тугушева В. А. Деятельность городских комитетов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2009. 30 с. и др.

[56] Брыкин В. А. Деятельность местных органов власти г. Муром Горьковской области по укреплению обороноспособности СССР: 1939–август 1944 г.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2005. 27 с.; Дубравин С. А. Военно-защитные мероприятия органов власти и общественных организаций Воронежской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 19 с.; Красноженова Е. Е. Военная деятельность местных органов власти в Великой Отечественной войны (на материалах нижнего Поволжья): автореф. дис. … канд. ист. наук. Астрахань, 2008. 19 с. и др.

[57] Гусев А. В. Местная противовоздушная оборона областей Центрального региона России в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны: 1932–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук, 2014. 44 с.

[58] Нечепа В. Г. Деятельность местных органов власти Европейского Севера в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1994. 19 с.; Дружинина-Зайцева М. Г. Деятельность

Значительный интерес представляют монографии В. Н. Данилова, который обобщил опыт функционирования городских комитетов обороны во время войны[59]. Автор подробно описывает процесс создания и функционирования комитетов в разных регионах страны, выделяет основные направления работы (военно-организационное, оборонное и военно-хозяйственное), дает оценку эффективности. В работах затронуты, в том числе, вопросы деятельности Севастопольского ГорКО.

Несмотря на значимость обороны Севастополя 1941–1942 гг. в контексте истории Великой Отечественной войны, приходится констатировать, что вплоть до 2014 г. данная тема комплексно не исследовалась.

В 1990–2010-е гг. в Российской Федерации были изданы работы И. Б. Мощанского, М. Э. Морозова, А. В. Платонова, О. И. Нуждина, С. В. Рузаева, освещающие военные аспекты истории обороны. В основе исследований лежали материалы ведомственных архивов Министерства обороны РФ, а также – в отдельных случаях – иностранных архивов[60]. Вопросы работы органов гражданского управления накануне и во время третьего штурма были частично рассмотрены в монографии О. И. Нуждина и С. В. Рузаева, а также в статьях диссертанта, в основу которых был положен материал крымских архивов[61].

В украинской историографии исследования по истории Крыма в 1941–1944 гг. главным образом посвящены вопросам коллаборационизма,

---

местных органов власти по организации повседневной жизни населения прифронтового Мурманска в период Великой Отечественной войны: 22 июня 1941 – октябрь 1944: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 25 с.; Гонцова М. В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис … канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2011. 30 с. и др.

[59] Данилов В. Н. Война и власть: чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Изд-во Поволжского филиала Рос. Учеб. центра, 1996. 391 с.; Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 396 с.; Данилов В. Н. Городские комитеты обороны: роль в мобилизации ресурсов регионов в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2016. 221 с.

[60] Мощанский И. Б. Борьба за Крым: сентябрь 1941 – июль 1942 г. / Военная летопись М., 2002. 88с.; Морозов М. Э. Воздушная битва за Севастополь 1941–1942 гг. М.: Яуза, 2007. 458 с.; Нуждин О. И., Рузаев С. В. Севастополь в июле 1942 г.: хроника осажденного города. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. 752 с.; Платонов А. В. Борьба за господство на Черном море. М.: Вече, 2010. 464 с.

[61] Рузаев С. В. Городской комитет обороны в системе органов власти г. Севастополь (октябрь 1941 – июнь 1942 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 101–103; Рузаев С. В. Производство гранат на севастопольских предприятиях в 1941–1942 гг. / «Мир оружия: история, герои, коллекции». Материалы международной научно-практической конференции (21–22 октября 2016 г.). Тула, 2016. С. 367–370 и др.

партизанского движения, судьбам крымско-татарского населения полуострова[62]. В работах, где затрагивались сюжеты, связанные с обороной Севастополя, в качестве основы использовались исследования Г. И. Ванеева, П. А. Моргунова и А. В. Басова и очень ограниченно – архивные документы. Нередкими были фактические ошибки в освещении событий, что можно связать не только с политической конъюнктурой, но и с небрежным цитированием литературы[63]. Немногочисленные работы историков, главным образом военных, посвящены боевому применению Черноморского флота, в том числе в ходе обороны Севастополя[64].

В то же время различными аспектами истории Севастополя в 1941–1942 гг. достаточно активно занимались крымские историки и краеведы. Одной из первых работ, где история Крыма в годы войны освещалась с новых позиций и с привлечением архивных документов, стал сборник «Крым в Великой Отечественной войне»[65].

В 1992 г. Г. И. Ванеев опубликовал на украинском языке цикл статей, посвященных последнему штурму Севастополя в июне 1942 г.[66] В 1995 г. был издан двухтомник «Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны», который представляет собой подробную хронологию событий[67]. Данную книгу,

---

[62] Хаяли Р. И. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Некоторые методологические аспекты исследований // Історія України. Маловідоми імена, події, факти. Збірник наукових праць. Київ, 2004. С. 93–94.

[63] См., например, Лисенко О. Крим у період Другої Світової війни / Крим в історичних реаліях України: Матеріали наук. конф. «Крим в історичних реаліях України: До 50-річчя входження Криму до складу УРСР» (Київ, 19 лютого 2004 р.) / В. А. Смолій (відп.ред.). Київ: Ін-т історії України НАН України, 2004. С. 260–287; Лисенко О. Крим у період Другої Світової війни: регіональний вимір / Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2014. С. 442–457.

[64] Бадах Ю. Військово-морській флот СРСР в Радянсько-німецькій війні: міфи и правда // Воєнна історія. 2012. № 2 (62). С.87–99; Соколюк С. М. Історія бойового застосування підводних мінних загороджувачів Чорноморського флоту в 1941–1944 рр. // Військово-науковий вісник. Зб. наук. пр. Акад. Сухопутних Військ ім. Гетмана П. Сагайдачного. Львів, 2012. № 18 (21). С. 215–230; Чірікалов О. С. Оборона Севастополя під час третього штурму та її вплив на хід літньо-осінньої кампанії 1942 року // Воєнна історія. 2010. № 6 (54). С. 5–20.; Яким'як С. Висновки та уроки з досвіду управління силами Чорноморського флоту у ході Другої Світової війни // Воєнна історія. 2011. № 6 (60). С. 28–31.

[65] Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вопросы. Ответы. / Сост.: В. К. Гарагуля, И. П. Кондранов, Л. П. Кравцова. Симферополь: Таврия, 1994. 208 с.

[66] Ванеев Г. І. Останні дні оборони Севастополя 1941–1942 рр. // Український історичний журнал. 1991. № 6. С. 113–123; 1991. № 11. С. 89–101; 1991. № 12. С. 74–83; 1992. № 2. С. 122–130.

[67] Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. Кн. 1 (30.10.1941–02.01.1942). Киев: Україна, 1995. 253 с.; Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. Кн. 2 (02.01–05.07.1942). Киев: Україна, 1995. 285 с.

написанную на солидной документальной базе, можно считать итогом творческой деятельности ученого.

Несмотря на то, что она была выдержана в русле советской историографии и базировалась исключительно на отечественных источниках, для настоящего исследования она представляет значительный интерес. В работе широко использованы документы из крымских архивов, которые позволяют выстроить общую хронологию работы городских властей, а также дают представления об основных мероприятиях на каждом этапе обороны города.

Последним дням обороны Севастополя посвящено небольшое исследование И. С. Маношина, который одним из первых описал последние бои в июне 1942 г. и судьбу защитников города, в том числе гражданского населения, которые не смогли эвакуироваться на Кавказ в июле 1942 г. [68]

Отдельным вопросам деятельности севастопольских властей, а также судьбам жителей города посвящены исследования крымских и севастопольских историков, архивистов и краеведов В. М. Брошевана, Б. В. Никольского, Б. Н. Гельмана, И. Е. Шпаковой, Ю. А. Утробина, Д. С. Омельчука, В. Н. Пащени и др.[69] Различные материалы по истории второй обороны, в том числе и не введенная ранее в научный оборот делопроизводственная документация горкома партии, публиковались в тематических сборниках[70].

В учебных пособиях по истории Крыма оборона города освещалась кратко, как правило, с использованием воспоминаний Б. А. Борисова[71]. Некоторый интерес представляет учебник Е. Б. Алтабаевой по курсу «севастополеведение»,

---

[68] Маношин И. С. Героическая трагедия. О последних днях обороны Севастополя 22 июня – 12 июля 1942 г. Симферополь: Таврида, 2001. 208 с.

[69] Брошеван В. М. Военная мобилизация в Крыму. 1941–1944 гг. Симферополь: [Б.и.], 1994. 126 с.; Гельман Б. Н. Причина смерти – расстрел. Холокост в Севастополе. Севастополь, 2004. 183 с.; Никольский Б. В. Великая Отечественная война на Черном море как череда подвигов, преступлений и наказаний. Часть вторая. Управление обороной Севастополя. Научно-историческое исследование. Севастополь: Издательство «Мистэ», 2013. 357 с.; Шпакова И. Е. Историческая память: Севастополь в период обороны и немецко-румынской оккупации (1942–1944 гг.) в воспоминаниях детей / Москва–Севастополь: Архивно-краеведческий альманах. Выпуск 1 / Главархив города Москвы. М., 2016. С. 199–204; Утробин Ю. А. Комиссия по истории обороны города Севастополя при Крымском обкоме ВКП(б) (1942 г.) // Крымский архив. 2009. № 11. С. 37–50; Пащеня В. Н. Крымская АССР в годы II-й мировой войны (1939–1945 гг.). Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. 414 с.

[70] Иванов В. Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации). Севастополь: «Библекс», 2004. 320 с.

[71] Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма. Симферополь: Квадранал, 2005. 320 с.; История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках) / под ред. Г. М. Бурова. Симферополь: Атлас-компакт, 2005. 324 с.

который полностью посвящен событиям второй обороны города[72]. В нем приводятся редкие фотографии, выдержки из документов, ранее не опубликованные воспоминания, личные письма участников обороны, которые сохранились в фондах городского архива и музеев. Однако основные факты являются общеизвестными, что объяснимо образовательными целями издания.

После вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации в марте 2014 г. процесс изучения истории полуострова заметно активизировался. В 2014–2020 гг. опубликовано большое число работ, посвященных военным аспектам второй обороны Севастополя. Стоит отметить работы А. В. Исаева, О. И. Нуждина, А. В. Неменко и др.[73]. В исследованиях подробно описаны события трех штурмов города с привлечением не только ранее не публиковавшихся документов отечественных военных архивов, но и корпуса документов 11-й армии, хранящихся в архивах Германии и США. Отдельные вопросы деятельности городских властей рассмотрены в статьях Н. С. Журавлевой, И. В. Сибирякова, С. В. Рузаева, Е. А. Сидорчука и др. [74]

В 2020 г. Е. А. Сидорчуком было подготовлено диссертационное исследование, которое представляет собой попытку комплексного изучения обороны Севастополя в 1941–1942 гг.[75] Третий параграф 1-й главы полностью посвящен «государственно-партийному управлению и деятельности граждан в период обороны Севастополя». Изложение материала изобилует многочисленными фактическими ошибками и полностью базируется на воспоминаниях Б. А. Борисова, без привлечения даже опубликованных документов. Фактически многогранная работа сложной управленческой системы,

---

[72] Алтабаева Е. Б. Город, достойный поклонения: Севастополь в Великой Отечественной войне. Часть I. Оборона Севастополя 1941–1942 годов: учеб. пособие. Севастополь: Телескоп, 2013. 368 с.

[73] Исаев А. В., Глухарев Н. Н., Романько О. В., Хазанов Д. Б. Битва за Крым 1941–1944 г. М.: Яуза, 2016. 896 с.; Исаев А. В. Битва за Севастополь. М.: Яуза, 2019. 224 с.; Нуждин О. И., Рузаев С. В. Севастополь в ноябре 1941 г. Екатеринбург: изд-во Уральск. ун-та, 2017. 753с.; Неменко А. В. Первый штурм Севастополя Ноябрь 1941 г. М.: Яуза, 2017. 714 с. и др.

[74] Журавлева Н. С. «Работали топорами и минимальным пожарным инвентарем…». Неизвестные факты спасения Севастопольской панорамы // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 62–67; Сибиряков И. В. Образ Севастополя в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. Серия «социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18 (№ 1). С. 47–55; Рузаев С. В. Организация досуга населения во время обороны Севастополя 1941–1942 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия «социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18 (№ 2). С. 106 – 108 и др.

[75] Сидорчук Е. А. Битва за Севастополь: военно-политический аспект: дис. … канд. ист. наук. М., 2020. 329 с.

в состав которой входили горком партии, комитет обороны, исполком горсовета и республиканское руководство, сведена к пространному описанию основных направлений деятельности горкома обороны.

Подводя итог, констатируем, что научная разработка изучаемого вопроса, несмотря на актуальность, недостаточна и требует дополнительного исследования. До сих пор основным источником информации остаются воспоминания Б. А. Борисова и, отчасти, документы советских и партийных органов, введенные в научный оборот еще в 1960–1980-е гг. Тезис о большом вкладе властей и жителей Севастополя в укрепление обороны признается, не подкрепляясь конкретными фактами и документальной базой.

К настоящему времени относительно подробно изучены только отдельные аспекты деятельности властей – работа промышленных предприятий, МПВО, создание продовольственной базы. Некоторые вопросы остаются практически не исследованными: механизм работы городских властей и взаимодействие с Военным советом флота, организация военного обучения, повседневная жизнь населения и т. д.

Предлагаемая к рассмотрению диссертационная работа позволяет заполнить образовавшуюся историографическую лакуну.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа практической деятельности органов гражданского управления г. Севастополя, а также в определении их вклада в организацию обороны города в 1941–1942 гг.

Исходя из указанной цели были сформулированы следующие **задачи исследования**:

- описать организационную структуру, кадровый состав и особенности функционирования местных органов власти, а также механизм реализации принятых решений на различных этапах обороны города;
- выявить основные направления работы местных властей в военно-оборонной сфере (военная подготовка населения, организация добровольческих формирований, развитие МПВО);

- рассмотреть деятельность властей в сфере организации и развития военно-промышленного комплекса Севастополя;
- дать характеристику работы органов власти в области продовольственного снабжения, медицинского, социального и культурного обеспечения населения города.

Объект изучения – органы гражданского управления, функционировавшие во время обороны Севастополя в 1941–1942 гг.

Предмет исследования – мероприятия городских властей в военно-оборонной, военно-хозяйственной и социальной сферах, направленные на поддержку фронта и укрепление тыла Севастопольского оборонительного района.

Хронологические рамки работы ограничены периодом с июня 1941 г. по июль 1942 г. Таким образом, охвачен временной промежуток с начала Великой Отечественной войны, когда началась перестройка работы органов гражданского управления, до захвата Севастополя войсками немецкой 11-й армии.

Территориальные рамки исследования ограничены г. Севастополем и частью Балаклавского района Крымской АССР, на которые распространялись властные полномочия городского комитета ВКП(б) и городского комитета обороны в период обороны Севастополя 1941–1942 гг.

Основу источниковой базы исследования составили как опубликованные, так и неопубликованные документы, которые можно разделить на следующие группы: законодательные акты центральных и региональных властей; нормативные акты местных органов власти; делопроизводственная документация органов власти, организаций и предприятий; документы личного происхождения; периодическая печать.

Всего при подготовке диссертации использованы документы четырнадцати фондов семи архивов, а также документальные коллекции четырех севастопольских музеев и Морской библиотеки им. М. П. Лазарева. Значительное число документов впервые вводится в научный оборот.

К законодательным актам центральных органов власти относятся постановления Государственного комитета обороны, хранящиеся в Российском

государственном архиве социально-политической истории (Ф. 644), а также постановления Совета народных комиссаров СССР из Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-5446). В настоящее время они размещены в открытом доступе[76] и частично опубликованы[77]. Указы Президиума Верховного Совета СССР также публиковались в тематических сборниках с конца 1940-х гг.[78] Кроме того, в работе были использованы документы высшего органа военного управления – Ставки Верховного Главнокомандования, которые позволяют раскрыть некоторые аспекты взаимодействия военных и гражданских властей в Крыму[79].

К законодательным актам Крымской АССР относятся постановления, распоряжения и директивы СНК КАССР (ГАРК. Ф. Р-652), а также постановления Крымского областного комитета ВКП(б) (ГАРК. Ф. П-1; копии – в РГАСПИ. Ф. 17). Значительный интерес представляют протоколы заседаний обкома партии, которые содержат не только распоряжения по различным вопросам в первые месяцы войны, но и отражают работу крымского руководства в осажденном Севастополе в ноябре 1941 г. Необходимо отметить, что экземпляры протоколов, отложившиеся в ГАРК, – более полные, т. к. содержат так называемые «секретные протоколы».

Наибольшую ценность для исследования представляют нормативные акты севастопольских органов власти – постановления, зафиксированные в протоколах заседаний городского комитета ВКП(б) (ГАРК. Ф. П-35, копии – в РГАСПИ. Ф. 17) и городского комитета обороны (ГАРК. Ф. П-152). Постановления были обязательны для исполнения на ограниченной территории (Севастополь и часть Балаклавского района) и подзаконны по отношению к актам союзных и республиканских законодательных и исполнительных органов власти.

---

[76] Документы советской эпохи. Портал «Архивы России» [Электронный ресурс]. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/ (дата обращения: 03.01.2021).

[77] Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, 1941–1945 гг.: аннотированный каталог. Т. 1.: 1941–1943 гг. / А. К. Сорокин (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2015. 1220 с.

[78] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М.: Издание «Ведомостей ВС СССР», 1945. 400 с.

[79] Русский Архив. Великая Отечественная война. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК, 1941: Документы и материалы. М.: Терра, 1996. 448 с.

Протоколы горкома партии охватывают период с 22 июня 1941 г. по конец июня 1942 г. Протоколы заседаний комитета обороны охватывают период с ноября по июнь 1942 г., сохранились практически все, за исключением трех июньских протоколов. Они дают полное представление об основных направлениях работы данных органов власти, позволяют реконструировать механизм принятия решений и их реализацию.

При этом протоколы позволили сформировать базу данных по номенклатурным работникам Севастополя в период обороны: в них отражены вопросы назначения на должности, служебные характеристики и разнообразные биографические данные.

В меньшей степени в работе были задействованы протоколы заседаний исполкома горсовета за июнь–октябрь 1941 г., которые сохранились фрагментарно (всего семь протоколов). Хранятся они в фондах ГКУ «Архив города Севастополя» (Ф. Р-79).

Самая значительная по численности группа источников представляет собой делопроизводственную документацию севастопольских властей, организаций, предприятий и учреждений. В ходе подготовки исследования были использованы распорядительные (решения, резолюции, приказы, инструкции, протоколы и стенограммы), контрольные (справки, сводки, отчеты, материалы проверок), учетные и плановые документы.

Данные материалы содержат разнообразные данные, отражающие все стороны жизни города накануне и в период осады и позволяют детально изучить реализацию принятых решений в военно-оборонной, промышленной и социальной сферах. Большинство документов данной группы хранятся в ГАРК в составе фондов: П-1 (Крымский обком), П-35 (Севастопольский горком ВКП(б)) и П-152 (Севастопольский комитет обороны). Также были использованы докладные записки руководства Севастопольской МПВО, которые хранятся в Российском государственном военном архиве (Ф. 37878).

Ряд документов горкома партии, горкома обороны и исполкома горсовета опубликованы в тематических сборниках[80].

Для написания работы использовались документы личного происхождения, как опубликованные, так и неопубликованные. Среди последних необходимо отметить воспоминания и интервью с участниками обороны Севастополя, отложившиеся в ГАРК (Ф. П-156 – Крымская комиссия по истории войны), а также в ГКУ «Архив города Севастополя» (Ф. 434 – коллекция документов по истории войны).

Значительный комплекс воспоминаний содержится в фондах Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. В основном это интервью, собранные исторической комиссией при горкоме КПУ и работниками Музея героической обороны и освобождения. Среди них воспоминания партийных работников (Е. П. Гырдымова, Е. С. Дженевиз, Е. А. Лапинская), инженеров и рабочих городских предприятия (С. А. Ильин, П. И. Котко, А. М. Крюков), работников образования (А. М. Нетребенко) и др. Все они собраны в отдельные тома под общим названием «Материалы по истории обороны, освобождения и восстановления Севастополя». Фактически до настоящего времени в научный оборот они не вводились.

Отдельные воспоминания гражданских лиц хранятся в фондах других севастопольских музеев (ЧУС МИМК «35-я береговая батарея», Народный музей севастопольской полиции (милиции) им. М. С. Казакевича, Музей Черноморского флота), а также в рукописном фонде Морской библиотеки им. М. П. Лазарева.

Опубликовано значительное число воспоминаний участников обороны Севастополя, при этом большинство из них принадлежат военнослужащим Приморской армии и Черноморского флота[81]. Воспоминания позволяют не только

---

[80] Героическая оборона Севастополя 1941–1942 гг.: сб. материалов. Симферополь: Крымиздат, 1946. 292 с.; Крым в период Великой Отечественной войны. Сб. документов и материалов. Симферополь: Таврия, 1973. 496 с.; Огненные дни Севастополя / Сост. П. Е. Гармаш. Симферополь: Таврия, 1982. 287 с.; Севастополю 200 лет. Сб. документов и материалов. Киев: Наук. Думка, 1983. 410 с.; Брошеван В. Крым в документах Ставки Верховного Командования. 1941–1944 гг. Симферополь, 2000. 145 с.; Иванов В. Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах. Севастополь: Библекс, 2004. 320 с.

[81] Александров Н. И. Севастопольский бронепоезд. Симферополь: Крым, 1966. 280 с.; Евсеев А. К. Осажденный Севастополь. Ленинград: Советский писатель, 1959. 253 с.; Ермилов А. П. Боевой тыл Приморской / У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. Воспоминания. М.:

существенно дополнить картину событий, но и уточнить многие вопросы, связанные с работой тыла оборонительного района.

Количество опубликованных воспоминаний гражданских лиц относительно невелико[82]. Достаточно содержательными можно считать интервью с жителями осажденного Севастополя, размещенные на сайте «Я помню»[83], а также дневники с сайта «Прожито»[84].

Еще одним источником информации стала периодическая печать, в первую очередь газеты, выходившие в Севастополе в 1941–1942 гг., – «Маяк коммуны» и «Красный Крым». На страницах прессы за время обороны опубликовано большое количество различных материалов: официальные документы, информационные сводки, аналитические материалы, публицистика (рассказы, очерки), которые иллюстрируют различные направления работы органов власти и повседневную жизнь населения города.

Методологическую основу исследования составили базовые принципы исторической науки – историзм и научная объективность в освещении изучаемых событий.

Принцип историзма, предполагающий рассмотрение исторических событий в их развитии, помог осмыслить динамику процессов и явлений, происходивших во время обороны Севастополя 1941–1942 гг., их многообразие и взаимосвязь между собой и с конкретной исторической ситуацией.

Принцип объективности исторического познания, цель которого, по мнению И. Д. Ковальченко, состоит в получении «истинных знаний, т. е. знаний, которые адекватно отражают изучаемую реальность»[85], позволил взвешенно

Воениздат, 1967. С. 306–319; Жидилов Е. И. Мы отстаивали Севастополь. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1973. 256 с.; Крылов Н. И. Не померкнет никогда. М.: Воениздат, 1984. 558 с. и др.

[82] Долгушева З. И. Воспоминания севастопольской девчонки. Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2011. 31 с.; Задорожников Г. Мемуары старого мальчика (Севастополь 1941–1945 гг.). Севастополь, 2013. 206 с.; Лаврентьева В. Е. Медики в обороне Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 176–183; Лунев П. А. Воспоминания о работе связистов Севастопольской АТС и конторы связи в период обороны города 1941–1942 гг. / Связь на Украине в годы Великой Отечественной войны / Сост. Н. А. Борисова, Н. И. Лосич, О. В. Фролова и др. СПб: Центральный музей связи им. А. С. Попова, 2013. С. 262–281; Сушко Е. В. Я знаю ту войну не понаслышке… Севастополь: ЧП Кручинин Л. Ю., 2008. 144 с. и др.

[83] Я помню [Электронный ресурс]. URL: https://iremember.ru/ (дата обращения: 03.01.2021).

[84] Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников. [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/ (дата обращения: 03.01.2021).

[85] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: «Наука», 1987. С. 239.

подойти к анализу изучаемых событий, а также максимально дистанцироваться от идеологических установок в рассмотрении событий обороны.

В ходе написания работы применялись различные методы изучения исторической реальности: историко-генетический, сравнительно-исторический, метод количественной обработки данных, просопографический метод.

Историко-генетический метод, понимаемый как последовательное раскрытие «свойств, функций и измерений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения»[86], позволил изучить причины возникновения и общую последовательность событий и явлений, ставших предметом данного исследования.

Сравнительно-исторический метод, посредством которого осуществляется анализ общих и индивидуальных характеристик однопорядковых процессов, использовался для определения основных тенденций развития гражданских органов управления Севастополя на различных этапах обороны в сравнении с аналогичными структурами в других городах Советского Союза. Прежде всего для сравнительного анализа были использованы материалы по истории обороны Ленинграда и Одессы.

Использование метода количественной обработки данных позволило проанализировать повестки заседаний городского комитета ВКП(б) и городского комитета обороны. В частности, это позволило выявить приоритетные направления работы органов власти на разных этапах обороны города, периодичность заседаний, выявить информацию о персональном составе участников. Просопографический метод, в свою очередь, был применен для реконструкции «коллективного портрета» представителей городской номенклатуры.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. С привлечением широкого круга источников была проанализирована деятельность органов власти г. Севастополя накануне и в период обороны 1941–1942 гг.

[86] Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 170.

2. Были выявлены особенности структуры местных органов власти на разных этапах обороны города.
3. Были проанализированы качественные характеристики деятельности органов власти Севастополя.

Теоретическая и практическая значимость: результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании научных и научно-популярных работ по истории Великой Отечественной войны и второй обороны Севастополя 1941–1942 гг., для подготовки учебных пособий, курсов, реализуемых в высших и средних учебных заведениях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Определяющую роль в структуре местного управления накануне и во время обороны Севастополя играл городской комитет ВКП(б) во главе с Б. А. Борисовым. Данный орган управления, руководствовавшийся в своей работе в первую очередь указаниями командования Черноморского флота, обладал определенной автономией от республиканских и центральных органов управления, что способствовало отходу от бюрократических формальностей и повышению оперативности в работе.
2. Уточнены хронологические рамки и содержание деятельности чрезвычайного органа управления – Севастопольского городского комитета обороны – на разных этапах обороны города. Комитет стал полноправным управленческим центром только в мае–июне 1942 г., т. е. накануне и во время третьего штурма города.
3. Значительные усилия местных властей были направлены на реализацию военно-оборонных мероприятий (военное обучение населения, формирований подразделений народного ополчения, укрепление системы МПВО).
4. Городские власти принимали участие в создании и развитии военной промышленности, при этом определяющую роль в данной сфере играл Военный совет флота и республиканские органы власти.

5. В условиях осажденного города городские власти при поддержке Военного совета флота и республиканского руководства сумели провести мероприятия по обеспечению населения продовольствием, медицинской помощью, а также организовать культурное обслуживание.
6. Анализ работы городского комитета ВКП(б), горкома обороны и исполкома горсовета позволяет сделать вывод о большом вкладе гражданских органов управления в создание тыла Севастопольского оборонительного района.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава I. ОРГАНЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В 1941–1942 гг.

I.1. Местные органы власти накануне обороны (июнь–октябрь 1941 г.)

Исторически Севастополь являлся главной базой Черноморского флота. К началу Великой Отечественной войны на город базировалась крупная корабельная группировка, а также располагались командующий, Военный совет, штаб, многочисленные службы и управления флота.

С марта 1939 г. командующим флотом был вице-адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский. Он же являлся начальником Главной базы, соответственно, ведал широким кругом вопросов материально-технического оснащения и ремонта кораблей, расквартированием частей, обеспечением безопасности стоянок, санитарным и лечебным обеспечением моряков.

Ф. С. Октябрьский, в силу своих полномочий, обладал в Севастополе практически неограниченной властью высшего воинского начальника. Подчинялся он напрямую командованию ВМФ и был независим от командования Одесского военного округа, к которому относились армейские формирования на территории Крымского полуострова.

В своей деятельности он опирался на Военный совет – высший коллегиальный орган управления на флоте, образованный согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 10 мая 1937 г. К началу войны в состав Военного совета флота входили адмирал Ф. С. Октябрьский и дивизионный комиссар Н. М. Кулаков.

В функции совета входили руководство боевой и политической подготовкой, материальное, техническое, санитарное обеспечение, организация противовоздушной обороны. Также, согласно положению, Военный совет должен был «принимать активное участие в работе гражданских организаций по укреплению тыла». По этой причине накануне войны в состав Военных советов вводили местных партийных руководителей. На Черноморском флоте это был

Владимир Семенович Булатов, с 1939 г. занимавший должность 1-й секретарь Крымского обкома ВКП(б).

Севастополь имел статус города республиканского подчинения в составе Крымской АССР и являлся центром отдельного района. В структуру органов гражданского управления Севастополя входили два элемента – городской комитет ВКП(б) и Совет депутатов трудящихся, которые функционировали в условиях тесного взаимодействия.

Высшим представительным органом государственной власти был городской совет, который занимался культурно-политическим и хозяйственным строительством города, устанавливал местный бюджет, руководил деятельностью подчиненных органов управления, содействовал «усилению обороноспособности страны», обеспечивал охрану общественного порядка, соблюдение законов и охрану прав граждан.

Исполнительным и распорядительным органом горсовета являлся постоянно действовавший исполнительный комитет. Со 2 января 1940 г. его возглавлял 35-летний уроженец Севастополя Василий Петрович Ефремов, хорошо известный жителям города в качестве стахановца Севастопольского морского завода и депутата Верховного Совета СССР. Он обладал опытом административной работы – с мая 1938 г. по январь 1940 г. занимал должность председателя Севастопольского городского совета. Генерал П. А. Моргунов охарактеризовал его как «волевого, глубоко знающего свое дело руководителя»[87].

В структуру исполкома входили сектор кадров, восемь отделов и плановая комиссия. Горисполкому подчинялись три районных исполнительных комитета при Советах депутатов Северного, Центрального и Корабельного районов города.

В соответствии со ст. 55 Конституции Крымской АССР, исполком осуществлял повседневное руководство «культурно-политическим и хозяйственным строительством» в пределах города. Таким образом, в сферу компетенции исполкома входили: управление предприятиями местной промышленности, руководство коммунальным хозяйством, жилищным

[87] Моргунов П. А. Указ соч. С. 16.

строительством и благоустройством, здравоохранением, соцобеспечением, народным образованием, культурно-просветительскими и научными организациями города.

Во второй половине 1930-х гг. общесоюзной тенденцией стало нарастание процесса концентрации властных полномочий в партийных органах, их «огосударствление», а также усиление партийного контроля над советами, которые строили работу в рамках партийных директив[88]. К началу войны «приняв на себя государственные, хозяйственно-экономические, административные, военные и иные обязанности, ВКП(б) окончательно трансформировалась в государственную партию»[89].

В Севастополе партийная вертикаль власти замыкалась на городском комитете ВКП(б), который с марта 1940 г. возглавлял 38-летний 1-й секретарь Борис Алексеевич Борисов. В отличие от В. П. Ефремова, он родился в Ярославской губернии и только с начала 1930-х гг. начал работать в Крыму. Мемуаристы, работавшие с Б. А. Борисовым, характеризовали его как энергичного, жесткого и требовательного управленца, который обладал высоким авторитетом у населения города и флотского командования. Последнее отчасти объясняется тем, что в конце 1920-х гг. он служил в подводных силах Черноморского флота, откуда и был направлен на партийную работу. Благодаря своим личным и деловым качествам, он был подлинным лидером городской партийной организации.

Ключевую роль в организации работы городской партийной организации играл коллегиальный орган управления – бюро горкома ВКП(б). По состоянию на 22 июня 1941 г. в его состав входили 1-й секретарь Б. А. Борисов, 2-й секретарь В. И. Кулибаба, секретарь по кадрам М. М. Савицкий, секретарь партийной организации завода № 201, парторг ЦК ВКП(б) А. М. Городнин и председатель

---

[88] См.: Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–38; Андреев В. П. Партийные организации и городские советы РСФСР (1926–1937 гг.). Авт. дисс...канд. ист. наук. Томск, 1991. С. 24–25; Заулочна С. А. Конституційний статус Кримсікої Автономії у складі РСФРР (1921–1944 рр.): історико-правове дослідження.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Харків, 2009. 20 с. и др.

[89] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. М.: Наука, 1998. С. 59.

горисполкома В. П. Ефремов. Горкому подчинялись партийные комитеты трех городских районов.

Взаимодействие флотского командования с местными органами власти имело определенные особенности. Севастополь был единственной главной базой советского ВМФ, где командование контактировало напрямую с секретарем горкома партии, а не с обкомом ВКП(б). Это можно объяснить тем, что Севастополь, который никогда в своей истории не был столицей Крыма, в то же время являлся городом с развитой береговой инфраструктурой и судоремонтной базой, крупнейшим промышленным центром полуострова. Также в 1939 г. он получил особый статус «закрытого города», что предопределило относительную автономию от республиканского центра.

В других главных базах флотов советского ВМФ диалог выстраивался с партийными и государственными инстанциями более высокого ранга, так как они располагались в республиканских, краевых и областных центрах. Например, на Балтийском флоте – с республиканским руководством компартии Эстонии и Ленинградским обкомом, на Тихоокеанском флоте – с Приморским краевым комитетом партии, на Северном флоте – с Мурманским обкомом (несмотря на то, что главная база находилась в городе Полярный).

Фактически Севастопольский горком партии по многим вопросам действовал самостоятельно, выполняя прямые указания флотского командования, полученные в ходе совместных совещаний. В дальнейшем указания облекались в форму постановлений бюро горкома или исполкома горсовета. В то же время, судя по протоколам заседаний Крымского обкома ВКП(б), вопросы, затрагивающие работу Севастопольской партийной организации, рассматривались редко по сравнению с другими городскими и районными комитетами Крыма.

Уже после окончания войны Ф. С. Октябрьский неоднократно подчеркивал, что накануне и в период обороны в Севастополе «хозяином был флот»[90]. Данное

[90] Музей истории Черноморского флота. Октябрьский Ф. С. Вынужденная справка участников обороны Севастополя 1941–1942 гг. Без нумерации листов.

утверждение находило поддержку, например, у В. П. Ефремова, который заявлял, что «ни один вопрос политический и экономический не решался без участия Военного совета Черноморского флота»[91].

Несмотря на то, что влияние руководства Черноморским флотом на деятельность городских властей было велико, позиция Ф. С. Октябрьского представляется дискуссионной. Полномочия пересекались главным образом в двух сферах: оборонной и промышленной, наиболее актуальных в условиях надвигающейся военной угрозы.

Военный отдел горкома партии, который возглавлял И. И. Бакши, занимался постановкой граждан на военный учет, организацией обучения военнообязанных, а также курировал работу МПВО и оборонных организаций. Работа отдела строилась на тесном взаимодействии И. И. Бакши с комендантом города майором А. П. Старушкиным и руководством оборонных организаций (Осоавиахим и РОКК).

В Севастополе, который являлся крупнейшей судостроительной и судоремонтной базой в советском Причерноморье, внимание флотского и городского руководства было направлено на обеспечение ускоренного выполнения производственного плана. Со стороны городских властей этим занималась секретарь по промышленности А. А. Сарина, которой подчинялся промышленный отдел горкома. Его возглавлял опытный инженер-технолог А. А. Петросян, ранее работавший в «Крымэнерго».

Отдел курировал работу первичных партийных организаций севастопольских предприятий, в том числе и Военпорта, оказывал непосредственное влияние на планирование и темпы производства, участвовал в распределении материальных ресурсов и рабочей силы, организации кооперации с другими отраслями промышленности, моральном и материальном обеспечении труда, развитии стахановского движения.

А. А. Сарина взаимодействовала с руководством промышленных предприятий через парторга ЦК при Севастопольском морском заводе

[91] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т. XXX. С. 70.

А. М. Городнина. Координация работы с военным командованием производилась через начальника технического отдела Черноморского флота инженер-капитана 1-го ранга И. Я. Стеценко, который ведал вопросами ремонта, эксплуатации и снабжения кораблей. Как отмечал директор завода № 201 М. Н. Сургучев, с техотделом флота у городских властей и руководства предприятий сложились «хорошие деловые отношения»[92].

В то же время флотское командование практически не вмешивалось в повседневное руководство городом: данная работа проводилась советскими и партийным органами, которые имели для этого соответствующий опыт и ресурсы.

22 июня 1941 г. Севастополь стал одним из первых советских городов, на которые был произведен налет немецкой авиации. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения», военное положение было объявлено и в Крымской АССР. В тот же день был издан Указ «О военном положении», согласно которому все функции государственной власти в области обороны и обеспечения правопорядка на местах передавались военному командованию. На территории Крымской АССР – командующему 9-го стрелкового корпуса генералу Ф. П. Судакову (позднее – П. И. Батову), в Севастополе – Военному совету Черноморского флота.

В Указе подчеркивалось, что военные органы управления имели право «отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным организациям и требовать от них безусловного и немедленного исполнения»[93]. В частности, военные могли привлекать население к трудовой повинности, устанавливать военно-квартирную обязанность, изымать транспортные средства, регулировать время работы предприятий и учреждений, воспрещать въезд и выезд на режимную территорию, выселять население в административном порядке. Фактически подобные права у командования Черноморским флотом были и ранее, что объясняется особым статусом города.

---

[92] Сургучев М. Н. Корабли возвращаются в строй. Симферополь: Таврия, 1972. С. 45.
[93] Красный Крым. 1941. 23 июня. № 146. С. 1.

Необходимость реализации комплекса мероприятий по приведению в боевую готовность главной базы для отражения возможного штурма определило тесное взаимодействие флотского командования с местными органами власти, которое имело место быть еще до начала войны. Права советских и партийных органов управления существенно ограничивались, однако военные власти не обладали средствами для реализации своих полномочий в гражданской сфере. Выхода из данной ситуации было два: перераспределение обязанностей или создание чрезвычайных органов, объединяющих усилия военного командования и местного руководства.

В первые месяцы 1941 г. в Севастополе не пошли по пути создания чрезвычайных органов, как это было, например, в Ленинграде (1 июля образована комиссия по вопросам обороны), Таллине (11 июля создан Республиканский комитет обороны) и Одессе (11 августа образована «городская тройка»). Не было здесь и уполномоченных ГКО. Городской комитет партии, как это было и в других городах Советского Союза, взял на себя общее руководство деятельностью всех организаций и учреждений города.

В то же время в условиях максимальной централизации управления в стране на местах – с молчаливого согласия высшего руководства – стала возрастать самостоятельность местных органов власти, от которых требовалась разумная инициатива и оперативность в действиях[94]. Большую роль в этом играли и субъективные факторы – персональная способность местных руководителей взять на себя ответственность[95].

В Севастополе таким человеком стал Б. А. Борисов. Он был единственным городским руководителем, который был вызван в ночь с 21 на 22 июня 1941 г. на совещание в штаб флота, где был проинформирован о переходе флота на готовность № 1 и получил указания о приведении всех служб в боевую готовность. Тогда же было определено, что взаимодействие между

[94] Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002. С. 43.
[95] Ганценмюллер Й. Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944 гг. М.: Центрполиграф, 2019. С. 199.

командованием и городским руководством будет осуществляться через коменданта береговой обороны генерал-майора П. А. Моргунова[96].

Севастопольские власти, ориентировавшиеся в первую очередь на указания командования Черноморского флота, обладали определенной самостоятельностью от органов управления Крымской АССР в решении широкого круга вопросов. Анализ протоколов заседаний областного комитета ВКП(б) позволяет утверждать, что постановления, непосредственно адресованные властям Севастополя, принимались исключительно редко.

Как и до войны, Б. А. Борисов и В. П. Ефремов приглашались на заседания Военного совета, где принимали участие в обсуждении вопросов, затрагивавших их компетенцию. Принятые решения в дальнейшем выносились на обсуждения бюро горкома партии. Например, в протоколе заседания бюро горкома от 3 июля 1941 г., в котором говорится о необходимости мобилизации населения на строительство укреплений, дается прямая ссылка на указания Военного совета[97].

Вокруг Б. А. Борисова образовалась группа соратников из числа членов бюро и секретарей горкома, на которых была возложена персональная ответственность за определенные направления работы. Так, М. М. Савицкому была поручена эвакуация населения, А. А. Сариной – вывоз материальных ценностей, И. И. Бакши – создание соединения народного ополчения, В. И. Кулибабе – укрепление городской МПВО.

Важнейшую роль в управлении продолжало играть бюро горкома ВКП(б), при этом к ноябрю 1941 г. в его составе остались только Б. А. Борисов, В. И. Кулибаба и В. П. Ефремов, которые проработали в этой должности до окончания обороны. Всего с 22 июня по 31 октября 1941 г. было проведено не менее 30 заседаний, принятые решения зафиксированы в 29 протоколах. С июня по сентябрь в каждом протоколе фиксировались итоги одного заседания. Начиная с сентября 1941 г., когда противник подошел к Крымскому полуострову,

[96] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 9.
[97] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 151.

появились протоколы, куда вносили решения, принятые сразу на нескольких заседаниях[98].

Большинство заседаний бюро проходили при расширенном составе участников: в среднем один раз в неделю собирались ответственные работники города, районов, руководители предприятий, представители горотдела милиции и НКВД. Заседания, которые, как правило, длились 20-30 минут, начинались с информирования собравшихся о положении на фронте и текущих задачах, которые ставились «партией и военным командованием», т. е. рассматривались указания Военного совета флота, Крымского обкома, постановления ГКО и СНК СССР[99].

Далее происходило их обсуждение и в итоге принимались постановления – особая категория актов, сформулированных в императивном стиле, в которых прописывались цель принятия, ответственные и сроки исполнения. По мере усложнения обстановки они все больше приближались по форме к армейским приказам[100]. Постановления бюро горкома партии оформлялись протокольно и были обязательны для исполнения всеми органами управления, предприятиями, учреждениями и общественными организациями города.

Для контроля выполненной работы существовала практика итоговых докладов, в которых ответственные детально описывали реализацию того или иного решения. Например, 3 июля 1941 г. было принято постановление о мобилизации населения города на оборонные работы. Уже на следующем заседании, которое прошло 10 июля, был заслушан доклад В. П. Ефремова о его выполнении.

Как это было и в других городах, в Севастополе создавались временные контрольно-исполнительные органы – комиссии, отвечающие за определенное направление работы. Так, действовали комиссии / штабы по эвакуации (председатель – М. М. Савицкий), строительству укрытий (И. И. Бакши), сбору

[98] Протоколы за 16–19 сентября; 3–6, 13–15, 16–20 и 27–28 октября 1941 г.
[99] Борисов Б. А. Школа жизни. М.: Политиздат, 1971. С. 109.
[100] Красный Крым. 1941. 11 июля. С. 1.

теплых вещей (М. М. Савицкий), по выдаче пособий семьям военнослужащих (В. С. Рябогина) и др.

В качестве непосредственных исполнителей выступали соответствующие отделы горкома партии и исполнительного комитета горсовета, а также районных властей, штаб МПВО, горком ВЛКСМ Осоавиахим, РОКК, профсоюзные организации. Заметим, что значительное число партийных работников в первые месяцы войны было призвано в армию или эвакуировано. К началу обороны городская партийная организация сократилась с 3 368 (на июнь 1941 г.) до 500-700 человек, комсомольская организация с 7 000 до чуть более 1 000 человек[101]. Уже к сентябрю с партийного учета в Севастополе были сняты 559 коммунистов и 120 кандидатов, которые ушли в армию и на флот[102].

Основные направления работы местных органов власти были сформулированы в совместной директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г. На заседании бюро Севастопольского горкома, прошедшем 1 июля, было решено директиву «принять к неуклонному руководству и немедленному выполнению»[103].

В директиве говорилось о необходимости «организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений»[104].

Данные положения были дополнены и конкретизированы в речи И. В. Сталина, произнесенной 3 июля 1941 г., а также в соответствующих постановлениях Государственного Комитета Обороны, директивах ЦК ВКП(б), указах Президиума Верховного Совета.

---

[101] Басов А. В. Указ. соч. С. 64–65; Героическая оборона Севастополя. М., 1969. С. 124; Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь: Таврия, 1981. С. 183, 190; Борисов Б. А. Коммунисты Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 55.

[102] Государственный архив республики Крым (далее – ГАРК). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 94.

[103] Там же. Д. 200. Л. 143.

[104] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 7. 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. С. 221–222.

22 июня во все райкомы и горкомы партии Крымской АССР была разослана телеграмма В. С. Булатова, в которой перед партийными органами были поставлены следующие задачи: «Введено боевое угрожаемое положение. Приведите в боевую готовность партаппарат, все средства воздушной обороны, поднимите отряды самообороны, мобилизуйте для них автомашины, вооружите боевым оружием, организуйте сеть постов наблюдения за самолетами и парашютными десантами, усильте охрану предприятий, важных объектов, на ответственные места поставьте коммунистов, усильте ход важнейших работ предприятий, совхозов, колхозов»[105].

В советской историографии устоялось мнение, что горкомы партии занимались военно-мобилизационной работой, организацией народного ополчения, строительством оборонительных рубежей, укреплением МПВО, руководством военными предприятиями, организацией ремонта военной техники, а также вопросами агитации и пропаганды[106].

Анализ тематики постановлений бюро горкома ВКП(б) дает возможность выделить основные направления работы Севастопольского горкома: мобилизация и военная подготовка населения, создание формирований народного ополчения, работа МПВО, строительство укреплений, организация эвакуации населения и материальных ценностей.

В данный период МПВО стала предметом рассмотрения девять раз, организация военного обучения населения и создание дивизии народного ополчения – шесть раз. В меньшей степени городские власти занимались вопросами правопорядка: данная сфера входила в компетенцию городского отдела НКВД и коменданта Береговой обороны. В отличие от других городов, вопросы работы промышленных предприятий на заседаниях бюро Севастопольского горкома не поднимались, т. к. принятие решений в данной сфере исходило непосредственно от основного заказчика – технического отдела флота.

---

[105] ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2077. Л. 26.
[106] История Второй мировой войны. Т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 368.

Практически на каждом заседании бюро горкома партии продолжали решать и «профильные» для партийных органов вопросы: перемещение руководящих кадров, разбор личных дел членов ВКП(б) и т. д. Из 29 протоколов пять полностью посвящены назначению или снятию с должности ответственных работников, что связано прежде всего с массовым призывом в армию и эвакуацией представителей номенклатуры.

Взаимодействие исполкома горсовета с партийными органами осуществлялось путем участия председателя исполкома в заседаниях бюро горкома и в различных совещаниях. В отдельных случаях проводились совместные заседания бюро горкома и исполкома горсовета, в ходе которых рассматривались вопросы, затрагивавшие компетенцию государственных органов[107]. Протоколы имели двойную нумерацию, подписывались одновременно Б. А. Борисовым и В. П. Ефремовым.

Деятельность исполкома была максимально подчинена решению задач, которые ставились горкомом партии и командованием флота: работа по противовоздушной обороне (В. П. Ефремов – руководитель МПВО города), участие в мобилизации населения на оборонные работы, организация военного обучения. Помимо этого, исполком продолжал решать вопросы в сфере здравоохранения, социального обеспечения, образования, благоустройства, коммунального хозяйства и т. д.

В сохранившихся протоколах заседаний исполкома Севастопольского горсовета подавляющее большинство решений посвящено перемещению номенклатурных кадров в связи с уходом в армию. Исключением можно считать ряд постановлений об организации помощи семьям военнослужащих[108].

Таким образом, в июне–октябре 1941 г. в Севастополе действовала управленческая модель, центральное место в которой занимал городской комитет ВКП(б). Секретарь горкома Б. А. Борисов, опиравшийся на группу соратников и

---

[107] 2 августа № 94 / 49 (ужесточение противопожарной охраны), 5 августа № 96 / 50 (о личном составе МПВО), № 98 / 51 от 31 августа (о массовой эвакуации детей), № 106 / 57 от 13–15 октября (о снабжении населения хлебом), № 108 / 59 от 22 октября (об эвакуации детей и школьников).

[108] Архив города Севастополя (далее – АГС). Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 764,. Д. 765.

бюро, возглавил работу советских, партийных и общественных организаций, предприятий, учреждений и отдельных граждан в условиях начавшейся войны. Деятельность была направлена на реализацию комплекса оборонных мероприятий, проводимых в интересах Черноморского флот и гарнизона Севастополя.

I.2. Трансформация системы местного управления во время первого и второго штурма города (ноябрь–декабрь 1941 г.)

Почти четыре месяца, с конца июня и до середины октября 1941 г., Крымская АССР находилась сначала на положении тылового, а затем прифронтового района. По сравнению с западными областями Советского Союза, в распоряжении военного командования, республиканского руководства и местных органов власти было достаточно времени для проведения комплекса оборонных мероприятий. Ситуация меняется в конце октябре 1941 г., когда 11-я армия вермахта начала наступление в северной части Крымского полуострова.

В это время критическая ситуация, сложившая на советско-германском фронте, вынудила высшее руководство страны создать на местах чрезвычайные органы управления из военных и гражданских руководителей с целью объединения усилий для оперативного решения вопросов обороны. Определенный опыт работы подобных органов управления был получен в первые месяцы войны, прежде всего – в Ленинграде и Одессе.

22 октября 1941 г. было подписано постановление Государственного Комитета Обороны № 830с «О городских комитетах обороны». Согласно ему, особые органы управления создавались в 46 городах Советского Союза «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в городах и прилегающих районах»[109].

На следующий день, 23 октября 1941 г., было принято постановление Крымского обкома партии, согласно которому городские комитеты обороны

[109] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 180.

(далее – ГорКО) образовывались в Севастополе, Керчи и Симферополе[110]. Как вспоминал Б. А. Борисов, только 26 октября, во время телефонного разговора с В. С. Булатовым, он был проинформирован о создании комитета в Севастополе[111].

По определению С. Ю. Пищулиной, ГорКО представляли собой чрезвычайные внеконституционные органы государственного управления, которые были призваны «координировать работу советских, партийных, общественных, военных учреждений и промышленных предприятий в информационных, военно-организационных и военно-хозяйственных вопросах, ориентируясь на решения центральных органов власти и вырабатывая нормативные акты местного управления»[112].

В состав комитетов входили четыре человека: секретарь горкома, председатель исполкома, начальник горотдела НКВД и представитель военного командования. В Севастополе членами комитета стали 1-й секретарь горкома партии Б. А. Борисов, председатель исполкома В. П. Ефремов, начальник гарнизона контр-адмирал Г. В. Жуков (вместо него на заседаниях присутствовал комендант города А. П. Старушкин) и начальник городского отдела НКВД К. П. Нефедов. Состав горкома обороны практически не изменился до окончания обороны города: единственной заменой стало введение в состав комитета генерал П. А. Моргунова вместо Г. В. Жукова.

Конкретные направления работы городских комитетов должны были определяться директивами и постановлениями Государственного Комитета Обороны и указаниями уполномоченных ГКО[113]. Заметим, что среди постановлений ГКО за ноябрь 1941 – июнь 1942 гг. нет ни одного, посвященного напрямую работе Севастопольских властей.

В постановлении № 830 не был четко установлен правовой статус комитетов, отсутствовали и нормативные акты, определяющие их полномочия. Таким образом, в новом органе управления было заложено существенное

[110] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1523. Л. 154.
[111] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 73.
[112] Пищулина С. Ю. Сталинградский городской комитет обороны в 1941–1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 2007. С. 13.
[113] Гутин М.Л. Указ. соч. С. 85.

противоречие: полномочия и функции комитетов обороны не соответствовали положениям Указа Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 г. «Об объявлении в отдельных местностях военного положения». Это приводило к взаимному непониманию и конфликтам между гражданскими и военными властями.

В полной мере данные противоречия проявились в Севастополе, где в последние дня октября образовался своеобразный «вакуум» власти. После прорыва советской линии обороны на Ишуньских позициях, постановлением Военного совета войск Крыма № 026 от 27 октября 1941 г. на территории Крымской АССР было введено военное положение[114]. На следующий день, 28 октября 1941 г., командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский убыл на Кавказ.

Персональная ответственность за оборону была возложена на контр-адмирала Г. В. Жукова, который был назначен на должность заместителя командующего Черноморского флота по обороне Главной базы директивой Ставки № 004055 от 22 сентября 1941 г.[115]. Фактически на период с 30 октября по 4 ноября в его руках сосредоточились все нити военного управления в Севастополе. Через несколько дней начал работу городской комитет обороны.

Таким образом, в Севастополе сложилась ситуация, когда одновременно два человека обладали чрезвычайными полномочиями в управлении – Б. А. Борисов и Г. В. Жуков. Оба были авторитетными и опытными управленцами, каждый из них имел опыт выстраивания взаимодействия между гражданскими и военными структурами. Обстановка требовала быстрых и жестких решений, так как в первые дни обороны далеко не все представители военных и гражданских властей были убеждены в том, что Севастополь удастся отстоять.

События в Севастополе, происходившие в октябре и начале ноября 1941 г., свидетельствует о том, что непосредственная угроза городу сплотила военное и гражданское руководство: именно на плечи Г. В. Жукова и Б. А. Борисова легла

---

[114] Крым в период Великой Отечественной войны Симферополь: Таврия, 1973. С. 69
[115] Русский Архив. Ставка ВГК. 1941 г. М., 1996. С. 256.

вся тяжесть организации обороны в первые дни осады. Общее руководство оставалось за Г. В. Жуковым, который опирался на Военный совет флота и своего заместителя – коменданта береговой обороны П. А. Моргунова. В свою очередь, горком обороны именно в те дни стал органом, который «сосредоточил в своих руках всю гражданскую власть в городе», подчинив интересам обороны партийные, государственные, комсомольские организации, предприятия и учреждения[116].

В конце октября – начале ноября было проведено четыре заседания комитета обороны (28 и 30 октября, 1 и 4 ноября) и только два заседания бюро горкома (28 и 31 октября) с второстепенной повесткой. В условиях слаженной работы флотского руководства и городского комитета обороны экстренно решались наиболее актуальные на тот момент вопросы: создание воинских формирований, строительство инженерных сооружений, поддержание правопорядка, а также эвакуация населения и промышленных предприятий из города. Это сыграло положительную роль в отражении наступления противника в первые дни обороны города.

Показательны события 30 октября 1941 г., когда подразделения противника вышли на дальние подступы к городу. На совещании флотского руководства, в котором участвовали контр-адмиралы Г. В. Жуков и И. Д. Елисеев, дивизионные комиссары И. И. Азаров и Н. М. Кулаков, были выработаны неотложные меры по обороне Главной базы[117]. В этот же день прошло заседание ГорКО, на котором были приняты решения по широкому кругу вопросов, отражавших повестку дня флотского совещания: организация военного обучения горожан, ускорение эвакуации населения, создание продовольственных запасов[118].

Положительно зарекомендовавшая себя система управления была упразднена после прибытия в городе вышестоящего начальства: 1 ноября – секретаря обкома ВКП(б) В. С. Булатова и председателя СНК КАССР

---

[116] Стенографический отчет расширенного заседания совета Музея обороны и освобождения Севастополя … / МООВС. Т. XXX. С. 23.
[117] Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971. С. 133.
[118] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

М. И. Ибраимова, 2 ноября – командующего флотом Ф. С. Октябрьского, 3–4 ноября – командующего войсками Крыма вице-адмирала Г. И. Левченко и командующего Приморской армией генерал-майора И. Е. Петрова.

Прибывшее руководство стремилось к централизации управления, чему препятствовало наличие местных чрезвычайных военных и гражданских органов управления. Вечером 3 ноября 1941 г. было созвано совещание актива города, на котором В. С. Булатов и Ф. С. Октябрьский поставили задачу подчинить интересам обороны всю работу партийных, советских органов власти, а также предприятий и учреждений[119]. Предположительно на нем могло быть озвучено указание о нецелесообразности работы комитета обороны в условиях нахождения в городе областного руководства[120].

Впоследствии Б. А. Борисов откровенно писал о возникших затруднениях: «вначале нам было не совсем ясно, как должен городской комитет обороны решать задачи, поставленные Государственным Комитетом Обороны, и как строить взаимоотношения с вновь созданным Военным советом Севастопольского оборонительного района[121]. Некоторое недоумение по поводу создания комитета обороны выражали отдельные военные работники, говоря: “В Севастополе есть Военный совет флота и Военный совет Севастопольского оборонительного района, для чего же еще нужен городской комитет обороны?”»[122].

4 ноября состоялось четвертое и последнее перед долгим перерывом (до января 1942 г.) заседание городского комитета обороны, в то же время на 1,5 недели были прекращены заседания бюро горкома и исполкома горсовета. Б. А. Борисов отмечал, что с прибытием военного и областного руководства на городские власти «ежедневно обрушивалась лавина самых неотложных дел», при этом требования формулировались в приказной форме: «требуются помещения

---

[119] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 80–81.
[120] Символично, что было прекращено издание севастопольской газеты «Маяк Коммуны». Взамен в городе стали печатать республиканскую газету «Красный Крым», которая выходила с шапкой «орган Крымского обкома, Севастопольского горкома ВКП(б) и Верховного Совета Крымской АССР».
[121] Ошибка автора: на протяжении всей обороны в городе действовал только Военный совет Черноморского флота.
[122] Борисов Б. А. Севастопольский городской комитет обороны // Военно-исторический журнал. 1959. № 11. С. 23.

для госпиталей», «выделить несколько складских помещений!», «отремонтируйте автомашины, орудия и повозки!»[123].

4 ноября 1941 г. приказом № 1640 командующего войсками Крыма вице-адмирала Г. И. Левченко, на тот момент высшего воинского начальника в городе, был создан Севастопольский оборонительный район с подчинением Военному совету войск Крыма. СОР представлял собой объединение разнородных силы и боевых средств флота (береговая оборона, морская пехота и ВВС) и Приморской армии.

Командование оборонительным районом было возложено на генерал-майора И. Е. Петрова, контр-адмирал Г. В. Жуков был назначен командиром Севастопольской главной базы, соответственно, его полномочия были ограничены[124]. 7 ноября была подписана директива Ставки ВГК № 004433, согласно которой главной задачей объявлялась оборона Севастополя и Керченского полуострова, а также предписывалось «руководство обороной Севастополя возложить на командующего ЧФ т. Октябрьского с подчинением Вам <т. е. Левченко>»[125].

10 ноября 1941 г., был подписан соответствующий приказ вице-адмирала Ф. С. Октябрьского № 10-11 / ПОХ, в котором он извещал о своем вступлении в должность командующего СОР. Этим же приказом начальником гарнизона назначался генерал-майор П. А. Моргунов[126]. Таким образом, потенциальные соперники адмирала Ф. С. Октябрьского были или понижены в должности, как И. Е. Петров и Г. В. Жуков, или удалены из Севастополя, как это произошло с генералом П. И. Батовым и вице-адмиралом Г. И. Левченко.

В своей работе адмирал опирался в первую очередь на ближайших соратников – дивизионного комиссара Н. М. Кулакова и генерал-майора П. А. Моргунова. Военный совет оборонительного района, как это было в Одессе,

---

[123] Борисов Б. А. Коммунисты Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 51.
[124] ЦАМО. Ф. 406. Оп. 9837. Д. 2. Л. 202–203. Приказ войскам Вооруженных сил Крыма № 1640. 4 ноября 1941 г.
[125] Русский Архив. Великая Отечественная война. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК, 1941: Документы и материалы. М., 1996. С. 276.
[126] Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. В 2 кн. Кн. 1. Киев, 1995. С. 78.

не создавался: его функции выполнял Военный совет Черноморского флота. При этом Б. А. Борисов в состав совета не вошел.

Фактически это исключало из состава властного центра не только армейское руководство, но и гражданские власти. Таким образом, в руках вице-адмирала Ф. С. Октябрьского сосредоточилась вся полнота власти в пределах СОР.

В условиях первого и второго штурмов выстраивалась новая управленческая модель, в которой гражданским органам власти (республиканского и городского уровня) отводилась второстепенная роль; их деятельность была направлена в первую очередь на обеспечение всем необходимым гарнизона. В состав управленческой структуры входили республиканские органы власти, горком партии и исполком Совета.

Работа гражданских органов властей была возобновлена в первой половине ноября 1941 г. с постепенным перераспределением обязанностей между республиканскими и городскими структурами. Как и до начала обороны, общее руководство работой городских организаций, учреждений и мобилизация населения на помощь фронту были возложены на городской комитет партии в лице Б. А. Борисова.

К середине ноября 1941 г. круг соратников 1-го секретаря заметно поменялся, что было связано с эвакуацией большинства партработников: в горкоме осталось 8-9 человек, в районных комитетах – 5-6 человек[127]. Так, убыли на Кавказ две ключевые фигуры – секретарь по кадрам М. М. Савицкий и секретарь по промышленности А. А. Сарина. Е. А. Лапинская вспоминает, что 5 ноября поступило распоряжение эвакуировать женщин-работников обкома, горкома, райкомов; все они были вывезены на транспорте «Чапаев»[128].

На пост заведующего отделом агитации и пропаганды был назначен работник Центрального райкома М. И. Петровский. Курировать работу предприятий стал начальник промышленного отдела А. А. Петросян. Секретарь

[127] Стенографический отчет расширенного заседания совета Музея обороны…/ МООВС. Т. XXX. С. 27.
[128] Лапинская Е. А. В райкоме партии / МООВС. Т. XI. 1962 г. С. 57.

горкома ВЛКСМ А. В. Багрий стал отвечать за эвакуацию населения и материальных ценностей. Они практически до конца обороны являлись ближайшими помощниками секретаря горкома.

13 ноября 1941 г. возобновились заседания бюро горкома ВКП(б), в его составе осталось только три человека – Б. А. Борисов, В. П. Ефремов и В. И. Кулибаба. Порядок работы городского комитета ВКП(б) не изменился, при этом периодичность совещаний находилась в прямой зависимости от положения на фронте.

Всего в период с 1 ноября по 31 декабря было составлено девять протоколов заседаний. Небольшое число запротоколированных заседаний можно объяснить тем, что в эти месяцы власти действовали настолько оперативно, что принятые решения не всегда документально оформлялись. Заседания бюро проводились, как правило, в расширенном составе: на них приглашались работники горкома партии и ВЛКСМ, исполкома, руководители предприятий и организаций для того, чтобы получить конкретные данные по существу решаемого вопроса и оперативно ознакомиться с заданием. Представители Приморской армии и Черноморского флота в заседаниях участия не принимали.

По-прежнему практиковалось назначение работников горкома ответственными за определенные направления работы. При этом отдельные работники курировали сразу несколько дел, например, заведующая организационно-инструкторским отделом горкома А. М. Михалева занималась вопросами выпечки хлеба, сбором вещей для фронта, эвакуацией населения.

В отдельных случаях создавались контрольно-исполнительные органы из представителей партийных, советских и общественных организаций. Самой известной в данный период стала комиссия по работе в убежищах, которую возглавила секретарь по кадрам Северного райкома партии Е. П. Гырдымова.

С первых дней обороны весь руководящий состав городских и районных организаций был переведен на казарменное положение. Люди работали по 16–18

часов в сутки[129]. На место убывших работников активно выдвигались новые кадры, при этом определяющую роль играли опыт работы и личные способности.

В то же время некоторые ответственные лица плохо проявили себя в первые недели обороны, поддавшись панике. Уже весной 1942 г. последовали многочисленные исключения из рядов партии тех, кто без санкции выехал из Севастополя или утратил партийные документы[130].

Протоколы заседаний бюро горкома за ноябрь–декабрь 1941 г. дают общее представление об основных направлениях работы городских органов власти в эти месяцы. Помимо решения кадровых вопросов и организации массово-политической работы с населением, принимались постановления о ликвидации последствий бомбардировок, эвакуации населения, продовольственном снабжении. Отошли на второй план вопросы создания народного ополчения и военного обучения населения, а также деятельность по приему новых членов в партии. Так, в ноябре – декабре в Корабельном районе в ряды партии не приняли ни одного человека, а по городу – 4 человека[131]. Исполнителями принятых постановлений, как и прежде, были соответствующие отделы горкома, исполкома Совета и районные органы власти.

На протяжении ноября и декабря 1941 г. в Севастополе находились высшие должностные лица республики: секретарь обкома ВКП(б) В. С. Булатов, председатель СНК КАССР М. И. Ибраимов и председатель Президиума Верховного Совета КАССР А-Д. Х. Менбариев. Здесь же остались секретарь по пропаганде Ф. Д. Меньшиков, секретарь по промышленности Л. Е. Спектор, руководитель лекторской группы обкома Б. Д. Спиртус, группа инструкторов и лекторов. При этом большинство сотрудников аппарата СНК и ВС КАССР было эвакуировано в Керчь, затем на Кавказ.

Властные полномочия республиканского руководства были существенно ограничены командованием СОР. Так, никто из руководящих работников не вошел в состав органов управления оборонительным районом. При этом

[129] Стенографический отчет расширенного заседания совета Музея обороны…/ МООВС. С. 27.
[130] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 52–53.
[131] Там же. Л. 36.

республиканские структуры действовали в условиях потери контакта с вышестоящим руководством, о чем говорится в информационном сообщении председателя СНК КАССР в адрес зам. председателя СНК РСФСР от 27 января 1942 г.: «Работа СНК строилась по собственному усмотрению, т. к. мы никаких директив и указаний со стороны Совнаркома федерации не имели… Особенно нуждаемся в указаниях по финансированию, торговле и снабжению»[132].

В советское время их деятельность во время обороны оценивалась неоднозначно. Так, Б. А. Борисов в своих воспоминаниях указывал, что справлялся без помощи Крымского обкома[133]. Известны и резко отрицательные отзывы, например, В. П. Ефремов на конференции 1961 г. эмоционально заявлял: «Я должен сказать, что не чувствовал никакого руководства от Крымского Совнаркома, Верховного Совета Крыма, считал их нахлебниками, иначе и не рассматривал»[134]. Данная оценка представляется необоснованной и политически ангажированной, связанной с национальностью некоторых республиканских лидеров (М. И. Ибраимов и А-Д. Х. Менбариев были крымскими татарами).

Протоколы заседаний бюро обкома за вторую половину ноября – декабрь 1941 г. полностью не сохранились, хотя их можно считать одним из важнейших источников информации о работе обкома партии в период обороны[135]. Несмотря на это, можно говорить о значительной роли республиканских властей в деле организации оборонной промышленности и решении некоторых вопросов.

Как справедливо отмечает А. А. Сарина, обком сосредоточил в своих руках планирование и распределение всей продукции, а также держал связь с организациями тыла флота на Кавказе[136]. Для координации действий военных и гражданских структур 9 ноября 1941 г. Военный совет ЧФ создал оборонную комиссию по материальному обеспечению войск, в которую вошел секретарь обкома Л. Е. Спектор. Некоторые работники были назначены на ответственные

---

[132] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 6. Л. 6

[133] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 99.

[134] Сборник материалов военно-исторической конференции, посвященной XX-летию начала героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. Т. III. Севастополь, 1961. С. 866.

[135] Сохранились протоколы заседаний обкома до 23 ноября 1941 г. (протокол № 147) и начиная с 5 января 1942 г. (протокол № 1).

[136] Стенографический отчет расширенного заседания совета Музея…/ МООВС. Т. XXX. С. 84.

должности, например, бывший секретарь Алуштинского горкома партии А. Зекирья стал комиссаром Спецкомбината, его помощником был назначен инструктор промышленного отдела обкома В. Захаров.

При участии республиканского руководства проводилась централизация производственных мощностей и создание новых предприятий, которые впоследствии вошли в состав Спецкомбината, а также выделялись финансовые средства, необходимые для обеспечения их деятельности.

Помимо деятельности в промышленной сфере, республиканские органы власти занимались вопросом обеспечения населения продуктами питания. Согласно постановлению СНК КАССР от 5 ноября 1941 г., в городе вводился ряд мер, направленных на преодоление продовольственного кризиса[137]. Большие усилия были направлены на форсирование строительства городской мельницы.

Еще одним направлением работы областных властей стала организация работы балаклавских властей. Согласно воспоминаниям Р. И. Холодняк, 12 ноября в город прибыл секретарь обкома Ф. Д. Меньшиков, который провел заседания оставшегося актива. Было принято решение пресечь мародерство и строить укрытия, возобновлена работа школы, пекарни, сформирована санитарная дружина, боевая дружина из комсомольцев[138]. Фактически Ф. Д. Меньшиков на протяжении всей обороны являлся куратором балаклавской партийной и комсомольской организаций.

Несмотря на то, что период с ноября по декабрь 1941 г. недостаточно документирован, можно сделать вывод о том, что в сложных условиях первого и второго штурма города власти Севастополя и КАССР, руководствуясь указаниями Военного совета флота, проводили большую работу по решению повседневных вопросов жизни города и укреплению тыла Севастопольского оборонительного района.

I.3. Структура городского управления в период стабилизации и третьего штурма (январь–июнь 1942 г.)

[137] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 15.
[138] Народный музей севастопольский полиции (милиции) им. М. С. Казакевича. Холодняк (Иванова) Р. И. Воспоминания.

С начала января 1942 г., с завершением второго штурма города, под Севастополем наступил период относительного затишья: на протяжении нескольких месяцев сохранялось неустойчивое равновесие сил, при котором ни одна из сторон не могла добиться решительного успеха. Проводились только частные операции, которые не оказывали существенного влияния на конфигурацию линии фронта.

Структура управления СОР осталась неизменной: командующим остался Ф. С. Октябрьский, несмотря на то, что весной его пытались заменить на этом посту. Адмирал заручился поддержкой вышестоящих руководителей в наркомате ВМФ[139] и в ходе встречи с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым, которая прошла в конце апреля 1942 г., высказался резко против своего смещения с должности[140]. Единственным нововведением стало создание в мае 1942 г. штаба СОР, который возглавил товарищ Ф. С. Октябрьского по военно-морскому училищу капитан 1-го ранга А. Г. Васильев.

В то же время зимой 1942 г. происходят значительные изменения в управленческой структуре города. Прежде всего, это было связано с выездом из Севастополя республиканского руководства: 5 января убыли А-Д. Х. Менбариев и Л. Е. Спектор, 9 января – В. С. Булатов. Одним из последних, в начале марта 1942 г., перебрался на Кавказ М. И. Ибраимов[141]. В первую очередь это было связано с необходимостью организации работ по восстановлению хозяйства освобожденного Керченского полуострова. В то же время отъезду республиканского руководства мог способствовать адмирал Ф. С. Октябрьский, который опасался за монополию своей власти.

Анализ протоколов заседаний бюро обкома партии[142], а также принятых в январе–апреле 1942 г. постановлений СНК КАССР[143] позволяет утверждать, что оба органа власти были полностью сосредоточены на решении вопросов,

[139] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 827. Л. 142–143. Письмо-ходатайство И. В. Сталину от 12 апреля 1942 г. начальника главного политического управления ВМФ армейского комиссара 2-го ранга И. В. Рогова.
[140] Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М., 1987. С. 153–155.
[141] До 9 марта 1942 г. постановления СНК подписывал зам. председателя Совнаркома КАССР Н. А. Жуков и управделами СНК Тафель, после этого дня в документах появляется подпись М. И. Ибраимова.
[142] ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2139.
[143] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 15. Д. 831. 832, 833.

связанных с восстановлением Керченского полуострова. Севастопольская тематика в постановлениях обкома ВКП(б) и СНК КАССР практически не отражена и носит второстепенный характер. Например, в ходе заседания обкома, прошедшего 1 апреля (протокол № 16), было одобрено развертывание «предмайского» соревнования и обмен делегациями между Севастополем и Керчью[144].

В Севастополе была оставлена оперативная группа обкома партии, которую возглавил секретарь по пропаганде Ф. Д. Меньшиков. Сохранилось два протокола заседаний за 29 января и 15 февраля. Группа занималась вопросами организации пропаганды и агитации в осажденном городе (проводились лекции, политучеба, готовились статьи для прессы[145]) и не играла руководящей роли в деятельности местных органов власти. Единственным исключением стала успешная работа членов группы Н. К. Соболева и Л. А. Алукера по развитию огородничества.

После отъезда руководителей Крымской АССР самостоятельность городских органов власти и лично Б. А. Борисова существенно возрастает, т. к. они стали работать фактически автономно и подчиняться только указаниям командующего СОР адмирала Ф. С. Октябрьского. Способствовала этому и оторванность Севастополя от «Большой земли» – прямой контроль со стороны ГКО, ЦК ВКП(б) и обкома партии по-прежнему отсутствовали. Сам Б. А. Борисов об этом так пишет в своих воспоминаниях: «Мы старались тогда больше полагаться на собственное мнение, советуясь с командованием и активом, и не боялись, повторяю, ответственности»[146].

Взаимодействие между севастопольской партийной организацией и обкомом фактически свелось к предоставлению Б. А. Борисовым сводок о положении в городе посредством почты и телеграфа. При этом они высылались не систематически, о чем свидетельствует письмо Б. А. Борисова от 4 марта 1942 г.,

---

[144] ГАРК. Ф. П-1. Оп .1. Д. 2139. Л. 123, 127.
[145] Спиртус В. Открыв воспоминания отца. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2016/10/31/1135 (дата обращения: 15.12.2020).
[146] Борисов Б. А. Коммунисты Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 59.

адресованное секретарю обкома В. С. Булатову. В нем он извиняется, что долгое время не писал и не информировал о состоянии дел[147].

Возрастание роли городских властей проявилось, прежде всего, в возобновлении работы чрезвычайного органа власти – городского комитета обороны. В то же время продолжили проводиться заседания бюро горкома партии. В период с января по май 1942 г. данные органы управления обнаруживают значительную схожесть не только по составу участников, но и по функционалу.

В состав горкома обороны по-прежнему входили Б. А. Борисов, В. П. Ефремов и К. П. Нефедов. Место убывшего на Кавказ адмирала Г. В. Жукова занял генерал-майор П. А. Моргунов, при этом протоколы свидетельствуют о том, что он, как и его предшественник, не посетил ни одного заседания.

В качестве управленческого аппарата комитета обороны использовались оставшиеся к тому времени в городе работники горкома партии: два секретаря, четыре заведующих отделами, помощник секретаря, машинистка и шофер (до войны в горкоме насчитывалось до 40 работников)[148].

По сравнению с ноябрьскими заседаниями комитета, состав участников заседаний существенно расширился: на них стали приглашать, в зависимости от рассматриваемых вопросов, партийный, советский, комсомольский актив города, в отдельных случаях – представителей командования Приморской армии и Черноморского флота. Наиболее массовым стало первое после перерыва заседание комитета обороны, которое прошло 9 января 1942 г.: в нем приняли участие более 80 человек.

Состав бюро горкома партии также остался неизменным – Б. А. Борисов, В. П. Ефремов и В. И. Кулибаба. Заседания проходили, как правило, при расширенном составе, с участием тех же партийных и советских работников, представителей предприятий, НКВД, военного командования.

---

[147] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 1.
[148] Борисов Б. А. Коммунисты Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 55.

В период с 9 января по 16 мая 1942 г. было проведено не менее девяти запротоколированных заседаний горкома обороны (протоколы №№ 5–13, в среднем, два-три раза в месяц). Только в одном случае в протокол № 9 внесены решения сразу двух заседаний, прошедших 2 и 3 марта. Все протоколы заседаний ГорКО подписаны лично Б. А. Борисовым с приложением печати городского комитета партии.

Бюро горкома партии собиралось гораздо чаще: за тот же период было проведено до 50 заседаний, решения которых зафиксированы в 20 протоколах (№№ 120–139). В трех случаях в протоколы внесены постановления сразу нескольких заседаний: № 120 (за 9–17 января), № 122 (1–6 февраля) и № 123 (6–13 февраля). В четырех случаях были проведены совместные заседания горкома партии и исполкома горсовета, поэтому протоколы имеют двойную нумерацию: № 126 / 25 (от 22 марта), № 130 / 76 (4 апреля), № 131 / 85 (8 апреля) и № 135 / 107 (от 1 мая).

По вопросу разделения функциональных обязанностей между горкомом обороны и горкомом партии Б. А. Борисов писал, что «городскому комитету обороны приходилось решать самые разнообразные вопросы, бюро же горкома – преимущественно вопросы организационно-партийной и массово-политической работы. Концентрация руководства города, когда первый секретарь горкома партии одновременно был председателем комитета обороны и комиссаром МПВО, а председатель горисполкома – членом комитета обороны, бюро горкома и начальником МПВО, давала возможность оперативно принимать решения. Но основные, принципиальные вопросы обсуждались на заседаниях»[149].

Проверить правильность данного утверждения позволяет анализ планов работ и тематика постановлений, принимавшихся на заседаниях бюро горкома партии и заседаниях горкома обороны.

В январе–марте 1942 г. главной задачей горкома обороны стало преодоление последствий двух штурмов. Судя по протоколам, на заседаниях принимались основополагающие постановления по развитию МПВО и

[149] Борисов Б. А. Коммунисты Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 55.

противопожарной охраны, восстановлению городского хозяйства, улучшению продовольственного снабжения, вопросам санитарного обслуживания населения. В апреле 1942 г. стали больше внимания уделять военному обучению горожан, усилению охраны стратегически важных объектов, подготовке к возможным массированным налетам и др. Нужно отметить, что в периодической печати, выходившей в осажденном городе, горком обороны упоминался очень редко, в отличие от горкома партии[150].

На основе анализа постановлений, принятых на заседании бюро горкома партии, а также плана работы горкома на февраль (принят 6 февраля на заседании бюро)[151] можно выявить следующие направления работы данного органа власти: изыскание сырья для промышленности, организация соцсоревнования на предприятиях, сбор материалов по истории обороны, контроль исполнения постановлений ГорКО о военной подготовке и развитию МПВО. В плане работы горкома на вторую половину марта и апрель 1942 г. говорится о необходимости развития огородничества, поиске сырья для предприятий, очистке города[152]. В эти месяцы на заседаниях бюро гораздо больше внимания стали уделять решению чисто партийных вопросов: партийным взысканиям, перемещению кадров.

Часть вопросов обсуждались сначала на заседании горкома обороны, затем выносились на утверждение бюро горкома. Например, в протоколе № 122 (за 1–6 февраля 1942 г.) горкома партии есть отсылка к решению комитета обороны о военной подготовке граждан, по которому планировалось организовать проверку выполнения[153]. Известна и обратная схема принятия решений: например, на заседании от 22 марта обсуждалась необходимость сбора металлолома для нужд обороны. По его итогам было принято решение: внести на городской комитет обороны вопрос о сборе черных и цветных металлов на предприятиях.

Таким образом, на заседаниях горкома обороны решались в основном военно-оборонные вопросы, при этом постановления носили общий характер. На

---

[150] Одна из немногих статей, посвященных комитету обороны, носила название «В городском комитете обороны», опубликована в газете «Красный Крым» 24 марта 1942 г. № 83. С. 3.
[151] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 14–15.
[152] Там же. Л. 44–47.
[153] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 15.

заседаниях бюро горкома принимались решения, уточняющие и развивающие постановления горкома обороны, а также по различным вопросам повседневной жизни города и партийной организации.

До мая 1942 г. функции органов управления так и не были четко разграничены. Нельзя не согласиться с А. А. Сариной, которая пишет: «Трудно было разграничить, где кончается ГКО и начинается бюро горкома, тем более что обе эти организации помещались на одном и том же КП, пользовались одним и тем же аппаратом и состояли почти из одних и тех же лиц»[154]. Заметим, что подобная неразделенность функций была характерна и для высших институтов власти – ГКО, Ставки и СНК СССР[155].

Была продолжена практика назначения ответственных за определенные направления работы. Примечательно, что «старые» кадры не обременялись дополнительными обязанностями: так, В. И. Кулибаба продолжал заниматься развитием МПВО, И. И. Бакши – военно-оборонной работой, А. А. Сарина, вернувшаяся из эвакуации в марте, курировала восстановление и очистку города, а также развитие огородничества[156]. В то же время молодые функционеры, выдвинувшиеся в ходе первого и второго штурмов города, как правило, отвечали сразу за несколько направлений работы. Например, А. В. Багрий был ответственным за военную подготовку населения, работу с детьми, эвакуацию; А. А. Петросян курировал промышленные предприятия, контролировал освоение новых видов оружия, организовывал поиск сырья, а также отвечал за сбор материалов по истории обороны.

В январе-мае была создана профильная комиссия по истории обороны, которую возглавил Б. А. Борисов[157]. В то же время постановлением бюро горкома от 19 апреля 1942 г. была расформирована комиссия по работе в убежищах (ее функции были переданы райкомам партии и райисполкомам)[158].

---

[154] Сарина А. А. Севастопольские женщины в обороне города. МООВС. Т. XXII. Севастополь, 1963. С. 3.
[155] Хлевнюк О. В. Система высшей власти в СССР в годы Великой Отечественной войны. Историография, источники и перспективы исследований // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 18, 20–21.
[156] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 45–46.
[157] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 3.
[158] Там же. Л. 67.

Исполком горсовета по-прежнему был исполнителем решений, принятых на заседаниях горкома обороны и горкома партии. Круг задач, которые решал горисполком и райисполкомы, отражен в передовице газеты «Красный Крым» под характерным названием «Выше уровень Советов!»[159]. В ней говорится, что исполкомы занимаются восстановлением жилого фонда, принимают участие в работе МПВО, заведуют социальным обеспечением граждан, обеспечивают санитарное обслуживание. Считается, что сессии Советов депутатов трудящихся не созывались, т. к. «большинство членов горкома, райкомов и депутатов находились на фронте, некоторые были эвакуированы со своими предприятиями»[160]. Однако в городской печати упоминается проведение сессии райсовета Северного района[161].

Работа органов власти осложнялась нехваткой кадров, при этом большая группа партийных и комсомольских работников была переведена в освобожденную Керчь[162]. Решение кадровой проблемы происходило по двум направлениям.

По решению горкома партии из эвакуации было вызвано 15 человек, из которых к 20 марта прибыло в город 12 человек[163]. Среди них были А. П. Подойницына, А. А. Сарина, П. Я. Сарин, М. В. Ерахтина, Н. В. Висторовский, С. В. Суковский, К. М. Яблонская и др.

В то же время продолжился процесс выдвижения новых кадров из числа лиц, зарекомендовавших себя в чрезвычайных условиях первого и второго штурмов города[164]. В этой связи примечательны протоколы заседания бюро горкома партии № 123 (1–6 февраля) и № 124 (от 25 февраля), на которых была утверждена большая группа ответственных работников, занявших должности с августа 1941 г. по февраль 1942 г. Так, по протоколу № 123 были пополнены бюро

[159] Красный Крым. 1942. 13 марта. № 72. С. 1.
[160] Борисов Б. А. Коммунисты Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 55.
[161] Красный Крым. 1942. 9 апреля. № 99. С. 3.
[162] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 137.
[163] Там же. Оп. 1. Д. 234. Л. 5, 7.
[164] См.: Рузаев С. В. Кадровые вопросы в работе Севастопольского городского комитета ВКП(б) в 1941–1942 гг. // Клио. 2021. № 3 (171). С. 156–162.

Центрального РК, Корабельного РК, Корабельного РК ВЛКСМ и бюро ГК ВЛКСМ[165].

Обращает на себя внимание тот факт, что среди выдвиженцев было немало молодых коммунистов или кандидатов в члены партии с минимальным стажем (Т. М. Абрамович, М. В. Кирилюк, Н. И. Краевая, П. А. Лунев)[166]. Весной активизировался прием в партию новых членов: только за первый квартал 1942 г. по городу было принято в партию 15 человек, в кандидаты – 42 человека[167].

Зафиксированы случаи отказа от назначения на номенклатурные должности. Директором мыловаренного завода на заседании бюро от 13 февраля 1942 г. был утвержден бывший зам. директора треста столовых В. Е. Черниенко. Уже на следующем заседании (25 февраля) за отказ принять должность он получил строгий выговор по партийной линии и был направлен на производство[168].

Планомерная работа севастопольских властей была нарушена в первой половине мая 1942 г., с началом наступления противника на Керченском полуострове. 12 мая 1942 г. было собрано совещание городского актива, на котором выступил вице-адмирал Ф. С. Октябрьский и секретарь горкома Б. А. Борисов. Командующий сформулировал основные направления работы в создавшихся условиях: ускоренное строительство укреплений, увеличение выпуска военной продукции, военная подготовка населения, приведение в готовность служб МПВО, обеспечение продовольственного снабжения граждан[169].

15 и 17 мая были проведены заседания горкома обороны, на которых были выработаны соответствующие меры по подготовке города к отражению третьего штурма. В сложившихся условиях комитет обороны стал играть определяющую роль в организации гражданского управления. В 1963 г. Б. А. Борисов подчеркивал, что после 18 мая «почти все решения, касающиеся города, оформлялись постановлениями городского комитета обороны – обстановка

[165] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 13.
[166] Там же. Л. 24–25.
[167] СВИМЗ. А-1754 / КП-4522. Л. 31.
[168] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 20, 32.
[169] Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Симферополь, 1973. С. 240.

требовала решительной централизации руководства. Постановления горкома обороны, его указы рассматривались в городе как боевой приказ, да и сами постановления, по сути, носили форму приказа»[170].

За период с 16 мая по 24 июня сохранилось тринадцать протоколов заседаний ГорКО, в большинстве из них зафиксированы решения сразу нескольких заседаний. В работе комитета неизменно принимали участие Б. А. Борисов, В. П. Ефремов и К. П. Нефедов, а также ближайшие соратники секретаря горкома – А. А. Сарина и В. И. Кулибаба. В числе приглашенных лиц чаще всего фигурировали секретарь обкома Ф. Д. Меньшиков, секретари райкомов партии, секретарь горкома ВЛКСМ А. В. Багрий. В руках этих людей сосредоточились все нити управления городом во второй половине мая – июне 1942 г. Представители военных властей присутствовали на заседаниях лишь эпизодически. Так, 20 мая 1942 г. заседание посетили член Военного совета Н. М. Кулаков и начальник политуправления флота П. Т. Бондаренко.

Другие органы власти фактически прекратили свою работу. Заседания бюро горкома ВКП(б) были проведены только два раза (8 и 13 июня), при этом на них решались формальные в условиях штурма вопросы о включении севастопольских предприятий во всесоюзное социалистическое соревнование и о приветствии И. В. Сталина защитникам города[171].

Круг вопросов, решаемых на заседаниях комитета обороны в мае–июне 1942 г., широк и отражает конкретные потребности защитников города: создание боевых дружин, приведение в полную боевую готовность МПВО, рассредоточение запасов продовольствия, прекращение работы школ, организация массовой эвакуации населения, подготовка к вооруженной борьбе в городе. Таким образом, накануне и во время отражения третьего штурма Севастополя чрезвычайный орган власти – городской комитет обороны стал подлинным центром гражданского управления.

---

[170] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т. XXX. Севастополь, 1963. С. 49.
[171] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046.

После массированной бомбардировки города 2 июня 1942 г. был выработан порядок работы комитета обороны в чрезвычайных условиях. Б. А. Борисов, В. П. Ефремов и В. И. Кулибаба постоянно находились на городском командном пункте, куда стекалась вся информация из районов. А. А. Сариной была поручена связь с районными организациями, А. В. Багрию, А. А. Петросяну и И. И. Бакши – контакт с районными штабами МПВО и предприятиями.

Особой формой информирования партийных и советских организаций, а также жителей города стали воззвания городского комитета обороны, в которых формулировались первоочередные задачи. Начиная с 10 июня 1942 г. протоколы заседаний горкома обороны отражают его работу в условиях третьего штурма Севастополя. Были сосредоточенны усилия на экстренном решении вопросов, возникших в ходе систематической бомбардировки и обстрела города. Последнее запротоколированное заседание комитета состоялось 24 июня 1942 г.[172] Однако и после этого дня городское руководство продолжило свою работу. Как вспоминает Б. А. Борисов, через несколько дней, 28 июня, было проведено совещание руководства города (протокол не велся), на котором были приняты решения о взрыве оборонных предприятий и составлении списков городского актива на эвакуацию[173].

В последние дни обороны проводилась частичная эвакуация партийных работников. 29 июня на подводной лодке «Д-5» был эвакуирован 41 человек, а также, по некоторым данным, документы горкома партии и горкома обороны[174]. В ночь с 29 на 30 июня была вывезена в Краснодар на самолете вторая группа партийных работников[175]. В их числе были И. И. Бакши, П. Я. Сарин, Н. К. Соболев, Б. Д. Спиртус, З. Ф. Сутырина, С. В. Суковский, А. М. Михалева, Е. П. Гырдымова, А. П. Подойницина и др.

---

[172] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1.Л. 67–68.
[173] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 357.
[174] Стрельбицкий К. Б. Транспортировка подводными лодками Черноморского флота в мае–июле 1942 г. личного состава с Кавказа в Севастополь и вывоз эвакуированных из Севастополя на Кавказ: хроника и статистика / Тайны подводной войны. Выпуск 21. Львов, 2006. С. 68.
[175] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 206.; Михалева А. М. Автобиография / МООВС. Т. XI. Севастополь, 1962. С. 243; Спиртус В. Открыв воспоминания отца. Ч. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2016/11/08/1779 (дата обращения 26.11.2020).

После их отъезда в аппарате горкома партии и ГорКО оставалось всего шесть человек – Б. А. Борисов, А. А. Сарина, А. А. Петросян, М. И. Петровский, Н. И. Терещенко, И. К. Тевянский; в аппаратах райкомов – по два-три человека, в горкоме и райкомах комсомола – по одному.

30 июня было собрано последнее совещание городского руководства, на котором всем работникам райкомов и райисполкомов было рекомендовано отходить на мыс Херсонес[176]. Фактически деятельность городских органов власти была прекращена. Утром 1 июля 1942 г. Б. А. Борисов, В. П. Ефремов и А. А. Сарина были эвакуированы на подводной лодке «Л-23»[177]. Организованная эвакуация севастопольской номенклатуры была провалена. Известно, что после 1 июля удалось самостоятельно эвакуироваться только одному крупному партийному работнику – М. И. Петровскому.

В историческом журнале Черноморского флота отмечается: «Плохо была организована посадка на самолеты “Дуглас” и корабли, в результате чего многие руководящие командиры и политработники, работники партийных и советских органов, имея пропуска, не смогли эвакуироваться»[178]. Показательно, что в отчете горкома ВКП(б) по итогам обороны фраза «эвакуация в городе проходила планомерно и четко» вычеркнута из текста красным карандашом[179].

Всего по состоянию на 30 июня в городе находилось около 100 номенклатурных работников[180]. Только в списке сотрудников горкома и райкомов числится 16 человек – тех, кто по состоянию на 4 июля 1942 г. оставался в городе[181]. Среди них в полном составе руководство Северного и Корабельного районов, большая часть работников Центрального района, горкома комсомола, штаба МПВО, оперативной группы обкома ВКП(б), а также управленческий персонал городских предприятий. Также на Херсонесе остался весь советский и партийный актив Балаклавы.

---

[176] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 207.
[177] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 209; Стрельбицкий К. Б. Указ. соч. С. 68.
[178] Маношин И. С. Героическая трагедия. Симферополь, 2001. С. 78.
[179] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 113.
[180] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 248. Л. 6–11.
[181] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 248. Л. 12.

Судьба советских и партийных работников, представителей городской номенклатуры сложилась трагично: большинство из них погибли или попали в плен и были убиты во время боев на Херсонесе 1–12 июля 1942 г. Те, кто смог скрыться в первые дни оккупации, были выявлены во время тотальных проверок населения и подвергнуты репрессиям. Сумели пережить оккупацию единицы: зав. горздравотделом В. И. Лаврентьева, начальник АТС П. А. Лунев, член бюро Северного райкома комсомола В. И. Грузинская, начальник городской пожарной охраны Т. С. Педюра.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что с началом войны и до окончания обороны Севастополя происходил процесс выработки оптимальной модели местного управления. Выбор той или иной формы находился в прямой зависимости от положения на фронте, а также от позиции военного командования.

Накануне и во время обороны местные органы власти, в первую очередь городской комитет ВКП(б) во главе с Б. А. Борисовым, действовали активно и продуктивно, взяв на себя большой объем работ по созданию тыла Севастопольского оборонительного района. Секретарь горкома, опиравшийся на круг ближайших соратников, а также немногочисленный аппарат управленцев, занимались важными в условиях осады направлениями работы: военная подготовка населения, развитие системы МПВО, участие в работе оборонной промышленности, мобилизация населения на помощь фронту.

В научных работах и публицистике закрепился тезис о выдающейся роли городского комитета обороны. Только отдельные авторы пытаются утверждать, что «с первого дня войны, задолго до образования городского комитета обороны, в работу по подготовке главной базы флота к обороне активно включились партийные и советские организации Севастополя»[182].

Фактически с июня по декабрь 1941 г. все нити гражданского управления сосредоточились в руках городского комитета партии. Лишь на короткий промежуток времени – с 28 октября по 4 ноября 1941 г. роль управленческого

[182] Героическая оборона Севастополя. 1941–1942 г. М.: Воениздат, 1969. С. 45.

центра играл комитет обороны. С января по май 1942 г. горком партии и горком обороны работали параллельно, причем их функции не были до конца разграничены, персонал составляли одни и те же люди.

Только в мае–июне 1942 г. городской комитет обороны стал подлинным и единственным центром гражданского управления в Севастополе, который контролировал работу всех организаций и учреждений города, организовал их взаимодействие и контакт с воинскими частями. Как отмечал Б. А. Борисов, централизация руководства имела большое значение, т. к. это «давало возможность более оперативно руководить всей жизнью города, оперативно оказывать помощь фронту, создавало ответственность у руководителей города, в партийных организациях, на предприятиях»[183].

[183] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т.XXX. Севастополь, 1963. С. 49.

Глава II. ВОЕННО-ОБОРОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

II.1. Организация военного обучения и формирование добровольческих подразделений из жителей города

В 1930-е гг. в Советском Союзе большое внимание уделялось подготовке государства и общества к будущей войне, в том числе развитию оборонно-массовой работы среди населения. Значительную роль в активизации мероприятий в данной сфере сыграл XVIII съезд ВКП(б), на котором была провозглашена необходимость массового привлечения граждан к военному обучению и сдаче норм ПВХО.

В Севастополе кружки и секции были как в составе оборонных обществ (Осоавиахим, Освод, РОКК), так и при многих предприятиях и учреждениях города. Еще до войны за высокие результаты в развитии массового стрелкового спорта и организацию заводской службы МПВО Севастопольскому морскому заводу было присвоено почетное звание «крепость обороны»[184].

Активная работа оборонных организаций объясняет достаточно широкий охват военным обучением жителей Севастополя: до войны в городе, где население составляло 117 тыс. человек, в Осоавиахиме состояло до 50 тыс. человек, в РОКК – до 40 тыс. человек[185].

С началом войны одной из первых задач, которую пришлось решать городскими властями, стала мобилизация населения. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 г. призыву подлежали граждане 1905–1918 годов рождения, проживавшие на территории 14 военных округов, в том числе и Одесского, к которому относилась территория Крымской АССР[186]. В Крыму мероприятия были начаты в соответствии с постановлением бюро обкома партии от 23 июня 1941 г., ответственными были назначены председатели

[184] Белоносов И. И., Русинов В. А. Победа ковалась в тылу. Трудовой подвиг рабочего класса в годы Великой Отечественной войны. М.: Профиздат, 1985. С. 27.
[185] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея … / МООВС.Т. XXX. Севастополь, 1963. С. 110.
[186] Брошеван В. М. Военная мобилизация в Крыму 1941–1944 гг. Симферополь: Б. и., 1994. С. 18.

исполкомов городских и районных советов, а также секретари районных и городских комитетов партии[187].

Севастопольский городской военкомат и военный отдел горкома занимались обеспечением явки граждан на три районных призывных пункта и отправкой к местам службы. Для оповещения призывников подключили комсомольскую организацию, которая выделила посыльных из числа городской молодежи.

Многие севастопольцы в первые дни войны подали заявления о добровольном вступлении в Красную армию. Известно, что с 22 по 30 июня в Севастополе было зарегистрировано 575 добровольца, из них 295 женщин[188]. 1 июля 1941 г. на заседании бюро Крымского обкома партии было принято постановление о военном обучении добровольцев[189]. 2 июля – соответствующее постановление бюро Севастопольского горкома партии[190]. В нем предписывалось выявить на всех предприятиях лиц, подавших подобные заявления, после чего организовать обучение по программе «Ворошиловский стрелок» 2-й ступени.

Одновременно проводилась мобилизация автотранспорта частных лиц, предприятий и учреждений, для чего было открыто несколько приемо-сдаточных пунктов. Так, уже 23 июня начал сдавать технику трест очистки: в армию было передано 25 машин – грузовики грузоподъемностью 1,5 и 3 тонны, автоцистерны и спецтехника[191]. Согласно отчету В. С. Булатов в ЦК ВКП(б), к 4 июля 1941 г. «мобилизация закончилась повсеместно и вовремя», хотя возникли некоторые проблемы с мобилизацией лошадей и автомобилей[192].

Еще в ходе проведения мобилизационных мероприятий перед городскими властями встала задача подготовки массового резерва из лиц призывного и допризывного возраста, годных по состоянию здоровья к службе в армии. Работа была организована на базе подразделений городского совета Осоавиахима.

---

[187] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 132.
[188] ГАРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 2133. Л.51; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 20.
[189] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1522. Л. 96.
[190] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 200. Л. 147.
[191] Лапинская Е. А. В райкоме партии / МООВС. Т. XI. Севастополь, 1962. С. 55.
[192] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 387. Л. 5.

К началу августа действовало пять групп по подготовке связистов (163 человека), две по подготовке авиаспециалистов (67 человек), восемь групп по подготовке шоферов (310 человек)[193].

Профильные кружки создавались на городских предприятиях, например шоферские курсы для женщин были открыты на базе Спецгидростроя, завода № 201 и автомотоклуба, куда было зачислено 200 человек[194]. Более того, на заседании парткома завода № 201, прошедшем 16 июля, было принято решение о введении на предприятии обязательной военной подготовки[195].

Согласно постановлению обкома ВКП(б) от 2 июля 1941 г., военному обучению подлежали кандидаты и члены ВКП(б), а также комсомольцы и советские работники[196]. Уже 5 июля в статье «Молодые патриоты» говорится о том, что в Севастополе организована военная и санитарная подготовка комсомольцев[197].

Помимо подготовки военнообязанных, одним из направлений работы стало создание добровольческих военизированных формирований. Первыми из них можно считать отряды из коммунистов и комсомольцев, сформированные по указанию горкома партии 22 июня 1941 г.[198] Их задачей была охрана общественного порядка и соблюдение светового режима совместно с работниками городского отдела милиции. По состоянию на 5 июля 1941 г. только в «комсомольских» отрядах содействия милиции насчитывалось более 100 человек[199]. Подразделения (группы самозащиты) были созданы и на предприятиях, например, в июле на Морзаводе ежедневно в охране участвовали до 300 комсомольцев[200].

Ночная бомбардировка 22 июня произвела ошеломляющий эффект на население: сброшенные на город морские мины, оснащенные стабилизационными

---

[193] АГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 46. Л. 102–104.
[194] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 206. Л. 23.
[195] Сургучев М. Н. Указ. соч. С. 40.
[196] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1522. Л. 96–97.
[197] Красный Крым. 1941. 5 июля. № 159. С. 3.
[198] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 129; Д. 206. Л. 2.
[199] Красный Крым. 1941. 5 июля. С. 2.
[200] Крым в период Великой Отечественной войны. 1941–1945гг. Симферополь, 1973. С. 40.

парашютами, были восприняты как высадка воздушного десанта противника. Б. А. Борисов в своем донесении от 23 июня в обком партии отмечал, что были зарегистрированы провокационные заявления: некий гражданин сказал: «Хорошо будет жить, когда на нашу землю вступит Гитлер»[201]. Наблюдались и проявления обыкновенной трусости. Так, мастер участка с завода № 201 М. М. Плахов (член партии с 1938 г.) в ночь с 24 на 25 июня, поддавшись панике, изрезал ножом партийный и профсоюзный билеты[202].

Панические настроения очень быстро распространились среди горожан, которые опасались повторных налетов и нападения диверсантов. П. И. Мусьяков вспоминал: «В городе уже начинали перегибать в борьбе с воображаемыми парашютистами. Ходят вздорные слухи о каких-то крупных воздушных десантах и мелких диверсионных группах, якобы разбросанных по всему Крыму»[203].

Бойцы добровольческих формирований имели право проверять документы, задерживать подозрительных лиц и проводить обыски. Их неопытность приводила к массовым недоразумениям: среди задержанных оказались заместитель начальника политуправления флота М. П. Ткаченко, редактор флотской газеты П. И. Мусьяков, работники городских учреждений, военнослужащие и сотрудники милиции[204]. Случались и более серьезные инциденты: через несколько дней после начала войны во время воздушной тревоги патрулями были застрелены женщина на ул. К. Маркса и мужчина на ул. 1-я Карантинная, которые не выполнили требование остановиться[205].

24 июня на заседании бюро горкома было решено развернуть разъяснительную работу с населением и бороться с неоправданными задержаниями[206]. К этому активно подключился аппарат НКВД. По подсчетам крымского историка Д. В. Омельчука, в июне–июле 1941 г. в Севастополе за

---

[201] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 6–7.
[202] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л.116; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л.11.
[203] Мусьяков П. И. Севастопольские дни. Симферополь, 1963. С. 12.
[204] Там же. С.12–13.
[205] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 9.
[206] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 134–135.

«антисоветскую агитацию и пропаганду» было арестовано 56 человек, из них 22 человека в июне[207].

На смену не оправдавшим себя комсомольским отрядам и группам самообороны, которые являлись временной мерой, пришли специальные подразделения – истребительные батальоны. Решение об их создании было принято 24 июня 1941 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Соответствующее постановление Совнаркома Крымской АССР и Крымского обкома ВКП(б) было вынесено 25 июня 1941 г.[208]

Первоначально предполагалось использовать истребительные батальоны в противодесантных мероприятиях[209]. 9 июля 1941 г. стоявшие перед ними задачи были уточнены в постановлении ГКО № 76сс: на подразделения возлагалась борьба с распространением «ложных и панических слухов»[210]. Помимо этого, бойцы истребительных батальонов совместно с работниками милиции занимались патрулированием улиц, проверкой документов, регламентацией работы общественных заведений и порядка передвижения по городу людей и автотранспорта, борьбой с мародерством и дезертирством, охраной стратегических объектов.

В Севастополе, как и в других городах, вопросами формирования, материального обеспечения и обучения батальона занимался горком партии совместно с руководством городского отдела НКВД и председателем исполкома горсовета. Первым командиром батальона стал работник завода шампанских вин Костылев, военкомом – И. И. Бакши[211]. Позднее командиром подразделения был назначен сотрудник НКВД Д. Н. Зотов[212].

---

[207] Омельчук Д. В. «За распространение ложных слухов…». Неизвестные страницы героической обороны Севастополя (1941–1942 гг.) / Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». Т. 16 (55). 2003. № 2. С. 49.
[208] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 12–13.
[209] Приказ наркома внутренних дел СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» от 25 июня 1941 г. / Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 542–543.
[210] Данилов В. Н. Указ. соч. С. 237.
[211] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т. XXX. Севастополь, 1963. С. 105.
[212] Партизанское движение в Крыму (1941–1942). Симферополь, 2006. С. 16.

Батальон формировался из числа советского и партийного актива, работников НКВД и милиции, при этом предпочтение отдавалось военнообязанным и имевшим военную подготовку[213]. По штату в подразделении должно было быть 205 человек, однако первоначальная численность севастопольского батальона не превышала 150 человек[214]. Общее число бойцов несколько возросло к началу августа и достигло 200 человек, в числе которых было три женщины[215].

По предположению В. М. Брошевана в Севастополе было создано три батальона – по одному на каждый район[216]. Фактически можно говорить о трех районных отрядах, сведенных в батальон. На это указывает докладная записка Северного райкома партии от 18.07.1941 г., в которой упоминается о создании в районе истребительного отряда[217].

Одновременно с созданием истребительного батальона формировались группы содействия, вероятно, за счет бывших комсомольских отрядов. По состоянию на 6 августа в 27 группах содействия числилось 500 человек, в том числе 16 женщин[218].

Первое время личный состав батальона совмещал службу и учебу с работой на предприятиях и в учреждениях, что отрицательно сказывалось на уровне боевой подготовки. Эта проблема была разрешена путем перевода людей на казарменное положение. Обучение велось по усиленной 160-часовой программе, дополненной 30 часами специальной подготовки, в рамках которой большое внимание уделялось принципам ведения разведки, уничтожению техники и диверсионной работе[219].

---

[213] Брошеван В. М. Военная мобилизация на фронт. К истории вопроса о призыве военнообязанных и добровольцев-жителей Крымской АССР в Действующую армию в июне–ноябре 1941 г. // Военно-исторический архив. 2011. № 1. С. 161.
[214] Героическая оборона Севастополя. Симферополь, 1946. С. 19.
[215] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 37, Д. 208. Л. 68–69.
[216] Брошеван В. Для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. К истории вопроса о создании в Крымской АССР истребительных формирований и их роли в защите республики в 1941–1942 гг. // Военно-исторический архив. 2011. № 5. С. 75.
[217] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 209. Л. 57.
[218] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 37, Д. 208. Л. 68–69.
[219] Банников Ф. Г. Указ. соч. С. 16.

Систематическое военное обучение значительной части населения города было организовано на базе Севастопольского соединения народного ополчения, которое было сформировано в первой половине июля 1941 г.

Призыв вступать в ряды ополчения прозвучал 3 июля 1941 г. в речи И. В. Сталина. В тот же день было проведено заседание бюро горкома партии, на котором было решено развернуть практическую работу по организации обучения ополченцев и населения ПВХО[220]. 7 июля 1941 г. было подписано постановление Крымского обкома ВКП(б) № 1226 «О создании народного ополчения»[221]. На следующий день был издан соответствующий приказ командующего Черноморского флота, а 10 июля принято постановление на заседании бюро Севастопольского горкома партии[222].

В городе был создан штаб по формированию ополчения, который возглавил секретарь горкома Б. А. Борисов[223]. В городских районах были образованы «тройки» из первых секретарей райкомов партии, председателей исполкомов райсоветов и райвоенкомов, которые занимались отбором будущих бойцов.

Запись в ополчение производилась на всех предприятиях и в учреждениях города из лиц не младше 15 лет, приоритет имели члены партии, комсомольцы, активисты оборонных и спортивных обществ, а также бойцы группы содействия истребительного батальона и отрядов содействия ПВО. В соединение не брали призывников 1-й категории и имевших на руках мобилизационные предписания, а также бойцов истребительного батальона.

Уже в первые дни насчитывалось 10 тыс. добровольцев, затем их число увеличилось до 15 тыс. человек[224]. Нередко в ополчение записывались целыми трудовыми коллективами. Так, на Севастопольском морском заводе заявление подали 3 тыс. человек, в трамвайном тресте, артелях «Техрезина», «Химчистка», «Парижская коммуна», «Красный мебельщик» – большинство работников[225].

---

[220] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 150.
[221] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 17–21.
[222] Колесник А. Д. Народное ополчение городов-героев. М., 1974. С. 356.
[223] ГАРК.Ф. П- 35. Оп. 1. Д. 203. Л. 18.
[224] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т.XXX. Севастополь, 1963. С. 117.
[225] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 22.

Наряду с добровольным вступлением в ряды ополчения, в отдельных случаях имело место и принуждение, что в первую очередь затронуло членов партии. Так, от вступления в ополчение отказалась по причине здоровья работница морского завода М. Н. Ежова (1892 г. р.), опрометчиво заявив, что «не всем надо записываться». За это женщина была исключена из партии «за проявление трусости и политическую неустойчивость»[226].

При комплектовании дивизии, состоявшей из пяти полков (позднее – бригад), был принят производственно-территориальный принцип, т. е. подразделения были составлены из жителей одного района или работников одного предприятия. По воспоминаниям Е. С. Дженевиз, в составе 4-го полка был создан отдельный «женский» батальон (около 600 человек)[227].

В состав соединения вошел и Севастопольский коммунистический полк, созданный 15 июля 1941 г. по решению Крымского обкома партии[228]. Численность полка составляла 1 тыс. человек, комплектовался он только за счет не подлежащих призыву мужчин – коммунистов (75 % личного состава) и комсомольцев (25 %). Командиром был назначен капитан Н. Кирсанов, военкомом – редактор газеты «Маяк Коммуны» Н. Болтин[229].

На заседании бюро горкома партии 10 июля 1941 г. командиром соединения был утвержден выпускник Военной академии им. М. В. Фрунзе полковник М. М. Шаповалов[230]. Кадровых командиров (по состоянию на 14 августа) насчитывалось всего 15 человек[231]. При содействии Военного совета флота из числа добровольцев было подготовлено до 600 командиров, однако уровень их подготовки оставался очень низким. Так, 16 июля был снят с должности командир 1-го батальона 2-го полка Зиненко, который вообще не обладал военными знаниями[232].

---

[226] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 201. Л. 22; Д. 206. Л. 27.
[227] Дженевиз-Якушечкина Е. С. <Воспоминания> / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 254.
[228] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1522. Л. 119.
[229] ГАРК. Ф. П- 35. Оп. 1. Д. 206. Л. 55.
[230] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 156.
[231] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 222. Л. 22.
[232] Там же. Л. 7.

В первой половине июля проводилась проверка личного состава, в ходе которой из списков исключили людей, неспособных к военной службе, а также бойцов МПВО и истребительного батальона. К 18 июля число ополченцев составило 10 222 человека[233]. Таким образом, Севастопольское соединение можно считать первым крупным формированием народного ополчения в Крыму.

Военная подготовка севастопольских ополченцев была неудовлетворительной. По состоянию на 15 июля 1941 г. из 9 610 человек личного состава только 3 196 человек (33 %) имели навыки владения оружием. Большинство обученных приходилось на 1-й полк – 1 495 из 2 657 человек (56 %). Объясняется это тем, что полк был сформирован из работников Севастопольского морского завода, на котором еще до войны большое внимание уделялось оборонной работе. В остальных подразделениях сложилась следующая ситуация: во 2-м и 3-м полках количество обученных составляло 24 %, в 4-м – 35 %, в 5-м – всего 15 % (288 из 1 934 человек)[234].

Обучение ополченцев осуществлялась на основе программы, рассчитанной на 116 часов (для сандружин в объеме 42 часов). Она включала в себя тактическую, строевую и инженерную подготовку, стрелковое дело, основы ПВО-ПВХО, основы рукопашного боя. Занятия проводились три раза в неделю по три часа в день; обучение комсостава осуществлялось два раза в неделю, по четыре часа. На обучение бойцов коммунистического полка отводилось четыре часа в день[235].

Освоение учебной программы существенно осложнялось рядом факторов. Значительное число ополченцев были работниками оборонных предприятий, что предопределило низкую явку на занятия и замедляло процесс обучения и боевого сколачивания подразделений. Так, 20 июля на сбор 1-го стрелкового полка явилось всего 1 322 человека (т. е. 50 % списочного состава)[236].

---

[233] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 206. Л. 35.
[234] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 222. Л. 13.
[235] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 62. Л. 4.
[236] Колесник А. Д. Народное ополчение городов-героев. М., 1974. С. 276.

Сказывалось и «совершенно недостаточное количество, а местами и отсутствие учебных пособий»[237]. Особенно острой была проблема обеспечения стрелковым оружием и боеприпасами. По разным подсчетам, всего в соединении насчитывалось от 300 до 400 учебных винтовок, несколько ручных и станковых пулеметов[238]. Лучше всех были обеспечены подразделения 3-го полка, сформированного из служащих предприятий тыла флота: по состоянию на 29 июля на 1613 человек имелось 150 винтовок, четыре станковых и один ручной пулемет[239].

Проблему нехватки оружия пытались решить путем передачи ополченцам оружия и снаряжения, изъятого у населения. Так, подразделения гидрометеослужбы были оснащены мелкокалиберными винтовками, «берданками» и только одной «настоящей винтовкой»[240].

Высоким качеством подготовки и организованностью отличались бойцы 1-го и 3-го полков[241]. Несмотря на высокую занятость на производстве личного состава, командование полков смогло обеспечить планомерное обучение большинства ополченцев. На последнем месте постоянно находился 5-й полк (работники предприятий и учреждений Центрального района)[242].

Задачи, которые стояли перед севастопольскими ополченцами, были определены в приказе начальника гарнизона от 12 июля 1941 г.: подразделения распределялись между секторами обороны для отражения возможного воздушного или морского десанта[243].

Наиболее подготовленных севастопольских ополченцев уже в июле 1941 г. стали призывать в ряды Красной армии (только за этот месяц – 527 человек). Массовый призыв и ротация личного состава Севастопольского соединения и истребительного батальона приходятся на вторую половину августа 1941 г., что было связано с ухудшением положения на подступах к Крымскому полуострову.

---

[237] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 62. Л. 4.
[238] АГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 43. Л. 98.
[239] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 43.
[240] Мельник Е. П. Дорога к подполью. Записки. Симферополь, 1961. С. 11.
[241] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 206. Л. 43.
[242] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 51,54.
[243] Иванов В. Б. Севастопольская оборона 1941–1944 в официальных документах. Севастополь, 2004. С.18–21.

В это время на базе 9-го стрелкового корпуса начинается формирование 51-й отдельной армии, предназначенной для обороны Крыма. Для обеспечения армии пополнением были приняты директива Ставки ВГК № 00931 (от 14 августа 1941 г.) и постановление ГКО № 488сс (от 15 августа), согласно которым на территории Крымской АССР призывались военнообязанные 1895–1904 годов рождения, а также призывники 1922–1923 годов рождения[244].

Приказом № 001 командующего 51-й армии от 17 августа 1941 г. началось формирование четырех Крымских дивизий народного ополчения, которые изначально создавались как полноценные воинские формирования. Одним из источников их пополнения стали различные добровольческие формирования Крыма, в том числе из Севастополя. Точное число призванных в армию севастопольцев неизвестно, но, по оценке А. Д. Колесника, их насчитывалось нескольких тысяч человек[245]. Также в крымские дивизии было передано все исправное оружие севастопольских ополченцев[246].

Был проведен призыв в армию членов партии, многие из которых числились ополченцами. Постановлением бюро Севастопольского горкома партии от 10 сентября 1941 г. было призвано 105 севастопольских и 20 балаклавских коммунистов[247]. Известны случаи отказа от партийной мобилизации, например, 15 сентября за это был исключен из партии технолог «Электромортреста» И. М. Масалов[248].

Осенью 1941 г. для соединения была характерна большая текучесть кадров, т. к. помимо мобилизаций началась эвакуация предприятий вместе со всем персоналом. Численность личного состава сократилась в два раза, поэтому к 20 сентября пять бригад были переформированы в три (1-я, 13-я и 19-я).

Решением бюро горкома партии с 20 сентября 1941 г. 1 575 ополченцев были переведены на казарменное положение[249]. Уже на следующий день, 21

---

[244] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941. Т. 16 (5-1). М.: Терра, 1996. С. 113.
[245] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 82; Колесник А. Д. Народное ополчение городов-героев. М., 1974. С. 277.
[246] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т. XXX. Севастополь, 1963. С. 119.
[247] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 201. Л.73; Д. 203. Л. 46.
[248] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 201. Л.91.
[249] Там же. Л. 77.

сентября, были переведены на казарменное положение еще 690 ополченцев[250]. По состоянию на 30 сентября численность личного состава Севастопольского соединения составляла всего 5 510 человек, 25 октября – 5 362 человека (в том числе, 4 642 мужчины и 720 женщин)[251].

Сократился и списочный состав истребительного батальона. Согласно записке № 1739-с от 10 октября 1941 г., подписанной секретарем обкома ВКП(б) Воробьевым, военкомом республики Г. А. Барановым и наркомом НКВД КАССР Г. Т. Каранадзе, предписывалось в срок до 14 октября доукомплектовать батальон до штата из военнообязанных и невоеннообязанных коммунистов и комсомольцев[252].

На протяжении сентября и октября в подразделениях народного ополчения продолжали проводиться занятия, стрельбы, обкатка бойцов танкетками[253]. В первой половине октября обучение проходили 2 292 ополченца, т. е. до 40 % личного состава. Среди основных недостатков обучения по-прежнему назывались плохая посещаемость, неудовлетворительная подготовка командиров и низкая дисциплина. Так, был зафиксирован случай выхода из рядов ополчения бойцов 19-й бригады – адвокатов Зверева и Захарчука[254]. Как признает бывший начальник штаба Приморской армии Н. И. Крылов, вплоть до самого начала обороны так и не был решен вопрос со снабжением ополченцев оружием[255].

В отличие от дивизий народного ополчения Москвы и Ленинграда, севастопольское соединение так и не стало полноценным воинским формированием. Не принималось оно в расчет и крымским командованием. Личный состав ограниченно использовался для патрулирования и в строительстве оборонительных сооружений. Вместе с тем, вплоть до введения всеобщего военного обучения, соединение являлось крупнейшим городским военно-

[250] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 222. Л. 23–24.
[251] Там же. Л. 33–34.
[252] ГАРК. Ф.П-35. Оп.1. Д. 203. Л. 64.
[253] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 222. Л. 23.
[254] Там же. Л. 33–34.
[255] Крылов Н. И. Не померкнет никогда. М., 1984. С. 290.

учебным формированием, в рядах которого прошли подготовку тысячи севастопольцев.

Заметную роль в массовой военной подготовке населения Советского Союза сыграло постановление Государственного комитета обороны № 690 от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»[256]. С 1 октября на всей территории страны вводилось обязательное военное обучение для граждан мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет. В первую очередь к этому привлекали допризывников 1923 и 1924 г. р., а также военнообязанных из числа необученных в возрасте до 45 лет.

21 сентября 1941 г. было принято соответствующее постановление Крымского обкома партии[257]. Только 26 сентября постановление ГКО стало предметом рассмотрения на заседании бюро Севастопольского горкома партии. На нем было принято решение активно вовлекать в процесс обучения население, а также установлено, что занятия должны проводиться по три часа в день (с 18.00 до 21.00) [258]. По договоренности с Военным советом флота и обкомом партии, от военного обучения были освобождены рабочие завода № 201, предприятий тыла ЧФ, однако уже с середины октября данное ограничение было снято.

Судя по количеству лиц, подлежащих обучению, к осени большинство жителей уже имели военную подготовку. К 1 октября в Севастополе работало пять военно-учебных пункта горвоенкомата, на которых прошли обучение 450 человек. В учебных заведениях продолжали подготовку еще 1 004 человека[259]. По состоянию на 13 октября 1941 г., обучению подлежало 4 031 человек: 1 342 человека в Центральном, 1 449 человек в Северном и 1 240 человек в Корабельном районах. Из них проходили подготовку на пунктах горвоенкомата – 464 человека, на заводе № 201 – 1 096 человек, на заводе № 45 – 80 человек, в судостроительном техникуме – 198 человек, в ремесленных училищах –

[256] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 7. 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. С.241–242.
[257] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1523. Л. 130–131.
[258] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 83.
[259] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 73.

268 человек, в средних школах – 290 человек, в учреждениях флота – 942 человека[260].

За основу была взята 116-часовая учебная программа, которая применялась в соединении народного ополчения. Особое внимание обращалось на строевую подготовку, овладение винтовкой, пулеметом, минометом и ручной гранатой, на противохимическую защиту, рытье окопов и маскировку.

Реализация постановления о всевобуче существенно осложнялась рядом факторов. Во-первых, освоение военных дисциплин существенно сдерживалось низкой посещаемостью. При этом имели место не только прогулы по уважительной причине, что было характерно для работников оборонных предприятий, но и уклонение. Так, в конце октября хуже всего посещали занятия работники Горторга, конторы «Заготзерно», артели «Парижская коммуна» и Госбанка[261].

Во-вторых, не была решена проблема нехватки учебного оружия. От командования ополчения было получено только 100 учебных винтовок. Проблему пытались решить в том числе за счет организации сбора боеприпасов на местах дислокации Приморской армии, к тому времени эвакуированной из Одессы[262].

Таким образом, к началу осады Севастополя процесс военного обучения жителей Севастополя был организован на базе соединения народного ополчения, в военно-учебных пунктах военкомата (всевобуч), на предприятиях и в подразделениях Осоавиахима. Количество обучающихся постоянно сокращалось по причине начавшейся массовой эвакуации работников оборонных предприятий.

30 октября 1941 г., в ходе заседания городского комитета обороны, был сделан неутешительный вывод по выполнению постановления ГКО о всеобщем военном обучении: «за последнее время снизилась посещаемость занятий всеобуча и народного ополчения, вследствие ослабления контроля за ходом выполнения постановления о всеобуче со стороны партийных и советских организаций». Было

[260] ГАРК. Ф. П -35. Оп.1. Д. 222. Л. 30–31.
[261] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 103.
[262] Там же. Л. 102.

принято решение провести полный охват обучением горожан, усилить «работу по дальнейшему вовлечению в ряды народного ополчения трудящихся»[263].

Реализовать данные указания в условиях начавшегося первого штурма города не представлялось возможным. В последние дни перед началом обороны, 29–30 октября 1941 г., военным командованием проводилось экстренное формирование подразделений из экипажей кораблей, личного состава частей Береговой обороны, военных училищ и жителей города. В частности, были призваны в армию бойцы истребительного батальона (150 человек) и коммунистического отряда (100 человек)[264]. Жители города пополняли и особые отделы Приморской армии, о чем свидетельствует записка зам. начальника особого отдела Приморской армии капитана ГБ М. Э. Мильштейна к секретарю горкома с просьбой о выделении 10 коммунистов и комсомольцев[265].

Необходимо упомянуть и о Севастопольском партизанском отряде, который формировался под руководством Б. А. Борисова и К. Н. Нефедова с лета 1941 г. В августе его численность составляла 215 человек – в основном работники морского завода, железнодорожной станции, пригородных совхозов, а также старшеклассники городских школ. Командиром отряда был назначен В. В. Красников, комиссаром – Г. Василенко. Партизаны проходили специальную подготовку в районе Алсу[266]. В то же время был сформирован и Балаклавский отряд, в который вошли сотрудники горкома партии, работники консервного завода и местных совхозов. Его командиром стал Н. Газиев, комиссаром – Бектилеев.

Официально из состава соединения народного ополчения в первые дни обороны было призвано 510 ополченцев – даже в условиях острой нехватки людей городское руководство не решилось на полную мобилизацию работников

[263] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
[264] Колесник А. Д. Указ. соч. С. 278
[265] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 210. Л. 49.
[266] История города-героя Севастополя. 1917–1957. Киев: Изд-во АН Укр. ССР, 1958. С. 209.

оборонных предприятиях. В эти же дни ушел на фронт Балаклавский отряд народного ополчения (40 человек)[267].

Жители Севастополя, зачисленные в различные воинские подразделения СОР, принимали активное участие в отражении первого штурма города. Наличие в подразделениях обороняющихся гражданских лиц отмечает в своих воспоминаниях немецкий врач Г. Бидерман: «Против нас была сосредоточена отборная советская морская пехота, а ее ряды были укреплены рабочими отрядами, призванными с заводов и доков Севастополя»[268].

Оставшиеся ополченцы были определены в различные вспомогательные подразделения. Так, приказом командующего СОР от 10 ноября был воссоздан истребительный батальон, подчинявшийся начальнику гарнизона. Основу подразделения составили военнослужащие 24-й погранкомендатуры, береговой обороны и запасных подразделений[269], однако, по некоторым данным, на его формирование были направлены и бывшие ополченцы[270]. По воспоминания И. К. Калюжного, военнослужащего 54-го железнодорожного полка, занимавшегося охраной стратегических объектов, в середине ноября 1941 г. их сменили ополченцы[271].

Фактически в первые дни ноября соединение перестало существовать: большинство ополченцев были эвакуированы, призваны в армию или направлены на создаваемые оборонные предприятия. В подразделения, оборонявшие город, было передано все имевшееся учебное оружие, в том числе 2800 винтовок[272]. Военное обучение жителей города было свернуто: большинство трудоспособного населения города было призвано на фронт или задействовано в организации оборонной промышленности.

После вступления в должность командующего СОР Ф. С. Октябрьского происходит усиление режимных мероприятий, что было связано с прибытием в

---

[267] Курочкин М. К., Луценко Б. С., Семиглазов Н. И. Балаклавские высоты. Симферополь: Таврия, 1983. С. 23.
[268] Бидерман Г. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2005. С. 61.
[269] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
[270] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 33.
[271] Народный музей севастопольской полиции (милиции) им. М. С. Казакевича. Калюжный И. К. Воспоминания.
[272] Крылов Н. И. Огненный бастион. М., 1973. С. 29–30, 31–32.

город значительных масс эвакуированного населения и войск, вышедших из окружения. В первые дни обороны в городе имели место проявления панических настроений и мародерство. Так, в дневнике П. И. Мусьякова есть следующая запись от 18 ноября: «В городе по ночам тихо. Все население в убежищах, в подвалах. Зияют разбитые окна. Начинается мародерство. Грабят в первую очередь квартиры командиров. Очень плохо, что милиция и органы НКВД пока никого еще не расстреляли»[273]. А. С. Пантюшенко эмоционально пишет в своих заметках: «В Севастополе паника. Горят склады. Идет грабеж. Идут открытые разговоры об эвакуации (сдаче) Севастополя»[274]. В документах фиксировалась критика действий властей и антисоветские высказывания. Например, житель города С. Иваненко заявлял: «Придет немец – жизнь будет лучше, немцы технически развиты, оружие советское совсем не годится. Наши несколько раз выстрелят и бегут»[275].

Общее представление о деятельности правоохранительных органов дает докладная записка начальника управлении милиции НКВД Крымской АССР М. С. Казакевича и начальника Севастопольского ГОМ В. И. Бузина о результатах работы милиции с 1 по 25 ноября[276]. Совместными военно-милицейскими патрулями в данный период были задержаны 31 дезертир, 161 уклонист и 1 230 человек, самовольно отлучившихся и отставших от своих частей. При этом материалы на 23 человек, замеченных в «контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» были переданы в «оперативно-чекистский отдел»[277].

Количество задержанных жителей города, по крайней мере, в ноябре, значительно меньше, чем военнослужащих. Так, было арестовано 10 человек, совершивших хищения из учреждений, 13 человек – из квартир эвакуированных граждан, при этом на месте был расстрелян один человек (уголовник

---

[273] Мусьяков П. И. Севастопольские дни. Из дневника редактора газеты «Красный Черноморец» [Электронный ресурс]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (дата обращения: 09.09.2020).
[274]Пантюшенко А. С. Мозаика войны // Москва – Крым. 2003. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/pantushenko.html (дата обращения: 13.08.2020).
[275] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 211. Л. 4–5.
[276] Там же. Л. 2–5.
[277] Там же. Л. 2.

О. А. Васильев-Быков, пойманный на краже склада МПВО). Примечательно, что арестован был всего один переброшенный противником диверсант[278].

Борьба с паникерами и мародерами была бескомпромиссная. Например, 21 декабря 1941 г. в заметке капитана милиции В. И. Бузина сообщалось, что были задержаны и расстреляны на месте преступления граждане О. А. Васильев и С. Грищенко, расстреляны по приговору военного трибунала М. А. Гребенюк и Денесюк, арестованы В. Зайцев, А. В. Пономаренков, В. Е. Борисенко, С. С. Свириденко и др.[279]

Приказом командующего флотом от 10 ноября 1941 г. № 10-11/2-пох. организация «революционного порядка» в пределах города Севастополя возлагалась на начальника гарнизона П. А. Моргунова[280]. Общее руководство мероприятиями было возложено на коменданта 24-й отдельной пограничной комендатуры Черноморского погранокруга войск НКВД и горотдел милиции.

Численность личного состава правоохранительных органов в первые дни обороны существенно сократилась, даже с учетом того, что в город прибыли сотрудники из других крымских городов (на начало ноября – 203 человека)[281]. Для их усиления привлекались военнослужащие, а также небольшие подразделения из горожан, которые занимались патрулированием и охраной предприятий. Их точная численность неизвестна, однако по состоянию на 10 ноября 1941 г. в резерве гарнизона насчитывалось ок. 2 500 чел., большинство из которых были мобилизованными жителями Севастополя[282].

Несмотря на проведенные мероприятия, на протяжении всей осады продолжали фиксироваться факты мародерства и хищений. В связи с этим 3 марта 1942 г. было принято постановление горкома обороны «Об охране военного имущества Красной Армии от расхищения»[283]. Через месяц, 8 апреля, на

---

[278] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.
[279] Красный Крым. 1941. 22 декабря. С. 4.
[280] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
[281] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.
[282] Историку на заметку. Из архива адмирала Ф. С. Октябрьского / Автор-составитель Р. Ф. Октябрьская. Севастополь: Мистэ, 2013. С. 102.
[283] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

заседании бюро горкома обороны было принято решение об усилении охраны предприятий, в том числе за счет привлечения коммунистов и комсомольцев[284].

Только после окончания второго штурма города и установления временного затишья на фронте городские власти вернулись к вопросу военного обучения населения и подготовки обученного резерва. Тем более мобилизационный резерв существенно сократился в декабре, когда были призваны в армию 1 158 жителей города[285].

Соответствующее решение было принято 31 января 1942 г. на заседании комитета обороны. Организация и проведение мероприятий были возложены на военкома подполковника Ф. Г. Самусевича, городской совет Осоавиахима, РОКК и автомотоклуб, кураторами были назначены военные отделы горкома и райкомов ВКП(б), а также горком ВЛКСМ. При этом обращалось особое внимание на подготовку узких специалистов: радистов, минометчиков, гранатометчиков, инструкторов ПВХО и стрелкового дела, медсестер и сандружинниц[286].

Зимой 1942 г. в Севастополе работали городской военно-учебный пункт военкомата и курсы по обучению военным специальностям. Также продолжили работу курсы медсестер запаса РОКК, на которых к 1 марта обучалось 40 женщин[287], и кружки на городских предприятиях. Например, на заводе № 201 военной подготовкой было охвачено 70 % подлежащих обучению[288], на Спецкомбинате № 2 – все военнообязанные; за январь–апрель 1942 г. там было подготовлено 30 значкистов[289].

В начале февраля были организованы дополнительные учебные курсы: по подготовке радистов (набрано две группы призывников и две группы девушек), минометчиков, гранатометчиков, инструкторов ПВХО и стрелкового дела, медсестер и сандружинниц, мотоциклистов и шоферов[290]. Тогда же была открыта школа для профессионального обучения водителей автомашин и мотоциклов при

---

[284] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
[285] Моргунов П. А. Героический Севастополь. М., 1979. С. 153.
[286] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–19.
[287] Красный Крым. 1942. 2 марта. № 61. С. 3.
[288] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 92.
[289] Там же. Л. 160.
[290] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

автомотоклубе, курсы при клубе водников, кружки в Управлении пожарной охраны и на станции Севастополь[291].

По состоянию на 26 марта 1942 г. только в школах мотоциклистов, радистов и медсестер обучалось 200 человек[292]. Некоторых граждан, окончивших курсы, незамедлительно призывали в армию. Так, для укомплектования личным составом артиллерийских наблюдательных пунктов было призвано 60 человек, обученных работе на радиостанциях[293].

В соответствии с постановлением бюро горкома ВКП(б) от 22 марта 1942 г., к всевобучу в обязательном порядке привлекались все жители Севастополя в возрасте от 16 до 50 лет. При этом особое внимание уделялось обучению работников оборонных предприятий: на третью декаду апреля было намечено создание военно-учебных пунктов на заводе «Молот» и Спецкомбинате № 1[294].

В марте 1942 г. при клубе «Трансэлектро» был открыт общегородской пункт Осоавиахима по военному обучению призывников 1923–1924 годов рождения. Возобновили работу 26 первичных организаций Осоавиахима, в том числе в Госбанке, тресте питания, городской пожарной охране и др.[295]

Некоторые итоги всевобуча были подведены 2 апреля 1942 г. на совещании, которое проводил горком партии и горвоенкомат. На нем присутствовали заведующие военными отделами райкомов, работники Осоавиахима, военруки предприятий и учреждений, которые в своих выступлениях отметили широкое распространение военного обучения. При этом среди недостатков назывались слабая подготовка командиров отделений, недостаток пособий, литературы и оружия[296].

Ситуацию с военным обучением в Центральном районе подробно описал в своей статье зав. военным отделом райкома В. И. Осадчий. В частности, он отмечал, что в январе-феврале «не все было ладно» с организацией всевобуча и

---

[291] Красный Крым. 1942. 10 февраля. № 41. С. 3.
[292] Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. Симферополь: Таврия, 1973. С. 117.
[293] Крылов Н. И. Огненный бастион. М., 1975. С. 138.
[294] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 46.
[295] Красный Крым. 1942. 1 марта. № 60. С. 2.; 22 марта. № 81. С. 3.
[296] Красный Крым. 1942. 4 апреля. № 94. С. 2.

только «в последние месяц-полтора район всерьез подошел к осуществлению этого важного дела». К началу апреля обучением были охвачены 80–90 % рабочих и служащих района, почти на всех предприятиях созданы учебные пункты[297].

К обучению в военных кружках привлекалось большое количество женщин. Видимо, это дало повод Н. И. Крылову написать в своих воспоминаниях о том, что весной 1942 г. в городе были женские добровольческие роты – «единственные подразделения городского ополчения, которые, несмотря на настойчивые просьбы их бойцов, не влиты пока в состав действующих частей»[298].

Несмотря на проведенную работу, на собрание партактива, которое проходило 12 мая 1942 г., а также на собраниях первичных организаций, были отмечены многочисленные недостатки. В частности, на заводе № 201 «военной подготовкой стали заниматься поздно», проходила она плохо, в связи с отсутствием командного состава. В пожарной охране при проверке команды № 3 были выявлены люди, которые «до сих пор не знают винтовку». Начальник пожарной команды № 1 Г. Т. Вернигора отмечал, что «за последнее время у нас оборонная работа остыла. Нам никто не дает военрука»[299].

В целом за время осады Севастополя, согласно официальным данным горкома партии, по линии всевобуча подготовлено более 5 тыс. человек по разным военным специальностям (в т. ч. 500 шоферов и 200 радистов), а также 600 медсестер, санитарок и сандружинниц[300]. По медработникам есть и другие данные: на курсах РОКК подготовлено 245 медсестер, 300 санитарок и 500 человек для обслуживания госпиталей[301]. Точные данные по общему числу прошедших обучение неизвестны, однако можно говорить о том, что значительная часть населения, в первую очередь работники предприятий и учреждений, получила по крайней мере первичную подготовку.

---

[297] «Красный Крым». 1942. 9 апреля № 99. С. 2.
[298] Крылов Н. И. Огненный бастион. М., 1975. С. 133.
[299] Итоги проведения партсобраний первичных организации по вопросу «Итоги городского партактива и очередные задачи Севастопольской организации». СВИМЗ. А-1754 / КП-5422 Л. 42, 45.
[300] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 82; Караев Г. Н. Оборона Севастополя (военно-исторический очерк). Ленинград, 1956. С. 77.
[301] История города-героя Севастополя 1917–1957 Киев, 1958. С. 248.

С конца апреля – первой половины мая 1942 г. начинается усиление бомбардировок города, вследствие чего военное обучение было свернуто. Подготовленный резерв был задействован в ходе подготовки и отражения третьего штурма Севастополя.

В соответствии с постановлением горкома обороны от 15 мая 1942 г. на предприятиях и в учреждениях были выявлены военнообязанные для дальнейшей мобилизации, при этом первоочередной отправке в войска подлежали «прошедшие школу в народном ополчении»[302]. В том же постановлении давалось указание о начале формирования вооруженных добровольческих подразделений – рабочих дружин и боевых взводов МПВО[303].

Рабочие дружины создавались на основных предприятиях города, весь личный состав считался мобилизованным, при этом 50 % переводилось на казарменное положение. В оперативном отношении подразделения подчинялись командирам секторов и использовались для охраны предприятий. Также предполагалось их привлечение в борьбе с авиадесантными группами противника.

Работа по организации и обучению дружин была возложена на начальника городского отдела милиции В. И. Бузина, секретаря горкома по промышленности А. А. Сарину и секретарей райкомов партии. К 17 мая было сформировано 13 боевых дружин, в которых числилось 810 человек[304]. Позднее число дружин возросло до 30, в них насчитывалось более 1 500 севастопольцев[305]. На некоторых предприятиях, например, на заводе «Молот», в них записались все способные носить оружие.

В постановлении Военного Совета ЧФ № К-00175 от 14 мая 1942 г. давалось указание выдать ополченцам «все, что найдется из оружия, а тем, кому не хватает оружия, выдать по пять гранат, выдать охотничьи ружья и клинки»[306]. В итоге флотом были выделены трофейные винтовки и несколько пулеметов,

[302] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 44–45.
[303] Там же. Л. 44–45.
[304] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.
[305] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
[306] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.

однако в недостаточном количестве. Частично потребности были покрыты собственными силами: на Спецкомбинате № 1 во внеурочное время были изготовлены несколько минометов, мины и гранаты.

Несмотря на предпринятые меры, оружия не хватало, в связи с чем 25 мая Б. А. Борисов направил записку генерал-майору П. А. Моргунову, в которой просил выделить для боевых дружин 200 винтовок (из расчета 1 винтовка на 4-х ополченцев), 12 000 патронов, 4 500 гранат; для боевых взводов МПВО – 60 винтовок, 3 600 патронов, 600 гранат[307].

Было организовано ускоренное обучение дружинников противодесантной обороне, причем, как отмечал Б. А. Борисов, «борьбе с парашютистами обучались не только боевые дружины и команды МПВО, но и буквально все жители»[308]. В периодической печати размещали материалы, посвященные стрелковому оружию, гранатам, оборонительным сооружениям, особенностям работы МПВО и т. д. Например, 23 мая в газете «Маяк Коммуны» была опубликована статья, в которой описывались особенности боевого применения гранаты Ф-1[309].

26 мая 1942 г. на заседании комитета обороны, посвященном подготовке населения к вооруженной борьбе в городе, было принято решение о формировании из мужчин, способных носить оружие, резерва боевых дружин. При этом полной мобилизации подлежали коммунисты и комсомольцы, женщины – на добровольной основе[310].

Основные задачи, стоявшие перед ополченцами, были сформулированы в письме горкома обороны от 6 июня: «готовить холодное оружие, огневые точки, зорко охранять производства, соблюдать железную дисциплину, ликвидировать очаги поражения, тушить пожары». При этом отмечалось, что «боевые дружины <…> уже сейчас показали в большинстве своем сплоченность, организованность, стремление к мщению ненавистному врагу. Охраняя предприятия, бойцы боевых

[307] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.
[308] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 252.
[309] «Маяк Коммуны». 1942. 23 мая. С. 4.
[310] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

дружин принимают активное участие в ликвидации пожаров, завалов дорог, зорко неся наблюдение за воздухом»[311].

По причине больших потерь, которые понесли части СОР во время третьего штурма города, Военный совет флота 12 июня 1942 г. впервые распорядился отправить на фронт 250 человек из состава боевых дружин Спецкомбината № 1, железнодорожного узла, заводов № 201 и «Молот»[312]. В итоге в армию были направлены 256 человек, в первую очередь – обученные по специальностям «минометчик», «пулеметчик» и «артиллерист». Вместо них добровольческие подразделения были пополнены бойцами из резерва.

Дружинники незамедлительно вливались в состав боевых подразделений. М. Г. Байсак вспоминает, что в один из июньских дней 1942 г. в 8-ю бригаду морской пехоты прибыл И. И. Бакши и 200 ополченцев, вооруженных минометами[313].

15 июня на заседании комитета обороны ГорКО решались вопросы призыва добровольцев и женщин в ряды Красной армии и флота. По его итогам было принято решение «в связи с указанием Военного Совета о призыве добровольцев и мобилизации женщин в тыловые учреждении и госпитали армии и флота» развернуть на предприятиях и в учреждениях города массово-разъяснительную работу по призыву жительниц города в ряды армии и флота[314]. В трехдневный срок районные комитеты партии и комсомола должны были направить в военкомат от каждого городского района по 75 женщин в возрасте 18–35 лет. В итоге было призвано 225 человек[315].

Следующая группа дружинников (465 человек) была отправлена на фронт постановлением, принятым 17 июня на заседании комитета обороны[316]. В то же время был поставлен вопрос о подготовке резерва: в его состав было включено 450 человек.

---

[311] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.
[312] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–62.
[313] Байсак М. Г. Тех дней не смолкнет слава. Симферополь: Таврия, 2005. С. 116.
[314] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.
[315] Крым в период Великой Отечественной войны. Симферополь, 1973. С. 155.
[316] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 63–64.

Через два дня, согласно постановлению комитета обороны от 19 июня, из состава боевых дружин Севастополя и Балаклавы на фронт было выделено еще 300 бойцов, практически половина из них – 120 человек – работники Спецкомбината № 1[317]. Также 19 июня на фронт был отправлен большой отряд работников городского отдела милиции (до 120 человек). Оставшиеся сотрудники продолжали патрулировать город, охраняли объекты, принимали участие в эвакуации населения[318].

Таким образом, к 20 июня 1942 г. в армию из состава боевых дружин было мобилизовано около 1 000 человек[319]. Еще около 1 000 человек находились в резерве и были задействованы в охране предприятий, тушении пожаров и разборе завалов[320].

Впервые бойцы рабочих дружин приняли непосредственное участие в боях, когда противник вышел на Северную сторону. Участие гражданского населения в боях с наступающими немецкими подразделениями отмечает и противник: «На закрытой местности, застроенной сельскими домами, фабричными и портовыми сооружениями, развернулись ожесточенные бои, к тому же в них участвовало гражданское население»[321]. В последние дни обороны Севастополя ополченцы полностью разделили участь воинов Севастопольского оборонительного района.

Мероприятия городского руководства по обучению населения и созданию народного ополчения сыграли большую роль в организации массовой подготовки жителей города. Данные мероприятия проводились на базе трех основных структур: общественных организаций (Осоавиахим, РОКК), соединения народного ополчения и пунктов всевобуча. В итоге значительная часть горожан умели владеть оружием и сыграли роль обученного резерва для Севастопольского оборонительного района.

II. 2. Развитие местной противовоздушной обороны

[317] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.
[318] Мешкова Э. Рыцари долга / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. Б. и. С. 12.
[319] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 197.
[320] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 96–99.
[321] Хаупт В. Восточный фронт 1941–1945. М.: Эксмо, 2008. С. 408–409.

Севастополь, как крупный промышленный центр, находившийся в приграничной зоне и имевший статус военно-морской базы, являлся городом-пунктом местной противовоздушной обороны. В соответствии с постановлением СНК СССР от 27 августа 1936 г., руководство МПВО возлагалось на местные органы власти. С 1940 г. МПВО города возглавлял председатель исполкома В. П. Ефремов, комиссаром являлся секретарь горкома ВКП(б) Б. А. Борисов.

Непосредственное руководство работой по проведению защитных мероприятий осуществлял штаб МПВО, подчинявшийся начальнику отделу МПВО НКВД КАССР майору Матюрину. Начальником штаба являлся майор П. М. Бушуев, который взаимодействовал с руководством гарнизона города.

Накануне войны в Севастополе были сформированы подразделения МПВО: штатные участковые команды (в них числилось 666 человек) в городских районах, объектовые команды при предприятиях и группы самозащиты при домоуправлениях. Также в городе имелась городская пожарная охрана НКВД, в состав которой входили три районные команды. Свои команды были сформированы и на крупных предприятиях.

Через школы Осоавиахима и РОКК было организовано обучение населения основам ПВО, ПВХО и ГСО. Профильные кружки действовали на многих предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях города. В последние предвоенные месяцы власти Севастополя организовывали регулярные учения по противовоздушной обороне, в которых была задействована значительная часть населения города. Обычно они совмещались с учениями Черноморского флота.

На время их проведения ограничивалось передвижение людей и транспорта в темное время суток, отрабатывались оповещение о воздушном налете, светомаскировка, помощь пострадавшим и тушение пожаров. Х. И. Ислямова вспоминала: «Не было дома, чтобы свет был, раз маскировка, то в городе ни грамма света нет. Если не сделаешь, свет покажется, сразу штрафовали, а то и арестовать могли, строго было»[322].

[322] Ислямова Х. И. Интервью / Драбкин А. В. По локоть в крови. Красный Крест Красной Армии. М.: Яуза, 2010. С. 389.

Несмотря на то, что значительная городского населения прошла подготовку по нормам МПВО, в данной сфере были существенные недостатки, что признает в своих воспоминаниях Б. А. Борисов[323]. На заседании бюро Крымского обкома ВКП(б), проходившем 30–31 мая 1941 г., Севастополь был назван в числе городов, где граждане, закончившие школы Осоавиахима, не умели обращаться с неразорвавшейся бомбой, разбирать завалы, распознавать самолеты противника[324].

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. подразделения МПВО Севастополя были подняты по тревоги и к началу бомбардировки успели занять свои посты[325]. В то же время для значительной части населения города воздушный налет, начавшийся в 03 часа 15 мин[326], стал полной неожиданностью. П. И. Мусьяков не без основания объяснял это следующим образом: «Люди еще не верили, что это война. Мало ли учебных тревог бывало в Севастополе. Не сразу поверили даже час спустя, когда могучие прожекторы разрезали ночное небо и в их лучах матовым блеском засверкали плоскости больших самолетов»[327].

В ходе первого налета корабельный состав и инфраструктура Черноморского флота не пострадали, но жилому сектору был нанесен значительный ущерб: были разрушены несколько домов и школа в Артиллерийской слободке, а также повреждены здания Института физических методов лечения им. И. М. Сеченова и санатория им. И. В. Сталина.

На место взрывов оперативно прибыли два отделения аварийно-восстановительной команды и два звена медико-санитарной команды МПВО Центрального района, пожарные, сотрудники милиции, которые приступили к спасению пострадавших.

Количество жертв в источниках оценивается по-разному. Так, в донесении секретаря горкома Б. А. Борисова в Крымский обком партии, датированном

---

[323] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 98.
[324] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1521. Л. 127–128.
[325] Красный Крым. 1941. 24 июня. № 147. С. 4.
[326] В докладной записке начальника отдела МПВО НКВД КАССР майора Матюрина начальнику ГУ МПВО указывается другое время начала налета – 02.50 / РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 309. Л. 4.
[327] Мусьяков П. На защите Севастополя. М.: ОГИЗ, 1943. С. 5.

22 июня, говорится о 8 погибших и 148 раненых[328], в следующем донесении от 23 июня – уже о 14 погибших и 170 раненых[329]. В настоящее время считается, что всего погибли 21 человек, 136 были ранены[330].

Повторный налет был произведен 24 июня в 01.40, силы ПВО и МПВО встретили его более организованно[331]. Всего на Севастополь было сброшено не менее 9 бомб, при этом урон был незначительный: повреждена Каменная пристань и база торпедных катеров[332]. В целом службы МПВО в ходе первых налетов действовали слаженно и оперативно, что позволило организовать спасение большого числа раненых и в минимальные сроки ликвидировать последствия взрывов.

В последующие недели, вплоть до середины сентября 1941 г., самолеты противника появлялись в небе над Севастополем нерегулярно и небольшими группами, причем, как замечает А. К. Евсеев, в основном в субботу и воскресенье, днем – для проведения разведки, ночью – для выставления мин на фарватере[333].

Низкая активность немецкой авиации и тыловое положение города позволили провести комплекс мероприятий по защите населения и объектов от нападений с воздуха. Данный вопрос находился под пристальным вниманием городских властей, о чем свидетельствует анализ протоколов заседаний бюро горкома партии.

В начале войны в руководстве штаба МПВО были проведены кадровые изменения: майор П. М. Бушуев в июле был снят с должности и исключен из партии за совершенное правонарушение[334]. На его место был назначен майор Г. В. Зыков, находившийся в этой должности до начала декабря 1941 г. Курировать работу МПВО был назначен 2-й секретарь горкома партии В. И. Кулибаба[335], который нес персональную ответственность за реализацию всех

---

[328] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 3.
[329] Там же. Л. 8.
[330] Байсак М. Г. Тех дней не смолкнет слава. Симферополь, 2005. С. 11.; Доскато О. Так начиналась война / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. Севастополь, 2006. С. 5.
[331] Жилин И. С. По сигналу «Воздух» / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 15.
[332] РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 309. Л. 1, 4.
[333] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 315. Л. 20–21.
[334] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 26
[335] Там же. Л. 1.

мероприятий и являлся докладчиком по данному вопросу на заседаниях бюро горкома партии. Позднее, 25 августа 1941 г., он был назначен на должность военкома штаба МПВО[336] и находился в ней до окончания обороны.

Как говорится в отчете о деятельности МПВО во время обороны, «ГБ и город были единым организмом без вредного разделения на ведомства»[337]. С начала осады города начальник гарнизона города осуществлял не только оперативное руководство подразделениями МПВО, но и давал указания по вопросам организации в боевой подготовке; через него осуществлялась связь с командованием флота и ПВО.

Был определен следующий порядок действий во время воздушного налета. По приказу начальника пункта ПВО давался сигнал «воздушная тревога», для чего использовался гудок завода № 201 (прерывистые короткие гудки – тревога, длинные гудки – отбой), который дублировался по радиотрансляции, а также устно и свистками дежурных на местах. Первое время сигнал подавался при каждом появлении самолета противника в небе над городом, позднее эту практику отменили и давали сигнал только при приближении бомбардировщиков[338]. Данные о результатах налетов поступали к начальнику гарнизона из нескольких источников: НП начальника гарнизона, управление тыла ЧФ, комендант гарнизона, части и учреждения города, МПВО города.

Согласно донесению № 1 НКВД Крымской АССР от 24 июня, к этому дню развертывание системы МПВО республики было закончено, убежища подготовлены, формирования развернуты и приведены в боевую готовность, население начало отрывать щели[339]. В реальности далеко не все было выполнено в должном объеме.

Одним из первых мероприятий стала светомаскировка гражданских объектов, которая была проведена в считанные дни. Одновременно большая часть построек была перекрашена в темные цвета. Как замечал Е. И. Жидилов,

---

[336] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1523. Л. 57.
[337] РГВА. Ф. 37878. Оп.1. Д. 416. Л. 65 об.
[338] Евсеев А. К. Осажденный Севастополь. Л., 1959. С. 32, 35.
[339] РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 309. Л. 1.

«некоторые здания, вид которых радовал раньше глаз, теперь обезображены пестрым камуфляжем, и их не отличить от развалин, от обгоревших коробок домов, которые остались от недавних бомбежек»[340].

Приказом командующего войсками Крыма от 25 июня 1941 г. за нарушение режима светомаскировки были установлены жесткие санкции вплоть до расстрела[341]. На деле до суровых наказаний дело не доходило, например, житель города Д. Н. Мартынишин был оштрафован на 1 500 рублей[342]. За соблюдением маскировки следили не только военные патрули и сотрудники милиции, но и отряды, сформированные из комсомольцев[343]. Как вспоминал Н. Ф. Баранов, «если увидим где огонь в квартире – тут же стрелять <…> и должен сказать, какая дисциплина была у севастопольцев – весь город прибывал в темноте, никто не зажигал огни»[344].

Комплекс принятых мер способствовал маскировке Севастополя, при этом небольшая площадь города и плотность застройки не позволяли полностью обезопасить строения от бомбардировок. Как замечает А. К. Евсеев, «было ясно, что вряд ли такая маскировка могла бы принести какую-нибудь пользу»[345].

С конца июня начали проводиться противопожарные мероприятия: повсеместно создавались запасы песка и воды, крыши домов обрабатывались огнестойким составом, разбирались деревянные строения. Распоряжением заведующего военным отделом Крымского обкома П. М. Крупина от 15 июля 1941 г. в городах Крыма создавались комсомольские бригады, которые занимались контролем противопожарной безопасности на предприятиях[346]. Известно, что к концу июля в этих формированиях насчитывалось 275 севастопольских комсомольцев[347].

---

[340] Жидилов Е. И. Мы отстаивали Севастополь. Горький, 1973. С. 11.
[341] Красный Крым. 1941. 25 июня. № 148. С. 1.
[342] Маяк Коммуны. 1941. 5 августа. С. 4.
[343] Болгари В. П. Интервью [Электронный ресурс]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/bolgari-vladimir-petrovich/ (дата обращения: 13.06.2020).
[344] Баранов Н. Ф. Интервью [Электронный ресурс]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/baranov-nikolay-fedoseevich/ (дата обращения: 12.06.2020).
[345] Евсеев А. К. Осажденный Севастополь. Воспоминания. Л., 1959. С. 23.
[346] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 28.
[347] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 58.

Проведение противопожарных мероприятий проходило медленно. 2 августа 1941 г. на совместном заседании бюро горкома партии и горисполкома было констатировано «крайне неудовлетворительное» состояние противопожарной охраны. Также выяснилось, что на ряде предприятий намеченные мероприятия так и не были реализованы. По итогам заседания было принято решение провести тотальную проверку домов, промышленных площадок и учреждений города, организовать производство инструментов и подвоз песка[348]. Известно, что недостающий пожарный инвентарь был изготовлен на некоторых севастопольских предприятиях, в частности в артели «Молот»[349].

Одним из наиболее острых вопросов, стоявших перед севастопольскими властями, была нехватка оборудованных бомбоубежищ. По мнению А. К. Евсеева, «фактически к началу войны Севастополь не имел бомбоубежищ»[350]. В ходе первых налетов население Севастополя вынуждено было прятаться в малоприспособленных укрытиях – подвалах, старых штольнях, скалах. Уже к вечеру первого дня войны был обустроен подвал под школой № 7 на Пушкинской площади, где разместился аппарат управления горкома партии и комсомола, а также исполкома горсовета[351]. К 28 июня в городе было отрыто 450 щелей (на 7500 человек), также в качестве убежищ использовались 105 подвалов (на 2 254 человека) и пещеры (на 100 человек)[352].

29 июня 1941 г. на заседании бюро горкома партии было принято постановление о создании городского штаба по организации строительства укрытий, который возглавил В. И. Кулибаба. 4 июля 1941 г. в своем отчете в ЦК ВКП(б) секретарь обкома В. С. Булатов отмечал, что в Севастополе «все население обеспечено убежищами»[353]. Фактически деятельность по созданию должным образом оборудованных убежищ только разворачивалась.

---

[348] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 18
[349] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 87–88
[350] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 315. Л. 18.
[351] Лунев П. А. Воспоминания о работе связистов Севастопольской АТС и конторы связи в период обороны города 1941–1942 гг. (1964 г.) / Связь на Украине в годы Великой Отечественной войны / Сост. Н. А. Борисова, Н. И. Лосич, О. В. Фролова и др. СПб: Центральный музей связи им. А. С. Попова, 2013. С. 265.
[352] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 20.
[353] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 387. Л. 7.

В масштабных работах были задействованы не только строительные организации, но и население города. Необходимые материалы разрешалось брать со строительства № 1, Холодильника, из судостроительного техникума и с других объектов[354].

Под убежища приспосабливали самые различные сооружения: например, на ул. Керченской – старый склад в скале, на ул. Пирогова – минную галерею, которая сохранилась со времен первой обороны[355]. С каждым днем количество укрытий увеличивалось: по состоянию на 18 июля только на Северной стороне было вырыто 365 щелей на 5 250 человек[356]. Крупное убежище было организовано в канализационном коллекторе у Центрального базара (на несколько тысяч человек).

Собственные бомбоубежища возводили и севастопольские предприятия. Например, на СевГРЭС-1 было устроено скальное укрытие на 2 500 человек, на СевГРЭС-2 – на 250 человек, в Сетевом районе «Крымэнерго» – оборудован подвал здания управления на 60-70 человек[357]. Строительство продолжалось на протяжении лета и осени 1941 г., часть объектов сдали уже во время обороны. Железнодорожники только к 7 ноября завершили строительство большого скального укрытия на 300 человек[358].

С начала войны в Севастополе, как и в других городах Крыма, была развернута работа по укреплению имеющихся и созданию новых подразделений МПВО. В июне 1941 г. личный состав штатных команд, в том числе сандружинницы, не имевшие детей, а также городская пожарная охрана, был переведен на казарменное положение. В начале августа 1941 г. в 22 городских командах МПВО насчитывалось 839 человек, в 81 объектовых командах – 4 367 человек, в шести подразделениях противопожарной охраны – 178 человек[359]. При

---

[354] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 141.
[355] Орехова М. Лето 41-го… Первые дни войны (воспоминания Н. М. Канаки) / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. Севастополь, б. г. С. 2.
[356] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 57.
[357] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 39–40.
[358] Немков А. Е. Железнодорожники в обороне Крыма. Из записок начальника политотдела / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 181.
[359] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 37; Д. 208. Л. 68–69.

этом количество кадровых бойцов периодически сокращалось из-за мобилизации, что предполагало необходимость быстрого пополнения штатов.

Одним из структурных подразделений МПВО стала медицинская служба города; врачебный персонал был незамедлительно переведен на казарменное положение[360]. Во всех районах города были организованы пункты первой медпомощи на базе амбулаторий, поликлиник и аптек. На предприятиях, в организациях и школах были сформированы 8 сандружин, 104 медицинских звена групп самозащиты, более 200 санитарных постов[361].

Было организовано обучение медицинских работников среднего звена. В период с 22 июня по 3 июля 1941 г. на курсах РОКК было подготовлено 60 санитарок, обучено началам медицинского дела еще 300 человек; на двух курсах медсестер запаса продолжали заниматься 60 комсомолок, на санитарных постах еще 40 человек[362]. К августу 1941 г. в формированиях РОКК состояло: в 19 сандружинах – 503 человека, в составе 339 санитарных постов – 1 369 человек, на курсах медсестер в 10 группах обучалось 410 человек[363]. Всего, по некоторым данным, в начале войны в Севастополе было подготовлено 845 медсестер, 300 санитарок, а позднее еще 500 медработников[364].

2 июля 1941 г. на заседании бюро горкома партии было принято решение об экстренном доукомплектовании групп самозащиты[365]. В соответствии с постановлением № 1812 СНК СССР от 2 июля, комплектование проводилось в добровольно-принудительном порядке на предприятиях и в учреждениях, а также по месту жительства[366]. За отказ от вступления в группы самозащиты граждане привлекались к административной ответственности. Например, за подобный проступок были оштрафованы на 3 тыс. рублей жители Севастополя Фоменко, Чередниченко и Солохненко[367].

---

[360] Лаврентьева В. Е. Медики в обороне Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь, 1978. С. 177.
[361] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т.XXX. С. 113–114.
[362] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 23.
[363] АГС. Ф. 434. Оп .2. Д. 46. Л. 102–104.
[364] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т.XXX. С. 112.
[365] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 147.
[366] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 276.
[367] Маяк Коммуны. 1941. 3 августа. С. 2.

В июле 1941 г. в городе насчитывалось 125 групп самозащиты, в начале августа их количество возросло до 144, в них числилось 4 050 человек[368]. Наличие большого числа групп самозащиты, в состав которых входили обученные граждане, в дальнейшем существенно облегчило борьбу с последствиями воздушных налетов.

Помимо участковых, объектовых команд МПВО и групп самозащиты, создавались и специализированные подразделения. Так, 9 июля 1941 г. было подписано постановление ГКО № 81 «Об образовании в местностях, объявленных на военном положении, городских аварийно-восстановительных отрядов местной противовоздушной обороны»[369]. На следующий день данные подразделения были сформированы на территории КАССР совместным постановлением бюро Крымского обкома и СНК Крымской АССР[370].

В Севастополе на базе строительных организаций и коммунальных предприятий был образован аварийно-восстановительный батальон под командованием В. М. Комаренко[371]. Обеспечение батальона оборудованием, инструментами, транспортом, питанием и спецодеждой производилось за счет исполкома горсовета. В начале августа 1941 г. в нем числилось 193 человека, находившихся на казарменном положении. Основными задачами подразделения стали восстановление поврежденных во время бомбардировок жилых домов, больниц, школ, предприятий коммунального хозяйства, а также энергетических сетей, дорог.

Большое внимание было уделено улучшению работы службы наблюдения и связи. По итогам заседания бюро горкома 29 июня 1941 г. было увеличено количество точек наблюдения, приведены в порядок две вышки: одна из них помещалась на Управлении гидрометеорологической службы (Центральный холм), вторая – на здании клуба водников (Приморский бульвар)[372].

---

[368] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 37.; Д. 208. Л. 68–69.
[369] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л.271–271 об.
[370] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1522. Л. 104.
[371] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 12.
[372] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 141.

Значительные усилия были направлены на массовое обучение жителей основам противовоздушной и противохимической обороны. Как отмечает Б. А. Борисов, «нелегко было в первые дни войны приучить население сразу же по сигналу тревоги укрываться в убежищах»[373]. В отдельных случаях это приводило к трагическим последствиям. Так, в конце июня во время бомбардировки погибли 9 человек, проживавших в общежитии № 1 в районе Песочной бухты: они проигнорировали сигнал «воздушная тревога» и вовремя не ушли в укрытие[374].

Властями была организована разъяснительная работа через республиканские и городские средства массовой информации. 1 июля 1941 г. в газете «Красный Крым» была напечатана статья «Укреплять противовоздушную и противохимическую оборону!», с которой началась публикация материалов по противовоздушной обороне[375]. В Севастополе и других городах Крыма был организован прокат обучающих картин «Простейшее укрытие от авиабомб», «Индивидуальные санитарные и противохимические пакеты», «Детские противогазы», «Группа самозащиты» и др.[376]

Накопленный до войны опыт был использован в ходе реализации постановления СНК СССР № 1812 «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», которое было принято 2 июля 1941 г.[377] В тот же день постановление было рассмотрено на заседании бюро Севастопольского горкома партии. По его результатам было принято решение выявить всех граждан, подлежащих обучению МПВО-ПВХО, а также инструкторский состав, которым в течение 2–3 июля планировалась доукомплектовать все группы самозащиты, объекты и сандружины[378]. Организация и проведение массового обучения граждан возлагались на военные отделы райкомов и Осоавиахим.

---

[373] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 110.
[374] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 15.
[375] Красный Крым. 1941. 1 июля. № 153. С. 1.
[376] Красный Крым. 1941. 4 июля. № 156. С. 4.
[377] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 276–277.
[378] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 200. Л. 147.

По состоянию на 3 июля 1941 г. в городе работало 90 кружков МПВО, в которых числилось 87 инструкторов и 3 200 человек обучающихся[379]. В последующие дни в обязательном порядке к обучению была привлечена большая часть трудоспособного населения города: мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины в возрасте от 18 до 50 лет.

Порядок проведения занятий содержался в письме секретаря Крымского обкома Б. И. Лещинера № 1228 от 7 июля 1941 г.: выделялись инструкторы Осоавиахима, из расчета на одного инструктора по 25–30 человек обучающихся. Изучить элементарные навыки противовоздушной обороны предполагалось в трех-четырехдневный срок[380]. Горожане осваивали методику борьбы с зажигательными бомбами, правила поведения при воздушных тревогах, оказание первой помощи пострадавшим. Несовершеннолетних в возрасте от 8 до 16 лет обучали по сокращенной программе.

К 4 августа 1941 г. основам МПВО было обучено 27 749 человек, подготовлено 798 инструкторов, продолжали подготовку 12 228 человек. Не охваченными обучением числились всего 3 тыс. человек[381]. В то же время занятия по МПВО проводились и с личным составом Севастопольского соединения народного ополчения.

Помимо подготовки к противовоздушной обороне, уделялось внимание обучению населения действиям в условиях химической атаки. 2 июля 1941 г. СНК РСФСР принял постановление «О порядке подготовки населения к ПВО и ПХО»[382]. В Севастополе обучением граждан по 12–15-часовой программе занималась школа ПВХО Осоавиахима. В результате принятых мер в июле 1941 г. по программе ПВХО было подготовлено 21 тыс. человек, обучалось еще 15 тыс. человек, прошли подготовку 445 инструкторов ПВХО[383]. Только в Северном районе города по состоянию на 5 августа было обучено ПВХО 17 792 человека (с

[379] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 23–24.
[380] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 16
[381] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 33.
[382] Волков И. М. Борьба советского народа за создание боевых резервов для фронта в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.) // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1962. № 5. С. 35.
[383] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 58.

1940 г.), проходили подготовку – 2 452 человека, из них переучены на инструкторов ПВХО 302 человека[384].

Несмотря на повышенное внимание, уделяемое властями вопросам обучения противохимической защиты, в отдельных случаях население демонстрировало отсутствие элементарных знаний. Например, 27 июля группа рабочих Севастопольского морского завода копала окопы в Килен-балке и за Малаховым курганом, после чего 26 человек покрылись сыпью неизвестного происхождения (предположительно от растений). При этом распространился слух, что люди отравились ипритом[385].

Согласно совместному постановлению Крымского обкома и СНК КАССР «О мерах организации противохимической защиты населения» от 23 августа 1941 г., граждан, прошедших первоначальное обучение, было решено подготовить по расширенной 28-часовой программе, что соответствовало нормам ПВХО 1-й ступени[386]. Это предполагало углубленное изучение способов защиты от фугасных, осколочных и зажигательных бомб, отравляющих веществ; большое внимание уделялось практическим занятиям. Уже к 1 сентября 1941 г. в Севастополе 12 тыс. человек были подготовлены к сдаче норм по 28-часовой программе[387]. Обучение продолжалось вплоть до начала первого штурма города. По некоторым данным, всего по программе ПВХО было подготовлено 45 тыс. человек[388].

К началу первого штурма города севастопольские власти смогли реализовать комплекс мер, направленных на укрепление местной противовоздушной обороны. Большая часть населения города прошла как минимум первоначальную подготовку по нормам МПВО-ПВХО. Были сформированы и обучены подразделения МПВО, подготовлены к массированным налетам городские объекты. Это позволило в готовности встретить начало бомбардировок Севастополя и минимизировать потери среди мирного населения.

---

[384] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 54.
[385] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 56.
[386] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1523. Л. 47–48.
[387] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 73.
[388] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея…/ МООВС. Т. XXX. С. 113.

Активность немецкой авиации усилилась с середины сентября 1941 г., что было связано с выходом немецких соединений на подступы к Крымскому полуострову. Изменилась тактика налетов: если ранее удары были беспорядочными, теперь основной целью стали военные объекты и оборонные предприятия. Только за сентябрь на главную базу было совершенно восемь ночных налетов с целью минных постановок. В октябре было зафиксировано уже 30 налетов на аэродромы, 16 – на транспорты, 19 минных постановок и 20 разведывательных полетов[389]. Все службы МПВО Севастополя были приведены в боевую готовность, проводилось доукомплектование групп самозащиты[390].

С конца октября 1941 г. Севастополь подвергался массированным налетам авиации противника. Когда немецкие самолеты стали базироваться на захваченных аэродромах в Саках, Сарабузе, Симферополе, они стали появляться большими группами и в любое время суток[391]. Так, 12 ноября был совершен налет, в ходе которого были произведены колоссальные разрушения на территории морского завода, повреждены ремонтировавшиеся эсминцы «Беспощадный» и «Совершенный», подводная лодка «Л-6», корпуса двух тральщиков пр. 59. Всего за сутки было произведено 12 налетов, сброшено 139 фугасных авиабомб. Значительно пострадали городские постройки: по одним данным, разрушено 37 зданий и 29 повреждено, по другим данным – 29 разрушено и 34 повреждено. При этом убито 39, ранено 69 и легко ранено 25 человек[392].

Всего в ноябре 1941 г. на город было сброшено 757 бомб, выпущено 739 снарядов. При этом было разрушено 213 домов, зафиксировано разрушений водопровода – 11, электросвязи – 19, телефонной связи – 8 случаев, железнодорожных путей – 5 случаев. Погибло 260 человек, ранено – 548 человек[393]. Как подчеркивает А. К. Евсеев, «потери в личном составе и

---

[389] Игнатович Е. ПВО Черноморского флота в начале обороны Севастополя / Бюллетень № 14. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. Севастополь, 1981. С. 27, 31.
[390] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 73.
[391] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959 С. 80.
[392] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 35.
[393] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 82–83.

гражданском населении были незначительны, все успели своевременно зарыться в землю»[394].

Несмотря на высокую активность немецкой авиации, приказом командующего флотом из города было выведено значительное число противовоздушных сил и средств. В условиях систематических авианалетов и артобстрелов, при явной нехватке зенитных средств армии и флота, большое значение приобретает слаженная работа местной системы противовоздушной обороны.

Общее руководство МПВО осуществлял городской штаб, который в ноябре продолжал возглавлять Г. В. Зыков, а с 11 декабря – техник-интендант 1-го ранга В. И. Малый, занимавший эту должность до конца обороны города.

По причине эвакуации и массовых призывов в армию численность подразделений МПВО сократилась. Несмотря на это, бойцы штатных и объектовых команд самоотверженно и умело боролись очагами пожаров, разбирали завалы, оказывали помощь пострадавшим, восстанавливали электросети и водопровод, что обеспечило стабильную работу оборонных предприятий, организаций и учреждений города.

Так, в статье Б. А. Борисова «В осажденной морской крепости», опубликованной 11 декабря 1941 г., отмечалось: «Бойцы восстановительных команд тт. Купцов, Вдовиченко, Лялин, Домоевский (Корабельный район) часто под обстрелом производили раскопки, спасали жителей, наводили порядок. От них не отстают бойцы восстановительных команд Северного района тт. Вербицкий, Денисов и многие другие»[395].

Возникла потребность в создании новых подразделений. Приказом командующего флотом от 10 ноября 1941 г. «для усиления воздушного и наземного наблюдения в каждом городском районе» организовывались дополнительные круглосуточные наблюдательные пункты, обеспеченные связью с командными

[394] ЦВМА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 315. Л. 46.
[395] Красный Крым. 1941.11 декабря. № 297. С. 3.

пунктами комендантов районов[396]. Для обезвреживания неразорвавшихся бомб была сформирована бригада подрывников из гражданских добровольцев, которую возглавил инженер штаба МПВО А. А. Козлов.

На предприятиях и в организациях были созданы специализированные аварийные бригады энергетиков и связистов, которые занимались экстренной ликвидацией повреждений. Так, с началом осады участились случаи повреждения (в ноябре–декабре – 513 случаев) и выхода из строя (172 случая) оборудования «Крымэнерго»: ремонтный персонал сетевого района был разбит на четыре бригады, три из которых постоянно дежурили на ответственных фидерах[397].

13 ноября 1941 г. было проведено первое после двухнедельного перерыва заседание бюро горкома ВКП(б). На нем были рассмотрены вопросы ликвидации массированных бомбардировок и дальнейшей эвакуации населения. Штаб МПВО обязали организовать работу по разбору завалов, восстановить линии связи, трубопровод[398]. Однако проведению систематических восстановительных работ препятствовали постоянные налеты на город.

Только после 23 ноября интенсивность авианалетов и обстрелов города существенно снижается. 26 ноября на заседание бюро горкома партии было принято повторное решение о ликвидации последствий бомбардировок[399]. Службы МПВО и ремонтники начали проведение комплекса восстановительных мероприятий: разбирались завалы, освобождалась проезжая часть улиц, ремонтировались электросети и водопровод.

В это время большое внимание уделялось строительству новых и достройке уже существовавших укрытий, в которые перешла большая часть населения. В новое убежище на ул. К. Маркса был переведен и городской командный пункт: здесь разместились областные организации, горком обороны, горком партии и горком комсомола, исполком горсовета и штаб МПВО.

---

[396] ГАРК. Ф. П-152. Оп.1. Д. 2. Л. 5.
[397] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 37.
[398] РГАСПИ Ф.17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 14.
[399] РГАСПИ Ф.17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 20.; ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 125.

Масштабные работы велись в районе Инкермана, где был построен подземный город, вмешавший до 5 тыс. человек. В импровизированных «комнатах» (на каждую семью полагалось 4–6 кв. метра) поддерживалась чистота. Здесь же располагались детский сад и ясли (на 100 мест), школа (на 113 человек), помещения столовой (на 400 мест) и клуба[400]. Писатель Л. С. Соболев отмечал, что размеры убежища позволили обозначить целые улицы: Горького, Шампанский тупик, Швейный переулок, Клубный проспект[401].

10 декабря 1941 г. на заседании бюро горкома партии были подведены первые итоги мероприятий по восстановлению города[402]. В целом деятельность городских служб была оценена положительно, при этом отмечалось, что не были завершены работы в Корабельном районе и на железнодорожном узле. Там же было отмечено, что граждане плохо вовлекались в дело восстановления города: в основном всем занимались подразделения МПВО.

Работники «Водоканала» восстановили основные водопроводные магистрали, провели их кольцевание и дублирование. Ремонтными бригадами «Крымэнерго» были отремонтированы электролинии, питающие городские предприятия и учреждения, а также насосная станция Бельбек, которая использовалась для снабжения водой Северной стороны.

Под руководством начальника треста «Электроснабжение» М. М. Гурского был проведен ремонт городских электрических сетей, а к 15 декабря частично восстановлено трамвайное движение по ул. Фрунзе[403]. В дальнейшем работниками трамвайного парка под руководством главного инженера Шимкевича было восстановлено движение на всем Городском кольце и на ул. Вокзальной, проделан ремонт трамвайного парка и вагонов. Среди отличившихся работников – бригадир Иоффе, электрики Колачев, Леонтьев, Сидериди, вагоновожатый Гамоль[404].

---

[400] Хамадан А. М. Севастопольцы. Севастополь: «Гит пак», 2014. С. 28–29.
[401] Соболев Л. С. Неизменному другу. Дневники. Статьи. Письма. М.: Современник, 1986. С. 347.
[402] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 130; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 27.
[403] Красный Крым. 1941. 27 декабря. № 313. С. 3.
[404] Там же.

Начальник отдела коммунального хозяйства исполкома В. М. Комаренко провел большую работу по организации расчистки улиц города от развалин и мусора. Так, в своей статье, опубликованной 15 декабря в газете «Красный Крым», он писал: «Мы начинаем приводить в порядок жилые дома, ремонтируем дороги и подъездные пути, расчищаем улицы <…> особое внимание нужно обратить на санитарное состояние города. Надо как можно скорее освободить дворы и улицы от мусора <…> мы обязаны предотвратить возможные заболевания»[405].

Коллектив дорожного сектора вошел в состав аварийно-восстановительного отряда и занимался разборкой завалов совместно с бойцами МПВО. В то же время были открыты некоторые предприятия сферы обслуживания, например, бани на ул. Одесской и на Корабельной стороне.

Второй штурм города, который начался 17 декабря 1941 г., не позволил завершить в полном объеме восстановительные мероприятия. Всего в период с 10 по 31 декабря 1941 г. на город совершено 16 авианалетов, сброшено 738 бомб, в основном на объекты Корабельной, Северной стороны и Южной бухты, зафиксировано падение 1 217 снарядов. Было разрушено 42 дома, убито 36 человек и 56 человек ранено[406].

Всего с начала войны до 31 декабря 1941 г. на город было сброшено до 1495 авиабомб, выпущено 2 058 снарядов, при этом разрушено 255 жилых домов, зафиксировано 55 случаев повреждения водопровода, 55 случаев повреждения высоковольтной сети, 208 случаев повреждения низковольтной сети, 42 случая повреждения связи, 9 случаев повреждения железнодорожных путей, всего убито 297 человек и ранено 599 гражданских жителей[407]. Личный состав подразделений МПВО и жители города, как и во время первого штурма, были задействованы в ликвидации очагов поражения: вели борьбу с пожарами, оказывали помощь пострадавшим.

---

[405] Красный Крым. 1941. 15 декабря. № 301. С. 3.
[406] Спецсообщение «О боевых действиях береговых батарей по обороне главной военно-морской базы ЧФ гор. Севастополя за время с 10-го по 31-е декабря 1941 года» // Историческое наследие Крыма. 2020. С. 115–117.
[407] Там же. С. 117.

В январе 1942 г. установилось относительное затишье, налеты и артиллерийские обстрелы продолжались, но были не такими интенсивными, как во время первого и второго штурмов. Уже 9 января 1942 г. на заседании комитета обороны был рассмотрен вопрос о восстановлении предприятий, городского хозяйства, учреждений культуры и жилого фонда. Исполком горсовета должен был в срок до 15 января выделить и утвердить средства для первоочередных работ. Так, только жилуправлению Северного района было отпущено на ремонт аварийных домов в первом квартале 1942 г. 300 тыс. рублей[408].

При горисполкоме была создана строительная контора, которую возглавил начальник ОКХ В. М. Комаренко. В его подчинение передавались различные строительные организации города. При райисполкомах были созданы районные стройконторы. Предлагалось максимально привлекать население, а ремонт квартир квартиросъемщиками засчитывать в счет квартплаты. Директору промкомбината Моисееву было предложено представить горисполкому план мероприятий по добыче строительных материалов, а В. М. Комаренко – провести учет материалов с разрушенных зданий и хранить их на Центральных складах Горжилуправления[409].

Восстановление жилого фонда шло быстрыми темпами. Например, к 23 марта только жилищное управление Северного района отремонтировало свыше 20 домов и сдало свыше 1 200 кв. м жилплощади; была закончена разборка 25 разрушенных домов[410]. По некоторым данным, всего за время обороны было отремонтировано до 300 домов[411].

Постепенно жители города перебирались в личные дома, под землей остались только общежития спецкомбинатов, коллектора и СевГРЭС, которые обладали благоустроенными убежищами. Несмотря на периодические бомбардировки, к апрелю 1942 г. основные проблемы в жилищно-бытовой сфере были преодолены.

---

[408] Красный Крым. 1942. 17 января. № 17. С. 3.
[409] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
[410] Красный Крым. 1942. 23 марта. № 82. С. 3.
[411] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 76.

Большое внимание уделялось мероприятиям по борьбе с пожарами. 31 января 1942 г., на заседании бюро горкома обороны, отмечалось, что с ноября по январь было зафиксировано 48 случаев пожаров. Соответственно, было принято решение в течение 10 дней провести полную проверку всех городских построек. Руководители всех уровней были строго предупреждены о персональной ответственности за возникшие пожары[412].

Заранее проведенные мероприятия по массовому обучению населения основам МПВО и опыт, полученный в ходе первого и второго штурма города, существенно облегчили ликвидацию последствий воздушных налетов во второй половине февраля 1942 г.

23 февраля на Севастополь был произведен налет авиации, в ходе которого были впервые массово применены зажигательные бомбы. Основной целью немецких летчиков стали жилые кварталы и промышленные объекты Северного района и Корабельной стороны, всего было сброшено около 400 бомб. Бойцы МПВО, пожарной охраны, группы самозащиты действовали организованно и умело: в короткий срок было ликвидировано 25 из 31 очага возгорания[413]. В ночь на 25 февраля на город было сброшено уже около 100 фугасных бомб и 1 тыс. зажигательных бомб. Пострадали постройки Корабельного района, Бартеньевки, повреждены железнодорожный клуб, мастерские, паровозное депо. Во время налета было убито 10 и ранено 15 человек[414].

В целом цели авианалета не были достигнуты. На заседании горкома обороны, которое прошло 3 марта 1942 г., трудящимся города, в том числе и бойцам МПВО города, была вынесена благодарность. Ценными подарками были отмечены 64 человека[415]. На следующем заседании горкома обороны, 19 марта 1942 г., большая группа бойцов МПВО была представлена к государственным наградам, в том числе два человека к ордену Красной Звезды, восемь к медали «За отвагу», десять к медали «За боевые заслуги». Через несколько дней, 25 марта

[412] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
[413] ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2145. Л. 67– 68.
[414] История города-героя Севастополя 1917–1957 Киев, 1958. С. 236.
[415] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

1942 г., был подписан соответствующий приказ командующего Черноморским флотом[416].

Б. А. Борисов отмечал: «В послепраздничные дни немцы поутихли <…> спокойнее стало и в городе. Ночную тишину значительно реже нарушали гудки и сирены воздушной тревоги. Да и сами тревоги длились теперь недолго: постреляют зенитки, появятся над городом несколько вражеских самолетов, сбросят десяток-другой фугасок да сотни две-три зажигалок – и снова тишина. Реже стал и артиллерийский обстрел»[417].

Так, в период в период с 23 февраля по 23 марта зафиксировано всего 32 налета, в ходе которых было сброшено 229 ФАБ, 1 400 ЗАБ и одна мина; артиллерией противника по городу выпущено 843 снаряда. В результате было убито 18 и ранено 53 человека гражданского населения, разрушено 16 домов[418].

Весной 1942 г. были начаты мероприятия по усилению местной противовоздушной обороны и возобновлению учебы граждан. Сравнительно низкая активность авиации противника спровоцировала ухудшение дисциплины среди населения и бойцов МПВО. Не ускользнул данный факт и от внимания корреспондентов. А. Хамадан в своих очерках отмечал беспечность горожан, привыкших к суровым условиям осады: «Севастопольские улицы живут бурно <…> солнце точно магнитом извлекает людей из подвалов, убежищ, из домов и госпиталей. Отбоя воздушной тревоги еще нет, но улицы оживленны»[419].

14 марта 1942 г. был опубликован приказ начальника гарнизона, в котором категорически запрещалось нарушение светомаскировки. Водителям предлагалось в трехдневный срок оборудовать маскировочный свет на всем имеющимся автотранспорте. По сигналу «воздушная тревога» предписывалось немедленно выключать свет и останавливать движение, дожидаясь отбоя[420].

Решением бюро горкома партии от 22 марта 1942 г. с первой декады апреля были воссозданы комсомольские отряды ПВХО на предприятиях,

---

[416] Красный Крым. 1942. 26 марта. № 85. С. 1.
[417] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 235.
[418] Синютин М. В. Батарея задачу выполнила: военно-исторический очерк. СПб: Реноме, 2010. С. 128.
[419] Хамадан А. М. Севастопольцы. Севастополь: «Гит пак», 2014. С. 18.
[420] Красный Крым. 1942. 16 марта. № 75. С. 4.

организовывалась учеба населения, восстанавливалась работа районных советов Осоавиахима и РОКК[421]. Несмотря на проведение разъяснительной работы, полностью искоренить халатность населения не удалось, о чем свидетельствует протокол заседания горкома обороны 17 апреля 1942 г. В частности, там отмечалось: «Большое количество населения по ВТ не укрывается, несмотря на наличие убежищ, в результате чего при бомбежке города имеются жертвы». Руководителям МПВО в трехдневный срок предлагалось установить указатели, построить дополнительные укрытия[422].

В апреле 1942 г. на город было совершено 22 налета, всего было сброшено 314 фугасных авиабомб, из них на военные позиции, вне города и в воду – 226 бомб, остальные – на кварталы улиц Одесская, Очаковская, Володарского, Боско, К. Маркса, площадь III Интернационала, Северную сторону. Снарядов было выпущено 880, в том числе по Херсонесу, Южной бухте, Голландии, заводу № 201, морскому госпиталю, СевГРЭС. Зарегистрировано девять пожаров, разрушено 10 и повреждено 12 домов, зафиксированы два разрушения водопровода, 26 нарушений электросети, шесть нарушений связи и три нарушения железнодорожного пути. Убито в апреле 52 и ранено 100 гражданских лиц[423].

В отчете начальника штаба МПВО В. И. Малого за апрель утверждается, что наблюдательные посты работали оперативно, при этом отсутствовала дублирующая связь из-за отсутствия кабеля[424]. Существенной проблемой было отсутствие транспорта, что препятствовало оказанию помощи на окраинах (Зеленая горка, Петрова слободка, гора Матюшенко, Карантин и др.), а также отсутствие механизмов для разбора завалов, кроме кирок и лопат[425]. В качестве недостатков также отмечалось недостаточное количество укрытий тоннельного

[421] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 46.
[422] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.
[423] РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 416. Л. 42–45.
[424] Там же. Л. 45.
[425] РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 416. Л. 46.

типа, низкая подготовка предприятий к ПВХО (плохая герметизация укрытий, отсутствие противогазов) и халатность населения[426].

С конца апреля фиксируется активизация авиации противника: всего с 20 апреля по 10 мая по городу было выпущено 1 337 снарядов, совершено 39 налетов с бомбометанием, при этом сброшено 438 фугасных авиабомб, более 1 тыс. зажигательных авиабомб и 10 морских мин. В результате налетов и обстрелов было убито 46 и ранено 80 человек мирного населения, разрушены пристань, три склада, 25 домов и здание ЦАГИ, зарегистрирован 71 пожар, из них пять крупных[427].

Всего с 22 июня 1941 г. по 1 мая 1942 г. было разрушено 310 домов, повреждено 1059 домов (с 1 ноября 1941 г. по 1 мая 1942 г., соответственно, 289 и 1030 домов)[428]. Особенно значительными оказались разрушения на Корабельной стороне, которая подвергалась интенсивным бомбардировкам, по причине наличия крупных предприятий оборонного значения. Всего погибло свыше 400 и ранено 800 жителей города.

На совещании городского актива 12 мая 1942 г. Б. А. Борисов обращал внимание на неискорененные недостатки в системе МПВО: нехватка бомбоубежищ, плохое соблюдение правил поведения по сигналу «ВТ», недостаточная готовность к противохимической обороне[429]. Присутствовавшие представители военного командования распорядились провести комплекс мероприятий по подготовке к отражению штурма. В частности, приказывалось создать дополнительные убежища и обеспечить безукоризненную работу подразделений МПВО[430].

В последующие несколько дней были проведены партсобрания первичных парторганизаций, на которых были отмечены существенные недостатки на ряде

---

[426] РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 416. Л. 47.
[427] Синютин М. В. Батарея задачу выполнила. СПб, 2010. С. 156–157.
[428] РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 416. Л. 45.
[429] Из постановления собрания партийного актива Севастополя о задачах партийной организации по обороне города. 12 мая 1942 г. / Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы в трех томах. Т. 1. Украинская ССР в первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). Киев: Наукова Думка, 1980. С. 167–169.
[430] История города-героя Севастополя 1917–1957 гг. Киев, 1958. С. 243.

предприятиях. Так, на ГРЭС-1 не все работники укрывались по сигналу «ВТ», на «Электроснабжении» не соблюдалась светомаскировка, отсутствовали убежища рядом с пристанью III Интернационала, в трамвайном парке и пароходстве[431].

15 мая заседании горкома обороны были определены мероприятия по приведению всех служб города в полную готовность. Из кадровых подразделений МПВО были сформированы четыре боевых взвода МПВО по 30 человек каждый (один при городском, остальные при районных штабах МПВО). Кроме этого, все трудоспособное население, не занятое на производстве, привлекалось к отрыванию новых штолен-укрытий[432].

18 мая на заседании горкома обороны были приняты дополнительные меры в сфере МПВО. Так, в суточный срок В. П. Ефремову, В. И. Кулибабе, В. И. Малому и начальникам МПВО районов приказывалось подобрать запасные КП города и районов, установить между ними связь, разработать систему обороны, усилить охрану. Также предлагалось следующее: «Установить круглосуточное дежурство на КП ответственных работников. Подтянуть всю службу МПВО, призвав весь личный состав к повышению бдительности, быть готовым каждую минуту к отражению врага»[433].

Со второй половины мая отмечено существенное усиление налетов на город. Только в период с 23 по 30 мая на город было сброшено 990 бомб и 669 снарядов, при этом разрушено 99 зданий, погибло 55 и ранено 154 человека[434]. Значительное усиление бомбардировок города заставило принять постановление комитета обороны (29 мая 1942 г.) о переводе всех жителей города в укрытия[435].

С 28 мая сигналы «ВТ» не подавались, т. к. авиация противника постоянно находилась в воздухе. 2 июня 1942 г. на город был произведен особенно мощный налет артиллерии и авиации противника, который продолжался на протяжении

---

[431] Итоги проведения партсобраний первичных организации по вопросу «Итоги городского партактива и очередные задачи Севастопольской организации». СВИМЗ. А-1754 / КП-5422 Л. 40, 43.
[432] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 44–45.
[433] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 46–47.
[434] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 13.
[435] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.

всего дня. Целями немецких пилотов были не только военные объекты, но и жилые кварталы, а также городская инфраструктура.

Данные о количестве сброшенных в этот день бомб в источниках сильно разнятся: от 1 500 до 4 000 фугасных и тысячи зажигательных. В городе были произведены масштабные разрушении жилого фонда (по некоторым данным до 100 домов[436]), особенно в Центральном и Корабельном районах. Прекратилось снабжение электроэнергией, прервалась телефонная связь с КП флота и районами. По оценке П. А. Лунева, в этот день было повреждено 80 % магистралей связи, в итоге смогли восстановить только важнейшие[437]. Возникли многочисленные пожары, потушить которые удалось лишь частично. Всего во время налета погибло не менее 78 жителей города, тела которых были найдены и захоронены.

Весь наличный состав МПВО и аварийно-восстановительных служб города включился в разбор завалов и тушение возгораний. При этом отмечалась «слабая организованность в деле ликвидации очагов поражения, расчистки улиц и тушении пожаров», обусловленная недостаточным привлечением населения к этой работе[438]. Было проведено экстренное совещание городского руководства, на котором принято решение направить А. В. Багрия, А. А. Петросяна, И. И. Бакши в районные штабы МПВО и на предприятия. Б. А. Борисов, В. П. Ефремов и В. И. Кулибаба перешли в отсек штаба МПВО, куда стекалась информация со всех концов города. А. А. Сариной была поручена связь с райкомами.

Утром 3 июня авианалеты, в ходе которых было задействовано до 500 самолетов противника, продолжились: на город было сброшено от 3 500 до 4 500 бомб[439]. При этом немецкие пилоты сменили тактику: если ранее они концентрировались на бомбардировках одного района, теперь они бомбили всю территорию города. При этом применялось комбинированное бомбометание: сначала сбрасывались фугасные бомбы и бомбы замедленного действия, затем

---

[436] Морозов М. Э. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. М., 2007. С. 320.
[437] Лунев П. А. Воспоминания о работе связистов Севастопольской АТС и конторы связи в период обороны города 1941–1942 гг. … С. 269.
[438] Письмо Севастопольского горкома к партийным и комсомольским работникам с призывом к большей организованности во всех делах от 3 июня 1942 г. / Севастополю 200 лет. 1783–1983. Киев, 1983. С. 236–237.
[439] Синютин М. В. Батарея задачу выполнила. СПб, 2010. С. 165.

зажигательные. Как отмечается в отчете начальника штаба МПВО В. И. Малого, «такая тактика вызывала массовое разрушение объектов по городу и большое количество пожаров, в результате чего выгорели целые кварталы города»[440].

В результате бомбардировок 2–3 июня и в последующие дни значительные разрушения понесли жилые постройки, хлебозавод, завод «Молот», медицинские учреждения города. Вся городская инфраструктура оказалась выведена из строя, повсеместно возникли очаги возгорания. Очевидец вспоминает: «Потрясенный невиданным зрелищем, грандиозным пожаром, я выбежал на улицу и помчался в штольню. На спуске в балку я остановился, очарованный обезумевшим пламенем, пожирающим казармы Зенитного училища <…> Такого огненного кошмара я больше не видел никогда. Горело все: и земля, и вода, и небо. Горел весь мой Севастополь»[441].

Значительный расход воды для тушения пожаров и повреждение водохранилищ привели к тому, что была организована нормированная выдача воды. Население практически полностью ушло под землю, в городе установился ночной режим работы. Днем на поверхности находились только группы МПВО и личный состав боевых дружин.

По некоторым данным, со 2 по 7 июня, то есть во время подготовки к третьему штурму, в городе было разрушено 4 640 зданий, повреждено 3 000, вызвано свыше 500 пожаров, погибло не менее 138 и ранен 171 мирный житель[442]. В их числе было и немало партийных работников: например, бомбой, взорвавшейся возле городского КП, были убиты работник Совнаркома Консул, председатель Северного райисполкома К. И. Загордянский. Точное количество погибших во время этих налетов неизвестно, однако К. М. Яблонская, искавшая тела погибших работников Северного райкома и горисполкома, в морге 1-й горбольницы своими глазами увидела жуткую картину: «там были целые горы убитых <…> при налете»[443].

---

[440] РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 416. Л. 55.
[441] Сушко Е. В. Я знаю ту войну не понаслышке… Севастополь: ЧП Кручинин Л.Ю., 2008. С. 34.
[442] Морозов М. Э. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. С. 327.
[443] Яблонская К. М. Партийная работа в городе / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 64.

После 7 июня 1942 г., когда начался третий штурм города, налеты и обстрелы следовали практически без перерыва. В тяжелых условиях подразделения МПВО не могли в полной мере выполнять свои обязанности, однако продолжали заниматься по мере возможности спасением пострадавших. Так, бойцы подразделения МПВО под командованием Бондаренко в течение короткого времени обезвредили 26 зажигалок[444]. Ремонтные бригады трестов «Электроснабжение» и «Водоканал», работавшие в темное время суток, пытались обеспечить электроэнергией и водой стратегические объекты – АТС, хлебозавод, Мехстройзавод, «Молот» и портовую водокачку, насосные станции и основные водоводы. Усиленно строились укрытия тоннельного типа, к 17 июня таковых было оборудовано 39, в них скрывалось 2 200 человек[445].

Всего в период с 1 по 16 июня из состава МПВО погибло 12 человек, в том числе пять врачей, ранено 27 человек; из состава пожарной охраны убит один человек и трое пропали без вести, 9 человек ранено[446].

С 28 мая по 17 июня 1942 г. на город было сброшено 30 620 фугасных бомб и 4 307 артиллерийских снарядов, при этом погибло около 400 мирных жителей, 500 получили ранения, разрушено 4 737 домов[447]. Последствия бомбардировок были самые плачевные: в городе возникло множество разрушений и пожаров. Городское руководство с ведома командования СОР приняло решение тушить пожары только на особо важных объектах (согласно списку, составленному военкомом МПВО В. И. Кулибабой)[448]. Вышли из строя почти все предприятия Севастополя, мельница, шесть продуктовых складов, кислородная станция, водопровод и линии связи.

После 20 июня, когда была оставлена Северная сторона, личный состав подразделений МПВО начинает вливаться в ряды обороняющихся. В последующие дни бойцы МПВО полностью разделили судьбу защитников города.

---

[444] Маяк Коммуны. 1942. 9 июня. № 52. С. 2.
[445] РГВА. Ф. 37878. Оп. 1. Д. 416. Л. 62.
[446] Там же. Л. 63.
[447] Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Симферополь, 1973. С. 153.
[448] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 317.

Большинство руководителей городского и районных штабов МПВО погибли или попали в плен в июне–июле 1942 г.

II.3. Оборонная промышленность Севастополя накануне и во время обороны

Накануне войны Севастополь являлся крупным промышленным центром Крымской АССР. Всего здесь насчитывалось 52 предприятия, в том числе шесть из десяти республиканских предприятий оборонного значения: морской завод № 201, мастерские «Электромортреста» и «Связьмортреста» (наркомат судостроения), авиационный завод № 45 (наркомат авиационной промышленности), 36-е окружные авиационные мастерские (наркомат обороны) и Главный военный порт (наркомат ВМФ).

В целом севастопольская промышленность была ориентирована на обеспечение потребностей Черноморского флота. Ведущими отраслями являлись судоремонт и судостроение, которые были представлены Севастопольским морским заводом им. С. Орджоникидзе (с 1940 г. – завод № 201) и предприятиями Главвоенпорта. На заводе № 201 проводились все виды ремонтов надводных кораблей и подводных лодок. По некоторым данным, в конце 1930-х – начале 1940-х гг. здесь производилось до 50 % судоремонта кораблей Черноморского флота[449]. Различные мастерские Черноморского флота осуществляли текущий, аварийный и частично средний ремонт кораблей.

Помимо этого, с 1932 г. на заводе № 201 реализовывалась программа строительства базовых тральщиков типа «Фугас» и морских буксиров. По состоянию на 22 июня 1941 г. на стапелях завода № 201 в постройке находилось семь кораблей, которые были в разной степени готовности (от 5,9 до 45 %)[450].

Командование флота, являвшееся основным заказчиком, заставляло руководство завода бросать все силы на завершение работ на приоритетных объектах. В начале 1941 г. на предприятии работала комиссия, которую

---

[449] Платонов А. В. Борьба за господство на Черном море. М., 2010. С. 23.

[450] Посчитано по: Широкорад А. Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1941 гг. / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Справочник. Минск, 2002. С. 371–376.; Корабельная летопись. Севастопольский морской завод. Севастополь, 2003. С. 211–215; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

возглавлял заместитель наркома ВМФ адмирал Л. М. Галлер. По ее результатам были установлены предельно сжатые сроки производства ремонта кораблей, общий объем работ был увеличен. В итоге широко практиковалась «штурмовщина», которая приводила к снижению качества выполняемых работ, нарушению планомерности деятельности цехов[451].

Также в Севастополе проводился ремонт самолетов ВВС Черноморского флота. Заметную роль в этом играли 45-й авиационный завод и 36-е окружные авиационные мастерские. На заводе выпускались запасные детали самолетов, а также было освоено производство фюзеляжей для истребителей ЛаГГ-3.

Помимо заводов и мастерских военного назначения, в Севастополе работали 4-я государственная швейная фабрика, мыловаренный завод, а также небольшие предприятия, ориентированные на производство товаров народного потребления. В структуре как крымской, так и севастопольской промышленности большой удельный вес составляли предприятия промышленной кооперации – артели – и небольшие заводы[452].

Работу предприятий обеспечивали крупные энергетические объекты: ГРЭС № 1, ГРЭС № 2 им. Л. Б. Красина, теплоэлектростанция, дизельная электростанция. Городская электростанция № 1 считалась крупнейшим энергетическим предприятием Крыма и базисной электростанцией системы «Крымэнерго». На станции действовало два котла, производительностью 75 тонн пара в час и два турбогенератора мощностью 12 000 кВт каждый.

С первых дней войны начинается ускоренная перестройка работы народного хозяйства на обеспечение нужд армии и флота. В историографии закрепился тезис о решающей роли партийных органов в данном процессе[453]. Для Севастополя утверждение требует корректировки: на заседаниях бюро горкома партии практически не поднимались вопросы, связанные с работой городской

---

[451] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 87, 94.

[452] Крымская АССР: 20–30-е годы. Исторический очерк / Г. И. Касьянов, В. И. Марочко, О. Н. Мовчан, Л. И. Ткачева. Киев, 1989. С. 9.

[453] Кукин Д. М. Партийное и государственное руководство народным хозяйством СССР накануне и в период войны / Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы. / Под общ. ред. П. Н. Поспелова. М., 1974. С. 19.

промышленности, общее руководство осуществлялось непосредственно командованием Черноморского флота.

Основной задачей градообразующих предприятий Севастополя было выполнение довоенной программы судового ремонта кораблей. В июле 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязали наркоматы судостроительной промышленности, морского и речного флотов производить ремонт кораблей ВМФ в первую очередь. Наркомат ВМФ получал право использовать гражданские предприятия для проведения всех видов ремонтов боевых кораблей и вспомогательных судов[454].

В то же время, летом 1941 г. военное и гражданское судостроение на заводе № 201 было свернуто, что существенно облегчило выполнение судоремонтных программ. Известно соответствующее постановление ГКО № 86сс от 10 июля 1941 г., в котором говорилось о прекращении закладки новых кораблей на Ленинградском и южных заводах и сосредоточении усилий по достройке надводных и подводных кораблей. В качестве исключения в июле 1941 г. завод № 201 должен был завершить достройку эсминца пр. 7У, который находился в высокой степени готовности[455].

С началом войны большое внимание было уделено обеспечению бесперебойной работы севастопольских электростанций. На заседании бюро Обкома ВКП(б) от 29 июня принято постановление, согласно которому «Крымэнерго» должно было организовать подачу электроэнергии переменного тока из Ялты до 500 кВт. Намечалось совместно с Севастопольским горисполкомом разработать мероприятия по использованию электроэнергии постоянного тока от городской дизельной станции (200 кВт) для важных объектов города. Согласно тому же постановлению, в Севастополь перебрасывались трансформаторы со строящихся подстанций в Саках (5 600 кВт) и Бахчисарае (1000 кВт) для резервирования трансформаторов СевГРЭС, центральной понизительной подстанции и Ново-Шульской подстанции[456]. На протяжении июня–октября 1941 г. электростанции города работали бесперебойно, что сыграло

[454] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977. С. 437.
[455] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
[456] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1522. Л. 91–92.

большую роль в выполнении большого объема судоремонтных работ, которыми занимались Севастопольский морской завод и мастерские Военпорта.

Целый ряд мер был предпринят для мобилизации трудовых коллективов на ускоренное выполнение производственных заданий. С началом войны, 26 июня 1941 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, рабочий день удлинялся на 1–3 часа[457]. На Севморзаводе практически сразу перешли на 11–12 часовой рабочий день, позднее – на круглосуточный режим работы в две смены. Все работники предприятия были возвращены из отпусков, отказались от выходных и праздничных дней. Например, решением трудового коллектива 29 июня (выходной день) стали считать рабочим днем[458]. Усиленный режим работы сохранился и после начала обороны – люди работали по 11 часов в день без выходных[459].

Для успешной работы предприятий требовалось укрепить трудовую дисциплину. Еще до войны вступил в силу ряд постановлений высших органов государственной власти, посвященных решению данной проблемы. В целом статистика правонарушений в первые месяцы войны была невелика: по состоянию на 22 июля 1941 г. на предприятиях города было зарегистрировано 36 прогулов, 30 опозданий и один брак. Несколько работников были преданы суду, а работник «Связьмортреста» Боголюбов, отказавшийся выходить в море на корабле и заявивший: «У меня есть дети, и они мне дороже всего», был исключен из партии[460].

Быстрая перестройка севастопольской промышленности сопровождалась изменением в организации производства и технологии изготовления продукции. Наряду с ужесточением дисциплины, проводилась популяризация и поддержка движения за перевыполнение планов. Так, уже в июне 1941 г. в периодической печати отмечался почин токарей механического цеха завода № 201 Керенина и

[457] Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945. С. 143–144.
[458] Красный Крым. 1941. 29 июня. № 151. С. 1.
[459] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 4.
[460] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 42.

Егорова, выполнявших задание на 300 % [461]. Решением бюро горкома партии от 1 сентября 1941 г. все рабочие, служащие и ИТР города должны были принять участие во 2-м Всесоюзном комсомольском воскреснике, а заработки отчислить в Фонд обороны[462]. Через месяц решением бюро горкома от 6 октября 1941 г. была одобрена инициатива предоктябрьского соревнования[463]. Большое внимание стали уделять рационализации и экономии сырья. В числе первых рационализаторов были конструкторы Севморзавода: Ивицкий, Назаренко, Сулименко, Прима[464]. С первых дней войны развернулось движение за сбор металлолома, к которому в массовом порядке были привлечены комсомольцы и школьники города. Так, к 11 июля было собрано 191 тонна черного металла и 65 тонн цветного[465].

Массовая мобилизация мужского населения, а позднее и эвакуация поставили вопрос о необходимости привлечения новых работников на предприятия, несмотря на то что в Севастополе многие рабочие и ИТР оборонных предприятий получили отсрочку.

Одним из источников пополнения рабочих кадров являлись специализированные учебные заведения. До войны в Севастополе работали судостроительный и путейно-строительный техникумы, две школы фабрично-заводского обучения, а также два ремесленных училища. По воспоминаниям В. К. Мориниченко, уже 22 июня 1941 г. всех учащихся ФЗУ № 3 собрали и зачитали приказ о досрочной выдаче дипломов[466]. 22 октября 1941 г. на совместном заседании горкома партии и исполкома было принято решение об эвакуации всех технических учебных заведений, только небольшая часть учащихся дефицитных специальностей была оставлена для работы на заводе № 201 и мастерских Военпорта[467].

---

[461] Красный Крым. 1941. 26 июня. № 149. С. 3.
[462] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 54.
[463] Там же. Л. 93.
[464] Красный Крым. 1941. 12 июля. № 163. С. 3.
[465] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 26.
[466] Мориниченко В. К. Севастополец (воспоминания) / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. Севастополь, 2006. С. 70.
[467] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д.201. Л.105.

Гораздо больше дал добровольный набор из числа городского и эвакуированного населения, в том числе женщин. По некоторым оценкам, женский труд в Севастополе уже летом 1941 г. принял массовый характер[468]. 10 сентября в городском театре был проведен митинг, в котором приняли участие 697 женщин. Работница Горводоканала Воробьева заявила в своем выступлении: «Как только моего мужа призвали на фронт, я стала на его место и быстро овладела его специальностью. Советую всем овладевать мужскими профессиями, чтобы можно было в любую минуту заменить ушедших на фронт мужа, сына, брата»[469].

Массовое привлечение необученных работников вызвало необходимость организации обучения и повышения квалификации. Как правило, подготовка проходила в сокращенные сроки, без отрыва от производства, путем прикрепления опытных рабочих-наставников и организации курсов. На заводе № 201 уже в середине июля 1941 г. проходили обучение рабочим специальностям 60 девушек.

На протяжении июня–октября 1941 г. морской завод напряженно работал над выполнением судоремонтной программы. Во второй половине августа 1941 г. нагрузка стала возрастать, что было связано с ухудшением обстановки на фронте и боевыми действиями на море. В то же время, после оставления Николаева (17 августа 1941 г.), Севастополь стал единственной крупной судоремонтной базой на Черном море.

Программа судоремонта была полностью выполнена к началу ноября: последними кораблями, ремонтирующимися с предвоенного времени, стали эсминец «Железняков» и подводная лодка «Л-6»[470]. Во второй половине августа – сентябре 1941 г. морской завод и мастерские Военпорта практически полностью перешли на ремонт кораблей, получивших повреждения во время проведения боевых операций.

---

[468] АГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 43. Л. 114.
[469] Там же. Л. 97.
[470] Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Первые подлодки СССР. «Декабристы» и «Ленинцы». М, 2010. С. 122.

Восстановление кораблей велось в условиях предельного напряжения сил. 1 октября адмирал Ф. С. Октябрьский направил директору завода № 201 М. Н. Сургучеву и начальнику техотдела ЧФ инженер-капитану 1-го ранга И. Я. Стеценко записку, в которой требовал завершить ремонтные работы на 12 кораблях. При этом адмирал предлагал: «Так поставить работу, чтобы работать круглые сутки в доках. Взять откуда угодно парусину, чехлы, чтобы сделать светомаскировку дока и проводить все корпусные работы… Поймите, что дело не терпит, что поврежденные корабли будут еще поступать, а у Вас все доки и стенки забиты»[471].

Наряду с выполнением основной задачи, завод № 201 и мастерские Военпорта, а также городские предприятия выполняли различные заказы Военного совета флота. С первых дней войны судоремонтные предприятия занимались вооружением мобилизованных судов гражданского флота и ремонтом военной техники. В июле–августе рабочими завода № 201 и артремзавода велись работы по созданию плавучей батареи № 3[472]. В августе работники Севморзавода и электромеханических мастерских принимали участие в работах по размагничиванию кораблей[473]. В августе–сентябре 1941 г. на заводе № 201 началось строительство бронепоездов «Севастополец», «Орджоникидзевец» и «Железняков»[474].

Организация массового производства вооружения и боеприпасов на крымских предприятиях предусматривались закрытыми постановлениями обкома ВКП(б) от 28 августа и 7 октября 1941 г.[475] Основной акцент делался на выпуске простого и эффективного вооружения – ротных и батальонных минометов, а также различных боеприпасов (гранаты, противотанковые и противопехотные мины).

---

[471] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.
[472] Шурыгин В. В. Железный остров: Хроника плавучей батареи. М., 1979.304 с.; Сургучев М. Н. Указ. соч., 1972. С. 15–22.
[473] Головин И. Н. И. В. Курчатов. М.: Атомиздат, 1978. С. 53–54; Сургучев М. Н. Указ. соч. С. 26–27.
[474] Ромадин С. Судьба «Железнякова» // Танкомастер. 1998. № 1. С. 17.; Коломиец М. В. Бронепоезда Великой Отечественной. М.: Стратегия КМ: Яуза: Эксмо, 2010. С. 110.
[475] ГАРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 2068. Л. 45, 70–73.

В Севастополе в числе первых приступили к внедрению новых видов продукции: на производстве при исправительно-трудовой колонии № 7 (50-мм минометы и мины) и артели «Молот» (гранаты)[476]. Освоение шло медленно из-за отсутствия специалистов, чертежей и нехватки сырья, что приводило к большому количеству бракованных изделий[477].

В итоге к началу осады выпуск вооружения и боеприпасов был частично освоен на заводе № 201 (50-мм и 82-мм минометы), производстве при ИТК № 7 (50-мм мины), «Мехстройзаводе» (противотанковые и противопехотные мины), в железнодорожном депо (минометы) и артели «Молот» (гранаты). По некоторым данным, в октябре 1941 г. на предприятиях Севастополя, Керчи и Симферополя было выпущено 2 тыс. 50-мм и свыше 800 82-мм минометов, около 70 тыс. 50-мм мин и 60 тыс. 82-мм мин[478]. На предприятиях собственно Севастополя было произведено около 38 тыс. гранат Ф-1, от 1 до 4 тыс. РГД-33 и более 300 РПГ-40 (вероятно, в неснаряженном состоянии)[479].

Уже к 15 июля на выполнение заказов Военного совета флота переключили все предприятия местной промышленности[480]. Так, артель «Молот» изготовляла приборы для чистки винтовок, котелки, пряжки и др. В артелях «Красный швейник», «Пролетарий», «Красный Октябрь» был организован пошив обмундирования, больничных халатов, чехлов для лопат, сумок для гранат, а также ремонт обмундирования.

С августа 1941 г. существенное влияние на работу севастопольской промышленности стала оказывать эвакуация предприятий на Кавказ. В директиве Ставки ВГК от 14 августа 1941 г. говорилось о незамедлительном вывозе всего ненужного с территории полуострова[481]. На следующий день было принято соответствующее постановление Крымского обкома партии[482].

---

[476] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 87–88.
[477] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 210. Л. 52.
[478] Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1987. С. 23.
[479] Посчитано по: ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 208. Л. 80; Д. 230. Л. 100; Д. 231. Л. 60.
[480] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 206. Л. 28–30.
[481] Русский Архив. Великая Отечественная война. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК. 1941 г. М., 1996. С. 113.
[482] Подвиг Севастополя. По следам воспоминаний. Киев, 2012. С. 50.

Приказом командующего флотом была создана комиссия по рассредоточению военного и государственного имущества из Севастополя по портам Кавказского побережья, председателем которой был назначен капитан 1-го ранга А. Г. Васильев. Началась работа по перебазированию, для чего были задействованы основные силы транспортного флота.

Комиссия разработала план уничтожения объектов государственного и военного значения, а также имущества, которое нельзя было вывезти в случае захвата Севастополя противником. Известна служебная записка № 676с от 28 августа 1941 г., в которой Б. А. Борисов просил начальника тыла флота контр-адмирала Н. Ф. Заяца выделить «взрывчатые материалы на случай необходимости вывода из строя предприятий» – 17260 кг пироксилина или мины, а также минеров[483]. Как вспоминал Б. А. Борисов, «в короткое время все предприятия, электростанции, доки были заминированы, на склады завезено горючее»[484].

Во второй половине сентября – октябре 1941 г. проводилась работа по перебазированию завода № 45, 36-х авиационных мастерских, строительного управления № 57, Гидроспецстроя, запасов металлов и оборудования с завода № 201, Связьмортреста и Электромортреста, железной дороги и электростанции. Всего было вывезено около 7 500 тонн промышленного оборудования[485].

По причине необходимости выполнения плана судоремонта Севастопольский морской завод вплоть до начала обороны не был эвакуирован из города. По воспоминаниям директора завода М. Н. Сургучева, только в ночь с 29 на 30 октября 1941 г. было созвано совещание, на котором обсуждалась необходимость перебазирования предприятия на Кавказ[486]. В течение нескольких дней был разработан детальный план, который получил одобрение городских властей и Военного совета флота. В первой половине декабря масштабная эвакуация морского завода, а также других предприятий была успешно

[483] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 210. Л. 28.
[484] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 116.
[485] Стенографический отчет расширенного заседания совета музея… / МООВС. Т. XXX. Севастополь, 1963. С. 81.
[486] Сургучев М. Н. Корабли возвращаются в строй. Симферополь, 1972. С. 72.

завершена[487]. Город покинули 4 500 высококвалифицированных специалистов, а также несколько тысяч членов их семей[488].

С началом первого штурма Севастополя в ноябре 1941 г. работа городской промышленности была практически полностью парализована массированными налетами авиации противника и эвакуацией. Замедление темпов наступления немецких войск и укрепление обороны города выдвигали на первый план задачу максимальной мобилизации местных ресурсов для создания собственной производственной базы. Продиктовано это было тем, что гарнизон города, особенно подразделения Приморской армии, испытывали большую потребность в отдельных видах вооружения, боеприпасах и снаряжении. При этом систематическое пополнение запасов военного имущества затруднялось неудовлетворительным транспортным сообщением с Кавказом. В первой половине ноября 1941 г. сложился ряд предпосылок, которые способствовали успешной организации оборонного производства.

Во-первых, в Севастополе была оставлена часть оборудования, а также рабочие и инженеры заводов № 201 и № 45, судоремонтных мастерских № 1 и электромеханических мастерских № 4 Военпорта[489]. Также в городе сконцентрировались производственные мощности и работники нескольких крымских предприятий: симферопольских артелей «Красный металлист» и «Металлоштамп», евпаторийской артели «Химчистка», механических мастерских станции Симферополь. Некоторые из них уже имели опыт организации производства различной военной продукции.

Во-вторых, немаловажным фактором было наличие двух действующих электростанций и теплоэлектростанции, несмотря на то что ситуация с топливом была достаточно сложная. Еще 14 октября секретарь горкома Б. А. Борисов направил в адрес секретаря Крымского обкома В. С. Булатова докладную записку, в которой отмечал, что запасов топлива на ГРЭС-1 должно было хватить на 37

[487] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 38–39.
[488] История отечественного судостроения: в 5 т. Т. 4. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны. 1925–1945 гг. СПб: Судостроение, 1996. С. 450.
[489] АГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 44. Л. 133.

суток, на ГРЭС-2 – на 60 суток. В связи с этим предлагалось перевести СевГРЭС на одновременное сжигание угля и антрацита, что давало возможность расходовать запасы угля на протяжении 3–3,5 месяцев[490].

В-третьих, в городе на тот момент были запасы сырья и материалов. Например, в распоряжении флотского командования имелось значительное количество боеприпасов и взрывчатых веществ[491].

Таким образом, в ноябре 1941 г. были начаты мероприятия по созданию нового оборонного предприятия, которое получило название «Спецкомбинат». Примечательно, что во многих работах по истории обороны данную работу приписывают исключительно городскому комитету обороны. Например, Г. И. Ванеев пишет: «По решению Военного Совета флота городской комитет обороны рассмотрел вопрос об организации военного производства на местных ресурсах»[492].

В действительности вопросы создания комбината на заседаниях комитета обороны, судя по протоколам, не рассматривались. При этом создание военной промышленности в осажденном городе не регулировалось постановлениями ГКО и наркоматами, к которым относились местные предприятия. Основную роль сыграли Военный Совет флота, Крымский обком ВКП(б), а также городской комитет партии, которые руководствовались конкретными потребностями обороняющих город войск.

Для координации действий военных и гражданских структур 9 ноября 1941 г. Военный совет флота создал оборонную комиссию по материальному обеспечению войск, которую возглавил начальник тыла флота контр-адмирал Н. Ф. Заяц (позднее его сменил капитан 2-го ранга Н. И. Иванов). В ее состав вошли секретарь обкома по промышленности Л. Е. Спектор, секретарь горкома А. А. Сарина (практически сразу ее сменил А. А. Петросян), секретарь горкома Б. А. Борисов, председатель горисполкома В. П. Ефремов, начальник тыла

---

[490] ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2119. Л. 78–80.

[491] Бочкарев М. П. Тыл Черноморского флота в годы Великой отечественной войны / Бюллетень № 17. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. Севастополь, 1983. С. 19.

[492] Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. В 2 кн. Кн. 1. Киев, 1995. С. 80.

Приморской армии интендант 1-го ранга А. П. Ермилов. Комиссия занималась выявлением, учетом и распределением материалов и оборудования, формированием производственных планов и общей организацией военного производства на городских предприятиях.

В тот же день постановлением СНК КАССР № 2018 была создана оперативная группа при СНК КАССР в составе В. Л. Бродского, интенданта 1-го ранга Осипова и заместителя председателя горисполкома А. И. Степанченко. Группа должна была в двухдневный срок взять на учет все сырье и материалы по Севастополю и Балаклаве, при этом предписывалось «распределение учтенного сырья производить в строгом соответствии с оборонными заданиями предприятий только по нарядам оперативной группы»[493].

До середины ноября 1941 г. шла работа по подбору руководящих кадров, демонтажу и перебазированию оборудования на новые производственные площадки. Одновременно проводилось объединение прибывших предприятий. Так, постановлением СНК КАССР № 2014 от 6 ноября 1941 г. на основе артели «Красный металлист» был создан одноименный завод Крымпромсовета[494]. На основе нескольких симферопольских предприятий, в том числе артели «Металлоштамп», был образован завод № 1 Наркомместпрома. Для финансового обеспечения работы предприятия СНК СССР выделял необходимые средства. Так, согласно постановлению СНК КАССР от 20 ноября 1941 г., заводу № 1 севастопольским отделением Госбанка была выделена ссуда в размере 200 тыс. рублей[495].

Официально Спецкомбинат № 1 был создан Постановлением СНК КАССР от 17 ноября 1941 г.[496] Он представлял собой объединение предприятий, связанных между собой технологическим процессом производства оборонной продукции, единой администрацией, а также ключевыми отделами (общий отдел,

[493] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 21.
[494] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 18.
[495] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л 30.
[496] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 27.

отдел найма и увольнения, производственный отдел, плановый отдел, отдел снабжения и финансовый отдел).

Первоначально в состав комбината вошли филиал завода № 201, завод «Красный металлист», завод № 1 и артель «Химчистка». Каждое предприятие специализировалось на выпуске определенных видов продукции, «Химчистка» – на снаряжении боеприпасов.

В начале 1942 г. был проведен ряд мероприятий по централизации предприятий, входивших в состав Спецкомбината. 20 февраля 1942 г. принято постановление № 13 СНК Крымской АССР, согласно которому создавались единые отделы снабжения и технический, который укомплектовывался за счет сокращения техотделов дочерних предприятий; изготовление инструмента было сосредоточено в едином инструментальном цехе. Ввиду однородности продукции и в целях экономии средств, заводы «Красный металлист» и № 1 были объединены в завод № 1 Наркомместпрома Крымской АССР[497].

Надо признать, что полной централизации достигнуть не удалось, нередким явлением были взаимная недопоставка продукции, перекладывание друг на друга ответственности за невыполнение плана, «перетягивание» рабочих[498]. В отдельных случаях отмечались финансовые махинации. Так, в марте 1942 г. руководство «Химчистки» обвиняли в завышении цен на 50-мм мины: корпуса поставлялись по цене 20 рублей 37 копеек от «Молота», а после снаряжения продукцию отпускали Приморской армии за 47 рублей 10 копеек при реальной себестоимости в 38 рублей 88 копеек.[499]

Основные цеха заводов, вошедших в состав Спецкомбината, разместились в штольнях Троицкой балки, поэтому они были неуязвимы для ударов с воздуха, за исключением литейного и паяльного цехов. Организация производства была сопряжена с большими трудностями, т. к. необходимо было время на создание вентиляции, системы водоснабжения и электроснабжения в штольнях, не приспособленных для индустриального труда. В целом все коммуникации, в том

[497] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 189.
[498] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–3.
[499] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 12–13.

числе опреснительная установка и кислородная станция, были введены в строй только к весне 1942 г.

Внутригородской системой кооперации предприятия Спецкомбината были связаны с предприятиями, имевшими различную подчиненность: Мехстройзаводом и филиалом артиллерийского ремонтного завода (тыл Черноморского флота), производством при ИТК № 7 (НКВД), заводом «Молот» (в составе промкооперации, с 21 февраля 1942 г. в подчинении Наркомместпрома[500]), мастерскими трамвайного парка, трестом «Электроснабжение», железнодорожным узлом (наркомат путей сообщения).

Данные предприятия также подчинялись указаниям оборонной комиссии. Например, об этом говорится в докладной записке директора артели «Молот» в адрес председателя СНК КАССР М. И. Ибраимова (20 декабря 1941 г.). В ней подчеркивается, что из-за эвакуации руководства Крымпромсовета артель выполняла задания по устному распоряжению оборонной комиссии и горкома партии[501].

Усилиями работников обкома ВКП(б), СНК КАССР и городских властей была создана достаточно эффективная схема производственного кооперирования, снабжения и перераспределения ресурсов. Это обеспечивало сокращение сроков освоениям военной продукции и увеличение объемов производства. При этом, как отмечал Е. И. Кельнер, основными проблемами оборонной промышленности осажденного Севастополя стали недостаток сырья, топлива и кадров[502].

Главной проблемой на протяжении всей обороны была нехватка сырья, комплектующих, инструмента и оборудования. Проявляться это стало уже в ноябре–декабре 1941 г. Например, в объяснительной записке директора артели «Молот» (9 января 1942 г.) трудности в выполнении производственного плана

[500] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 191.
[501] Там же. Л. 91.
[502] Кельнер Е. И. Трудящиеся Севастополя в борьбе с гитлеровскими захватчиками (1941–1942 гг.) // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 103.

объясняются нехваткой стали марки «10-20», листового железа, песка, литейной глины, машинного масла, керосина, жести белой, олова, свинца и кокса[503].

Январь и февраль 1942 г. были отмечены высокой интенсификаций производства: большинство предприятий города выполнили производственный план в рамках соцсоревнования к годовщине создания Красной армии. В то же время запасы сырья именно в эти месяцы были истощены, т. к. подвоз с Кавказ был затруднительным.

В начале февраля 1942 г. на заседании бюро горкома была поставлена задача провести рейд по изысканию дополнительных материалов для промышленности, а также разработать меры по экономии сырья[504]. В феврале удалось доставить с Кавказа сырье и комплектующие, в том числе 100 тыс. взрывателей, 135 тонн тротила, 115 тонн селитры, 159 тыс. запалов для РГД, 122 500 запалов для РПГ, 21 600 зарядов М-50, 200 тонн чугуна и т. д. [505] Однако этого оказалось недостаточно для планового продолжения работы.

Критическая ситуация стала складываться весной 1942 г. Выход пытались найти путем строгой экономии и максимально бережливого отношения к инструментам, использования отходов, заменителей и упрощений конструкции изделий. Как образно говорится в докладной записке руководства Спецкомбината № 1, «в наших условиях обороны осажденного города Севастополя эта экономия расходования сырья необходима в квадрате»[506].

На заседании горкома обороны 22 марта 1942 г. было принято решение об организации сбора цветных и черных металлов, для чего восстанавливалась работа контор по сбору вторсырья[507]. 23 марта этот же вопрос рассматривался на заседании бюро горкома партии[508].

Помимо использования лома металлов и отходов производства, в производстве применялись различные заменители. Так, в литейных цехах при

[503] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 225. Л. 5.
[504] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 14.
[505] ГАРК. П-152. Оп.1. Д. 9. Л. 44.
[506] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 149.
[507] ГАРК. Ф. П-152. Оп.1. Д. 1. Л. 34.
[508] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 45.

плавке вместо кокса использовали смесь кокс-антрацит, а также снижали алюминиевую примесь в шихте[509]. Для этого решением горкома обороны от 8 апреля 1942 г. запасы антрацитового штыба ГРЭС-1 передавались промышленности[510]. Работники железнодорожного узла Нагорный и Самодей разработали способ брикетирования штыба, что позволило достигнуть экономии кокса и чушкового чугуна[511].

Для обмена опытом в области экономии сырья проводились городские конференции. 10 апреля 1942 г. была проведена конференция, посвященная литью металла, в которой приняли участие представители завода № 201, ИТК-7, «Молота» и мастерской № 4. Работники «Молота» докладывали об опыте использования в качестве топлива для вагранки смеси антрацита с коксом, при этом брак достигал только 5 %. Все участники отмечали крайнюю нехватку различного сырья[512]. 7 апреля 1942 г. была проведена подобная конференция по опыту производства 82-мм и 50-мм мин[513].

Мероприятия по экономии только отчасти решили проблему. Так, в письме В. С. Булатову от 20 марта 1942 г. секретарь горкома писал, что в городе отсутствуют кокс и кислород, на исходе тротил[514]. По этой причине некоторые предприятия не смогли выполнить план. В их числе – завод «Молот», где из-за отсутствия кокса приостановил работу литейный цех (21 день простоя), соответственно, прекратилась отливка корпусов мин и гранат. Из запланированных 25 тыс. гранат Ф-1 было произведено 10 103 шт., ПОМЗ – 600 шт. вместо 5 тыс., противотанковых мин – 4900 шт. вместо 10 тыс. шт., трубок и капсюлей к МУВ – 10 559 шт. вместо 45 тыс. шт.[515]

Из-за нехватки взрывчатки и запалов на складах скапливались невостребованные комплектующие. Б. А. Борисов в письме к адмиралу Ф. С. Октябрьскому (3 апреля 1942 г.) сообщал, что на складах Спецкомбината

[509] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 151.
[510] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 39.
[511] Крым в период Великой Отечественной войны. Симферополь, 1973. С. 182.
[512] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–4.
[513] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–6.
[514] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 7.
[515] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 7.; Д. 225. Л. 46.

№ 1 находится большое количество неснаряженных боеприпасов: гранаты РПГ – 10 тыс. шт., РГД-33 – 49,5 тыс. шт., мин 50-мм – 10 тыс. шт., мин 82-мм – 34,6 тыс. шт.[516]

В то же время в Новороссийске находились грузы для Севастополя: 100 тонн кокса, 10 вагонов тротила, 8 тонн рояльной проволоки и листового железа, запалы[517]. Вероятно, какая-то часть из данных грузов была доставлена в Севастополь: по некоторым данным, в конце месяца было привезено 10 тонн кокса (при месячной потребности в 50 тонн)[518]. Так, по майским подсчетам запасов кокса должно было хватить на 1,5 месяца[519].

7 мая 1942 г., на одном из последних заседаний бюро горкома партии, были подведены итоги борьбы за экономию. За март–апрель 1942 г. только на Спецкомбинате № 1 было сэкономлено 15 тонн кокса, 16 тонн чугуна, свыше 4 тонн круглой стали, 10 тонн стальной проволоки, 35 тонн полноцветной листовой стали, 130 кг олова и др.[520] Несмотря на предпринятые усилия в области экономии и замещения эрзацами, полностью проблему нехватки сырья и комплектующих решить так и не удалось: апрельский план был выполнен с большим трудом, а в начале мая вновь наметилось отставание. Тогда стал ощущаться большой недостаток в железных запалах, взрывателях, взрывчатке, закончились уголь и дрова[521].

Встал вопрос о прекращении работы некоторых предприятий, о чем свидетельствует докладная записка заместителя наркома внутренних дел Крымской АССР Н. Д. Смирнова о положении на заводе при исправительно-трудовой колонии № 7 (датирована 5 мая 1942 г.)[522]. В ней предлагается закрыть производство как неэффективное и эвакуировать заключенный контингент, причем одной из причин называется нехватка чугуна, песка и инструментов, в

[516] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
[517] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
[518] Кельнер Е. И. Трудящиеся Севастополя в борьбе с гитлеровскими захватчиками (1941–1942 гг.) // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 104.
[519] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 11.
[520] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 78.
[521] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 11.
[522] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

результате чего литье из чугуна дает слишком много отходов (от 50 до 60 %), что, в свою очередь, приводило к невыполнению плана и большому расходу сырья[523].

С увеличением производственных мощностей оборонных заводов значительно выросла энергоемкость городской промышленности. Зимой 1942 г. наметился дефицит топлива. На некоторое время проблема была решена за счет запасов антрацита, отбитых у противника на станции Мекензиевы горы[524]. Несмотря на экономию, к апрелю запасы топлива окончательно иссякли. Электростанции были переведены на жидкое топливо, которое доставлял танкер «Москва», но и его не хватало[525]. Временный выход из сложившейся ситуации предложили работники железнодорожного узла Н. И. Маралевич, разработавший брикеты из гудрона и угольной пыли, и П. М. Лещенко, сконструировавший специальные прессы[526].

Вопрос обеспечения городских предприятий кадрами стоял достаточно остро, т. к. резерв трудоспособного населения в осажденном городе был ограничен. Решение проблемы осуществлялось по нескольким направлениям: закрепление за предприятиями рабочих (путем бронирования), привлечение новых работников, организация обучения и повышения квалификации, стимулирование движения многостаночников.

Городское руководство препятствовало мобилизации на строительство укреплений квалифицированных рабочих[527]. Несмотря на противодействие, только в период с 1 по 25 ноября было задержано для выполнения оборонных работ 895 человек[528]. В приказе от 9 марта 1942 г. Ф. С. Октябрьский категорически запрещал всем войсковым начальникам без его ведома «проведение каких бы то ни было действий в Севастополе и его окрестностях», в том числе мобилизовать людские резервы[529].

---

[523] ГАРК. Ф. 152. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
[524] Красный Крым. 1942. 13 февраля. № 44. С. 3.
[525] Крылов Н. И. Огненный бастион. М., 1975. С. 264.
[526] Александров Н. Севастопольский бронепоезд. Симферополь: Крым, 1966. С. 165; Немков А. Е. Железнодорожники в обороне Крыма. Из записок начальника политотдела / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 157.
[527] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 75.
[528] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.
[529] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

Зимой и весной весны 1942 г. костяк рабочих коллективов составляли высококвалифицированные рабочие-мужчины, которых старались удержать на предприятиях. Распоряжением Крымвоенкомата от 31 марта 1942 г. горвоенком перебронировал большинство квалифицированных работников завода № 201, «Металлоштамп», «Красный металлист», «Химчистка», «Молот», железной дороги, Водоканала, типографии, ИТК № 7, Крымспецстроя[530]. Известно, что на производство привлекали пенсионеров, что ставилось в заслугу начальнику снабжения завода № 201 Ф. В. Цирцану[531]. Несмотря на принятые меры, убыль квалифицированных рабочих продолжилась: весной группа работников завода № 201 была отправлена на основную площадку в Туапсе[532].

В ноябре 1941 г. рабочие коллективы пополнились за счет многочисленных работников рабочих и ИТР, прибывших в Севастополь из других районов Крыма (в первую очередь из Симферополя и Евпатории). Коллективы некоторых предприятий в первое время практически полностью состояли из крымчан.

Также приток новых работников обеспечивался за счет вольного найма: именно в ноябре–декабре 1941 г. на производство в массовом порядке пришли женщины и подростки. Как вспоминает В. И. Дерибасова, на Спецкомбинат оформляли в упрощенном порядке, не проверяя документов[533]. Если в ноябре 1941 г. среди работников комбината было 146 женщин, то в декабре они составляли уже 1/3 всего персонала[534].

В результате проведенной работы, в промышленном секторе было занято до 40 % населения Севастополя. Так, 1 декабря в городе насчитывалось 51 244 человека, из которых 21 тыс. работало на предприятиях, остальные 30 тыс. – домохозяйки, люди преклонного возраста и дети[535]. При этом к январю 1942 г. на крупнейшем оборонном предприятии города – Спецкомбинате № 1 – численность

---

[530] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 70.
[531] ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 565. Л. 439.
[532] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 225. Л. 51.
[533] Дерибасова (Филиппова) В. И. Интервью. [Электронный ресурс]. URL: http://iremember.ru/grazhdanskie/deribasova-filippova-valentina-ivanovna.html (дата обращения: 15.04.2015).
[534] Сарина А.А. Арсенал Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 126; ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 225. Л. 74.
[535] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 39.

работников составляла всего 1118 человек[536]. Лишь зимой–весной 1942 г. их число увеличилось до 4 тыс. человек[537].

На заседании горкома обороны от 8 апреля 1942 г. было принято решение об усилении работы по вовлечению женщин на промышленные предприятия города и организации их обучения. Для этого райисполкомы должны были провести учет женщин от 16 до 45 лет, организовать отбор и направить на работу в первую очередь жен и иждивенцев военнослужащих. При распределении в первую очередь должны были обеспечивать оборонные предприятия[538].

Увеличение числа женщин на производстве заметно на примере Спецкомбината № 2. В апреле 1942 г. на предприятии насчитывалось 307 человек, в том мужчин 74 человека, женщин – 233 человека[539]. К маю 1942 г. количество работающих удвоилось и составляло 642 человека, в том числе 626 женщин[540]. При этом масштабы вовлечения женщин на производство не стоит преувеличивать, как это делает в своей работе Г. И. Ванеев[541]. Так, 12 мая 1942 г. на совещании партийного актива города отмечалось, что женский труд «слабо внедрен в производство» [542].

Весной 1942 г. на многих предприятиях Севастополя работали так называемые «стахановские» школы, которые оказывали «огромную помощь отстающим рабочим и новичкам в овладении квалификации, в освоении методов работы лучших стахановцев». Только в одном цехе завода № 201, который возглавлял Теличев, насчитывалось 12 школ, в которых обучалось 100 человек[543]. Всего за апрель 1942 г. на данном заводе было подготовлено 37 квалифицированных специалистов и 9 многостаночников, организовано 26

---

[536] ГАРК. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 154.
[537] Неверов И. М. Севастополь: Страницы героической защиты и освобождения города-героя, 1941–1944. М.: Политиздат, 1983. С. 65.
[538] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.
[539] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 157.
[540] Боброва Л. К. <Воспоминания> / МООВС. Т. XI. Севастополь, 1962. С. 189; ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 225. Л. 74.
[541] Ванеев Г. И. Героини Севастопольской крепости. Симферополь: Крым, 1965. С. 7.
[542] Маяк Коммуны. 1942. 13 мая. С. 1.
[543] Маяк Коммуны. 1942. 1 мая. С. 2.

стахановских школ, на замену мужчин направлено 49 женщин, кроме того 15 женщин переведены из учеников в рабочие[544].

Для севастопольской промышленности, особенно зимой и весной 1942 г., было характерно широкое распространение социалистического соревнования. Уже в протоколе заседаний бюро горкома партии за 17 января была поддержана инициатива комсомольцев и молодежи завода им. Сталина о соцсоревновании в честь годовщины Красной армии, в которое предлагалось включить все предприятия и учреждения города, провести митинги[545].

Для поощрения отличившихся предприятий 31 января 1942 г. решением горкома обороны было учреждено переходящее знамя городского комитета обороны, которое должно было вручаться по итогам месячной работы[546]. По итогам соцсоревнования первым 6 февраля 1942 г. красное знамя горкома обороны получил коллектив филиала завода № 201 (общезаводской план был выполнен на 121 %). При этом завод № 201 выполнил план по 82-мм минам на 105 %, по 50-мм минометам на 111 %, по 82-мм минометам на 100 %, по усовершенствованным прицелам к 82-мм минометам на 100 %[547]. 3 марта 1942 г. на заседании горкома обороны были подведены итоги соцсоревнования, посвященного 24-й годовщине Красной армии. За работу в феврале переходящее красное знамя сохранили за заводом № 201[548]. Была отмечена хорошая работа заводов № 1, «Молот», ИТК № 7, Мехстройзавода[549].

После февральских праздников соревнование развернулось с новой силой, теперь оно было приурочено к празднованию 8 марта (решение о проведении соцсоревнования было принято на заседании бюро горкома партии от 25 февраля)[550]. Всего в конце марта – начале апреля соревнованием было охвачено

---

[544] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 88, 92.
[545] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 1.
[546] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
[547] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
[548] Предприятиям Спецкомбината № 1 еще дважды присваивалось переходящее знамя городского комитета обороны. Знамя было обнаружено в 1951 г. в штольнях комбината и в настоящее время хранится в музее Черноморского флота.
[549] ГАРК. Ф. П-152. Оп.1. Д. 1. Л. 27.
[550] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 22.

4500 человек и насчитывалось более 2 тыс. передовиков производства; 497 человек выполняли нормы на 200 %, 294 – на 300 %, 65 человек на 400-500 %[551].

За ударный труд в период обороны десятки рабочих и служащих оборонных были отмечены различными государственными наградами, грамотами Президиума Верховного Совета Крымской АССР и Военного совета Черноморского флота.

Ассортимент оборонной продукции, производившейся Спецкомбинатом и другими предприятиями Севастополя в ноябре 1941 – июне 1942 гг., достаточно широк и отражает потребности СОР. Следует признать, что данные о выпуске продукции нельзя считать точными, это связано с неудовлетворительной статистикой в октябре-ноябре 1941 г., а также плохой сохранностью отчетных документов по отдельным предприятиям за январь–май 1942 г.

В условиях нехватки артиллерийских систем в соединениях СОР большую актуальность приобрело производство минометов – эффективного и простого в изготовлении оружия, которое значительно усиливало огневую мощь стрелковых подразделений. В Севастополе выпускались минометы двух типов: 50-мм ротные обр. 1938 г. и 82-мм батальонные обр. 1937 г. Основными производителями являлись филиал завода № 201, производство при ИТК № 7, железнодорожные мастерские и Мехстройзавод.

В процессе производства в конструкцию минометов были внесены многочисленные изменения, вызванные необходимостью упрощения и экономией сырья и деталей. Так, ротный миномет отличался использованием фигурной конструкции из цельного листа железа вместо стандартного лафета-двуноги. Немало рационализаторских предложений было внесено и в технологию изготовления. Например, в начале 1942 г. по предложению начальника механического цеха завода № 201 Теличева и начальника участка завода № 1 Раффе были изменены конструкции вертикального подъема ствола и маточной

[551] Кельнер Е. И. Трудящиеся Севастополя в борьбе с гитлеровскими захватчиками (1941–1942 гг.) // Вопросы истории. 1956. № 9. С. 105.

гайки 82-мм миномета, внедрена в процессе изготовления электросварка вместо ковки[552].

В ноябре севастопольцами было изготовлено 24 82-мм и 135 50-мм миномета; в следующем месяце количество произведенных минометов выросло в несколько раз: 219 шт. и 236 шт. соответственно. Особенно показателен рост выпуска более мощного и эффективного 82-мм батальонного миномета.

Наряду с минометами осенью 1941 г. на предприятии при ИТК № 7 был освоен массовый выпуск 50-мм осколочных чугунных четырехперых мин О-822А, которые отгружались для снаряжения на «Химчистку». В декабре на заводе № 201 началось постепенное освоение 82-мм осколочных шестиперых мин О-832Д. Однако в этом месяце план не был выполнен: из 11 тыс. мин было изготовлено всего 3 520 шт. Данное количество не могло обеспечить потребности войск, отражавших первый и второй штурмы города. Так, по состоянию на 18 декабря в войсках оставался один боекомплект, военное руководство просило командование срочно доставить в город по 5 тыс. 50-мм и 5 тыс. 82-мм мин[553].

Неисполнение производственных планов в ноябре–декабре 1941 г. объясняется нехваткой сырья, специалистов и документации. В то же время качество продукции было не всегда удовлетворительным. Генерал Е. И. Жидилов вспоминал: «Если мина туго входила в ствол, [бойцы] вооружаются напильником и подгоняют ее тут же на огневой позиции, а если мина слишком свободно проваливается, то наматывают сальник из пакли»[554].

Зимой и весной 1942 г. производство минометного вооружения и мин продолжилось. При этом план производства в апреле вырос практически в два раза[555]. Одним из центров производства минометного вооружения оставалось производство при ИТК №7: только в январе–феврале здесь было произведено 210

[552] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–2.
[553] Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. В 2 кн. Кн. 1. Киев, 1995. С. 159.
[554] Жидилов Е. И. Мы отстаивали Севастополь. Горький, 1973. С. 171.
[555] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 8.

50-мм минометов, 38 265 корпусов 50-мм мин, 9 929 корпусов необработанных и 2 500 обработанных корпусов 82-мм мин[556].

При этом предприятия постепенно переориентировались на выпуск более мощных 82-мм минометов и мин данного калибра. Так, к производству корпусов 82-мм мин подключают Мехстройзавод[557]. Причиной этого был недостаточная мощь 50-мм минометов. Так, А. М. Таран вспоминал, что в его огневой взвод вместо двух уничтоженных 82-мм минометов доставили четыре 50-мм: «Когда же мы их осмотрели – сразу разочаровались – это были маленькие 50-мм минометы <…> но делать было нечего – надо было воевать и с этим оружием»[558].

Весной 1942 г. была сделана попытка внедрения экспериментальных образцов минометного вооружения: 82-мм минометов с усовершенствованными прицелами, автоматических 50-мм и 82-мм минометов, агитационных 82-мм минометов. Примечателен 50-мм автоматический миномет, разработанный начальником боепитания 110-го полка связи Приморской армии Г. Н. Гаркушей. Он представлял собой серийный 50-мм миномет, на который устанавливался барабан (две кассеты на три мины), что позволяло повысить скорострельность. В начале мая небольшая партия минометов-автоматов поступила в войска на испытания.

В целом можно констатировать, что севастопольские предприятия в январе–феврале смогли выполнить план по производству минометов и 50-мм мин. В последующие месяцы ситуация начинает ухудшаться из-за нехватки сырья и комплектующих. Так, в конце марта возникает сильный дефицит сырья и устройств, необходимых в производстве мин. Всего в январе–апреле 1942 г. было произведено более 66 тыс. минометных мин, в том числе для 82-мм миномета – более 16 тысяч, а также 566 минометов[559].

---

[556] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231.Л. 60.
[557] ЧУС МИМК «35-я береговая батарея». Альбом оборонительных, базовых и аэродромных сооружений, построенных в период Великой Отечественной войны. 1941–1942 гг. Инженерный отдел Черноморского флота. 1942. Без нумерации листов.
[558] ЧУС МИМК «35-я береговая батарея». Таран А. М. О войне (воспоминания). С. 90.
[559] АГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 43. Л. 119.

Несмотря на то, что некоторые мемуаристы утверждают, что продукция комбината покрывала потребность в 82-мм минах[560], в реальности минометных мин не хватало, даже с учетом подвоза боеприпасов с Кавказа[561]. К началу третьего штурма минометные подразделения имели чуть более одного боекомплекта для 82-мм минометов и два боекомплекта для 50-мм минометов[562].

Помимо производства минометного вооружения в Севастополе массово производились оборонительные средства – противотанковые и противопехотные мины. Основной продукцией стали противопехотная мина ПМД-6 и противотанковая мина ТМД-40. Также в Севастополе производился минный универсальный взрыватель (МУВ), который применялся в сочетании с запалом МД-2 в минах. Оригинальным изделием севастопольских предприятий стали фугасно-шрапнельные мины. Их конструкция неизвестна, но, возможно, они были похожи на так называемые шрапнельные фугасы, которые применялись в русской армии в начале XX в.

Производство мин было освоено в октябре–ноябре 1941 г. на заводе «Молот» и Мехстройзаводе. С созданием Спецкомбината к выпуску противопехотных мин подключается завод № 1 и «Красный металлист». Комплектующие для МУВ (ниппеля, пружины, ударники, бойки) были освоены на нескольких предприятиях (завод № 1, завод № 201, Мехстройзавод и др.). В процессе производства мин широко использовались различные заменители, в конструкцию вносились многочисленные изменения. Так, Е. В. Леошеня отмечает, что в качестве корпусов мин использовали консервные банки, начиненные толом, извлеченным из списанных боеприпасов[563].

Декабрьский план по выпуску мин предприятия города выполнили неудовлетворительно. Так, из 40 тыс. ППМ было изготовлено только 16 581 шт., из 10 000 ПТМ – 4070 шт. Взрывные устройства завозили с Кавказа: 1 января 1942 г. в Севастополь были доставлены, по некоторым данным, 20 тыс.

---

[560] Кулаков Н. М. Доверено флоту. М., 1985. С. 260.
[561] Исаев А. В., Глухарев Н. Н., Романько О. В., Хазанов Д. Б. Битва за Крым 1941–1944 г. М.: Яуза, 2016. С. 389.
[562] История Крыма. В 2 томах. Том 2. / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017. С. 549.
[563] Леошеня Е. В. Эшелон из столицы / У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. Воспоминания. М.: Воениздат, 1967. С. 235.

противотанковых и 25 тыс. противопехотных мин[564], которые были выставлены на переднем крае обороны.

Кроме уже освоенных типов мин зимой на заводе «Молот» и Мехстройзаводе началось производство максимально простой по конструкции противопехотной мина натяжного действия ПОМЗ-2. При этом от штатной мины она отличалась увеличенными размерами корпуса и металлическим колышком. Тогда же в производство поступили две противопехотные мины натяжного действия, которые были сконструированы севастопольцами. Первая состояла из жестяного корпуса, внутри которого устанавливался стакан, наполненный амматолом. В промежуток между стаканом и корпусом вставлялась свернутая стальная лента с насечкой для образования осколков. Вторая мина интересна тем, что ее корпус представляет собой бракованную 50-мм мину, снабженную колышком. В нее, как и в ПОМЗ, устанавливалась шашка и взрыватель МУВ.

В январе-феврале план по производству противотанковых и противопехотных мин выполнялся полностью, в отдельных случаях – перевыполнялся. Так, директор завода «Молот» Г. Д. Никерин и технорук А. Х. Ермолаев были представлены к наградам за то, что «благодаря быстрому освоению и изготовлению на заводе в необходимом для Армии количестве УВ (упрощенных взрывателей) из пистолетного патрона ТТ, фронт был удовлетворен инженерными средствами противотанковой и противопехотной обороны»[565].

Однако уже в марте предприятия, занимавшиеся производством мин, столкнулись с острой нехваткой сырья. Особенно в тяжелой ситуации оказался ранее передовой завод «Молот», который из-за отсутствия кокса и недостатка листового железа систематически не выполнял план. Так, в марте было запланировано произвести 5 тыс. ПОМЗ, в итоге произвели всего 600 шт., вместо 10 тыс. противотанковых мин – 4900 шт., вместо 45 тыс. трубок и капсюлей МУВ – 10 559 шт.[566] Завод № 1 и «Молот» в марте произвели 52 875

[564] Леошеня Е. В. Эшелон из столицы / У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. Воспоминания. М.: Воениздат, 1967. С. 233.
[565] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.
[566] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 240. Л. 7.

противопехотных мин и 1096 ПОМЗ, в апреле – 49 259 противопехотных мин и 3150 ПОМЗ, в мае – 40 137 противопехотных мин[567].

Еще одним видом массовой оборонной продукции были гранаты различной конструкции. В Севастополе выпускались ручные осколочные гранаты Ф-1 и РГД-33, а также противотанковая граната фугасного действия РПГ-40. Производство было организовано на нескольких предприятиях: корпуса выпускали завод «Красный металлист» (РГД), завод № 1 (РПГ), «Молот» (Ф-1), железнодорожные мастерские, производство при ИТК № 7; снаряжение происходило на «Химчистке». Для организации производства в Севастополе были оставлены несколько специалистов, в том числе мастер завода № 58 (г. Москва) И. Г. Булавин[568].

Гранаты стали первой продукцией, успешно освоенной на Спецкомбинате. Уже 17 ноября 1941 г. здесь была изготовлена первая партия из 200 гранат[569]. Всего в ноябре–декабре 1941 г. было изготовлено и снаряжено 13 148 шт. РГД, 30 680 шт. Ф-1 и 5 457 РПГ. Как и с остальной продукцией, количество произведенных корпусов гранат в разы превышало число снаряженных. Например, в декабре планировалось произвести 24 000 гранат Ф-1, снарядов – 39 000; фактически было снаряжено только 18 680 шт.

Уже с ноября-декабря 1941 г. широко использовались различные заменители: был организован сбор чугунного лома (для корпусов Ф-1), а также металла с крыш авиационных ангаров (для корпусов РГД и РПГ)[570]. В условиях нехватки запалов Ковешникова для Ф-1 применялись запальные трубки (капсюль-детонатор в бумажном корпусе КД) и огнепроводный шнур.

В 1942 г. продолжился массовый выпуск ручных гранат. Как и по другой продукции, в январе–марте был достигнут значительный рост производства, что было напрямую связано с организацией подвоза комплектующих. Например, 20 и 26 февраля в город были доставлены 159 тыс. запалов к РГД-33, 122,5 тыс.

---

[567] Посчитано по: ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 53, 55–56, 104–105, 135, 140.
[568] Прибылов Б. В., Кравченко Е. Н. Ручные и ружейные гранаты. М.: «Арктика 4Д», 2008. С. 157.
[569] Крылов Н. И. Огненный бастион. М., 1975. С. 94.
[570] Ильин С. А. О работе Спецкомбината / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 205.

запалов к РПГ и 60 тыс. запалов к Ф-1[571]. В результате большинство плановых показателей в феврале–марте были выполнены. Всего в январе–апреле 1942 г., по некоторым данным, было произведено 180 тыс. ручных гранат и 30 тыс. противотанковых гранат[572].

В конце марта 1942 г. наметилась тенденция истощения запасов сырья для производства гранат. В то же время нехватка взрывчатых веществ привела к накапливанию неснаряженных корпусов гранат. По состоянию на 3 апреля 1942 г. только на складах Спецкомбината № 1 скопилось 10 тыс. ручных противотанковых гранат и 49,5 тыс. РГД-33, у которых отсутствовали запалы и заряды[573].

В мае 1942 г. был произведен пересмотр плановых показателей по отдельным видам продукции, что было вызвано не только нехваткой сырья и перебоями с поставкой грузов: был сделан акцент на производстве гранат РГД-33. Плановые показатели по производству РГД-33 были повышены с 30 тыс. до 33 тыс. шт., в то же время были снижено производство РПГ с 10 тыс. до 7 тыс. Планы снаряжения корпусов гранат на «Химчистке» оставались неизменными по РГД-33 и РПГ-40 и заметно снизились по Ф-1 (с 25 тыс. до 15 тыс. шт.).

Отчасти это было связано с низкой эффективностью и качеством изготовления севастопольских «лимонок». Например, участник обороны Л. Н. Ройтенбурд вспоминает, что Ф-1 местного производства «не всегда взрывались»[574].

Помимо производства минометов, мин и гранат в Севастополе изготовляли 2,5–3 кг авиационные осколочные бомбы АО-3 (для чего использовали корпуса 3-дюймовых снарядов французского производства), ранцевые огнеметы, ампулометы и зажигательные мины (последних – более 10 тыс. шт.).

С осени 1941 г. на всех предприятиях города было организовано массовое производство шанцевого инструмента, что было продиктовано низкой

---

[571] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.
[572] Кельнер Е. И. Героическая оборона Севастополя, 1941–1942. Симферополь, 1958. С. 130.
[573] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
[574] Ройтенбурд Л. Н. Мы защищали Севастополь. Воспоминания участника обороны / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. Севастополь, 2011. С. 15.

оснащенностью воинских соединений, прибывающих в город. Только в ноябре–декабре 1941 г. было изготовлено 9987 малых саперных лопат (в ноябре – 9 000 шт., в декабре – 987 шт.), а также 1158 ломов[575].

В октябре–ноябре на различных предприятиях стали производить чугунные печи, в эти месяцы их было изготовлено 749 шт., в декабре – еще 701 шт.[576] Только на Мехстройзаводе в период с августа 1941 г. по февраль 1942 г. было выпущено около 3 тыс. шт. чугунных печей [577].

Отдельное направление работы – пошив обмундирования и снаряжения. В данной сфере мероприятия также начались еще осенью 1941 г. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 г., среди населения города были организованы мероприятия по сдаче теплых вещей для Красной армии. В Крыму соответствующее постановление было принято на заседании бюро обкома 7 сентября 1941 г.[578]

Через несколько дней, 9 сентября, решением горкома партии в Севастополе была образована городская комиссия, которую возглавил М. М. Савицкий, а также районные комиссии[579]. Изначально власти взяли под жесткий контроль процесс сдачи теплых вещей. В адрес председателей районных комиссий по сбору теплых вещей М. М. Савицкий 18 сентября 1941 г. направил письмо под грифом «секретно». В нем указывается, что каждый район должен собрать 60 полушубков, валенок – 60 пар, меховых рукавиц – 250 пар, носков – 750 пар, ушанок – 450 пар. Подчеркивалось, что указанные цифры «не должны стеснять инициативу местных организаций в смысле их перевыполнения». Закончить сбор вещей предполагалось к 1 октября[580].

К 21 сентября жители Севастополя сдали 4 742 вещи, в том числе валенки и полушубки, а также 17,6 кг шерсти[581]. Всего к 30 октября 1941 г. было сдано более 16 тыс. различных вещей, однако среди них было относительно мало

[575] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 11, 100; Д. 231. Л. 60; Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 6. Л. 8.
[576] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 11, 100; Д. 231. Л. 60; Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 6. Л. 8.
[577] Хренов А. Ф. Мосты к победе. М., 1982. С. 194.
[578] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1523. Л. 65.
[579] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 62.
[580] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 109.
[581] Там же. Л. 91.

теплых: 459 ватников, 369 теплых шаровар, 35 бушлатов, 192 шинели, 51 полушубок, 84 пары валенок и т. д.[582] Организация сбора теплых вещей была не очень удачной, т. к. многие сданные вещи оседали на предприятиях и в учреждениях[583].

В условиях ранней и холодной зимы снабжение войск теплой одеждой приобретает особое значение. Как следует из газетной статьи, к 21 ноября севастопольцы сдали десятки тысяч теплых вещей. При этом отмечалось: «Сбор теплой одежды не благотворительность и не пожертвование. Это серьезное государственное дело и оно требует к себе неослабимого [так в тексте. – Авт.] внимания»[584]. Собранные вещи собирались в помещении одного из магазинов; по некоторым данным, через эту центральную базу прошло около 30 тыс. теплых вещей, в ноябре вывезенных на фронт[585].

Несмотря на все усилия, теплых вещей не хватало. Среди бойцов, пополнявших части гарнизона, было много выходцев из южных республик, которые с трудом переносили холода. Из-за нехватки теплого обмундирования воины пытались импровизировать, например, И. К. Калюжный вспоминает, что зимой 1941 г., чтобы утеплиться, использовали старые одеяла, в которых прорезали две дыры и поддевали под шинели[586].

11 ноября 1941 г. Военный совет Черноморского флота принял решение об организации пошива теплого обмундирования в осажденном городе[587]. В итоге был образован Спецкомбинат № 2, который объединил городские предприятия легкой промышленности: швейную фабрику № 4, артель «Красный швейник», обувные артели «Парижская коммуна» и «Красный Октябрь».

---

582 ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.
583 ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 203. Л. 52.
584 Красный Крым. 1941. 21 ноября № 277. С. 1.
585 Алтабаева Е. Б. Город, достойный поклонения: Севастополь в Великой Отечественной войне. Севастополь, 2013. С. 129.
586 ЧУС МИМК «35-я береговая батарея». Калюжный И. К. Воспоминания. Без нумерации листов.
587 История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. К 225-й годовщине со дня основания города / И. И. Куликов, В. П. Кот, В. В. Крестьянников, С. И. Кулик, А. А. Скрипниченко, Н. М. Терещук, А. А. Фесенко. Севастополь: Арт-политика, 2008. С. 42.

По данным Г. И. Ванеева, уже в ноябре работники спецкомбината пошили первые сотни комплектов обмундирования и белья[588]. Однако и продукция комбината не могла полностью обеспечить войска оборонительного района зимним обмундированием. В период затишья между первым и вторым штурмом в город было доставлено 80 тыс. комплектов теплого обмундирования. А. П. Ермилов в своих воспоминаниях уверяет, что к началу декабря весь личный состав армии получил теплую одежду[589].

В середине ноября 1941 г. в Севастополе началось движение по созданию женских бригад помощи фронту, среди инициаторов обычно называют Л. А. Ракову, А. С. Федоринчик, М. Т. Тимченко, М. Л. Анисимову и Н. М. Байсак[590]. В состав бригад входили в основном женщины, не занятые на производстве. Они занимались пошивом теплого обмундирования, починкой и стиркой военного обмундирования, пряли шерсть, обслуживали госпитали. Постепенно складывалась практика шефства женских бригад над отдельными воинскими подразделениями. Например, 1-й Севастопольский полк обслуживали три бригады, которые возглавляли К. Шамрай, А. Малашенко и Л. Полуди.

С начала декабря 1941 г. движение помощи фронту начинает принимать организованные формы. 2 декабря 1941 г. решением бюро горкома партии была создана городская комиссия по работе в убежищах, одним из направлений работы которой была «организация женщин на различные общественные работы»[591]. Фактически комиссия занималась координацией работы женских бригад, обеспечения их материалами и закреплением их за определенными участками фронта.

10 декабря 1941 г. бюро севастопольского горкома партии приняло решение одобрить и широко внедрить среди населения инициативу по организации пошива теплых вещей и стирке белья для воинских частей и госпиталей[592]. После

---

[588] Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. В 2 кн. Кн. 1. Киев, 1995. С. 105.
[589] У черноморских твердынь. М., 1967. С. 313–314.
[590] АГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 43. Л. 113.; Красный Крым. 1941. 11 декабря; Гырдымова Е. П. О работе с населением, жившим в бомбоубежищах / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 70; Борисов Б. А. Подвиг Севастополя Симферополь, 1959. С. 122.
[591] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 127.
[592] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 131; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 28.

обращения городских властей к военному руководству материал для самодеятельных мастерских стал поставляться интендантской службой Приморской армии. Е. П. Гырдымова вспоминала, что женским бригадам передали материал для пошива нижнего белья, машину бракованного суконного обмундирования, а также списанные шинели и одеяла, которые пошли на пошив ватников и шапок-ушанок[593].

Работа бригад широко освещалась в периодической печати. Например, в газете «Красный Крым» от 15 декабря 1941 г. описывалась работа бригады в убежище, где комендантом была М. Т. Тимченко. Мастерская по пошиву вещей под руководством опытной закройщицы Шаловановой была создана 11 декабря 1941 г. В нее вошли Тимченко, Григорюк, Жулинская, Шаловановы (мать и дочь) и другие женщины; работали 10 часов в день в две смены. Уже 13 декабря была выдана первая партия – 40 пар белья[594]. Движение получило широкое распространение: в течение декабря было создано 30 бригад, в которые были вовлечены 416 женщин. При этом 20 бригад работали по пошиву теплых вещей и 10 бригад занимались стиркой для воинских частей и госпиталей[595].

К 22 января 1942 г. бригадами было сшито 20 657, отремонтировано 24 198 вещей, постирано 54 950 пар белья. При этом отличились бригады Раковой, Михайловой, Мелконовой, Васюковой, Петрухиной, Тяпкиной, Качан, Стальбовской и др.[596] Уже после окончания второго штурма, 2 февраля 1942 г., были награждены грамотами Президиума Верховного Совета КАССР 36 жительниц города, отличившихся в ходе выполнения заданий по оказанию помощи фронту[597].

Зимой 1942 г. продолжилось формирование Спецкомбината № 2, на что указывает постановление СНК КАССР от 6 января 1942 г. о слиянии артелей «Пролетарий» и «Красный швейник» с 4-й государственной швейной фабрикой[598].

---

[593] Гырдымова Е. П. О работе с населением, жившим в бомбоубежищах / МООВС Т. IV. Севастополь, 1959. С. 72.
[594] Красный Крым. 1941. 15 декабря. № 301. С. 2.
[595] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 9.
[596] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 9.
[597] Красный Крым. 1942. 3 февраля. № 34. С. 2.
[598] ГАРК. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 122.

В состав комбината вошли цеха массового и индивидуального пошива, закройный и шапочный, сапожный, ремонтный и прачечный, а также четыре филиала в городе. Согласно отчетной документации, с 1 января по 1 мая 1942 г. на Спецкомбинате № 2 было произведено: брюк ватных – 930 пар, телогреек ватных – 1 184 шт., телогреек овчинных – 3 871 шт., кальсон – 3897 шт., рубах нательных – 4 018 шт., рукавиц – 180 шт., шапок-ушанок – 622 шт., кепи – 554 шт., суконных брюк – 544 шт., суконных юбок – 473 шт., сумок для гранат – 3 142 шт., чехлов для фляг – 1044 шт., санитарных сумок – 6 509 шт., брючных ремней – 5 736; ремонт бушлатов – 322 шт., ремонт брюк – 5 736 шт., ремонт шинелей – 1551 шт., ремонт гимнастерок – 451 шт., ремонт кителей – 93 шт. и др.[599]

До 23 апреля 1942 г. фабрика работала в две смены, а после перешла на одну смену «вследствие недостатка заказов». Простои компенсировали организацией прачечной, в которой производили стирку обмундирования Приморской армии[600].

За период обороны женские бригады изготовили не меньше обмундирования, чем комбинат. На исходе зимы они переключились на пошив и ремонт летнего обмундирования. По состоянию на 18 февраля 1942 г. в городе работало 45 женских бригад, в которых числилось 871 человек[601].

В последующие месяцы продолжали создаваться новые бригады помощи. Например, в бомбоубежище на Базарной улице открылась мастерская для пошива обмундирования. За первые 10 дней работы в ней было пошито 250 пар белья и 175 пар рукавиц[602]. По состоянию на 7 апреля 1942 г. только женщины Северного района пошили для нужд фронта 15 000 различных вещей, постирали 180 000 штук белья и починили 126 000 шт.[603]

К 12 мая в городе работало уже до 60 бригад помощи фронту, в которые входило до 1500 человек[604]. Всего к началу мая 1942 г. фронтовые хозяйки

---

[599] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 225. Л. 65; П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 156.
[600] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 157–158.
[601] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 53.
[602] Красный Крым. 1942. 2 марта. № 61. С. 3.
[603] Красный Крым. 1942. 9 апреля. № 99. С. 3.
[604] Маяк Коммуны. 1942. 14 мая. С. 2.

постирали 574 908 пар белья, отремонтировали 180 937 пар, пошили 34 157 различных вещей, связали 591 пару теплых носков[605].

Ряд предприятий специализировался на ремонте техники и вооружений. Судоремонт в ноябре–декабре 1941 г. был фактически свернут. В городе продолжали работать небольшие филиалы механических мастерских, в которых производился лишь экстренный ремонт боевых кораблей. Возобновление судоремонта на заводе № 201 стало возможным только с наступлением периода затишья. На заседании горкома обороны от 9 января 1942 г. было решено приступить к немедленному восстановлению и приведению в рабочее состояние докового хозяйства и железнодорожных путей предприятия[606]. На предприятие вернулась часть рабочих, которые ранее проходили службу в армии[607].

К началу марта были восстановлены доки, некоторые цеха, заводские железнодорожные пути, произведен ремонт пяти тральщиков[608]. Был возобновлен ремонт потопленного в заводском доке в ноябре 1941 г. эсминца «Совершенный». В мае корабль был выведен из дока и поставлен у стенки Корабельной бухты для достройки на плаву[609]. Также по приказу командующего флотом проводились работы на потопленном крейсере «Червона Україна». До конца апреля были подняты все оставшиеся на борту артиллерийские орудия, в мае завершен подводный демонтаж и съемка некоторых механизмов, проведена герметизация отсеков[610].

Помимо филиала завода № 201 судоремонтными работами занимались различные флотские мастерские. В начале февраля 1942 г. были образованы объединенные мастерские в Стрелецкой бухте, которые возглавил воентехник 2-

---

[605] Ванеев Г. И. Героини севастопольской обороны. Симферополь, 1965. С. 59; История города-героя Севастополя 1917–1957. Киев, 1958. С. 241.
[606] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1 Д. 1. Л. 12.
[607] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–2.
[608] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–2.
[609] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 182; Балакин С. А. «Сообразительный» и другие эскадренные миноносцы проекта 7У // Морская коллекция. 1997. № 6 (18). С. 22.
[610] Синютин М. В. Батарея задачу выполнила. СПб, 2010. С. 148–149.

го ранга Е. В. Размологов. Всего с 1 января по 1 июня мастерские отремонтировали 131 корабль, в том числе 58 с боевыми повреждениями[611].

Центральной ремонтной базой военной техники являлся Мехстройзавод. На предприятии производился ремонт стрелкового оружия, было налажено производство различных комплектующих для стрелкового оружия, пушек, автомобилей и бронетехники[612]. Также ремонтные работы производили и на других предприятиях города. В механических мастерских сетевого района «Крымэнерго» за ноябрь–декабрь 1941 г. был проведен ремонт 2 танков, 20 танкеток и 3 тракторов[613]. В железнодорожных мастерских с 31 октября по 5 декабря 1941 г. было отремонтировано 11 пулеметов, 2 орудия, 15 винтовок, 2 танкетки, 8 минометов, 2 автомобиля, 3 трактора, 2 полевые кухни[614]. На заводе № 201 с 1 по 23 февраля 1942 г. была выполнена бронировка 30 танков[615].

Филиал артиллерийского завода проводил работы по демонтажу орудий с поврежденных кораблей с последующей установкой на суше, а также занимался ремонтом орудий береговой артиллерии, в которой был высок износ артиллерийских стволов. С 10 по 31 декабря 1941 г. была произведена замена лейнеров на батареях № 32 и № 112, тел орудий на батареях №№ 2 и 113. До конца февраля были заменены стволы практически на всех батареях калибра до 203 мм[616]. В это же время проводились широкомасштабные работы по замене стволов на 30-й батарее[617], которые были закончены в начале февраля 1942 г. В рекордно короткие сроки башни были введены в эксплуатацию и обе башни 35-й батареи: 1-я башня – 20 января, 2-я башня – 3 апреля 1942 г. Начальник цеха № 1

---

[611] Самарин В. А. Организация ремонта кораблей ОВРа в период обороны Севастополя 1941–1942 гг. / Бюллетень № 12. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. Севастополь, 1980. С. 111.

[612] Альбом оборонительных, базовых и аэродромных сооружений, построенных в период Великой Отечественной войны. 1941–1942 гг. Инженерный отдел Черноморского флота. 1942. Без нумерации листов.

[613] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

[614] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 111, 112.

[615] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 42.

[616] Красный Крым. 1942. 14 марта 1942. № 73. С. 3.

[617] Спецсообщение «О боевых действиях береговых батарей по обороне главной военно-морской базы ЧФ гор. Севастополя за время с 10-го по 31-е декабря 1941 года» // Историческое наследие Крыма. 2020. С. 115–116.

завода С. Прокуда был отмечен орденом Ленина. Вместе с ним были награждены орденами и медалями М. С. Соценко, П. Н. Чекин, И. О. Сечко и Н. Д. Цветков[618].

В связи с началом немецкого наступления на Керченском полуострове, 12 мая 1942 г. было проведено совещание городского актива. Перед собравшимися советскими и партийными работниками, представителями предприятий и организаций была, в том числе, поставлена задача по увеличению выпуска военной продукции[619]. 18 мая 1942 г. на заседании городского комитета обороны было принято решение «немедленно разработать план снабжения электроэнергией всех основных объектов города на случай выбытия той или иной электростанции или даже всех трех[620].

В то же время были предприняты меры по подготовке предприятий к уничтожению в случае захвата города противником. В частности, 22 мая 1942 г. датирован подробный план действий по выводу из строя оборудования, машин, цехов и объектов основной площадки филиала завода № 201. В нем подробно описано оборудование, материальные ценности, подлежащие уничтожению[621].

Несмотря на чрезвычайную обстановку, предприятия Севастополя продолжали выпускать продукцию военного назначения. В связи с тем, что командование СОР ожидало массированное применение танков противника, большинство предприятий города перешло на массовое изготовление противотанковых ежей, продолжая выполнять основные заказы флота и армии[622].

Значительное влияние на работу промышленности оказали массированные бомбардировки города 2–7 июня 1942 г. Так, 3 июня был полностью разрушен завод «Молот», соответственно, прекратилось производство комплектующих для МУВ, мин ПОМЗ и гранат Ф-1. Так как предприятие являлось одним из важнейших звеньев внутригородской производственной кооперации, располагало квалифицированными кадрами и ценным оборудованием, решено было в

---

[618] Немков А. Е. Железнодорожники в обороне Крыма. Из записок начальника политотдела / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 167.; Алексеев А. А. Подвиг оружейников / Огненный дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 137–156.
[619] История города-героя Севастополя 1917–1957. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1958. С. 243.
[620] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 46–47.
[621] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 124–131.
[622] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 344. Л. 125.

экстренном порядке перевести его на Спецкомбинат № 1[623]. Туда же направлялись мощности с эвакуированной ИТК № 7.

В первый день штурма Севастополя, 7 июня 1942 г., получила многочисленные повреждения СевГРЭС-1, соответственно, из-за отсутствия электроэнергии временно прекратили работы подземные комбинаты. Чрезвычайное положение, в котором оказалась городская промышленность, 10 июня стало предметом обсуждения на заседании городского комитета обороны[624]. В результате был принято постановление, в котором определялись задачи руководителей завода:

- по Спецкомбинату № 1: в кратчайшие сроки завершить монтаж оборудования с заводов «Молот» и ИТК № 7;
- по заводу № 201: выполнение задания Военного совета флота по консервации и эвакуации: демонтаж и подготовка к вывозу судовых механизмов, пустить в строй электростанцию для мастерских и кислородную станцию, обеспечить бесперебойную работу заводского гудка и водоснабжение;
- по железнодорожному транспорту: восстановить и содержать в порядке пути, подвижной состав;
- по электростанции и сетям «Крымэнерго»: обеспечить бесперебойную работу ГРЭС-2; привести в рабочее состояние СевГРЭС-1 (разрушена турбина) и подготовить ее к пуску в любой момент. Поддерживать в рабочем состоянии электромагистрали. Руководство СевГРЭС обещало исправить турбину в двухнедельный срок, однако пустить вовремя ее так и не удалось[625].

К середине июня 1942 г. планомерная работа предприятий города была нарушена, о чем свидетельствует записка руководства Спецкомбината № 1 секретарю Корабельного РК ВКП(б) М. И. Воронину. В ней отмечается, что план не выполняется по причине отсутствия электроэнергии (подчеркивается, что ее нет с 1 июня) – 123 часа простоя[626]. Значительные повреждения получили все

---

[623] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 276.
[624] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 56–58.
[625] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 304.
[626] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 225. Л. 79.

предприятия города, фактически работали только Спецкомбинат № 1 и небольшие мастерские.

Несмотря на сложности, продолжился выпуск военной продукции. Всего с 1 по 18 июня на Спецкомбинате № 1 было изготовлено 5 280 корпусов 82-мм мин, 9249 ручных гранат РГД-33, 3 963 противопехотные мины, 9 285 МУВ, 500 противотанковых ежей, 44 комплекта огнеметов, 30 комплектов реактивных снарядов, 10 комплектов 50-мм минометов-автоматов. В то же время «Химчисткой» были снаряжены и сданы 21 206 гранат РПГ-40 (при плановом задании 5 400, т. е. задание было выполнено на 390 %), 20 448 гранат РГД-33 (при плановом задании 16 800 шт.) и 2 005 гранат Ф-1, 450 противотанковых мин и тысячи минометных мин (до 5 тыс. мин ежедневно)[627]. В ситуации практически полной блокады это было существенная помощь воинам СОР.

18–19 июня 1942 г. по Севастополю был нанесен особо сильный удар авиацией и артиллерией противника: всего сброшено 5 682 ФАБ и свыше 25 тыс. зажигалок[628]. Вышли из строя почти все предприятия Севастополя, в частности, был вторично разрушен механический цех завода «Молот», значительно повреждены СевГРЭС-1, паровозное депо, вокзал, мельница, кислородная станция, хлебозавод, кожзавод, водопровод и линии связи.

На Спецкомбинате № 1 оставалось 497 человек, которые занимались снаряжением мин на основе имевшихся корпусов под руководством инженеров М. Теличева и Л. Я. Готте[629]. По воспоминаниям военкома управления тыла Г. И. Рябогина, только 27 июня спецкомбинат и СевГРЭС-1 прекратили свою работу, при этом последняя продукция была выдана еще 25 июня[630]. В последующие дни в городе действовали лишь небольшие мастерские на территории Спецкомбината № 1, вокзала и морского завода, предназначенные для экстренного ремонта военной техники[631]. Известен приказ № 102 по

---

[627] Сарина А. А. Арсенал Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь: Таврия, 1978. С. 135; ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 91–93; Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 145; Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981. С. 198.
[628] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 197.
[629] Тяпкин Л. И. О производстве минометов / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 248.
[630] Рябогин Г. И. О работе Спецкомбинатов / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 237.
[631] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 344.

Спецкомбинату № 2 от 25 июня 1942 г., согласно которому и на основании указаний оборонной комиссии, предприятие сворачивало свою работу[632].

В горкоме обороны началась подготовка к эвакуации квалифицированных рабочих, что было согласовано с адмиралом Ф. С. Октябрьским, который обещал обеспечить их местами на кораблях[633]. Соответствующее решение было принято на последнем запротоколированном заседании городского комитета обороны, которое прошло 24 июня 1942 г.

Откомандированию подлежали рабочие и ИТР, главным образом из числа невоеннообязанных и негодных к воинской службе, следующих предприятий: завода № 1, завода «Химчистка», завода «Молот», филиала завода № 201 (в г. Туапсе, в распоряжение завода № 201); железнодорожного узла, электростанции и сети «Крымэнерго» (в г. Краснодар, в распоряжение обкома ВКП(б))[634].

Массовая эвакуация рабочих в город началась со Спецкомбината № 2, который находился в непосредственной близости от линии фронта. В ночь с 27 на 28 июня из штолен Спецкомбината № 2 удалось вывезти 400 человек, отказались уходить около 250–300 человек[635]. Вторую группу отправили в ночь на 29 июня: в ней было около 400–500 человек. Всего же, по некоторым данным, было выведено около 2 000 человек.

Одновременно с эвакуацией рабочих начинаются мероприятия по подготовке предприятий к уничтожению. 26 июня на Севморзаводе были взорваны находившиеся в капитальном ремонте и законсервированные подводные лодки «А-1» и «Д-6»[636]. 28 июня на заседании городского руководства было принято решение готовить Спецкомбинат № 1 к взрыву[637].

По воспоминаниям инженера Спецкомбината № 1 В. В. Кошелева, 28 июня, вероятно, в первой половине дня, был получен приказ об оставлении штолен[638]. Всего было эвакуировано около 1 500 человек. В 3.30 29 июня Б. А. Борисов

---

[632] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 163.
[633] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 333.
[634] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.
[635] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 358–359.
[636] Платонов А. В. Советские боевые корабли 1941–1945 гг. III. Подводные лодки. СПб, 1996. С. 24, 119.
[637] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 357.
[638] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 22. Л. 41.

получил донесение от директора завода № 201 Н. К. Костенко, который, в связи со сложившимся критическим положением, просил отдать приказ взорвать Спецкомбинат № 1. Без промедления было проведено совещание, на котором присутствовали члены комитета обороны Б. А. Борисов, В. П. Ефремов, К. П. Нефедов, а также А. А. Сарина и В. И. Кулибаба, в ходе которого принято решение об уничтожении спецкомбинатов, оборудования морского завода, паровозов, документов советских и партийных органов и учреждений[639].

В течение дня производилось минирование основных промышленных объектов: электростанции, стапелей и доков морского завода, хлебозавода и части железнодорожных тоннелей. В ночь с 29 на 30 июня были взорваны штольни Спецкомбината № 2. 30 июня были уничтожены Спецкомбинат № 1[640], площадка Севморзавода в Южной бухте и подводная лодка на стоянке возле флотской бани[641]. Станочное оборудование артиллерийского завода, технических мастерских и запасы материалов были утоплены в море[642]. По данным М. Бойко, остались не взорванными СевГРЭС-1 и, предположительно, территория завода № 45[643]. После захвата немцами СевГРЭС-1 была прекращена подача электроэнергии в город.

По воспоминаниям работников военных заводов, утром 30 июня их руководство получило распоряжение объявить рабочим, что всем следует уходить к местам эвакуации – в бухты Казачью, Стрелецкую, Круглую и Камышовую[644]. Работники севастопольских предприятий в полной мере разделили участь защитников города, погибнув в последних боях или попав в плен. Так, согласно документу «Допрос пленных № 79» отдела 1С 24-й пехотной дивизии (составлен 1

---

[639] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 109.
[640] По воспоминаниям бывшего мастера комбината С. А. Ильина – после 13.00. См.: Ильин С. А. О работе Спецкомбината / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 206.
[641] План взрыва объектов при оставлении Севастополя, составлен М. Бойко / МООВС. Т. XXII. Севастополь, 1963. С. 152.
[642] Маношин И. С. Героическая трагедия. Симферополь, 2001. С. 49.
[643] План взрыва объектов при оставлении Севастополя, составлен М. Бойко / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. XXII. Севастополь, 1963. Л. 152.
[644] Маношин И. С. Героическая трагедия. Симферополь, 2001. С. 72.

июля 1942 г.), было пленено 88 работников и два руководителя Спецкомбината № 1[645].

Согласно официальным (далеко не полным) данным, во время обороны на предприятиях Севастополя было изготовлено 930 82-мм минометов, 1326 50-мм минометов, 109 400 шт. 82-мм мин, 140 600 шт. 50-мм мин, 55 тыс. взрывателей, 400 тыс. противопехотных, противотанковых и фугасно-шрапнельных мин, 5 627 мин ПОМЗ и 385 073 взрывателя МУВ в сборе, гранат РГД-33 – 187 447 шт., гранат РПГ-40 – 59 648 шт., гранат Ф-1 – 252 875 шт. [646] Несколько иные данные приводит С. Н. Максимов: всего за период обороны Севастополя предприятия города изготовили 2408 минометов, 113 720 мин к ним, 305 699 ручных гранат, 231 549 противопехотных и противотанковых мин, 8714 авиабомб, несколько тысяч бутылок с зажигательной смесью и другие виды вооружения и боеприпасов[647].

Можно предположить, что данные показатели могут не отражать истинной картины производства. Во-первых, искажает итоговые данные неудовлетворительная статистика за октябрь–ноябрь 1941 г. и за апрель–май 1942 г., во-вторых, необходимо учитывать показатели работы «Химчистки», которая занималась снаряжением боеприпасов.

Таким образом, в условиях осады промышленность Севастополя, несмотря на чрезвычайные условия, продолжала работать на оборону. Был освоен выпуск разнообразной продукции военного назначения, актуальной в условиях осады. При этом в процессе производства были внедрены многочисленные рацпредложения в конструкцию оружия и боеприпасов, что позволило наладить массовое производство в условиях резкой нехватки сырья и комплектующих. Особенно примечательно, что на фоне спада производства в других осажденных городах (Ленинград, Москва) зимой 1941 г. в Севастополе смогли создать эффективную промышленную модель, которая предопределила резкое наращивание производства зимой–весной 1942 г.

---

[645] Нуждин О. И., Рузаев С. В. Севастополь в 1942 г. Екатеринбург, 2013. С. 729.
[646] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 60.
[647] Максимов С. Н. Оборона Севастополя в 1941–1942 гг. М.: Воениздат, 1959. С. 118.

Как подчеркивал Б. А. Борисов в своем выступлении на собрании партактива Севастополя 12 мая 1942 г., «промышленность города не могла удовлетворить полностью все запросы Черноморского флота и Приморской армии в связи с эвакуацией основных предприятий, но спущенные планы Военного совета Черноморского флота большинство предприятий перевыполняло»[648]. Без сомнения, большая часть вооружения боеприпасов для войск Севастопольского оборонительного района поставлялась с Кавказа. Однако очевидно, что минометы, мины, гранаты, производившиеся в Севастополе, сыграли свою роль в организации обороны города.

[648] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2671. Л. 32.

Глава III. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОСАДЫ

В конце 1930-х гг. Севастополь являлся вторым по численности населения городом Крымской АССР. Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 г., в нем проживало 109 104 человека, с учетом населенных пунктов, подчиненных горсовету, – 111 938 человек (около 10 % населения республики)[649]. К июню 1941 г. численность жителей города увеличилась до 117 тыс. человек (по другим оценкам – до 137 тыс. человек)[650].

Стремительное наступление немецких войск летом 1941 г., просчеты военного командования в оценке сложности фронтовой ситуации привели к тому, что в Севастополе осталось большое число мирных жителей. Всего к 1 ноября 1941 г. из Севастополя было эвакуировано 35 382 человека, осталось в городе 52 тыс. человек[651]. В период с 1 ноября по 1 декабря 1941 г. из Севастополя было эвакуировано до 35 882 человек[652]. При этом количество гражданского населения в городе практически не изменилось: на 1 декабря числилось 51 244 человека, в том числе около 30 тыс. составляли домохозяйки, люди преклонного возраста и дети[653]. Объяснить это можно значительным числом беженцев из других районов Крымской АССР[654].

В декабре 1941 г. темпы эвакуации заметно снижаются: было эвакуировано всего 2 112 гражданских лиц[655]. После завершения второго штурма, несмотря на затишье на фронте, эвакуация практически прекратилась. Напротив, зимой и ранней весной 1942 г. проходила частичная реэвакуация, вплоть до случаев самовольного приезда в Севастополь[656].

---

[649] Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М., 2015. С. 186.
[650] История статистика и статистика истории Севастополя. Доклад, предоставленный на 1-й Открытый российский статистический конгресс (20 октября 2015 г., г. Новосибирск) [Электронный ресурс]. URL: http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/573064-1-istoriya-statistiki-statistika-istorii-sevastopolya-vvedenie-dlya-rossii-est-goroda-kotorie-osobenno-dorogi-blizki.php (дата обращения 26.12.2020).
[651] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 39.
[652] Там же. Л. 38–39.
[653] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 39.; Кулаков Н. М. Указ. соч. С. 177.
[654] Крылов Н. И. Огненный бастион. М., 1975. С. 98; Хренов А. Ф. Мосты к победе. М. 1982. С. 194.
[655] Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942: хроника героической обороны. Кн. 1. Киев, 1995. С. 231.
[656] Жидилов Е. И. Мы отстаивали Севастополь. Горький, 1973. С. 152.

По состоянию на 7 февраля 1942 г. в число контингента, довольствующегося за счет СОР, входило 62,5 тыс. лиц гражданского населения, в том числе 16 тыс. детей в возрасте до 12 лет[657]. «Увеличение» числа жителей, предположительно, связано с неудовлетворительной статистикой в первые месяцы обороны, прежде всего – среди прибывших из других районов Крыма.

Накануне и в ходе третьего штурма, в период с 28 мая по 17 июня 1942 г., из города было эвакуировано еще 10 тыс. человек[658]. Считается, что в городе осталось от 20[659] до 36 тыс. мирных жителей[660]. Данные цифры представляются заниженными. Учитывая численность населения города на начало мая 1942 г. (около 60 тыс. человек), официальное количество погибших граждан (с 25 мая по 30 июня – 791 человек) и эвакуированных (с мая по конец июня до 12 тыс. человек[661]) получаем цифру примерно в 40–45 тыс. человек. Данные расчеты косвенно подтверждаются протоколом допроса И. А. Волкова, который во время оккупации работал в городской управе. Он показал, что на июль 1942 г. в Севастополе насчитывалось 42 тыс. жителей[662].

Таким образом, на протяжении обороны в Севастополе проживало несколько десятков тысяч мирных жителей, в том числе значительное число недееспособных граждан – детей и пожилых людей. Власти города вынуждены были заниматься не только оборонными вопросами, но и решать целый комплекс задач, связанных с жизнеобеспечением населения. В первую очередь это организация продовольственного, медицинского, социального обеспечения, а также культурного обслуживания.

III.1. Организация продовольственного снабжения

К началу войны пищевая промышленность Севастополя была представлена небольшими предприятиями: несколькими заводами фруктовых вод и соков, мясокомбинатом, макаронной фабрикой, хлебозаводом им. С. М. Кирова.

---

[657] Синютин М. В. Батарея задачу выполнила. СПб, 2010. С. 205, 207.
[658] Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Симферополь, 1973. С. 155.
[659] Байсак М. Г. Тех дней не смолкнет слава. Симферополь, 2005. С. 116.
[660] Маношин И.С. Указ. соч. С. 21.
[661] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 5. Л. 19.
[662] Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Том. 2. / Сост. Валякин А. В. Симферополь, 2010. С. 80.

В окрестностях Севастополя зерновые культуры не высаживались, но были хорошо развиты овощеводство, садоводство и виноградарство. Здесь располагались виноградники и предприятия комбината «Массандра»: шампанкомбинат в Инкермане (тираж 1940–1941 гг. – 1 200 тыс. бутылок), завод виноградных соков, три перерабатывающих завода, а также совхозы «Профинтерн», им. Софьи Перовской, им. Полины Осипенко и «Бурлюк»[663]. Также в округе работали молочно-животноводческий совхоз № 2, совхозы № 10, № 14, колхозы «Коммунар», «12-я годовщина Октября» и «Память Ленина».

Овощи, мясная и молочная продукция из этих колхозов и совхозов поставлялись в Севастополь, однако не могли удовлетворить потребности большого города, поэтому значительная часть продовольствия завозилась из близлежащих районов Крымской АССР. Дополнительные затруднения возникли в 1939 г., когда Севастополь стал режимным городом. В записке городской плановой комиссии от 9 августа 1940 г. констатировалось, что «розничная товарная сеть, а также товарооборот общественного питания, ни в коей мере не удовлетворяют возросшую потребность населения»[664]. Жители довоенного Севастополя вспоминают «огромные» очереди за хлебом[665]. Несмотря на трудности, бывший директор рынков Севастополя Д. И. Лазарев в своих воспоминаниях утверждал, что накануне войны «склады были переполнены мукой, разными крупами в количестве сотен и тысяч тонн»[666].

С июня 1941 г. положение в продовольственной сфере стало объектом пристального внимания со стороны городских властей. Был организован строгий учет и максимально экономное расходование имеющихся ресурсов, началась работа по созданию дополнительных запасов. Население города, наученное опытом прошлых войн и перебоями с питанием, стало скупать в магазинах продукты[667].

---

[663] Российский государственный архив экономики. Ф. 8546. Оп. 1. Д. 381. Л. 1, 3–6, 11–12, 15, 24–28.
[664] Севастополю 200 лет. 1783–1983 гг. Сб. документов и материалов. Киев, 1983. С. 206.
[665] Долгушева З. И. Воспоминания о жизни до войны. Севастополь, 2012. С. 41; История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. Севастополь, 2008. С. 202.
[666] Лазарчук Д. И. <Воспоминания> / МООВС. XXII. Севастополь, 1963. С. 206–208.
[667] Сушко Е. В. Рассказ мальчишки с Корабельной стороны. Севастополь: ЧП Кручинин Л. Ю., 2014. С. 33.

Летом 1941 г. в Севастополе начинается постепенный переход на нормированное снабжение продовольствием населения, не связанного с сельскохозяйственным производством. С 27 июля 1941 г. всем рабочим и служащим Севастополя стали отпускать хлеб по спискам. При этом работники заводов № 201 и № 45, а также инвалиды прикреплялись к магазинам по месту жительства, остальные граждане – по месту работы. Были установлены нормы выдачи хлеба на одного человека – 700 г в сутки для рабочих и служащих и 300 г для иждивенцев[668].

Таким образом, система распределения продуктов питания в Севастополе, как это было и в других городах, изначально носила дифференцированный характер: к категории первоочередных потребителей был отнесен персонал промышленных предприятий. Установление различных норм позволило целесообразно использовать запасы продовольствия и сохранить твердые цены на стратегические продукты.

Постановлением СНК СССР № 1993 от 20 августа 1941 г. карточная система на хлеб, сахар и кондитерские изделия была введена в более чем 200 городах страны[669], однако Севастополь в их число не вошел. Так, 25 августа карточная система была введена в осажденной Одессе: рабочим выдавали 800 г хлеба, служащим по 600 г.[670] Такие же нормы действовали в июле–августе 1941 г. в Ленинграде[671].

В июне–августе 1941 г. ситуация в сфере продовольственного снабжения жителей и гарнизона Севастополя была относительно стабильной. Например, курсант училища зенитной артиллерии Э. Ш. Ниязов вспоминал: «Кормили отлично, до сих пор помню, что утром давали рисовую кашу, мясо, масло» [672].

Осложнения начинают проявляться во второй половине августа – первой половине октября 1941 г., когда Севастополь становится транзитным пунктом для

---

[668] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 62.
[669] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В шести томах. Т. 2. М., 1961. С. 549.
[670] Крылов Н. И. Не померкнет никогда. М., 1984. С. 103.
[671] Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л.: Наука, 1970. С. 56.
[672] Ниязов Э. Ш. <Интервью> [Электронный ресурс]. URL: http://iremember.ru/zenitchiki/niyazov-ebuleis-shemshedinovich.html (дата обращения: 01.07.2013).

многочисленных беженцев: согласно действовавшим правилам, все эвакуированные снабжались за счет местных ресурсов. По воспоминаниям Е. С. Смирновой, на протяжении октября из Одессы ежедневно прибывало 3–4 тыс. человек, которым выдавали «путевой паек» по 500 г хлеба на сутки[673].

Одновременно в город доставлялись соединения из Одесского оборонительного района, зачастую не имевшие собственных продовольственных запасов. Начальник тыла Приморской армии А. П. Ермилов вспоминал, что на первые три-четыре дня продукты выделил тыл флота, затем ему пришлось ехать в Симферополь и просить помощи у местных властей. В итоге армии передали часть накопленных мобилизационных запасов республики[674].

Возникшие затруднения сподвигли жителей города сделать запасы продуктов: как вспоминает З. И. Долгушева, с прилавков магазинов пропало буквально все[675]. В то же время в донесении Б. А. Борисова в обком от 23 сентября 1941 г. зафиксировано недовольство населения положением в сфере продовольственного обеспечения. Так, курьер Госбанка А. Тарутина заявила: «Что мы теряем, мы при советской власти голодаем, может, при них будет лучше»[676].

Постоянно увеличивающийся, несмотря на эвакуацию местных жителей, контингент довольствуемых в Севастополе привел к тому, что хлебозавод перестал справляться с возросшими потребностями. 13 октября 1941 г. было созвано совместное совещание бюро горкома и исполкома горсовета. На нем впервые было принято решение с 15 октября перейти на отпуск населению муки вместо хлеба: получавшим по карточкам 800 г хлеба выдавали 500 г муки, получавшим 600 г хлеба – 400 г муки, получавшим 300 г – 200 г муки[677]. Положение спасал хороший урожай фруктов и овощей, которые значительно разнообразили рацион жителей города (многие имели приусадебные хозяйства).

---

[673] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 22. Л. 81.
[674] У черноморских твердынь. М.: Воениздат, 1967. С. 308.
[675] Долгушева З. И. Воспоминания севастопольской девчонки. Севастополь, 2011. С. 4.
[676] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 95–97.
[677] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 101.

На первом заседании городского комитета обороны, которое прошло 30 октября 1941 г., констатировалось: «Наличие продовольственных товаров в торговых организациях и на базах не удовлетворяет текущих потребностей <…>, производственная мощность пищевых предприятий (хлебопечение, мясокомбинат) не обеспечивает возросшие потребности»[678].

В последующие дни ситуация продолжала ухудшаться. Во-первых, в конце октября и начале ноября 1941 г. значительная часть городских запасов продовольствия (по мнению бывшего работника Горторга О. Ефимович, его должно было хватить на 12 месяцев[679]) была передана военному командованию. У соединений Приморской армии, выходивших из окружения, продукты отсутствовали, а «флотские» запасы, принадлежавшие Военторгу, были опрометчиво вывезены на Кавказ[680]. Город лишился 6 тыс. голов крупного рогатого скота, свиней, овец, большей части овощей и фруктов, 57 тонн битой птицы, 1 млн. яиц, 3 тыс. т. муки, 300 т зернофуража[681].

Во-вторых, в городе существенно возросла численность беженцев из других районов Крыма. Необходимость их продовольственного обеспечения препятствовала накоплению запасов продуктов питания. Б. А. Борисов прямо пишет: «Если бы не поток эвакуированных, мы смогли бы справиться со снабжением населения»[682].

В-третьих, от массированных бомбардировок города авиацией противника в конце октября – начале ноября 1941 г. существенно пострадали предприятия пищевой промышленности и продуктовые склады. Материальная база была недостаточно развита, поэтому временное выведение из строя даже одной пекарни вызывало негативные последствия. При этом ограниченными были запасы угля, необходимого для работы хлебозавода (по состоянию на 14 октября запасы

---

[678] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
[679] Известна справка о наличии мобфондов Наркомторга (сов. секретно, без даты) по Севастопольскому горторгу: сахара – 91 т, макарон – 35 т, масла животного – 4 т, мыла хозяйственного – 17,7 т, чая – 2,5 т, мыла жидкого – 10 т, курительной бумаги – 305 тыс. книжек, спичек – 147 тыс. коробов, соль в рогожных кулях – 100 т. ГАРК. Ф. П-1. Оп.1. Д. 2133. Л. 114.
[680] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 22. Л. 28.
[681] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 22. Л. 26; Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 83.
[682] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 114.

оценивались в 400 тонн, которых – при расходе 5,5 тонн в день – должно было хватить только до 22 декабря).

В-четвертых, значительно ухудшилось транспортное сообщение с Кавказом. Городские власти неоднократно обращались к Военному совету флота с просьбой о выделении транспортов для переброски продуктов питания. С ноября по декабрь 1941 г. в город было доставлено всего 3963 тонны продовольствия, что было недостаточно для покрытия всех потребностей[683].

Согласно постановлению СНК Крымской АССР «О снабжении армии, флота и населения» от 5 ноября 1941 г., на период с 1 ноября 1941 г. по 1 января 1942 г. были установлены следующие нормы отпуска хлеба: рабочим оборонных предприятий и железной дороги – 800 г, рабочим остальных предприятий – 600 г, служащим – 500 г, иждивенцам – 300 г в день[684]. Городские власти предприняли ряд экстренных мер, направленных на экономное расходование, пополнение запасов продовольствия и пресечение нарушений. Тем же постановлением вводился запрет на расходование продовольственных товаров без наряда Наркомторга КАССР; управляющему городского отделения «Заготзерна» приказывалось обеспечить размол всего имеющегося зерна на Севастопольской и Балаклавской мельницах, директору мясотреста – пустить в эксплуатацию все убойные площадки; закончить уборку картофеля[685].

Большие усилия были направлены на форсирование строительства городской мельницы. Согласно распоряжению СНК КАССР от 2 ноября председателю горисполкома В. П. Ефремову предписывалось выделить машины и материалы, начальнику строительства Рагулину – к 6 ноября ввести в эксплуатацию два фермера для размола зерна, к 10 ноября – сдать в эксплуатацию всю мельницу[686].

Обеспечение населения продовольствием находилось в прямой зависимости от потребностей армии. Когда в ходе бомбардировки был выведен из строя

---

[683] Боевой путь советского Военно-морского флота. М., 1988. С. 339.
[684] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 15.
[685] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 15.
[686] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 6–8.

военный хлебозавод, территория городского хлебозавода была оцеплена автоматчиками, после чего отпуск хлеба жителям города был прекращен. Только после того как на место прибыл секретарь горкома Б. А. Борисов и комендант города А. П. Старушкин, инцидент был исчерпан[687]. Однако работа пекарен была временно переориентирована на выпечку хлеба для воинских частей. Подобные эксцессы были зафиксированы и во второй половине ноября, что отмечалось на заседании бюро горкома партии 26 ноября[688].

13 ноября 1941 г. было принято совместное постановление горкома партии и исполкома совета о выдаче населению муки вместо хлеба. Через несколько дней, 17 ноября 1941 г., оно было утверждено на заседании бюро Крымского обкома. Наркомторгу КАССР разрешалось организовать временную продажу муки в Севастополе по единым розничным ценам и установить нормы расходования в пределах 15 тонн в день. Кроме этого, начальника управления Росглавхлеба Финкельштейна обязывали в месячный срок оборудовать механизированную пекарню с производственной мощностью 20 тонн хлеба в сутки[689]. В итоге на протяжении 12 дней населению вместо хлеба выдавали только муку[690].

18 ноября 1941 г. было проведено заседание бюро горкома партии, на котором был принят комплекс мероприятий по преодолению продовольственного кризиса[691]. В частности, было решено просить Военный совет Черноморского флота о прикреплении трех пекарен для снабжения населения, а также составить заявку на необходимое продовольствие для снабжения населения в декабре. Тогда же С. А. Жарковскому и Ф. И. Федориади было поручено восстановить работу всех магазинов, а также, начиная с 19 ноября, организовать общественное питание на заводах и в штольнях[692].

---

[687] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 128.
[688] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 21.
[689] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1523. Л. 158.
[690] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 83.
[691] ГАРК.Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 121.
[692] РГАСПИ Ф. 17. Оп. 22. Д.1525. Л. 16; ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 121.

На конференции 1961 г. В. П. Ефремов признавал: «Мы несколько растерялись при первом штурме, в ноябре 1941 г., когда вышли из строя хлебозавод и макаронная фабрика, но с помощью Военного Совета, командующего Октябрьского и Кулакова, нам удалось все восстановить»[693].

28 ноября 1941 г. решением бюро горкома партии вновь приступили к выдаче хлеба по прежним нормам (800 / 600 / 300 г)[694]. При этом установленный Военным советом лимит для гражданского населения в 12 тонн хлеба на день с трудом покрывал потребности, которые составляли 18–20 тонн.

С конца ноября в Севастополе начала функционировать мельница производительностью до 40 тонн муки в сутки (запасы зерна в городе были значительными). Она обеспечивала работу хлебозавода и нескольких пекарен, укрытых в штольнях. В кратчайшие сроки была восстановлена работа 22 продуктовых магазинов, а также организованы пункты общественного питания на предприятиях.

С целью создания запасов мяса было принято постановление СНК Крымской АССР (1 декабря 1941 г.), которое предусматривало выявление бесхозных овец (всего учтено 410 голов), при этом владельцам разрешалось вернуть от 4 до 12 голов[695]. Часть скота была изъята у городского населения: Е. Сушко вспоминает, что его семья была вынуждена сдать девять овец из десяти[696].

В конце ноября стали выходить в море рыбаки колхоза «Рыбацкая коммуна», ранее временно приостановившие свою работу из-за конфискации сетей армией. Уже к 1 декабрю 1941 г. колхоз «Рыбацкая коммуна» выловил 2 700 центнеров хамсы[697].

Еще одной проблемой был недостаток воды: М. В. Порплица вспоминала, что ее выдавали всего по три стакана в день[698]. По распоряжению руководства,

---

693 Сборник материалов военно-исторической конференции, посвященной 20-летию начала героической обороны Севастополя в 1941–1942 гг. Том III. Севастополь, 1961. С. 866.
694 ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 83.
695 ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 38.
696 Сушко Е. Я знаю ту войну не понаслышке… С. 28.
697 Героический Севастополь. М.: Воениздат 1969. С. 123; Котко П. И. О работе рыболовецкого колхоза «Рыбацкая коммуна» / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 262–263.
698 Порплица М. В. <Воспоминания> / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 229.

для питья и приготовления пищи стали использовать огромные запасы шампанского-полуфабриката. Фотокорреспондент Б. Г. Шейнин вспоминал: «Сладковатая, душистая жидкость приятно охлаждала кожу, пощипывала в носу. Но что ни говорите, а самая обыкновенная вода для умывания куда лучше, чем этот благородный напиток». Он же отмечал, что горожане называли напиток «Настя», что, как он предполагает, пошло от надписи на этикетках – игристое вино «Асти»[699].

На протяжении ноября 1941 г. население Севастополя получало продукты питания со значительными перебоями. Как признавал секретарь горкома Б. А. Борисов, «в городе имеют место очереди за хлебом <…>, отсутствует запас необходимых продуктов для покрытия самых минимальных потребностей населения»[700]. На трудности в ноябре–декабре 1941 г. часто указывают в своих воспоминаниях и жители Севастополя. Так, Г. Задорожников пишет, что «в первые месяцы блокады все полки магазинов были заставлены синими консервными коробками с крабами «Снатка». Больше ничего. Пусто. Скоро и этого не стало»[701].

В то же время в осажденном Севастополе власти смогли не допустить продовольственный кризис, как это было в Ленинграде: хлебные нормы были гораздо выше, за исключением норм иждивенцев[702]. На особом положении находились работники оборонных предприятий, где было хорошее для условий осады питание: помимо карточек действовали различные виды дополнительного снабжения. В. И. Дерибасова указывает: «Кормили нас неплохо, мне очень нравился молочный кисель. Всегда первое и второе блюда были, так что кормили по флотской норме»[703].

---

[699] Шейнин Б. Г. В объективе – война. Из блокнота военного корреспондента. Севастополь: ООО «РА» Телескоп», 2015. С. 126–127.
[700] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 83.
[701] Задорожников Г. Мемуары старого мальчика (Севастополь 1941–1944). Севастополь, 2013. С. 53.
[702] В Ленинграде со 2 сентября были установлены нормы: 600 грамм – рабочим и ИТР, 400 грамм – служащим, 300 грамм – иждивенцам; с 11 сентября – 500 / 300 / 250 грамм; с 1 октября – 400 / 250 / 250 грамм; с 13 ноября – 300 / 250 / 250 грамм, с 20 ноября – 250 / 125 / 125 грамм. См.: Непокоренный Ленинград. Л.: Наука, 1970. С. 132, 135, 149–150.
[703] Дерибасова (Филиппова) В. И. Интервью. [Электронный ресурс]. URL: http://iremember.ru/grazhdanskie/deribasova-filippova-valentina-ivanovna.html (дата обращения: 15.04.2015).

С конца ноября начинается подготовка к выдаче карточек на декабрь. Из местных резервов могла быть покрыта потребность только в муке и крупе, оставшиеся продукты (мясо, жиры, сахар, рыба, овощи) необходимо было завозить с Кавказа[704]. Исполком горсовета подготовил материалы, на основании которых обкомом партии и СНК Крымской АССР, которые не имели «возможности снестись с центром и получить наряды на продовольственные продукты», была составлена заявка в адрес секретаря Краснодарского крайкома П. И. Селезнева и председателя крайисполкома П. Ф. Тюляева (датирована 23 ноября 1941 г.)[705].

На заседании бюро горкома партии, прошедшем 24 ноября, были определены суточные нормы выдачи на декабрь: рабочие и ИТР – 800 г, служащие, пенсионеры и члены семей призванных в РККА и РККФ – 600 г, иждивенцы – 300 г[706].

В декабре 1941 г. ситуация продолжала оставаться сложной. Снабжение продовольствием населения целиком зависело от военного командования. Как образно выразился адмирал Н. М. Кулаков, Военный совет флота поставил севастопольцев на «флотское довольствие»[707]. Заметим, что в итоговом отчете горкома партии по участию в обороне подчеркивалось, что «за время осады все снабжение населения и оборонных предприятий производилось почти полностью Горторгом»[708].

Не была налажена систематическая доставка грузов. В то же время гарнизон Севастополя постоянно увеличивался за счет прибытия новых соединений. Таким образом, создать стабильные запасы продовольствия не представлялось возможным, питание оставалось скудным.

14 декабря 1941 г. Севастопольский горком партии был вновь вынужден прибегнуть к замене хлеба на муку (по прежним нормам пересчета)[709]. Через

---

[704] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 83.
[705] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 1. Л. 9.
[706] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 18; ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 123.
[707] Кулаков Н. М. Доверено флоту. М.: Воениздат, 1985. С. 309.
[708] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 77.
[709] Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942: хроника героической обороны. Кн. 1. Киев, 1995. С. 143.

несколько дней, 17 декабря, начался второй штурм города. В ходе массированных бомбардировок значительные повреждения получили многие объекты пищевой промышленности, в частности, несколько раз останавливал работу хлебозавод, 29 декабря была разрушена макаронная фабрика (работа фабрики была восстановлена уже 4 января).

Несмотря на все сложности, властям удалось в декабре 1941 г. обеспечивать население скудным, но постоянным продовольственным пайком, при этом в печеный хлеб не добавляли суррогаты, как это было в блокадном Ленинграде. Помимо плановой выдачи хлеба, в декабре городские власти организовали выдачу продуктов по заборным карточкам (кроме хлеба и общественного питания). В декабре всему населению выдали: макарон / крупы – по 1 кг, жиров – 200 г, мыла хозяйственного – 400 г, сахар (только детям до 12 лет) – 200 г[710].

Выбор стратегий выживания в условиях скудного пайка для населения Севастополя был очень ограничен. У них не было возможности, как это было в других городах, совершать походы в сельскую местность для обмена товаров на продукты. Некоторое облегчение пришло только весной 1942 г.

9 января, на заседании городского комитета обороны, руководителям всех уровней была поставлена задача срочного изыскания местных ресурсов для улучшения продовольственного снабжения населения (организация ловли рыбы и мидий, развитие свиноводства), а также подготовка к весеннему севу на базе совхозов им. С. Перовской и № 10[711].

Важность принятых решений была продиктована истощением продуктовых запасов. В записке председателя СНК КАССР в адрес зам. председателя СНК РСФСР от 27 января 1942 г. говорится: «В настоящее время для Севастополя никаких фондов по линии НКторга РСФСР не выделено, в связи с этим испытываем большие затруднения в снабжении населения»[712].

В первые месяцы 1942 г. основу рациона севастопольцев составляли хлеб или мука, крупа, макароны. Нормы выдачи хлеба не изменились и составляли

[710] ГАРК. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 54–55.
[711] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–15.
[712] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 6. Л. 6.

800 / 600 / 300 г, однако не хватало овощей (заменялись крупами и сушеными овощами) и свежего мяса (заменялось консервами, селедкой и солониной). В связи с продовольственными затруднениями властями была вновь организована единоразовая выдача дополнительного питания по заборным карточкам. В январе выдавали 400 г мяса (солонина), 1 кг муки 75 %, 500 г крупы / макарон, 200 г жиров, 400 г хозяйственного мыла. В феврале – 1 кг муки 75 %, 1 кг муки 96 %, 1 кг сухарей, 200 г растительного масла (на детей в возрасте до 12 лет), 200 г сахара (рабочим, служащим, инвалидам, пенсионерам, детям до 12 лет)[713].

На фоне затруднений в продовольственной сфере фиксировались случаи спекуляции. Так, гражданка Фетисова за 1 литр молока взяла пять батонов хлеба и 10 рублей. В итоге она была оштрафована на 2 тыс. рублей. Гражданка Козлова была оштрафована за обмен вещей на продукты на сумму 500 рублей[714]. Скудость питания фиксировалась и в письмах военнослужащих: например, красноармеец 54-го стрелкового полка У. писал родственникам: «В отношении питания дело обстоит плохо, суп – одна вода, хлеба дают мало, а отсюда делайте вывод сами»[715].

Относительная стабилизация наступила только к началу марта. Как отмечает Б. А. Борисов в докладной записке от 4 марта 1942 г., «перебоев в снабжении хлебом нет. На предприятиях кормят сравнительно неплохо»[716]. Постепенно восстанавливалась работа сети столовых, кондитерских, продуктовых магазинов.

Большое внимание стало уделяться развитию коллективного и индивидуального огородничества, что помогло существенно расширить рацион питания как жителей города, так и воинов оборонительного района.

Уже в январе начинается подготовительная работа. Запасов семян в городе не было, поэтому в Краснодар были отправлены И. Ф. Бирюков и агроном Абдулаев. В итоге 16 марта в Севастополь было доставлено 40 тонн семян

[713] ГАРК. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 54–55.
[714] «Красный Крым». 24 марта 1942 г. № 83. С. 4.
[715] Спецсообщение начальника ОО НКВД Крымского фронта комиссара ГБ 3 ранга Белянова от 11.04.1942 г. // Историческое наследие Крыма. 2020. С. 133.
[716] ГАРК. Ф. П–35. Оп. 1, Д. 234. Л. 2.

различных растений, позже – еще 100 кг семян редиса[717]. После получения семена централизовано распределялись горисполкомом между организациями и частниками. Под руководством Н. К. Соболева работниками «Массандры» было организовано выращивание рассады помидоров, баклажанов, капусты.

В феврале начинается процесс закрепления земельных участков за предприятиями. Например, 11 февраля 1942 г. было подписано постановление СНК КАССР о передачи 100 га земли ИТК № 7, 29 февраля – за Военфлотторгом ЧФ было закреплено 135 га земли из земель совхоза № 10[718].

По итогам подготовительного этапа постановлением СНК КАССР от 16 февраля 1942 г. был утвержден план весенних сельскохозяйственных работ по совхозам, подсобным хозяйствам Севастополя и колхозам Балаклавского района. Согласно ему, совхозы должны были освоить 818 га земли, в том числе 224 га под овощи, 150 га под картофель и 444 га под зерновые[719]. Освоение земель шло быстрыми темпами. К началу марта только в совхозе № 10 было засеяно 15 га кукурузы, 30 га «травы магарач»[720], на подсобном хозяйстве Гортреста столовых подготовлено 3 га почвы под огородные культуры[721].

5 января 1942 г. Секретариат ВЦСПС принял постановление «О расширении индивидуального огородничества рабочих и служащих в 1942 г.». Призыв к распространению индивидуального огородничества впервые прозвучал в газете «Красный Крым» 19 января 1942 г.[722] В соответствующем постановлении СНК КАССР от 16 февраля приказывалось «обязать Севастопольский горисполком обеспечить максимальное развитие индивидуальных огородов рабочих и служащих», для чего выделялось 20 га земли. Заметим, что постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих» было подписано только 7 апреля 1942 г.[723]

---

[717] Соболев Н. К. Люди, которых я знал… Из записок о сельском хозяйстве осажденного Севастополя в 1941–1942 гг. / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 289.
[718] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 168, 208.
[719] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 178.
[720] Т.е. могар – пищевая и кормовая культура, по своим качествам схожая с просом
[721] Красный Крым. 1942. 7 марта. № 66. С. 3.
[722] Там же. 1942. 19 января. № 19. С. 3.
[723] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том 7. 1938–1945. М.: Политиздат, 1985. С. 279–280.

Первое время процесс развития индивидуального огородничества шел медленно. Фактически только в марте начинается выделение участков и рассады населению. Всего, по имеющимся данным, к 14 марта под индивидуальные огороды горисполкомом было отведено более 700 участков[724].

Во второй половине марта 1942 г. ситуация с продовольственным обеспечением резко ухудшилась, что было связано с ухудшением перевозок (с января по март доставлено всего 22 тыс. тонн продовольствия). В это же время возникли затруднения с топливом, что оказывало значительное влияние на работу мельницы и хлебозавода. 22 марта 1942 г. горком обороны был вынужден принять новые нормы замены хлеба на муку (вводились с 26 марта): 1-й категории выдавалось по карточкам 500 г, 2-й категории – 350 г, 3-й категории – 200 г[725].

Данную проблему удалось решить через несколько дней, когда был разработан способ брикетирования угольной пыли. Кроме этого, в письме республиканского руководства секретарю горкома партии Б. А. Борисову, датированному 31 марта 1942 г., сообщалось об утверждении завоза муки в Севастополь – 1500 тонн на апрель. Из этого количество разрешалось использовать на хлебопечение 600 тонн, 900 тонн – оставить в резерве (расходовать только с санкции СНК КАССР и обкома партии)[726].

Власти города выдачу хлеба немедленно восстановили, однако были вынуждены значительно снизить нормы. В связи с указанием Военного совета флота, 1 апреля 1942 г. на заседании бюро горкома партии было принято решение о введении следующих норм снабжения хлебом: рабочие и ИТР предприятий стали получать 600 г, служащие, пенсионеры и семьи призванных в армию – 400 г, иждивенцы – 300 г.[727] Таким образом, нормы выдачи хлеба стали практически такими же, как в Ленинграде, где с 11 февраля 1942 г. рабочим и ИТР выдавали по 500 грамм, служащим – 400 грамм, иждивенцам и детям – 300 грамм[728].

---

[724] Красный Крым. 1942. 14 марта. № 73. С. 2.
[725] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.
[726] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 232. Л. 2.
[727] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 53–54.
[728] Непокоренный Ленинград. Ленинград: Наука, 1970. С. 185.

22 марта 1942 г. на заседании горкома обороны констатировалось, что, несмотря на постановление горкома обороны от 9 января 1942 г., «партийные и профсоюзные организации еще недостаточно организовали разъяснение решения ВЦСПС трудящимся и не оказывают соответствующей помощи желающим иметь индивидуальные огороды»[729].

23 марта было проведено заседание бюро горкома партии, на котором было решено предпринять все меры к поддержке развития индивидуального огородничества, организовать при райисполкомах бригады по проверке засева отведенных под индивидуальные участки земель[730].

В короткие сроки районные советы взяли на учет всю землю, пригодную под огороды, и распределили ее между воинскими частями, предприятиями, учреждениями и отдельными гражданами, были организованы пункты выдачи семян. Выдача семян индивидуальным огородникам была закончена к середине апреля, всего семена получили 647 человек[731].

За недостатки в работе старший агроном города Никольский и агроном «Зеленстроя» Швидков были отстранены от должности. На их место были назначены сотрудники оперативной группы обкома партии – зам. нач. сельскохозяйственного отдела Крымского обкома Л. А. Алукер и Н. К. Соболев[732].

В первой декаде апреля 1942 г. было получены первые партии свежих овощей: зеленый лук, петрушка, редис, что стало существенной добавкой к рациону питания населения и войск. К 25 мая было собрано два урожая ранних овощей и посажен третий урожай (совхозы Софьи Перовской и № 10). А. Хамадан писал в своем очерке: «Вся свободная земля вспахивается под огороды. Темно-зеленым ковром украсили они ближние подступы. Этот ковер тянется в самый

[729] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–35.
[730] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 45–46.
[731] Маяк Коммуны. 1942. 16 апреля. № 6. С. 4.
[732] Соболев Н. К. Люди, которых я знал… Из записок о сельском хозяйстве осажденного Севастополя в 1941–1942 гг. / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 298.

Севастополь – на площади, пустыри, большие дворы, широкие окраинные улицы»[733].

Всего к маю 1942 г. было заложено около 1 тыс. гектар поливных и суходольных огородов, из них обработано 700 гектаров. Индивидуальные участки заняли около 160 гектаров земли[734]. По данным Н. К. Соболева, предприятиями и учреждениями было организовано 25 подсобных хозяйства, воинскими частями – 30 хозяйств. При этом воинские части заложили 285 гектаров огородов, колхозы – 80 га, хозяйственные организации – 554 га, индивидуальные огороды – 142 га[735]. До 1 июня 1942 г. собрано 2 млн. пучков редиса, 200 тонн зеленого лука, 25 тонн щавеля, 20 тонн шпината, 10 тонн разной зелени[736].

Помимо мер по развитию огородничества, важным направлением работы стала активизация деятельности рыболовных бригад. Фактически лов в Севастополе начался с середины февраля 1942 г., что было связано с потеплением и появлением у севастопольских берегов крупных косяков рыбы. По просьбе городских властей из воинских частей в бригады были направлены бывшие рыбаки[737]. В первый же день лова бригада Балаклавского рыболовецкого колхоза «Путь к социализму» взяла 400 кг кефали, во второй день – 800 кг[738]. За апрель колхозы «Путь к социализму» и «Рыбацкая коммуна» наловили 1500 тонн рыбы, а за десять дней мая – 60,5 тонн[739]. Всего в ходе предмайского соревнования рыбколхозы дали 1730 центнеров рыбы, выполнив план за 15 дней[740]. Кроме рыбы, севастопольцы промышляли ракушку-мидию, которой, по словам Б. А. Борисова, «завалили все базары». Только за две декады марта колхоз «Путь

[733] Хамадан А. М. Севастопольцы. Севастополь: «Гит пак», 2014. С. 31–32.
[734] История города-героя Севастополя 1917–1957. Киев, 1958. С. 238.
[735] СВИМЗ. НВ. 16875. Соболев Н. К. Отчет о работе в осажденном городе-герое Севастополе с ноября 1941 по 1 июля 1942 г. Л. 2.
[736] СВИМЗ. НВ. 16875. Соболев Н. К. Отчет о работе в осажденном городе-герое Севастополе с ноября 1941 по 1 июля 1942 г. Л. 2, 5.
[737] Котко П. И. О работе рыболовецкого колхоза «Рыбацкая коммуна» / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 265, 268.
[738] Красный Крым. 1942. 15 февраля. № 46. С. 3.
[739] Алтабаева Е. Б. Город, достойный поклонения: Севастополь в Великой Отечественной войне. Севастополь, 2013. С. 228.
[740] История города-героя Севастополя 1917–1958 гг. Киев, 1958. С. 237.

к социализму» сдал Главрыбтресту 22 центнера мидий, из них около 11 центнеров добыла бригада под руководством Андруцаки[741].

Успешное развитие огородничества, организация ловли рыбы, а также помощь флотского командования основными продуктами питания позволили к середине апреля стабилизировать положение. Об этом в письме секретарю обкома В. С. Булатову, датированном 13 апреля, пишет Б. А. Борисов, отмечавший при этом, что пшеницы не было совсем, а запасы муки были лишь до 1 мая.[742]

В следующем месяце ситуация осталась неизменной: перебоев со снабжением хлебом не было, столовые, а также 25 магазинов и ларьков работали в обычном режиме[743]. Перед майскими праздниками командование смогло выделить для населения дополнительные продукты, которые были выданы по карточкам: каждый получил по 1 кг хамсы, 500 грамм макарон, 200 грамм сахара, дети – по 200 грамм конфет и печенья[744].

Со второй половины мая положение начинает резко ухудшаться, что было связано со значительным усилением бомбардировок города. Была ускорена эвакуация гражданского населения. Инженер И. Г. Булатов в своем письме жене, датированном 28 мая 1942 г., писал: «Сейчас городские власти эвакуируют последнее оставшееся население, но не так из-за боязни, что их перебьют бомбами или артиллерийскими снарядами, как больше из соображений тех, чтобы сэкономить продукты питания, а главное хлеб. Ты не представляешь себе в полной мере того, как тяжело стало доставлять транспортами сюда хлеб и другие продукты»[745]. Городские и армейские запасы были весьма ограничены: по оценке А. В. Платонова, к началу третьего штурма продовольствия было примерно на неделю[746].

В рамках подготовки к отражению штурма было принято постановление горкома обороны от 18 мая 1942 г., согласно которому все имеющиеся запасы

---

[741] Красный Крым. 1942. 25 марта. № 84. С. 3.
[742] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 8.
[743] Басов А. В. Указ. соч. С. 160.
[744] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 11.
[745] Последние письма с фронта. В пяти томах. Т. 2: 1942 г. / Сост. Котенок П. Р. М.: Воениздат, 1991. С. 45.
[746] Платонов А. В. Борьба за господство на Черном море. М., 2010. С. 110–111.

продовольствия были рассредоточены по 29 пунктам хранения и взяты под усиленную охрану, мука укрывалась в глубоких траншеях близ пекарен[747].

Системе продовольственного обеспечения городского населения был нанесен сокрушительный удар в ходе массированных бомбардировок города 2–7 июня 1942 г. Помимо разрушений частных построек и промышленных объектов, значительно пострадали склады, мельницы и хлебопекарни. Уже вечером 2 июня было принято решение о снабжении населения вместо хлеба мукой, а также об организации выпечки лепешек в убежищах[748]. На следующий день на городском хлебозаводе было разрушено две печи, после чего предприятие вышло из строя. Продолжал работать только Инкерманский хлебозавод, который мог обеспечить лишь часть населения Корабельного района и Инкерманских штолен. Также продолжали работать пекарни № 3 и № 7 и одна на Северной стороне.

Все это незамедлительно сказалось на размере пайка, который снизился до 400 г рабочим и 200–300 г иждивенцам и детям[749]. В реальности нормы выдачи были еще меньше: начальник цеха Спецкомбината № 1 С. А. Ильин подчеркивал, что в июне работники получали только 100 граммов сухарей и ложку манной каши[750]. Лектор обкома Б. Д. Спиртус: «Питание было очень скудное: 300 грамм хлеба и немного каши. Для детей давали рисовую. Хлеб получали с военного хлебозавода, находившегося в соседней штольне»[751].

В информационной справке, адресованной Б. А. Борисовым начальнику политуправления флота П. Т. Бондаренко (датирована 13 июня 1942 г.), говорилось, что «запасы продовольствия для снабжения населения Севастополя иссякают. Продуктов питания на 4–5 дней, жиров нет совсем. Мукой население обеспечено до конца месяца. Из новороссийских запасов до сих пор ничего не получено»[752].

---

[747] ГАРК.Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 47; Кулаков Н. М. Указ. соч. С. 267.
[748] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.
[749] Крым в период Великой Отечественной войны. Симферополь, 1973. С. 83; Стенографический отчет расширенного заседания музея… // МООВС. Т. XXX. С. 57.
[750] ГАРК.Ф. П-156. Оп. 1. Д. 22. Л. 36.
[751] Спиртус В. Открыв воспоминания отца. Ч. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2016/11/08/1779 (дата обращения 26.11.2020).
[752] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 84–85.

17 июня хлебозавод после долгого перерыва смог выдать первую продукцию. На следующий день было принято постановление горкома обороны, в котором, учитывая незначительные продовольственные запасы и тяжелые условия доставки, предписывалось в первую очередь снабжать работающих на предприятиях, бойцов МПВО и боевых дружин. Хлеб предлагалось выдавать только населению, находящемуся в больших штольнях и центральной части города, а тем, кто живет на окраинах, – муку сразу на пять дней[753]. По состоянию на 18 июня запаса муки было только на полмесяца, жиры отсутствовали, круп и макарон – на 2–3 дня[754].

Вероятно, данное постановление было реализовано лишь частично, так как 19 июня 1942 г. на Севастополь был произведен особенно мощный авианалет, вследствие которого в городе возникло множество разрушений и пожаров. В числе прочих строений были уничтожены мельница, хлебозавод, шесть продуктовых складов, в том числе крупные – на Базарной площади и на ул. Карла Маркса. Б. А. Борисов пишет, что продовольствие удалось спасти лишь частично. В ночь на 20 июня он был на командном пункте флота, где узнал, что адмирал Ф. С. Октябрьский распорядился выдавать жителям продукты из флотских запасов[755].

Положение с продовольствием стало критическим. Запасы военных и гражданских складов истощились, доставка продовольствия морем стала практически невозможной. Последние дни обороны стали трагедией для десятков тысяч жителей города. Помимо постоянных бомбардировок, полного разрушения инфраструктуры, была полностью остановлена выдача продовольствия. В. Д. Чекмотаева вспоминала, что в июне в госпитале, где она работала, давали только перловку, хлеб и чай, а концу месяца начался настоящий голод, т. к. кончился даже хлеб[756].

---

[753] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.
[754] Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Симферополь, 1973. С. 156.
[755] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 320.
[756] Чекмотаева В. Д. Севастополь – город неувядаемой славы / МООВС. Т. 63. Севастополь, 1967. С. 76.

Таким образом, на протяжении всего периода обороны Севастополя военному командованию и городскому руководству удалось обеспечить практически бесперебойное снабжение гражданского населения хлебом и другими продуктами питания. По сути, перед городом так и не встал страшный призрак голода, подобный тому, что было в героическом Ленинграде; не знал Севастополь и массового вымирания населения. Вместе с тем, несмотря на лучшее, чем в Ленинграде, снабжение населения продовольствием, его, безусловно, нельзя было считать идеальным, в Севастополе были свои трудности. Помимо собственно экстремальных условий осады, на снабжение оказывали негативное воздействие два основных фактора: значительная масса населения, оставшаяся в городе, а также сложность доставки продовольствия с Кавказа.

III.2. Медико-санитарное и социальное обеспечение населения

Наличие большого числа гражданского населения, в том числе женщин, детей и пожилых людей, предопределило внимание городского руководства к социальной сфере. На протяжении обороны власти проводили различные мероприятия в области медицинского обеспечения, а также социальной защиты наиболее уязвимых групп населения.

Экстремальные условия осажденного города – бомбардировки, ухудшение условий жизни, значительное увеличение производственной нагрузки создавали условия для роста заболеваемости и смертности среди мирного населения.

Как отмечала в своей статье врач В. Е. Лаврентьева, «оперативность, ритмичность и гибкость» системы здравоохранения во время обороны «были следствием продуманной и четкой организации в предвоенные годы»[757]. К июню 1941 г. в Севастополе функционировала достаточно развитая система здравоохранения, которая включала в себя 74 лечебных учреждения, в том числе четыре больницы, семь поликлиник и четыре амбулатории, в которых работали 240 врачей[758].

---

[757] Лаврентьева В. Е. Медики в обороне Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь, 1978. С. 177.
[758] Севастополь на рубеже тысячелетий / Куликов И. И., Кулик С. И. и др. Севастополь, 2003. С. 23.

После начала войны работа медицинских учреждений была в значительной степени перестроена на оказание помощи гарнизону, а позднее и медицинским структурам СОР. Это отрицательно сказывалось на оказании медицинских услуг населению. Наиболее остро стоял кадровый вопрос, возникший из-за мобилизации значительного числа врачей, а также передачи некоторых больниц на нужды военным.

Уже летом 1941 г. больницы и поликлиники города принимали раненых с фронта. Например, с начала сентября из Одессы прибыло до 6 тыс. человек, из-под Перекопа – до 4 тыс. человек. Медработники города, дружинницы РОКК принимали раненых с кораблей и сопровождали в госпитали, откуда была организована эвакуация на Кавказ (в сопровождение сандружинниц)[759].

В конце октября горздравотдел принял участие в формировании медико-санитарного отделения Главной базы, а также в развертывании военных лечебных учреждений. В городских больницах было выделено 510 коек для раненых[760]. Городские лечебные учреждения, в том числе три городские больницы, пять поликлиник, три амбулатории, находились в оперативном подчинении медико-санитарного отдела Главной базы.

6 ноября 1941 г. начальник санитарного отдела Главной базы А. И. Власов получил приказ приступить к передаче руководства медико-санитарным обеспечением войск начальнику санитарного отдела Приморской армии. Началась спешная эвакуация военных медицинских учреждений, которая закончилась трагедией: значительное число медперсонала и оборудования погибли 7 ноября на транспорте «Армения»[761].

Из-за непродуманной эвакуации медико-санитарному обеспечению войск СОР был нанесен сильный удар, что требовало незамедлительных мер по преодолению данной ситуации. В результате, был организован дополнительный призыв гражданских врачей и медперсонала в Приморскую армию, которые

---

[759]Лаврентьева В. Е. Медики в обороне Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь, 1978. С. 178.
[760] Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942 гг. Книга 1. Киев. 1995. С. 28.
[761] Воронов С. О. Транспорт «Армения»: невідома трагедія // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. 2011. № 3. С. 45–46.

направлялись на укомплектование девяти полковых и 22 батальонных медпунктов. Всего в армию было направлено около 100 медработников города.

Под размещение армейских госпиталей были переданы крупные медицинские учреждения, в том числе городская больница № 1 (на 500 коек), запасной стационар на базе школы № 14 (на 200 коек), инфекционный госпиталь в Учкуевке, санаторий на Максимовой даче[762]. С военными медиками делились медикаментами и инструментами. Так, задачей Центральной городской аптеки было комплектование походных аптечек для воинских частей[763]. Госпиталю ППГ-268, созданному на базе 1-й городской больницы, городскими властями были переданы: 150 одеял, 485 простыней, 325 халатов, 1100 полотенец, 500 метров сатина, 45 носилок, 100 матрацев, 108 фуражек, 500 пар тапочек, 550 кг свечей, 70 ламп, направлено на работу шесть прачек и двадцать санитарок[764]. На предприятиях было организовано производство необходимого медицинского инвентаря: в ноябре–декабре 1941 г. было изготовлено 400 носилок, в октябре–декабре – 270 костылей и в ноябре – 94 шины Дитерикса[765].

Развернулось движение по формированию добровольных санитарных дружин из местных жителей, которые принимали участие в доставке раненых, оказывали первую помощь пострадавшим при артобстрелах, работали в госпиталях. Так, возле переправы через Северную бухту по инициативе 3-й горбольницы был устроен передаточный госпиталь (эвакопункт). По некоторым данным, через него прошло до 500 раненых[766].

Несмотря на широкую помощь, которую оказывали медицинские учреждения и жители города, имели место факты расхищения военными медицинского имущества и самоуправство. 7 ноября военные взломали гараж медсанслужбы при 1-й городской больнице и изъяли две машины из-под душевых установок; 9 ноября под угрозой оружия были захвачены машина из-под душевых

---

[762]Лаврентьева В. Е. Медики в обороне Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь, 1978. С. 179.
[763] «Красный Крым». 18 января 1942 г. № 18. С. 3.
[764] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 81.
[765] ГАРК. Ф. П-35. Оп.1. Д. 230. Л. 11, 100; Д. 231. Л. 60; Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 6. Л. 8.
[766] Гырдымова Е. П. «Фронтовые хозяйки» / Огненные дни Севастополя. Симферополь, 1978. С. 159; ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

установок и автобус станции переливания крови, 18 ноября – помещения амбулатории и штольни в пос. Инкерман, городская дезинфекционная станция и 3-я поликлиника[767]. В результате в Инкермане было приостановлено медицинское обслуживание населения.

Проведение мероприятий по помощи армии существенно ослабило городскую медицину. Фактически власти были вынуждены заново формировать учреждения здравоохранения, искать кадры и расходные материалы. В период первого и второго штурмов количество гражданских медицинских учреждений резко сократилось с 70 до 20 (к концу декабря 1941 г.). В городе действовали три поликлиники, городская больница, родильный дом, несколько стационарных медицинских пунктов. Возникла острая нехватка гражданского медперсонала: к декабрю из 250 гражданских врачей осталось всего 70 человек[768]. Например, в декабре 1941 г. в аптеке № 30 из 25 представителей персонала осталось всего 12 человек[769].

К этому времени большинство жителей города проживало в убежищах. 2 декабря 1941 г. на заседание бюро горкома партии было принято постановление о создании городской комиссии по работе в убежищах, которую возглавила Е. П. Гырдымова[770]. Одной из задач членов комиссии было улучшение бытовых условий и медицинского обслуживания граждан, в том числе и детей. В кратчайшие сроки в убежищах смогли навести порядок, причем для детей создавались импровизированные ясли и детские группы.

Как вспоминал Е. В. Сушко, «жители большую часть времени находились в штольнях, где пытались создать хоть какой-то домашний уют <…> Под многометровым скальным панцирем было безопасно и относительно тепло, несмотря на раннюю и суровую зиму 1941 года»[771]. Заметим, что и в январе не во

[767] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 208. Л. 78.
[768] Алтабаева Е. Б. Город, достойный поклонения: Севастополь в Великой Отечественной войне. Севастополь, 2013. С. 220.
[769] Красный Крым. 1941. 18 декабря. № 304. С. 4.
[770] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 127.
[771] Сушко Е. В. Я знаю ту войну не понаслышке… Севастополь, 2008. С. 27–28.

всех убежищах Корабельной стороны и Центрального района были вода и свет, в ряде убежищ отсутствовали уборные[772].

Б. А. Борисов в своих воспоминаниях приводит в пример убежище на 350 человек на ул. К. Маркса, 2, где комендантом была Е. М. Михайлова. Здесь был проведен свет, действовал водопровод. В помещении были установлены нары, поддерживалась чистота. За санитарным состоянием следила специальная комиссия и врач. Б. А. Борисов подчеркивает: «Несмотря на скученность и тесноту, среди обитателей убежищ царили дружба и взаимоуважение»[773].

Особенно тяжелое положение сложилось в Балаклаве, где люди большую часть суток проводили в убежищах, а по улицам могли перемещаться только ночью. Как отмечал в своих очерках А. Хамадан, Балаклава «навсегда осталась в памяти тех, кто видел ее в эту страшную годину: пустынные, мертвые улицы, раскрытые настежь двери и окна домов – днем; ночью – смех, торопливые шаги девушек, женщин, окрики патрульных»[774].

Для обеспечения медицинского обслуживания населения за каждым убежищем был закреплен врач. Продолжился прием и в лечебных учреждениях. Главный врач поликлиники № 1 А. Я. Ивахненко сумел сохранить запас медикаментов и оборудования и на базе своего учреждения проводил прием мирного населения, а также первичную обработку раненых бойцов. При поликлинике был организован стационар на 25 коек, в подвальном этаже – помывочный пункт.

Во время первого и второго штурмов Севастополя здравоохранение города было ориентировано в основном на оказание скорой и неотложной помощи пострадавшим от воздушных и артиллерийских налетов. Также врачи столкнулись с ростом простудных заболеваний[775]. Вызвано это было холодной зимой, скученностью населения в часто неблагоустроенных убежищах. В. Д. Чекмотаева, работавшая в инфекционном госпитале № 299, вспоминает, что

---

[772] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 9.
[773] Борисов Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 121.
[774] Хамадан А. М. Севастопольцы. Севастополь, 2014. С. 97.
[775] Мусьяков П. И. Севастопольские дни. Из дневника редактора газеты «Красный Черноморец» [Электронный ресурс]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (дата обращения: 09.09.2020 г.).

в декабре стали поступать больные с тифом, в начале февраля с гангреной из-за обморожения или менингитом, особенно много кавказцев[776].

С января 1942 г. начинается восстановление нормальной работы медицинских учреждений города. Имевшихся учреждений не хватало для полноценного обслуживания 60-тысячного населения города, поэтому было принято решение о создании дополнительных больниц. К 20 марта 1942 г. были открыты дополнительное отделение в горбольнице (на 175 мест), амбулатория в Петровой слободке и несколько здравпунктов[777]. Работала больница на Корабельной и на Северной стороне, а также железнодорожная больница под руководством известного в городе врача М. М. Скуляри[778].

Территория Севастополя была разделена на 4 медицинских участка, которые возглавляли главврачи районных поликлиник. При поликлиниках, станции скорой помощи, штабах МПВО были организованы десять бригад скорой помощи. При этом в распоряжении медиков было всего четыре автомобиля, поэтому передвигались они в основном пешком[779]. Врачи работали не только стационарно, но и посещали пациентов на дому. Только персонал 2-й поликлиники обслужил за время обороны около 25 800 граждан, врачи посетили свыше 800 больных на дому и провели 56 бесед и лекций[780].

С большой нагрузкой работала станция переливания крови и ее отделение в 1-й горбольнице[781]. Всего за время осады было зарегистрировано более 3 тыс. доноров, сдано более 1 тыс. литров крови, в том числе, Четвертаковой – 17 литров, Малиновской – 10 литров, Шуманиной – 10,6 литров[782]. Также известна медсестра А. Ф. Каменская, которая после начала войны начала сдавать по 400 г крови каждые 2 недели, соответственно, к концу обороны сдала 5 литров крови[783].

---

[776] Чекмотаева В. Д. Севастополь-город неувядаемой славы / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. 63. Севастополь, 1967. С. 66–67.
[777] Алтабаева Е. Б. Город, достойный поклонения: Севастополь в Великой Отечественной войне. Севастополь, 2013. С. 215.
[778] АГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 17. Л. 2.
[779] Севастополю 200 лет. Киев: Наукова думка, 1983. С. 233.
[780] История города-героя Севастополя 1917–1957 гг. Киев, 1958. С. 241–242; Красный Крым. 1942. 18 января. № 18. С. 3.
[781] Красный Крым. 1942. 2 января. № 2. С. 3.
[782] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 84; АГС. Ф. 434. Оп. 2. Д. 46. Л. 128.
[783] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–19.

Несмотря на объективные трудности, сеть лечебных учреждений постепенно восстанавливалась. При этом город продолжал поддерживать вновь создаваемые военные лечебные учреждения. Так, весной 1942 г. работники Спецкомбината № 2 приняли непосредственное участие в оборудовании госпитальных помещений в штольнях Инкермана (на 200 коек). Для госпиталя было пошито 55 подушек, 100 платков, зашито 200 матрасов и подушек. Для госпиталя пошито 75 полотенец, постирано 5 тыс. бинтов, «оформлено 4 гроба для Героев Советского Союза»[784].

Весной большое внимание уделялось улучшению санитарно-эпидемической обстановки. Проблемная ситуация в данной сфере была зафиксирована в передовице газеты «Красный Крым» от 14 января 1942 г. В частности, там говорилось: «Городские власти все еще недостаточно контролируют, недостаточно строго следят, чтобы соблюдалась правила санитарии и гигиены, чтобы улицы и дома города содержались в чистоте и порядке»[785].

Сразу же после окончания активных боевых действий в городе начался разбор завалов и уборка улиц. 12 февраля в приказе № 0116 начальник гарнизона города отмечал: «С наступлением теплого времени имеется угроза вспышек эпидемических заболеваний. <…> Наиболее загрязненные районы: гора Матюшенко, Корабельная сторона, Северная сторона, Туровская слободка, Инкерман, совхоз № 10»[786].

3 марта 1942 г. было принято постановление горкома обороны «Об очистке города», в котором давались соответствующие распоряжения отделу коммунального хозяйства, районному руководству и директорам предприятий. Райисполкомы и начальника милиции В. И. Бузина обязали широко привлекать людей, а штабу МПВО выделить три машины[787].

На заседании горкома обороны 22 марта 1942 г. был принят комплекс мер, направленных на предупреждение эпидемических заболеваний. При горисполкоме

[784] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 72.
[785] Красный Крым. 1942. 14 января. № 14. С. 1.
[786] Цит. по: Синютин М. В. Батарея задачу выполнила. СПб, 2010. С. 123.
[787] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

была создана чрезвычайная полномочная комиссия по борьбе с эпидемическими заболеваниями под руководством В. П. Ефремова. Соответствующие комиссии создавались и при райисполкомах. Было приказано обеспечить регулярную очистку города от мусора и нечистот, завершить ремонт бани, установить контроль за хранением пищевых продуктов и воды, санитарным состоянием продовольственных баз и столовых. В решении горкома обороны отмечалось, что «контроль за санитарным состоянием города, предприятий и учреждений, и убежищ возложить персонально на начальника горотдела милиции т. Бузина и старшего санинспектора т. Иртлач. Не выполняющих санитарных правил привлекать к строжайшей ответственности, вплоть до предания суду»[788].

В марте полным ходом шла уборка и очистка улиц и источников водоснабжения. Однако, ввиду отсутствия ассенизационных и мусорных обозов, мусор и нечистоты из города вывезти не смогли[789]. В связи с этим 8 апреля 1942 г. было принято специальное постановление исполкома горсовета «О санитарном состоянии города», согласно которому руководители предприятий и домовладельцы обязаны были произвести полную очистку помещений и дворов от мусора; отделу коммунального хозяйства до 1 мая приказывалось отремонтировать мостовые и тротуары. Также должна была быть проведена дезинфекция трамваев и культурных учреждений[790].

Во исполнение постановления с 12 по 22 апреля в городе были проведены декады чистоты, в результате чего мусор и нечистоты были вывезены на свалки, частично закопаны, загрязненные территории обработаны хлорной известью, на предмет заражения инфекцией были обследованы водоемы и водохранилища[791]. Население города вышло на субботники по очистке города от мусора, расчистке завалов, побелке заборов, деревьев, высадке цветов. Своеобразный итог был подведен в номере «Маяка Коммуны» от 6 мая, где констатировалось, что везде в городе чисто, высажены цветы, убран мусор.

---

[788] ГАРК. Ф. П-152. Оп.1. Д. 1. Л. 35–36.
[789] Синютин М. В. Батарея задачу выполнила: военно-исторический очерк. СПб, 2010. С. 123.
[790] Маяк Коммуны. 1942. 10 апреля. № 2. С. 4.
[791] Синютин М. В. Указ. соч. С. 123, 135.

К середине апреля было проведено благоустройств мест отдыха горожан, в первую очередь Приморского бульвара: был убран мусор, отремонтированы скамейки[792]. А. Хамадан, находившийся в начале 1942 г. в Севастополе, писал в своем очерке: «Чистота повсюду удивительная, улицы чисто подметены, камни, бревна, листы железа, трубы – остатки того, что раньше именовалось жилищем, – аккуратно сложены <…> чистота и опрятность севастопольских улиц вселяют бодрость»[793]. Ему вторит журналист Н. Ланин: «Да, следы бомбежек и артобстрела были заметны. Но в глаза бросалась чистота только что подметенных бульваров, аккуратно подстриженные с побеленными стволами деревья. Желтели свежим песком дорожки Приморского бульвара. На клумбы, как обычно в эту пору, уже высадили цветы. <…> Севастополь, как говорят на флоте, «держал марку». <…> Улицы города говорили о том, как настроены его люди»[794].

Наряду с улучшением санитарного состояния города врачи города занимались профилактикой эпидемий. В январе распоряжением бюро горкома В. М. Зудову и В. Е. Лаврентьевой было приказано выявить всех туберкулезных больных и разместить их в одном месте[795]. 23 марта в газете «Красный Крым» была помещена статья о необходимости проведения вакцинации: «все граждане Севастополя должны ясно сознавать важность и необходимость своевременных прививок». В итоге была проведена массовая вакцинация населения против брюшного тифа и дизентерии.

В итоговом отчете горкома за период обороны 1942 г. подчеркивалось, что «за все время осады в городе не было ни одного случая эпидемического, инфекционного заболевания»[796]. К такому же выводу пришла и В. Е. Лаврентьева: «Мы не имели вспышки инфекционных заболеваний за все 250 дней обороны»[797]. Нужно отметить, что осложнение эпидемической обстановки все же было

---

[792] Маяк Коммуны. 1942. 16 апреля. № 6. С. 4.
[793] Хамадан А. М. Севастопольцы. Севастополь: «Гит пак», 2014. С. 14.
[794] Ланин Н. Командировка в Севастополь / Строки, опаленные войной. Воспоминания. Очерки. Размышления / Авторы-составители Б. С. Бурков, В. А. Мякушков. М.: Политиздат, 1987. С. 196.
[795] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 9.
[796] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 231. Л. 81.
[797] Лаврентьева В. Е. Медики в обороне Севастополя / Огненные дни Севастополя. Симферополь, 1978. С. 181.

зафиксировано в ходе третьего штурма, когда значительно ухудшилось медицинское обслуживание[798].

Отсутствие свежих овощей и мяса вызвало широкое распространение авитаминоза и цинги у жителей города и гарнизона. Так, начальник продовольственного снабжения 7-й бригады морской пехоты М. М. Матвиенко после войны вспоминал, что в некоторых частях до 30–50 % личного состава было поражено цингой[799].

Выход из сложившейся ситуации нашли в изготовлении профилактических настоев из пихты, шиповника, барбариса, можжевельника и виноградных листьев, подкисленных соляной кислотой, которые были обязательны для приема всеми жителями города и военнослужащими. Рецептура была разработана специалистами винкомбината «Массандра» и врачами армии. Их заготовкой занимались специальные отряды из школьников, а изготовлением – городские аптеки совместно с работниками совхоза им. С. Перовской. Последствия не были до конца устранены вплоть до лета 1942 г. Так, в начале мая 1942 г. среди персонала, вольнонаемных и заключенных колонии № 7 фиксировались случаи цинги[800].

В особо тяжелых условиях медработники города работали в период третьего штурма города. Персонал поликлиник был рассредоточен по убежищам для оказания неотложной помощи на месте[801], где до последних дней обороны оказывал помощь жителям и защитникам города. За 8 месяцев обороны медики Севастополя вернули в строй 30 927 раненых и 10 686 больных[802]. В этом есть заслуга и гражданских врачей города-героя. Деятельность медицинских учреждений осажденного Севастополя стала важным фактором в деле сохранения здоровья населения города. Несмотря на комплекс объективных трудностей и организационных проблем, медицинским работникам удалось предотвратить распространение эпидемических заболеваний, цинги, организовать систему

---

[798] Чекмотаева В. Д. Севастополь – город неувядаемой славы / МООВС. Т. 63. Севастополь, 1967. С. 72.
[799] ГАРК. Ф-156. Оп. 1. Д. 19. Л. 70, 71.
[800] ГАРК. Ф. 152. Оп.1. Д. 12. Л. 1.
[801] Севастополю 200 лет. Киев: Наукова думка, 1983. С. 233.
[802] Севастополь на рубеже тысячелетий. Севастополь: Арт-Политика, 2003. С. 25.

лечения жителей, пострадавших во время обстрелов и налетов авиации противника.

В рамках социальной политики властей во время войны уделялось внимание поддержке социально незащищенных групп населения, в первую очередь – детей, которые гораздо сложнее, чем взрослые, переносили военные лишения. Дети составляли значительную часть довоенного населения Севастополя – в 28 школах насчитывалось до 14 тыс. учащихся, в 46 детских садах и яслях – 2 500 воспитанников[803].

Вопросы оказания помощи матерям и детям систематически рассматривались на заседаниях горкома партии, а позднее и городского комитета обороны. Анализ работы органов власти и общественных организаций в социальной сфере позволяет выделить несколько направлений работы.

Одним из первых мероприятий стала организация эвакуации детей и женщин из города. Уже 22 июня 1941 г. по инициативе городских властей был создан штаб по эвакуации, который возглавил секретарь горкома М. М. Савицкий[804]. Севастопольскую комиссию можно считать одной из первых в стране: так, в Ленинграде подобные структуры были образованы только в конце июня[805].

В течение нескольких дней из города были вывезены воспитанники детского дома, детских садов, женщины с грудными детьми. В основном людей расселяли в Бахчисарайском, Куйбышевском, Балаклавском, Зуйском и Биюк-Онларском районах Крымской АССР, а также в пригородах Севастополя (только в Инкерманских штольнях было временно размещено до 1100 детей). Всего к 26 июня из города было вывезено 15 422 человека, кроме того – 243 детдомовца и 2020 человек – членов семей военнослужащих гарнизона[806]. Последних отправляли в д. Ай-Тодор возле Ялты[807].

---

[803] История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. Севастополь, 2008. С. 41.
[804] ГАРК. П–35. Оп. 1. Д. 206. Л. 4, 5.; Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 20.
[805] Непокоренный Ленинград. Л., 1970. С. 57.
[806] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 12.
[807] Жидилов Е. И. Мы отстаивали Севастополь. Горький, 1973. С. 10–11; Мельник Е. Дорога к подполью. Записки. Симферополь, 1961. С. 8.

Летом 1941 г. в Крыму сложилась благоприятная обстановка для проведения планомерной эвакуации, однако до второй половины августа вывоз гражданского населения носил эпизодический характер. Известно, что в это время проводилась добровольная эвакуация семей командного состава флота, а также руководящих работников города (например, убыли на Кавказ жена и сын секретаря горкома Б. А. Борисова)[808].

В докладной записке, отправленной В. П. Ефремовым в СНК КАССР 31 августа 1941 г. говорится, что с начала войны вывезено из города 20 887 детей и матерей[809]. Если допустить, что в это число включены почти 15 500 человек, эвакуированных во внутренние районы Крыма к 26 июня, тогда с 20-х чисел июня по 31 августа вывезено чуть более 5 тыс. человек.

Только 19 августа Совет по эвакуации принял постановление № СЭ-88с, в котором Совнаркому КАССР разрешалось эвакуировать с территории республики 85 тыс. «членов семей рабочих и служащих», в том числе 25 тыс. человек из Севастополя, в Ростовскую область и Краснодарский край[810].

26 августа 1941 г. решением Совета эвакуации № 13675-СЭ эвакопункты образовывались в крымских городах, в том числе Севастополе[811]. 31 августа совместным решением горкома партии и исполкома горсовета начальником эвакопункта был назначен М. М. Савицкий, тогда же были назначены уполномоченные в городские районы[812]. Эвакопункты занимались учетом людей, подлежащих вывозу из города, разрабатывали последовательность эвакуации и организовывали своевременную отправку.

В первую очередь эвакуации подлежали дети до 14 лет и матери[813], семьи служащих и работников оборонных предприятий, а также высококвалифицированные кадры. Еще одним направлением работы городского

---

[808] Борисов Б. А. Школа жизни. М., 1971. С. 109.
[809] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 83.
[810] Гольденберг М. А. Эвакуация населения из Крыма в 1941 г. / Труды междисциплинарной научно-практической конференции «III Феодосийские научные чтения». Феодосия: МБУК ФМД, 2015. С. 118; Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне. М., 1987. С. 26.
[811] Гольденберг М. А. Указ. соч. С. 118.
[812] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 51–52.
[813] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 52.

эвакопункта были прием и отправка на Кавказ многочисленных беженцев из Николаевской и Одесской областей, а также из внутренних районов Крыма. В Севастополе эвакуированных обеспечивали временным жильем, питанием и медицинской помощью.

Вопросы проведения эвакуации рассматривались на втором (30 октября) и четвертом (4 ноября) заседаниях Севастопольского городского комитета обороны. В частности, 4 ноября было решено в течение 4-5 дней вывезти из города максимальное количество детей и жителей города, не связанных с военным производством[814]. После приостановки работы городского комитета обороны проблемами вывоза гражданского населения стал заниматься комитет партии. 13 ноября по указанию Военного совета флота и обкома партии на заседании бюро горкома был вновь поставлен вопрос об ускорении эвакуации населения[815].

С начала 1942 г. количество желающих выехать на Кавказ уменьшилось, т. к. у многих утвердилось мнение о скором снятии осады Севастополя и полном освобождении Крымского полуострова[816]. Более того, в дневнике инженера И. А. Селезнева отмечено, что в январе 1942 г. он надеялся на скорое возвращение семьи из эвакуации, т. к. «немцев отогнали от города»[817].

22 марта 1942 г. городское руководство было вынуждено принять меры по активизации эвакуации мирного населения по причине достаточно острой продовольственной проблемы и опасности возникновения эпидемий[818]. Несмотря на это, темпы эвакуации продолжались оставаться медленными. Точное количество жителей города, вывезенных из Севастополя с января по май 1942 г., неизвестно. Можно предположить, что за четыре месяца было вывезено всего несколько тысяч человек. Промедление с эвакуацией привело к большим жертвам среди мирного населения в ходе третьего штурма.

---

[814] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
[815] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 14–15.
[816] Евсеев А. К. Осажденный Севастополь. Ленинград: Советский писатель, 1959. С. 72.; Рымарев Д. Г. Дни штормовые. М., 1975. С. 40.
[817] Селезнев И. А. Дневник [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/notes?date=%221941-01-01%22&diaries=%5B1809%5D (дата обращения: 03.01.2021).
[818] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 112.

20 мая 1942 г. было проведено заседание горкома обороны, на котором принято постановление об экстренной эвакуации матерей с детьми, детдома, детского приемника и дома инвалидов[819]. Ответственными за организацию данных мероприятий назначили А. В. Багрия и М. В. Ерахтину. Как отмечала Е. А. Лапинская, в мае 1942 г., при норме 500–600 человек на район, едва набиралось 250–200 человек, желающих эвакуироваться[820]. После массированных налетов на Севастополь 3–7 июня 1942 г. отношение жителей к эвакуации резко изменилось: только 4 июня было выдано до 5 тыс. эвакоудостоверений[821]. Все последующие дни продолжалась активная эвакуация, которая проходила в условиях постоянных авианалетов.

Со второй половины июня, как отмечает в своих воспоминаниях Е. Смирнова, темпы эвакуации начинают снижаться. Связано это было с необходимостью срочной эвакуации большого числа раненых воинов: «Эвакуация шла уже только при помощи подводного флота и при строгой конспирации. Возили мы людей в самые дальние бухты»[822].

Согласно докладной записке предсовнаркома Крымской АССР И. С. Сейфулаева от 26.07.1942 г. «Об эвакуации населения, промышленности и культурных ценностей из города Севастополя», из 12 тыс. гражданских лиц, вывезенных из Севастополя в мае–июне 1942 г., 7,5 тыс. размещены в Краснодарском крае, до 2 тыс. в Орджоникидзевском крае, до 3 тыс. в других районах СССР. Из них – до 6 тыс. детей, в том числе 240 сирот[823].

Одним из направлений работы властей была материальная поддержка семей военнослужащих. В связи с массовым призывом мужского населения в ряды Красной армии и Военно-морского флота, многие из них оказались в затруднительном материальном положении. 26 июня 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета «О порядке назначения и выплаты пособий

[819] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 48–49.
[820] Лапинская Е. А. В райкоме партии / МООВС. Т. XI. Севастополь, 1962 г. С. 61.
[821] ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 22. Л. 82, 82 об.
[822] Там же. Л. 82.
[823] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 5. Л. 19.

семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»[824].

5 июля 1941 г. в целях реализации указа в Севастополе была образована комиссия, которую возглавила В. С. Рябогина[825]. Члены комиссии составляли списки нуждающихся, принимали и рассматривали заявления, на основании которых производились выплаты. Деятельность комиссии широко освещалась в прессе. Так, в газете «Красный Крым» от 9 июля 1941 г. говорилось: «За несколько дней работы комиссия <…> выносит не первое решение о выплате пособий, не дожидаясь заявлений. Депутаты райсоветов посещают семьи военнослужащих. Связь с семьями военнослужащих устанавливается крепкая»[826].

Практически сразу у городских властей возникли финансовые затруднения с выдачей пособий, в связи с чем власти Севастополя вынуждены были обратиться с ходатайством в СНК КАССР о выделении 3 тыс. рублей. В конце июля средства были получены, после чего районные органы соцобеспечения продолжили выдачу денежных средств[827].

Первые итоги работы комиссии были подведены 19 июля 1941 г. на заседании бюро горкома партии. К этому времени были рассмотрены заявления 666 семей, было назначено и выплачено 292 пособия, отказано по результатам проверки 108 семьям, не проверены еще 300 семей. Как отмечалось в протоколе заседания, в отдельных случаях имело место недостаточно чуткое отношение к людям, например, была сокращена работавшая в Военторге жена призванного в РККА гражданина Колесникова[828].

Помимо пособий, семьям военнослужащих предоставлялись и другие льготы: сокращение или освобождение от налоговых выплат и платы за жилплощадь, преимущественное право устройства детей в ясли и детские сады. Жителям города, лишившимся жилья, предоставлялись временные квартиры: к 19

[824] Сборник законов СССР и указов ПВС СССР. 1938–1944 гг. М.: Издание «Ведомостей ВС СССР», 1945. С. 150–151.
[825] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 8–9.
[826] Красный Крым. 1941. 9 июля. № 160. С. 1.
[827] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 210. Л. 20.
[828] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 8–9.

июля 1941 г. на Северной стороне из 79 семей, потерявших жилье, размещено 74, в Центральном районе – 13. Решением бюро горкома партии всех должны были обеспечить жильем до 1 августа и организовать ремонт домов[829].

Власти помогали и инвалидам войны, которые получали от властей материальную и бытовую помощь, в том числе единовременные пособия. 22 января 1942 г. на заседании бюро горкома партии Е. П. Гырдымова отметила наличие в городе безнадзорных инвалидов. По ее инициативе было решено просить СНК КАССР открыть в городе Дом инвалидов[830]. В итоге 15 февраля было вынесено соответствующее постановление СНК КАССР. Дом инвалидов включал в себя два отделения (женское и мужское на 30 человек). Расходы на содержание людей финансировались из средств городского бюджета[831]. Позднее, в мае 1942 г., все его жители будут эвакуированы на Кавказ.

Продолжали выплачивать пенсии персональным пенсионерам, хотя в ноябре произошла временная задержка. Так, постановлением СНК КАССР от 7 декабря 1941 г. из республиканского бюджета Севастопольскому горсобесу отпускалось на выплату персональных пенсий за ноябрь и годовых пособий 12 464 рубля (на 33 человека)[832]. Постановлением СНК КАССР от 5 января 1942 г. отпускалось Севгорсовету 14 892 рубля на выплату пенсий за декабрь и выплату годового пособия 69 гражданам[833]. Отдельные постановления СНК выносились и по Балаклаве: решением от 23 декабря были выделены средства Балаклавскому исполкому райсовета на выдачу пособия семьям красноармейцев, инвалидам и содержание аппарата в размере 20 тыс. рублей[834].

Материальная поддержка семей военнослужащих была продолжена во время первого и второго штурма города. Всего в период с июня 1941 г. по 22 января 1942 г. было выдано пособий на 729 672 рубля, в том числе в январе 94 207 рублей, и единовременных пособий на сумму 32 850 рублей[835]. Помимо

[829] ГАРК. Ф. П–35. Оп. 1. Д. 201. Л. 9.
[830] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 9.
[831] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 175.
[832] Там же. Л. 52.
[833] Там же. Л. 117.
[834] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 92.
[835] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 10

этого, более 500 семей получили помощь продуктами питания, 1268 семей получили топливо. Более того, на заседании бюро ГК просили руководство СНК увеличить средства, отпускаемые на пособия и решить вопрос с оплатой призванных в фортификационный батальон[836].

С установлением относительного затишья на фронте, размеры денежных выплат существенно возросли: только за январь–февраль 1942 г. было выплачено пособий семьям военнослужащих в размере 635 465 рублей. По состоянию на 19 апреля было произведено 6796 дополнительных выдач продуктов питания, а также выдано 56 300 рублей в порядке единовременной помощи многосемейным[837]. Всего единовременной помощью продуктами питания было охвачено более 2 000 семей фронтовиков[838]. По состоянию на 1 марта 1942 г. было выдано пособий семьям на сумму 1 211 673 руб.[839]

9 января 1942 г. на заседании горкома обороны особо отмечалось, что райисполкомам и жилуправлениям разрешалось передавать во временное пользование квартиры эвакуированных и мобилизованных в РККА и ВМФ только в случае крайней необходимости и с согласия председателя горисполкома[840]. В то же время нуждающиеся граждане обеспечивались жилплощадью. Например, Управлением сетей была предоставлена бесплатная квартира ударнице Л. Н. Гуленковой[841].

Несмотря на осаду, в городе продолжили работать школы и детские сады. К июню 1941 г. в городе насчитывалось 9 начальных, 19 неполных средних и средних школ, а также 5 школ рабочей молодежи. В июле–августе учительские коллективы сильно сократились за счет мобилизации мужчин в армию, а также эвакуации. Школьные здания и материальная база пострадали от бомбардировок, уцелевшие передавались лечебным учреждениям или Осоавиахиму.

---

[836] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 10.
[837] Там же. Л. 64.
[838] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 150.
[839] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 77.
[840] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
[841] Красный Крым. 1942. 25 января. № 25. С. 2.

Несмотря на трудности, новый учебный год в Севастополе традиционно начался 1 сентября, однако удалось открыть только 15 школ. С сентября 1941 г. учебно-воспитательный процесс в севастопольских школах был перестроен в направлении усиления патриотического воспитания и военной подготовки, чему способствовали постановление СНК № 1969 от 11 августа 1941 г. «Об усилении военной и физической подготовки учащихся в VIII–X классах средних школ»[842] и соответствующее постановление ЦК ВКП(б) от 7 сентября 1941 г.

По воспоминаниям В. П. Болгари, 1 сентября, после начала занятий, ученики школы, где он учился, были отправлены на оборудование щелей, а уже с началом учебного процесса начались занятия по военной подготовке: школьников учили ползать по-пластунски и бросать гранаты. С началом массированных налетов на Севастополь в школе был установлен график дежурства на крышах[843]. Учитель школы № 102 В. Д. Чекмотаева отмечала, что при каждой школе были оборудованы убежища, учителя и ученики были обеспечены противогазами[844].

Уже 5 ноября 1941 г. занятия во всех учебных заведениях Севастополя были прекращены из-за начавшихся боев[845]. Возобновление учебного процесса было возможно только после перевода учебных заведений в надежные укрытия, т. к. в ноябре ударам авиации противника подвергались и школьные здания: разрушены школа № 15 на ул. Пролетарской и школа № 22 на ул. К. Маркса.

Воспользовавшись вынужденной остановкой занятий, учителя и ученики принимали активное участие в работе оборонных кружков, работали в госпиталях, собирали металлолом и бутылки для зажигательной смеси. Например, учительница А. С. Федоринчик работала в госпитале, занималась организацией воспитательной работы среди детей в убежищах[846].

---

[842] ГАРФ. Р-5446. Оп. 1. Д. 195. Л. 183.
[843] Болгари В. П. Интервью [Электронный ресурс]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/bolgari-vladimir-petrovich/ (дата обращения: 13.06.2020).
[844] Чекмотаева В. Д. Севастополь-город неувядаемой славы / МООВС. Т. 63. Севастополь, 1967. С. 61.
[845] Мыс В. И. Воспоминания о героических днях обороны Севастополя / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 341; Донец Н. Н. Подземная школа. Из воспоминаний учительницы школы № 13. Севастополь, 1975. С. 1. Морская библиотека им. М. П. Лазарева; Козицкая Е. Д. Свет подземных школ. Севастополь, 2004. С. 58.
[846] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.; Красный Крым. 1942. 20 января. № 20 С. 3.

Начальником гороно 9 декабря 1941 г. была назначена бывший директор школы № 13 Н. Н. Донец, которая и возглавила работы по созданию «подземных» школ. После назначения на должность она собрала совещание учителей, на котором было решено найти годные под размещение школ помещения и подобрать преподавательские кадры.

Некоторые авторы пишут, что уже к 15 декабря было открыто восемь школ в центре города и на Корабельной стороне, в которых обучалось несколько тысяч детей[847]. В действительности восстановление обучения стало возможным только после окончания активных боевых действий.

9 января 1942 г. на заседании бюро горкома партии Н. Н. Донец получила указание произвести учет всех детей школьного возраста, организовать ремонт школьных помещений, составить учебный план. Предполагалось, что учеба начнется к 1 февраля[848]. В короткие сроки власти города совместно с руководителями предприятий, оснастили школы инвентарем, благоустроили помещения, обеспечили детей горячим питанием.

Одной из первых была открыта школа № 13, которая располагалась в хорошо оборудованных убежищах на ул. Ленина, 43–47. По состоянию на 16 марта 1942 г. в школе № 13 насчитывалось 500 учащихся[849]. Как вспоминала Н. Н. Донец, «убежище было большое, имело пять отсеков, четыре из которых отведены под классы. У входа несколько ступенек вели вниз, в убежище с массивной входной дверью. <…> Занятия начинались в 9 часов утра. Начинался день с чтения сводки Совинформбюро и обзора газеты «Маяк Коммуны» <…> затем шли нормальные уроки – пять уроков в день, шестой час отводился для работы с больными, отстающими, а также для культурно-массовой работы. Все мероприятия планировались на 1 час, т. к. многим ребятам идти домой в

[847] Лезинский М. Уроки мужества / Крымские каникулы: Кн. 2 / Сост. Л. А. Литвинов. Симферополь: Таврия, 1985. С. 93.
[848] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
[849] Красный черноморец. 1942. 16 марта. № 75. С. 3.

убежища»[850]. В школу доставлялись завтраки (стакан молока или чая, хлеб с сахаром, иногда пирожки и колбаса).

В середине марта в городе работало две средних и четыре неполных средних школы, которые располагались в убежищах[851]. Лучшими из них считались школы № 18, 25 и 32 (при Спецкомбинате № 2)[852]. Через месяц, к 19 апреля, работали восемь школ, в которых занималось 2318 учащихся, в том числе в начальных школах – 1136 человек (заметим, что всего в городе находилось до 16 тыс. детей). Из восьми школ две были средними (№ 3 и № 13), четыре – неполными средними (№ 6, 19, 25 и 32), две – начальными (№ 18 и Балаклавская двухклассная). На заседании горкома партии, прошедшем в этот день, было принято решение развернуть подготовку к новому учебному году, а также обсудить вопрос организации детского досуга летом. Учебный год планировалось закончить к 20 июня [853]. Всего в школах работало до 300 учителей[854].

Школьники принимали активное участие в помощи фронту: вносили деньги в Фонд обороны, собирали металлолом и бутылки для зажигательной смеси, готовили подарки для фронтовиков, дежурили на крышах домов и в госпиталях.

Пионерами железнодорожной школы № 25 был организован сбор средств на танк «Таня» (учащиеся школы собрали 1642 рубля деньгами и 2580 рублей облигациями; всего по городу ко второй половине апреля собрано 40 тыс. рублей)[855]. При некоторых школах были образованы тимуровские команды и концертные бригады, которые обслуживали госпиталя, корабли, воинские части. Инициатором их создания выступила секретарь Северного райкома комсомола Н. И. Краевая. По инициативе секретаря горкома комсомола А. В. Багрия из школьников формировали поисковые группы для сбора лекарственных трав и по посадке овощей (особенно активно на Татарской слободке, на Корабельной, Инкермане, на Северной стороне).

---

[850] Донец Н. Н. Подземная школа. Из воспоминаний учительницы школы № 13. Севастополь, 1975. С. 1–2.
[851] ГАРК. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 63, 66.
[852] Красный Крым. 1942. 9 апреля. № 99. С. 3.
[853] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 64–65.
[854] Козицкая Е. Д. Свет подземных школ. Севастополь, 2004. С. 91.
[855] ГАРК. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 63, 66; «Красный Крым». 9 апреля 1942 г. С. 2.

Все школы города прекратили работу 20 мая 1942 г., согласно решению горкома обороны: к этому времени начались массированные бомбардировки города[856]. По данным А. М. Нетребенко, продолжила работу Инкерманская школа, в которой только в июне выдали табели, а семиклассникам – удостоверения об окончании неполной средней школы[857].

Возрастание удельного веса женщин на производстве обусловило необходимость восстановления работы детских садов и яслей, которые содержались на средства горисполкома и предприятий. К середине апреля 1942 г. в городе действовали три ясельные группы (на 130 детей) и три детских сада (на 105 детей).

Была восстановлена работа молочной кухни, которая ежедневно изготовляла 1300 бутылок молочных смесей. С довоенного времени не прерывалась работа женской консультации, которая с 1 ноября 1941 г. по апрель 1942 г. обслужила 15 913 человек. Консультацией был организован патронаж больных детей на дому[858].

Учреждения работали в надежных укрытиях и были полностью приспособлены под размещение маленьких жителей города. Например, в скальном укрытии для железнодорожников располагались детский сад (открыт с 1 декабря) и школа[859]. Для детей пытались создать максимально комфортные условия. Например, в детском саду при Спецкомбинате № 2 были устроены «уютные комнаты, на полу постланы коврики, на стенах портреты. Детская мебель, игрушки, книги – все на местах… Хорошо налажено питание. Дети, поступившие в детский сад, быстро поправляются»[860].

Неизбежным последствием длительной осады являлось наличие в городе безнадзорных детей. Массированные налеты на город в ноябре–декабре 1941 г.,

---

[856] Севастополю 200 лет. Сб. документов и материалов. Киев: Наукова думка, 1983. С. 234.
[857] Нетребенко А. М. Школа в подземелье / МООВС. Т. IV Севастополь, 1959. С. 349.
[858] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 64.
[859] Немков А. Е. Железнодорожники в обороне Крыма. Из записок начальника политотдела / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 181.
[860] Красный Крым. 1942. 13 февраля. № 44. С. 3.

эвакуация и привлечение женщин на производство обусловили увеличение количества детей, оставшихся без попечения родителей.

Большое значение в усилении борьбы с беспризорностью и безнадзорностью имело принятое 23 января 1942 г. постановление Совнаркома СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей»[861]. Соответствующее постановление СНК КАССР было принято 12 февраля 1942 г. Согласно ему, горисполком был обязан обеспечить устройство детей-сирот, для чего была создана специальная комиссия[862]. В состав комиссии вошли заместитель председателя горисполкома, представители профсоюзов, ВЛКСМ, НКВД, народного образования и здравоохранения.

С помощью сотрудников милиции и представителей гороно в городе выявляли одиноких детей, которых отправляли в приемник-распределитель, организованный по инициативе А. С. Федоринчик в Карантинной слободке. Журналист Н. Г. Михайловский впоследствии вспоминал: «Мы видели любовно убранные комнаты с ковриками, цветами, белыми занавесочками – все, как в мирное время. Маленькие обитатели жили тем же, что и взрослые, и, завидев меня в морской форме с наганом на ремне, осаждали одним и тем же вопросом: “Дядя, ты сколько убил фашистов?” Честно признаюсь: первый раз я оказался в тупике, не зная, что ответить»[863].

По истечении двух недель дети в возрасте до 14 лет передавались родителям или в детский дом. Тех, кто был старше, направляли на оборонное производство.

Интернат для детей-сирот был открыт еще 27 декабря 1941 г., возглавляла его К. Ф. Фейгилас, позднее – О. А. Александровская. Количество детей, проживавших в интернате, постоянно росло: по состоянию на 10 января 1942 г. в нем насчитывалось 16 детей, 20 марта – 35, через месяц – уже 59 детей[864].

---

[861] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 197. Л. 164–165; Синицин А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 21.
[862] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 170–171.
[863] Михайловский Н. Г. Штормовая пора. М.: Советская Россия, 1970. С. 176.
[864] Красный Крым. 1942. 11 января. № 11. С. 3.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 65.

Воспитанники были обеспечены пятиразовым питанием, одеждой и постельным бельем.

Незадолго до начала третьего штурма городские власти планировали открыть детскую и женскую консультации, а также молочную кухню на Корабельной стороне, расширить сеть яслей и детсадов в каждом районе (на 350 детей), открыть детский дом на 100 человек, стимулировать патронат над сиротами. В артели «Парижская коммуна» намечалось организовать пошив детской обуви из отходов производства[865]. Однако эти планы так и не были реализованы в связи с трагическими событиями третьего штурма Севастополя.

III.3. Мероприятия в сфере культурного обслуживания населения

Севастополь являлся одним из центров культурной жизни Крымской АССР 1930-х гг. Здесь работали два театра (Русский драматический им. А. В. Луначарского и Краснофлотский им. Б. А. Лавренева), несколько домов культуры, Дворец пионеров, три кинотеатра, тринадцать библиотек.

С 1920–х гг. по 1940 г. существовало Севастопольское музейное объединение, в состав которого входили шесть музейных учреждений. После его ликвидации[866] были образованы Музей Крымской войны (Панорама обороны Севастополя, Музей Крымской войны, Малахов курган), Музей Революции и Музей пещерных городов (в г. Бахчисарай). Всемирно известен был Херсонесский государственный историко-археологический музей.

С началом войны большинство учреждений продолжили свою работу, при этом их деятельность была перестроена на пропаганду патриотизма и мобилизацию граждан на помощь фронту. Так, при картинной галерее был организован выпуск окон ТАСС, пересмотрен репертуар кинотеатров, где вместо американской ленты «Песня о любви» стали показывать «Профессор Мамлок» и «Александр Невский»[867].

---

[865] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 65.

[866] Акимченков В. В. Документы местных архивов как источник по истории музейного дела: на примере Государственного архива в Автономной Республике Крым / Сіверщина в історіїУкраїни. 2011. Вып. 4. С. 47.

[867] Красный Крым. 1941. 5 июля. № 159. С. 3.

В театре им. Луначарского было принято решение о создании концертной бригады для обслуживания мобилизационных пунктов и гарнизона. С 24 июня по 11 июля 1941 г. бригада провела 20 концертов[868]. В конце августа 1941 г. театр открыл зимний сезон – была показана пьеса Ф. Вольфа «Профессор Мамлок», артисты работали над постановкой пьесы К. Симонова «Парень из нашего города»[869].

Музеи также продолжили принимать посетителей, в частности, бывший курсант училища зенитной артиллерии А. М. Таран вспоминает о сильном впечатлении, которое на него произвело посещение Панорамы обороны Севастополя, куда курсантов-первокурсников водили в июле 1941 г.[870]

Учреждения культуры не прекращали свою работу практически до начала обороны. По указанию властей города осенью из Севастополя были вывезены на Кавказ Институт физических методов лечения им. Сеченова, биологическая станция, драматический театр им. Луначарского. Медленнее шла эвакуация музеев: до ноября смогли вывезти только значительную часть коллекций Херсонесского историко-археологического музея (в г. Свердловск)[871] и военно-исторического музея Черноморского флота (в г. Ульяновск). Панораму было решено оставить на месте из-за ветхости полотна[872]. Позднее, в ночь с 11 на 12 декабря, на транспорте «Ташкент» были вывезены наиболее ценные экспонаты Севастопольской картиной галереи (около 100 картин)[873].

В ноябре 1941 г., после начала первого штурма города, была приостановлена работа всех учреждений культуры. В чрезвычайных условиях осады возможности для проведения досуга горожан были ограничены до минимума. Так, были отменены мероприятия, посвященные 24-й годовщине

---

[868] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 206. Л. 26.
[869] Красный Крым. 1941. 21 августа. № 197. С. 4.
[870] ЧУС МИМК «35-я береговая батарея». Таран А. М. О войне. С. 68.
[871] См.: Романчук А. И. Херсонесский заповедник в годы Великой Отечественной войны и историки Урала / Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 287–291; Дианова Т. В. Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам) // Крымский архив. 2016. № 1 (20). С. 51–52.
[872] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 65.
[873] См.: Бендюкова Н. А. М. П. Крошицкий и Севастопольский художественный музей // Крымский архив. 1997. № 3.; Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. 2004. № 6–7.

Октябрьской революции, хотя еще 28 октября 1941 г. на заседании бюро горкома партии была утверждена программа (проведение собраний и концертов)[874]. Праздничный день запомнился многим мемуаристам. Как пишет А. К. Евсеев, «уныло и тоскливо прошел великий праздник в Севастополе»[875].

Несмотря на сложные условия осады, жители города и воины оборонительного района находили время для неформального отдыха и доступных развлечений. Читали книги, местные газеты (центральные приходили с большими перебоями), слушали радио. Так, в своем дневнике П. И. Мусьякова часто упоминает о подобном времяпровождении. Например, 28 ноября: «Обычный день. <…> К нам в подвал уже дважды приходил дивизионный комиссар П. Т. Бондаренко. Ознакомился, как мы живем, и забил три партии в «козла». <…> Радиола Ефремова используется вовсю. Иногда даже пытаемся танцевать»[876].

Имели место и иные формы неформального отдыха. Известно заявление военинженера 3-го ранга Коновалова в органы НКВД, где он сообщает о том, что личный состав одной из воинских частей «пьянствует, развратничает и доходит до того, что 18. 11. 1941 г. комендант части дал распоряжение дежурному по части т. Коновалову найти для командира части двух проституток»[877]. Пьянство было даже в редакции газеты «Красный Черноморец», что отражено в дневнике П. И. Мусьякова: «Бойцы команды опять стали пить. Вчера было двое пьяных. Надо принимать более решительные меры» (27 ноября 1941 г.)[878].

Во второй половине ноября 1941 г. городские власти предприняли меры по установлению контроля над населением, которое проживало в убежищах. На заседании бюро горкома партии от 26 ноября 1941 г. констатировалось ослабление массово-политической работы в связи с массовой эвакуацией и

---

[874] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 2.
[875] Евсеев А. К. Осажденный Севастополь. Ленинград: Советский писатель, 1959. С. 58.
[876] Мусьяков П. И. Севастопольские дни. Из дневника редактора газеты «Красный Черноморец» [Электронный ресурс]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (дата обращения: 09.09.2020).
[877] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 211. Л. 4–5.
[878] Мусьяков П. И. Севастопольские дни. Из дневника редактора газеты «Красный Черноморец» [Электронный ресурс]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (дата обращения: 09.09.2020).

бомбардировками города[879]. Заведующему агитационно-пропагандистскому отделу М. И. Петровскому предлагалось выделить агитаторов и провести инструктаж по проведению работы на предприятиях и – особенно – в убежищах[880].

2 декабря 1941 г., на заседании бюро горкома партии, было принято решение о формировании городской комиссии по работе в убежищах, которую возглавила Е. П. Гырдымова. Создание комиссии объяснялось необходимостью «усиления массово-политической работы среди трудящихся в убежищах, наведения там порядка и организации женщин на различные общественные работы»[881]. В каждое убежище были назначены комендант, политработник и пропагандисты, которые занимались агитационной работой, вели учет проживающего населения и следили за настроениями. Были разработаны и утверждены правила внутреннего распорядка, согласно которым в убежищах воспрещалось курить, готовить пищу, шуметь с 22 часов до 5 утра и употреблять спиртные напитки; надлежало поддерживать чистоту. Комендант составлял списки жильцов, выдавал разрешения на право входа в убежище и назначал наряды на работу[882].

В убежищах быстро был налажен быт, обеспечены минимальные условия для проживания населения. Работа комиссии контролировалась городскими властями. Так, 10 декабря Е. П. Гырдымова отчитывалась на заседании бюро горкома партии. Несмотря на положительную оценку работы, председателям райисполкомов предлагалось обеспечить убежища теплом и освещением[883].

9 ноября 1941 г. по распоряжению горсовета была временно закрыта Центральная городская библиотека, при этом сотрудники продолжали производить выдачу книг. Интерес севастопольцев к книгам был велик, особенно

---

[879] В выступлении на конференции 1963 г. Б. А. Борисов говорит более определенно: в декабре 1941 г. были отмечены «слухи и паника». См.: Стенографический отчет расширенного заседание совета музея… / МООВС. Т. XXX. Севастополь, 1963. С. 34.
[880] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 21.
[881] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 127; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 23.
[882] ГАРК. Ф. П-152. Оп. 1. Д. 9. Л. 146, 146 об.
[883] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 131.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 28.

к политической литературе и русской классике[884]. В начале декабря количество посетителей постепенно увеличивалось: с 487 человек в ноябре до 6 тысяч человек в начале января 1942 г.[885] Из посетителей до 52 % составляли военные, которые брали книги с собой на передовую.

В городе работало несколько концертных бригад, в которые входили как профессиональные, так и самодеятельные актеры. Представление об их работе дает отчет художественного руководителя одного из коллективов. За ноябрь 1941 – январь 1942 гг. только одна из бригад провела 113 выступлений, большинство из них в воинских подразделениях (60 %). В отчете отмечается, что «все выступления бригады встречались слушателями чрезвычайно тепло и вызывали горячее одобрение. Бригада стала популярной на фронте и в тылу»[886].

В это же время делались попытки улучшить быт населения города путем открытия нескольких фотоателье, парикмахерских, продажи промтоваров (например, в конце декабря в магазине Военторга был распродан практически весь запас грампластинок)[887].

В середине декабря 1941 г., несмотря на ожесточенные бои в ходе второго штурма города, власти начали подготовку к празднованию Нового года. 19 декабря на заседании бюро горкома заведующему Горторгом С. А. Жарковскому было поручено изыскать резервы для детских подарков, секретарям райкомов в срок до 30 декабря подготовить и провести собрания коллективов, на которых прочесть доклады об итогах работы и текущих задачах[888]. Несмотря на все трудности, 30–31 декабря 1941 г. новогодние елки прошли в наиболее крупных убежищах города[889]. Празднование Нового года, совпавшее с отражением второго штурма города и освобождением Керченского полуострова, имело большое моральное значение, т. к. порождало у населения уверенность в скором снятии осады и освобождении всего Крымского полуострова.

---

[884] АГС. Ф.434. Оп .2. Д. 43. Л. 80.
[885] Красный Крым. 1941. 18 декабря. № 304. С. 4.; Севастополю 200 лет. 1783–1983. Киев: Наукова думка, 1983. С. 226.
[886] Севастополю 200 лет. 1783–1983. Киев: Наукова думка, 1983. С. 221.
[887] Красный Крым. 1941. 21 декабря. № 308. С. 4.; Красный Крым. 1941. 24 декабря. № 310. С. 4.
[888] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 201. Л. 132; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1525. Л. 21.
[889] Красный Крым. 1941. 31 декабря. № 317. С. 3.

Таким образом, в ноябре–декабре 1941 г. возможности для досуга были крайне ограничены, что было связано с чрезвычайными обстоятельствами первого и второго штурмов города. В эти месяцы усилия властей были направлены на установление контроля над населением. Делалось это не только для предупреждения правонарушений, но и в целях максимальной мобилизации городских жителей на помощь фронту.

С января 1942 г. фронт под Севастополем стабилизировался, активность немецкой авиации резко снизилась. В целом на протяжении зимы и весны 1942 г. настроение жителей города было приподнятым, т. к. широко распространилось убеждение в скором снятии осады и освобождении всего Крымского полуострова. В письме Б. А. Булатова секретарю обкома партии (4 марта 1942 г.) отмечается, что «настроение в городе хорошее, но есть, безусловно, и немало отрицательных фактов», при этом «с порядком в городе неплохо»[890].

Период длительного затишья позволил властям начать восстановление разрушенной инфраструктуры города. Значительное внимание стало уделяться культурно-досуговой сфере и организации досуга населения. Зимой 1942 г. значительная часть населения города продолжала жить в убежищах. С наступлением тепла горожане стали перебираться в свои квартиры. Символично, что постановлением бюро горкома партии от 19 апреля 1942 г. комиссия по работе в убежищах была ликвидирована, а ее функции были переданы райкомам и райисполкомам[891].

Большое внимание уделялось улучшению бытового обслуживания населения и военнослужащих. В феврале-марте были введены в эксплуатацию различные предприятия сферы обслуживания – парикмахерские, прачечные, бани, продуктовые магазины и фотоателье. Например, во второй половине апреля по адресу ул. К. Маркса, 10 была открыта швейная мастерская, которая занималась пошивом военного и гражданского платья[892]. Работник артели «Прогресс» Н. В. Астафьев вспоминал, что их часовую мастерскую буквально «атаковывали как

[890] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 4.
[891] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 67.
[892] Маяк Коммуны. 1942. 25 апреля. № 14. С. 4.

военные, так и гражданские лица»[893]. По воспоминаниям Е. А. Лапинской, в мыловаренной артели делали свечи, крем для бритья и одеколон «Севастопольский», который пользовался особенным успехом[894].

Как и в блокадном Ленинграде, большое моральное значение имел пуск трамвайного сообщения: к началу марта был проведен ремонт трамвайных линий Городского кольца, восстановлено сообщение с Корабельной стороной[895]. Военврач М. А. Смирнов вспоминает: «Особенно я был поражен, когда увидел <…> показавшийся из-за угла севастопольский трамвайчик»[896]. Всего с ноября 1941 г. по апрель 1942 г. трамваем было перевезено 763 587 человек, на городских катерах – 281 866 человек[897].

После окончания второго штурма города городские власти стали уделять повышенное внимание созданию условий для организации досуга населения и военнослужащих. Одним из первых мероприятий стала подготовка к празднованию 24-й годовщины создания Красной армии. Данному вопросу было посвящено одно из заседаний бюро горкома партии в начале февраля 1942 г. В принятом постановлении предусматривалось чтение докладов по истории обороны на предприятиях и в убежищах, торжественное собрание ответственных работников, сбор подарков для бойцов и посылка делегаций на фронт, открытие выставки, посвященной второй обороне[898].

9 января 1942 г. в газете «Красный Крым» прозвучал призыв собирать материалы по истории второй обороны: фотодокументы, стенгазеты и дневники комендантов убежищ, записи о деятельности предприятий[899]. Властями было принято решение разместить экспозицию в сохранившемся здании картинной галереи. Сюда же были перенесены оставшиеся в городе экспонаты Музея истории Крымской войны. Начались восстановительные работы, подбор экспонатов, составление информационных справок.

---

[893] Астафьев Н. В. Артель «Прогресс» / МООВС. Т. 35. Севастополь, 1965. С. 130.
[894] Лапинская Е. А. В райкоме партии / МООВС Т. XI. Севастополь, 1962. С. 55.
[895] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 2.
[896] Смирнов М. А. Дорогами войны. 1941–1945 гг. СПб, 2003. С. 25.
[897] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 230. Л. 77.
[898] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 16–17.
[899] Красный Крым. 10 января 1942 г.

Годовщину Красной армии севастопольцы отмечали торжественно: на стенах домов были развешены транспаранты, плакаты и флаги, на всех предприятиях прошли митинги и собрания. Так, по городу было проведено 87 докладов, которыми охвачено 5 840 человек, а также беседы и читки о героях войны. С 15 февраля на фронт была послана 21 делегация, с которыми отправлено 5 тыс. подарков[900]. Помимо стандартных подарков – кисетов, табака, носовых платков – были подготовлены штучные вещи. Так, работник железнодорожных мастерских Г. В. Прудников вспоминает, что к 23 февраля они получили заказ на изготовление мундштуков из красного дерева[901].

Накануне, 22 февраля, было проведено торжественное собрание руководящих работников города. На собрании были вручены государственные награды А. К. Чаус, Л. Н. Гуленковой и Е. И. Раковой.

Самым заметным мероприятием в рамках празднования годовщины создания Красной армии стало открытие Музея второй обороны Севастополя. Из свидетельств очевидцев можно представить, как была организована выставка в этом необычном музейном учреждении[902]. В первом зале были представлены экспонаты, посвященные истории «борьбы русского народа с немецкими оккупантами», а также первой обороне города в 1854–1855 гг. В этом же помещении можно было осмотреть трофейное огнестрельное и холодное оружие. Во втором зале приводилась информация о боевой деятельности частей и подразделений СОР, кораблей Черноморского флота. Здесь были представлены многочисленные фотографии, личные вещи воинов, живописное панно «Высадка морского десанта», а также трофейные награды, дневники, письма, приказы, фотографии немецких солдат и офицеров, захваченные под Севастополем и Керчью. Третий зал был посвящен подвигу жителей Севастополя, которые все свои силы отдавали на помощь фронту. Здесь была представлена разнообразная

---

[900] «О массово-политической работе в связи с проведением 24-й годовщины Красной Армии и ВМФ». СВИМЗ. А-1754/КП-4522. Л. 23–26.

[901] Прудников Г. В. О работе поездных машинистов / МООВС. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 192.

[902] Красный Крым. 1942. 24 февраля. № 55. С. 2.; Хамадан А. Севастопольцы. Севастополь: ГитПак, 2014.; Утробин Ю. А. Комиссия по истории обороны города Севастополя при Крымском обкоме ВКП(б) (1942 г.) // Крымский архив. 2009. № 11. С. 46.

продукция севастопольских оборонных предприятий, фотографии передовиков, графики, отражающие производственные показатели, работу предприятий общественного питания, культурных учреждений. Музей пользовался большим успехом у военнослужащих и жителей города. Всего до середины апреля 1942 г. его посетили около 50 тыс. человек[903].

Зимой 1942 г. была частично восстановлена работа некоторых музейных учреждений. Так, на волне интереса к первой обороне Севастополя 1854–1855 гг. сотрудники Панорамы проводили экскурсии, организовывали передвижные выставки и читали лекции на предприятиях и воинских частях.

Согласно постановлений СНК КАССР от 21 января и 21 февраля 1942 г., восстанавливались в должности хранитель Херсонесского музея (1 января назначен А. К. Тахтай с зарплатой 400 рублей) и библиотекарь[904]. Армейское командование установило наружную охрану всех помещений музея и раскопа[905]. По данным Т. В. Дианової, на основе оставшихся экспонатов была организована основная выставка – «История Херсонеса на материалах массовых и второстепенных, взятых из фондов музея», а также три временных: «Били, бьем и будем бить» (на материалах музея и Дома Черноморского флота), «Героическое прошлое русского народа» (совместно с Севастопольским отделением кинопроката) и витрина с подобранными на территории музея осколками снарядов. Сотрудники музея проводили лекции по восьми темам[906].

22 марта 1942 г. на заседании бюро горкома партии было дано указание в первой декаде апреля проверить состояние сохранности культурно-исторических ценностей, обеспечить местное радиовещание, работу культурных учреждений города (библиотек, кино, картинной галереи) а также «организовать дополнительный сбор материалов для выставки Музея обороны Севастополя[907]. 19 апреля 1942 г. на заседании бюро горкома партии был повторно рассмотрен

---

[903] Утробин Ю. А. Комиссия по истории обороны города Севастополя при Крымском обкоме ВКП(б) (1942 г.) // Крымский архив. 2009. № 11. С. 45.
[904] ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 17. Д. 1. Л. 133, 183.
[905] Красный Крым. 1942. 17 февраля. № 48. С. 3
[906] Дианова Т. В. Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам) // Крымский архив. 2016. № 1 (20). С. 52–53.
[907] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 47.

вопрос о сохранности музейных учреждений. Среди отмеченных недостатков: слабая постановка учета и охраны экспонатов и имущества, вследствие чего есть факты расхищения имущества и порчи исторических экспонатов, а также уничтожения деревьев на Историческом бульваре. В результате была утверждена программа реставрации музейных зданий (Панорама обороны Севастополя), отмечалась необходимость усиления охраны коллекций панорамы, Херсонесского музея и биологической станции. А. К. Тахтаю и старшему научному сотруднику Севастопольской биологической станции Холоджеву было поручено провести инвентаризацию имущества и экспонатов. Перед командованием 191-го стрелкового полка, который дислоцировался на территории Херсонесского музея, был поставлен вопрос об организации учета музейного имущества, находящегося во временном пользовании полка. Планировалось выделение помещения для картинной галереи и приведение в порядок Братского, Английского и Французского кладбищ[908]. Планы не были реализованы в связи со скорым началом третьего штурма.

Значительное развитие получила художественная самодеятельность, количество творческих коллективов в воинских частях и на предприятиях возросло. В репертуар включали скетчи, художественное чтение, исполнение песен и танцы[909]. Нередко в них входили профессиональные артисты. Например, в бригаду при городском агитпункте входили заслуженный артист КАССР М. А. Днепров, артисты Политаев, Короткевич, Вишневская, Макарова, баянисты – отец и сын Бодия и др. В состав агибригады Центрального райкома партии входили 28 человек – джаз-музыканты, танцоры, декламаторы[910].

С декабря 1941 г. по май 1942 г. в Севастополе работала бригада артистов Московской эстрады и филармонии под руководством Ю. М. Юровецкого. К 27 февраля они дали 10 концертов в воинских частях и госпиталях города[911]. Повторно москвичи приехали в город в апреле 1942 г.: с 10 апреля по 1 мая

[908] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 67.
[909] Красный Крым. 1942. 11 февраля. № 42. С. 2.
[910] Там же. 1942. 13 февраля. № 44. С. 3.
[911] Там же. 1942. 27 февраля. № 58. С. 3.

бригада дала 35 концертов. Артисты Исаенкова, Юровецкий и Соловьев были награждены грамотами Военного совета Черноморского флота[912].

С довоенного времени одной из любимых форм проведения досуга оставалось посещение кинотеатров. 22 февраля 1942 г. в штольне на ул. К. Маркса был открыт восстановленный кинотеатр «Ударник» на 130–150 мест, оборудованный проекционным аппаратом и звукоусилителями[913]. Ежедневно в нем проводилось по 6–8 сеансов, всего проведено в «Ударнике» не менее 400 сеансов[914]. В статье Л. Вершинина «Экран под землей», опубликованной в газете «Красный Крым» 24 марта 1942 г., приводится список демонстрируемых кинофильмов: «Александр Невский», «Парень из тайги», «Богдан Хмельницкий», «Переход», «Суворов»[915].

Как замечает А. К. Евсеев, успехом у бойцов пользовались фильмы не о войне, а о мирной жизни – комедии, мелодрамы, которые смотрели по нескольку раз. Например, популярен был американский фильм «Большой вальс» с музыкой И. Штрауса[916]. Также кинотеатр «Ударник» выступал в качестве организатора кинопередвижек для населения и бойцов. По воспоминаниям И. К. Калюжного, с большим воодушевлением севастопольцы смотрели фильм «Разгром немцев под Москвой»[917].

Заметную роль в повышении общекультурного уровня населения играли библиотеки. К началу мая 1942 г. в Севастополе работали шесть стационарных и 15 передвижных библиотек, которые за зиму и весну выдали 32 960 книг[918]. Повышенным спросом пользовались произведения Л. Н. Толстого, С. Н. Сергеева-Ценского, М. М. Филиппова, посвященные событиям Крымской войны. При этом, как вспоминает А. К. Евсеев, в войсках читали не только Л. Н. Толстого, поэмы А. С. Пушкина, но и «Декамерон» Дж. Боккаччо[919].

---

[912] Маяк Коммуны. 1942. 6 мая. № 23. С. 4.
[913] Кинотеатр «Ударник» (ул. К. Маркса, 25) был полностью разрушен во время авианалета 18 января 1942 г.
[914] Мунд А. Ю. Артисты – фронту / МООВС. Т. XXII. Севастополь, 1963. С. 171.
[915] Красный Крым. 1942. 24 марта. № 83. С. 4.
[916] Евсеев А. К. Осажденный Севастополь. Л.: Советский писатель, 1959. С. 118.
[917] ЧУС МИМК «35-я береговая батарея». Калюжный И. К. Воспоминания. Без нумерации листов.
[918] Маяк Коммуны. 1942. 5 мая. С. 3.
[919] Евсеев А. К. Севастополь 1941–1942 гг. / Музей 35 Береговой батареи. Л. 75.

Одним из центров культурной жизни города стал агитационный пункт горкома партии, открытый 31 декабря 1941 г. Здесь имелась подборка литературы и свежих газет, вывешивалась информация о положении на фронте, «Окна ТАСС», проходили лекции на различные темы, встречи жителей города с известными советскими литераторами – Леонидом Соболевым, Сергеем Алымовым, Александром Хамаданом. Так, Л. С. Соболев, находившийся в Севастополе со второй половины февраля до начала апреля 1942 г., к 16 марта выступил 17 раз, в том числе читал перед рабочими Спецкомбината № 2 рассказы из цикла «Морская душа»[920].

Большое внимание уделялось обеспечению горожан газетами. Активность работы местной прессы была актуальна в связи с постоянными перебоями с доставкой прессы с Кавказа (приходили с опозданием, иные вообще не доходили) и относительно плохой связью[921]. С ноября 1941 г. по апрель 1942 г. единственным городским органом периодической печати была газета «Красный Крым». Тираж газеты постоянно увеличивался: в ноябре – 6 тысяч экземпляров, в декабре – 12 тысяч, в феврале – 7 тысяч[922].

8 апреля 1942 г. решением бюро горкома партии в Севастополе был возобновлен выпуск газеты «Маяк Коммуны», что было связано с переносом издания областной газеты «Красный Крым» в Керчь[923]. Первый номер вышел 10 апреля, газета печаталась на двух страницах шесть раз в неделю.

Таким образом, период стабилизации фронта под Севастополем был использован городским руководством для проведения восстановительных мероприятий. Появились возможности и для развития досуговой сферы повседневной жизни населения. Под руководством городского комитета партии были предприняты меры по нормализации работы учреждений культуры (библиотек, кинотеатров, музеев), а также по организации и проведению праздничных мероприятий.

---

[920] Соболев Л. С. Неизменному другу. Дневники. Статьи. Письма. М.: Современник, 1986. С. 347.
[921] Ланин Н. Командировка в Севастополь / Строки, опаленные войной. Воспоминания. Очерки. Размышления. М.: Политиздат, 1987. С. 199.
[922] Севастополю 200 лет. 1783–1983. Киев: Наукова думка, 1983. С. 223.
[923] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 60.

Помимо официальных форм проведения досуга, имели место и неформальные, в первую очередь связанные с употреблением алкогольных напитков. В «спецсводке» о работе завода «Молот» от 26 марта 1942 г. отмечается систематическое пьянство директора предприятия Г. Д. Никерина, секретаря партийной организации Н. В. Иваниченко и главного бухгалтера Г. В. Козлова. Так, отмечая международный женский день, Никерин и Иваниченко выпивали с утра 8 марта до 4 часов утра 9 марта 1942 г.[924] Все перечисленные работники наказания не понесли и честно работали до конца обороны. В то же время за пьянство и бытовое разложение в апреле 1942 г. был снят с должности директор Спецкомбината № 2 Д. С. Степанов[925].

Накануне третьего штурма горожане приняли участие в праздновании 1 мая. Не обошлось без курьезов: 23–24 апреля по городу распространяли слухи о том, что 25 апреля немцы начнут наступление, чтобы к 1 мая быть в городе. На Петровском спуске ходил слух о том, что авиация противника будет бомбить флаги, вывешенные в честь праздника. Несколько человек арестовали[926].

Программа мероприятий, принятая на заседании бюро горкома 1 апреля, была стандартной: сбор подарков бойцам, организация делегаций на фронт, проведение торжественных собраний, утренников в школах, городской олимпиады художественной самодеятельности[927]. По указанию городских властей в теплицах Зелентреста выращивалось 50 тыс. цветов[928]. Примечательно, что в честь праздника военное командование смогло выделить для населения дополнительные продукты, которые были выданы по карточкам. Каждый житель города получил 1 кг хамсы, 500 грамм макарон, 200 грамм сахара, дети – по 200 грамм конфет и печенья[929].

Несмотря на то что 1 мая был рабочим днем, на предприятиях и в учреждениях были проведены собрания, на которых заслушивался приказ

---

[924] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 240. Л. 8.
[925] Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь, 1959. С. 190; ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 10.
[926] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 11.
[927] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1046. Л. 56–57.
[928] Маяк Коммуны. 1942. 25 апреля. № 14. С. 4.
[929] ГАРК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 234. Л. 11.

Верховного Главнокомандующего. В кинотеатре показывали «Боевой киносборник № 7», в последующие дни – ленты «Дело Артамоновых» и «Разгром немцев под Москвой». В агитпункте выступали поэт Сергей Алымов, писатели Евгений Чернявский, Петр Гаврилов, Павел Панченко и Лев Длигач. Как написано в газетной заметке, «на прощание зрители горячо благодарили московских поэтов и писателей за хороший вечер. Весь сбор поступил в пользу детей, пострадавших от фашистских бомбардировок»[930].

Через несколько дней после проведения майских торжеств ситуация в Крыму резко изменяется: 8 мая 1942 г. началось немецкое наступление на Керченском полуострове, через месяц, 7 июня 1942 г., третий штурм Севастополя, который завершился взятием города войсками противника и установлением оккупационного режима.

Таким образом, в чрезвычайных условиях осажденного Севастополя культурная работа играла большую роль в удовлетворении не только физических, но и духовных потребностей людей, позволяя поддерживать веру в конечную победу над врагом. Власти города уделяли большое внимание рациональной организации и контролю досуга населения, особенно в период с января по май 1942 г. Вопросы проведения праздничных мероприятий, деятельность учреждений культуры систематически выносили на заседания бюро горкома ВКП(б). В январе 1942 г. фронт под Севастополем стабилизировался, наступил длительный период затишья, который был использован городским руководством для проведения восстановительных мероприятий. Появились возможности и для развития досуговой сферы повседневной жизни населения. Под руководством городского комитета партии были предприняты меры по нормализации работы учреждений культуры (библиотек, кинотеатров, музеев), а также по организации и проведению праздничных мероприятий.

Подводя итог, следует отметить, что органы власти города Севастополя сыграли большую роль в организации повседневной жизни граждан в условиях обороны. Работа строилась на тесной взаимосвязи советских, партийных и

[930] Маяк Коммуны. 1942. 1 мая. С. 1.

чрезвычайных органов управления с военными властями. Их усилиями в экстремальных условиях осажденного города были созданы приемлемые условия проживания для большинства горожан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накануне Великой Отечественной войны Севастополь обладал особым статусом главной базы Черноморского флота и одновременно являлся крупнейшим центром военного судоремонта в регионе. Данное обстоятельство оказывало существенное влияние на самостоятельность местных партийных и советских властей – городского комитета партии и исполкома горсовета. В решении ряда вопросов, в первую очередь оборонных и хозяйственных, они ориентировались на указания военных властей в лице командования Черноморского флота, а не на власти Крымской АССР.

Можно выделить три основных этапа деятельности властей Севастополя накануне и в период обороны, при этом основным критерием такого выделения следует считать положение на фронте.

Отработанные до войны принципы взаимодействия между городским руководством и командованием флота продолжали действовать и после ее начала. Городской комитет ВКП(б) и персонально первый секретарь Б. А. Борисов возглавили работу всех организаций и учреждений города. Автономия от властей республики еще более возросла, что было вызвано необходимостью оперативно разрешать возникающие вопросы в чрезвычайных условиях войны. Вплоть до начала осады города в Севастополе не создавались чрезвычайные органы управления, несмотря на то что фронт постепенно приближался к Крымскому полуострову.

Как и в других городах Советского Союза, горком партии занимался реализацией широкого спектра оборонных мероприятий, о чем свидетельствуют протоколы заседаний коллегиального органа – бюро. Прежде всего, в области военного обучения, формирования подразделений народного ополчения и развития местной противовоздушной обороны. В целом к началу осады города данные мероприятия были реализованы: значительная часть населения Севастополя прошла военную подготовку, город был подготовлен к массированным воздушным налетам. В то же время исполком горсовета

продолжал заниматься внутригородскими вопросами, возглавив обеспечение жизнедеятельности большого города.

Особенностью Севастополя, по сравнению с другими прифронтовыми городами и военно-морскими базами, являлось ограниченное влияние местных властей на промышленную сферу. Объяснялось это тем, что большинство предприятий Севастополя занималось выполнением предвоенной судоремонтной программы, поэтому они выполняли прямые указания военных властей. Программа была реализована только к ноябрю 1941 г. По этой причине план производства военной продукции на севастопольских предприятиях фактически не был реализован.

Существенные изменения в работе местных властей произошли с началом осады Севастополя в ноябре 1941 г. С этого времени определяющую роль стало играть положение на фронте. В первую очередь изменения затронули сферу управления. На короткий период – с конца октября по 4 ноября 1941 г. – в Севастополе была реализована сложная управленческая модель, основанная на взаимодействии чрезвычайных структур – городского комитета обороны, который возглавил Б. А. Борисов, и заместителя командующего флота по обороне Главной базы адмирала Г. В. Жукова. Им удалось организовать отражение первой попытки захвата Севастополя в начале ноября 1941 г.

С созданием Севастопольского оборонительного района, особенно после того, как должность командующего занял адмирал Ф. С. Октябрьский, деятельность чрезвычайных структур была свернута: прекратились заседания комитета обороны, был переведен на нижестоящую должность Г. В. Жуков. Вся власть сосредоточилась в руках Ф. С. Октябрьского и его ближайших соратников.

Деятельность гражданских властей находилась под полным контролем флотского командования. В ноябре–декабре 1941 г. структура местного управления отличалась своеобразием: функционал был перераспределен между городскими властями (горком партии и исполком горсовета) и крымскими республиканскими властями (в городе на протяжении двух месяцев находилось руководство республики).

В чрезвычайных условиях первого и второго штурма города горком партии возглавил работу по преодолению последствий массированных бомбардировок и обеспечению населения продовольствием и медицинской помощью. При этом фактически свернуты были все мероприятия в оборонной сфере (прекращено военное обучение, сокращены до минимума подразделения народного ополчения). В то же время важнейшим направлением совместной работы гражданских и военных властей стало создание местной промышленной базы.

Значительный вклад в создание местной военной промышленности внесли республиканские власти, что ранее не отмечалось в отечественной историографии. Созданные на основе оставшихся в городе производственных мощностей Спецкомбинаты, работа которых была построена на принципе кооперации, уже в ноябре дали первую продукцию, в декабре вышли на массовое производство столь необходимого оборонительного вооружения – минометов, противопехотных и противотанковых мин и ручных гранат.

В январе 1942 г. под Севастополем наступил длительный период затишья, который характеризовался частными операциями и значительным снижением интенсивности воздушных и артиллерийских налетов на позиции и на город. В сложившейся ситуации, когда появилась надежда на скорое освобождение всего Крыма и деблокирование Севастополя, в городе происходят значительные изменения в системе управления. Происходил поиск оптимальной модели управления, причем данный процесс продолжался вплоть до середины мая 1942 г.

В связи с освобождением Керченского полуострова, туда убыло республиканское руководство, соответственно, роль городского руководства возросла. Начал работу городской комитет обороны, который функционировал параллельно с горкомом партии. Функции данных органов управления, в которые входили одни и те же работники, так и не были до конца разграничены.

Зима и весна 1942 г. отмечены активной работой городских властей в различных сферах, в том числе было возобновлено массовое военное обучение граждан, укреплялась противовоздушная оборона, бойцы которой положительно показали себя во время массированных налетов с применением зажигательных

бомб в феврале 1942 г. Значительное внимание уделялось восстановлению коммунального хозяйства. Весной одним из основных стал вопрос обеспечения продовольствием населения, которого насчитывалось более 50 тыс. человек. Несмотря на сложности, в течение всей обороны удавалось обеспечивать жителей города продовольствием и не допустить голода.

Следует отметить, что органы власти города Севастополя сыграли большую роль в организации повседневной жизни граждан в условиях обороны. Их усилиями в экстремальных условиях были созданы приемлемые условия проживания для большинства горожан.

Севастопольская оборонная промышленность в январе–марте 1942 г. работала на полную мощность: большинство предприятий перевыполняли установленные производственные планы, снабжая войска боеприпасами и вооружением. Поступательное развитие военной промышленности было приостановлено в апреле 1942 г., когда из-за нерегулярных перевозок разразился сырьевой и топливный кризис. Предпринятые меры – максимальная экономия, сбор металлолома, использованием суррогатов – лишь отчасти решили данную проблему. В мае 1942 г. предприятия города планы не выполняли.

С мая 1942 г., в связи с поражением советских войск на Керченском полуострове, в Севастополе начинается подготовка к отражению третьего штурма. Новые обстоятельства заставили максимально централизовать гражданское управление: единственным властным центром стал городской комитет обороны. Комитет обороны и лично Б. А. Борисов координировали работу всех организаций и учреждений города, организовали их взаимодействие и контакт с воинскими частями.

Совместно с военным командованием была проведена большая работа по подготовке города к отражению третьего штурма. Была значительно активизирована эвакуация населения. В ходе подготовки к наступлению, с 3 по 7 июня 1942 г., на город были произведены массированные налеты немецкой авиации, в результате чего Севастополь был полностью разрушен, была уничтожена вся городская инфраструктура.

Деятельность городского руководства свелась к организации спасения населения с последующей эвакуацией, проведению призыва. Несмотря на сложные условия, до середины июня продолжал работать Спецкомбинат № 1, который выдавал военную продукцию.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что накануне и во время обороны местные органы власти, в первую очередь городской комитет ВКП(б) во главе с Б. А. Борисовым, действовали активно и продуктивно, взяв на себя значительный объем работ по созданию тыла Севастопольского оборонительного района. Закрепившийся в литературе тезис о выдающийся роли городского комитета обороны справедлив лишь в отношении первых дней обороны Севастополя и третьего штурма, когда комитет стал управленческим центром.

Секретарь горкома, опиравшийся на круг ближайших соратников, а также немногочисленный аппарат управленцев занимались важными в условиях осады направлениями работы: военной подготовкой населения, развитием системы МПВО, участием в работе оборонной промышленности, мобилизацией населения на помощь фронту. Падение Севастополя было обусловлено сугубо военными факторами – предотвратить его власти города были не в силах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные фонды

1.Государственный архив Республики Крым

1.1. Ф. П-1 (Крымский областной комитет коммунистической партии Украины). Оп. 1. Д. 2068, Д. 2077, 2112, 2119, Д. 2121, Д. 2133, Д. 2139, Д. 2145.

1.2. Ф. П-35 (Севастопольский городской комитет ВКП(б)).

Оп. 1. Д. 200, Д. 201, Д. 203, Д. 206, Д. 208, Д. 210, Д. 211, Д. 221, Д. 222, Д. 225, Д. 230, Д. 231, Д. 232, Д. 234, Д. 240, Д. 248.

1.3. Ф. П-152 (Севастопольский городской комитет обороны).

Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 5, Д. 7, Д. 9, Д. 12.

1.4. Ф. П-156 (Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны). Оп. 1. Д. 19, Д. 22.

1.5. Ф. Р-652 (Совет Народных комиссаров Крымской АССР).

Оп. 15. Д. 799, Д. 831, Д. 832, Д. 833.

Оп. 17. Д. 1, Д. 5.

Оп. 24. Д. 1, Д. 2, Д. 3, Д. 5, Д. 6.

2.Государственный архив Российской Федерации

2.1. Ф. 5446 (Совет министров СССР). Оп. 1. Д. 194, Д. 197.

3.Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя»

3.1. Ф. Р-79 (Исполнительный комитет Севастопольского городского совета народных депутатов).

Оп. 1. Д. 764, Д. 765.

3.2. Ф. 434 (Коллекция документов о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.).

Оп. 2. Д. 17, Д. 43, Д. 44, Д. 46.

4.Российский государственный военный архив

4.1. Ф. 37878 (МПВО СССР).

Оп. 1. Д. 309, Д. 416.

5. Российский государственный архив социально-политической истории

5.1.Ф. 17 (ЦК ВКП(б)).
Оп. 22. Д. 1521, Д. 1522, Д. 1523, Д. 1525.
Оп. 42. Д. 387.
Оп. 43. Д. 1046, Д. 2671.
Оп. 88. Д. 62.
Оп. 122. Д. 20.
5.2. Ф. 644 (Государственный Комитет Обороны СССР).
Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 12.

6. Российский государственный архив экономики.

6.1. Ф. 8546 (Учреждения по руководству винодельческой промышленностью министерств пищевой промышленности СССР, вкусовой промышленности СССР, легкой и пищевой промышленности СССР и промышленности продовольственных товаров СССР).
Оп. 1. Д. 381.

7. Центральный военно-морской архив

7.1. Ф. 2. Оп. 1. Д. 315.
7.2. Ф. 3. Оп. 1. Д. 565.

Музейные и библиотечные фонды

1. ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник»

1.1. Итоги проведения партсобраний первичных организации по вопросу «Итоги городского партактива и очередные задачи Севастопольской организации». СВИМЗ. А-1754/КП-5422.

1.2. «О массово-политической работе в связи с проведением 24-й годовщины Красной Армии и ВМФ». СВИМЗ. А-1754/КП-4522. Л. 23–26.

1.3. Подготовительные материалы к работе Борисова Б. А. «Подвиг Севастополя». А-1754 / КП-4522

1.4. Стенографический отчет расширенного заседания совета Музея обороны и освобождения Севастополя на тему «Партийные организации и трудящиеся города в обороне Севастополя в 1941–1942 гг. (28–29 октября 1963 г.)» / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. XXX. Севастополь, 1963. 293 с.

1.5. Астафьев Н. В. Артель «Прогресс» / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. 35. Севастополь, 1965. С. 127–131.

1.6. Боброва Л. К. <Воспоминания> / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. XI. Севастополь, 1962. С. 184–201.

1.7. Гырдымова Е. П. О работе с населением, жившим в бомбоубежищах / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 69–90.

1.8. Дженевиз-Якушечкина Е. С. <Воспоминания> / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 252–260.

1.9. Ильин С. А. О работе Спецкомбината / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 204–211.

1.10. Котко П. И. О работе рыболовецкого колхоза «Рыбацкая коммуна» / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 204–211.

1.11. Лазарчук Д. И. <Воспоминания> / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. XXII. Севастополь, 1963. С. 196–208.

1.12. Лапинская Е. А. В райкоме партии / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. XI. Севастополь, 1962. С. 55–68.

1.13. Михалева А. М. Автобиография / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. XI. Севастополь, 1962. С. 225–247.

1.14. Мыс В. И. Воспоминания о героических днях обороны Севастополя / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 340–346.

1.15. Мунд А. Ю. Артисты – фронту / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. XXII. Севастополь, 1963. С. 169–170.

1.16. Немков А. Е. Железнодорожники в обороне Крыма. Из записок начальника политотдела / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 122–191.

1.17. Нетребенко А. М. Школа в подземелье / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 347–349.

1.18. Порплица М. В. <Воспоминания> / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 229–230.

1.19. Прудников Г. В. О работе поездных машинистов / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 192–194.

1.20. Рябогин Г. И. О работе Спецкомбинатов / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 233–237.

1.21. Сарина А. А. Севастопольские женщины в обороне города / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. XXII. Севастополь, 1963. С. 1–21.

1.22. Соболев Н. К. Отчет о работе в осажденном городе-герое Севастополе с ноября 1941 по 1 июля 1942 г. СВИМЗ. НВ. 16875.

1.23. Соболев Н. К. Люди, которых я знал… Из записок о сельском хозяйстве осажденного Севастополя в 1941–1942 гг. / Материалы по обороне,

освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959. С. 283–320.

1.24. Тяпкин Л. И. О производстве минометов / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь 1959.

1.25. Чекмотаева В. Д. Севастополь-город неувядаемой славы / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. 63. Севастополь, 1967. С. 58–78.

1.26. Яблонская К. М. Партийная работа в городе / Материалы по обороне, освобождению и восстановлению Севастополя. Т. IV. Севастополь, 1959 г. С. 55–62.

2. Военно-исторический музей истории Черноморского флота

2.1. Октябрьский Ф. С. Вынужденная справка участников обороны Севастополя 1941–1942 гг.

3. Народный музей Севастопольской полиции (милиции) им. М. С. Казакевича

3.1. Калюжный И. К. Воспоминания бывшего санинструктора 3-го батальона 456-го пограничного полка, участвовавшего в обороне Севастополя 1941–1942 гг.

3.2. Холодняк (Иванова) Р. С. Воспоминания.

4. Музейный историко-мемориальный комплекс «35-я береговая батарея»

4.1. Альбом оборонительных, базовых и аэродромных сооружений, построенных в период Великой Отечественной войны. 1941–1942 гг. Инженерный отдел Черноморского флота. 1942. Без нумерации листов.

4.2. Таран А. М. О войне (воспоминания).

5. Морская библиотека им. адмирала М.П. Лазарева

5.1. Сборник материалов Военно-исторической конференции, посвященной XX-летию начала героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. Севастополь:

Издание Военно-научного общества адмиралов, генералов, офицеров запаса и в отставке при Севастопольском Доме офицеров флота, Т. III. Севастополь, 1961.

5.2. Донец Н. Н. Подземная школа. Из воспоминаний учительницы школы № 13. Севастополь, 1975.

Опубликованные документы

1. Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы / Сост. В. В. Душенькин, В. В. Боброва. - М.: Юрид. лит., 1975. - 725 с.

2. Героическая оборона Севастополя 1941–1942 гг. Сборник документов и материалов / Под ред. П. А. Чурсина. - Симферополь: Крымиздат, 1946. - 292 с.

3. Иванов В. Б. Севастопольская оборона 1941–1944 в официальных документах / В. Б. Иванов. - Севастополь: Библекс, 2004. - 320 с.

4. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы. В трех томах. Т. 1. Украинская ССР в первый период Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) / Сост. Д. Ф. Григорович. - Киев: Наукова Думка, 1980. - 553 с.

5. Историку на заметку. Из архива адмирала Ф. С. Октябрьского / Авт.-сост. Р. Ф. Октябрьская. - Севастополь: Мистэ, 2013. - 287 с.

6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. (1938–1945 гг.) / Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС; Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. - 9-е изд., перераб. и доп. - М.: Политиздат, 1985. - 576 с.

7. Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов и материалов / Сост.: И. П. Кондранов, А. А. Степанова. - Симферополь: Таврия, 1973. - 496 с.

8. Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Том. 2 / Сост. А. В. Валякин. - Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2010. - 408 с.

9. Огненные дни Севастополя: сборник / Сост. П. Е. Гармаш. - Симферополь: Таврия, 1978. - 272 с.

10. Партизанское движение в Крыму (1941–1942). - Симферополь: Сонат, 2006. - 244 с.

11. Последние письма с фронта. В пяти томах. Т. 2: 1942 г. / Сост. П. Р. Котенок. - М.: Воениздат, 1991. - 554с.

12. Русский Архив. Великая Отечественная война. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК, 1941: Документы и материалы / Ин-т Воен. Истории М-ва обороны РФ, Ист.-арх. воен.-мемор. центр Генерал. Штаба Вооруж. Сил РФ, Центр. Архив М-ва обороны РФ / Сост. А. М. Соколов и др. - М.: Терра, 1996. - 448 с.

13. Севастополь. 1941–1945 гг.: сборник архивных документов / Сост. Н. Ф. Задорожная, М. Г. Соловьева. - Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2020. - 448 с.

14. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. - М.: Издание «Ведомостей ВС СССР», 1945. - 400 с.

15. Севастополю 200 лет. 1783–1983 / Сост. Г. И. Ванеев и др. - Киев: Наукова думка, 1983. - 410 с.

16. Спецсообщение «О боевых действиях береговых батарей по обороне главной военно-морской базы ЧФ гор. Севастополя за время с 10-го по 31-е декабря 1941 года» / Боевые действия на Крымском полуострове в документах органов / Сост. А. В. Ефимов // Историческое наследие Крыма. - 2020. С. 115–119.

17. Спецсообщение ОО НКВД Крымского фронта комиссара ГБ 3 ранга Белянова от 11.04.1942 г. / Боевые действия на Крымском полуострове в документах органов / Сост. А. В. Ефимов // Историческое наследие Крыма. - 2020. - С. 132–133.

Периодическая печать

1. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 23 июня.

2. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 24 июня.

3. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 25 июня.

4. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 26 июня.

5. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 29 июня.

6. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 1 июля.
7. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 4 июля.
8. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 5 июля.
9. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 9 июля.
10. Красный Крым (Симферополь). - 1941. -11 июля.
11. Красный Крым (Симферополь). - 1941. -12 июля.
12. Красный Крым (Симферополь). - 1941. - 21 августа.
13. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 21 ноября.
14. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 11 декабря.
15. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 12 декабря.
16. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 15 декабря.
17. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 18 декабря.
18. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 21 декабря.
19. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 22 декабря.
20. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 24 декабря.
21. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 27 декабря.
22. Красный Крым (Севастополь). - 1941. - 31 декабря.
23. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 2 января.
24. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 10 января.
25. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 11 января.
26. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 14 января.
27. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 17 января.
28. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 18 января.
29. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 19 января.
30. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 20 января.
31. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 25 января.
32. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 3 февраля.
33. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 10 февраля.
34. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 11 февраля.
35. Красный Крым (Севастополь). -1942. - 13 февраля.

36. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 15 февраля.
37. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 17 февраля.
38. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 18 февраля.
39. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 24 февраля.
40. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 27 февраля.
41. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 1 марта.
42. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 2 марта.
43. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 7 марта.
44. Красный Крым (Севастополь). - 1942. -13 марта.
45. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 14 марта.
46. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 16 марта.
47. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 22 марта.
48. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 23 марта.
49. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 24 марта.
50. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 25 марта.
51. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 26 марта.
52. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 4 апреля.
53. Красный Крым (Севастополь). - 1942. - 9 апреля.
54. Красный черноморец (Севастополь). - 1942. - 16 марта.
55. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1941. - 3 августа.
56. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1941. - 5 августа.
57. Маяк коммуны (Севастополь). - 1942. - 10 апреля.
58. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1942. -16 апреля.
59. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1942. - 25 апреля.
60. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1942. - 1 мая.
61. Маяк коммуны (Севастополь). - 1942. - 5 мая.
62. Маяк коммуны (Севастополь). - 1942. - 6 мая.
63. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1942. - 13 мая.
64. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1942. - 14 мая.
65. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1942. - 23 мая.

66. Маяк Коммуны (Севастополь). - 1942. - 9 июня.

Дневники и воспоминания

1. Александров Н. И. Севастопольский бронепоезд / Н. И. Александров. - Симферополь: Крым, 1966. - 280 с.

2. Байсак М. Г. Тех дней не смолкнет слава / М. Г. Байсак. - Симферополь: Таврия, 2005. - 188 с.

3. Баранов Н. Ф. Интервью / Н. Ф. Баранов [Электронный ресурс]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/baranov-nikolay-fedoseevich/ (дата обращения: 12.06.2020).

4. Бидерман Г. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. 1941–1945 / Пер. с англ. А. С. Цыпленкова. - М.: ЗАО «Центрполиграф», 2005. - 366 с.

5. Болгари В. П. Интервью / В. П. Болгари [Электронный ресурс]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/bolgari-vladimir-petrovich/ (дата обращения: 13.06.2020).

6. Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Воспоминания / Б. А. Борисов. - Симферополь: Крымиздат, 1959. - 401 с.

7. Борисов Б. А. Школа жизни / Борисов Б. А. - М.: Политиздат, 1971. - 367 с.

8. Гырдымова Е. П. «Фронтовые хозяйки» / Е. П. Гырдымова / Огненные дни Севастополя. - Симферополь, 1978. - С. 158–167.

9. Дерибасова (Филиппова) В. И. Интервью / В. И. Дерибасова (Филиппова) [Электронный ресурс]. URL: http://iremember.ru/grazhdanskie/deribasova-filippova-valentina-ivanovna.html (дата обращения: 15.04.2015).

10. Долгушева З. И. Воспоминания о жизни до войны / З. И. Долгушева. - Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2012. - 44 с.

11. Долгушева З. И. Воспоминания севастопольской девчонки / З. И. Долгушева. - Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2012. - 85 с.

12. Евсеев А. К. Осажденный Севастополь / А. К. Евсеев. - Ленинград: Советский писатель, 1959. - 253 с.

13. Ермилов А. П. Боевой тыл Приморской / А. П. Ермилов / У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. Воспоминания. - М.: Воениздат, 1967. - С. 306–319.

14. Жидилов Е. И. Мы отстаивали Севастополь / Е. И. Жидилов. - Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1973. - 256 с.

15. Жилин И. С. По сигналу «Воздух» / И. С. Жилин / Огненные дни Севастополя. - Симферополь: Таврия, 1978. - С. 15–21.

16. Задорожников Г. Мемуары старого мальчика (Севастополь 1941–1945 гг.) / Г. Задорожников. - Севастополь: [Б.и.], 2013. - 206 с.

17. Ислямова Х. И. Интервью / Х. И. Ислямова / Драбкин А. В. По локоть в крови. Красный Крест Красной Армии. - М.: Яуза: Эксмо, 2010. - С. 388–411.

18. Козицкая Е. Д. Свет подземных школ / Е. Д. Козицкая. - Севастополь, 2004. - 122 с.

19. Крылов Н. И. Не померкнет никогда / Н. И. Крылов. - М.: Воениздат, 1984. - 558 с.

20. Крылов Н. И. Огненный бастион / Н. И. Крылов. - М.: Воениздат, 1973. - 416 с.

21. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе / Н. Г. Кузнецов. - М.: Воениздат, 1987. - 463 с.

22. Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога / Н. Г. Кузнецов. - М.: Воениздат, 1971. - 320 с.

23. Кулаков Н. М. Доверено флоту / Н. М. Кулаков. - М.: Воениздат, 1985. – 320 с.

24. Лаврентьева В. Е. Медики в обороне Севастополя / В. Е. Лаврентьева / Огненные дни Севастополя. - Симферополь: Таврия, 1978. - С. 176–183.

25. Ланин Н. Командировка в Севастополь / Н. Ланин / Строки, опаленные войной. Воспоминания. Очерки. Размышления / Авторы-составители Б. С. Бурков, В. А. Мякушков. - М.: Политиздат, 1987. - С. 195–205.

26. Леошеня Е. В. Эшелон из столицы / Е. В. Леошеня / У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. Воспоминания. - М.: Воениздат, 1967. - С. 232–243.

27. Лунев П. А. Воспоминания о работе связистов Севастопольской АТС и конторы связи в период обороны города 1941–1942 гг. (1964 г.) / П. А. Лунев / Связь на Украине в годы Великой Отечественной войны / Сост. Н. А. Борисова, Н. И. Лосич, О. В. Фролова и др. - СПб: Центральный музей связи им. А. С. Попова, 2013. - С. 262–281.

28. Мельник Е. Дорога к подполью. Записки / Е. Мельник. - Симферополь: Крымиздат, 1961. - 315 с.

29. Михайловский Н. Г. Штормовая пора / Г. Г. Михайловский. - М.: Советская Россия, 1970. - 363 с.

30. Мориниченко В. К. Севастополец (воспоминания) / В. К. Мориниченко / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. - Севастополь: [Б.и.], 2006. - С. 69–72.

31. Мусьяков П. И. Севастопольские дни (Записки редактора флотской газеты) / П. И. Мусьяков. - Симферополь: Крымиздат, 1963. - 192 с

32. Мусьяков П. И. Севастопольские дни. Из дневника редактора газеты «Красный Черноморец» / П. И. Мусьяков [Электронный ресурс]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (дата обращения: 09.09.2020).

33. Мусьяков П. На защите Севастополя / П. И. Мусьяков. - М.: ОГИЗ / Гос. Издательство политической литературы, 1943. - 40 с.

34. Ниязов Э. Ш. <Интервью> / Э. Ш. Ниязов [Электронный ресурс]. URL: http://iremember.ru/zenitchiki/niyazov-ebuleis-shemshedinovich.html (дата обращения: 01.07.2013).

35. Орехова М. Лето 41-го… Первые дни войны (воспоминания Н. М. Канаки) / М. Орехова / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. Севастополь, б. г. - С. 1–3

36. Пантюшенко А. С. Мозаика войны / А. С. Пантюшенко // Москва – Крым. 2003. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/pantushenko.html (дата обращения: 13.08.2020).

37. Ройтенбурд Л. Н. Мы защищали Севастополь. Воспоминания участника обороны / Л. Н. Ройтенбурд / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. - Севастополь: [Б.и.], 2011. - С. 14–16.

38. Рымарев Д. Г. Дни штормовые. Записки фронтового кинооператора / Д. Г. Рымарев. - М.: Союз кинематографистов СССР. Бюро пропаганды советского киноискусства, 1975. - 118 с.

39. Селезнев И. А. Дневник / И. А. Селезнев [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/notes?date=%221941-01-01%22&diaries=%5B1809%5D (дата обращения: 03.01.2021).

40. Смирнов М. А. Дорогами войны. 1941–1945 гг. / М. А. Смирнов. - СПб: [Б.и.], 2003. - 92 с.

41. Соболев Л. С. Неизменному другу. Дневники. Статьи. Письма / Л. С. Соболев. - М.: Современник, 1986. - 430 с.

42. Спиртус В. Открыв воспоминания отца. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2016/10/31/1135 (дата обращения: 15.12.2020).

43. Спиртус В. Открыв воспоминания отца. Ч. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2016/11/08/1779 (дата обращения 26.11.2020).

44. Сургучев М. Н. Корабли возвращаются в строй / М. Н. Сургучев. - Симферополь: Таврия, 1972. - 317 с.

45. Сушко Е. В. Я знаю ту войну не понаслышке… / Е. В. Сушко. - Севастополь: ЧП Кручинин Л. Ю., 2008. - 144 с.

46. Сушко Е. В. Рассказ мальчишки с Корабельной стороны / Е. В. Сушко. - Севастополь: ЧП Кручинин Л.Ю., 2014. - 228 с.

47. Хамадан А. Севастопольцы. Записки военного корреспондента / А. М. Хамадан. - Севастополь: Гит пак, 2014. - 149 с.

48. Хренов А. Ф. Мосты к победе / А. Ф. Хренов. - М.: Воениздат, 1982. - 349 с.

49. Шейнин Б. Г. В объективе-война. Из блокнота военного корреспондента / Б. Г. Шейнин. - Севастополь: ООО «РА» Телескоп», 2015. - 368 с.

Справочная литература

1. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник / Федеральная служба гос. статистики. - М.: Федеральная служба гос. статистики, 2015. -190 с.

2. Севастополь на рубеже тысячелетий / И. И. Куликов, С. И. Кулик, А. А. Скрипниченко, П. А. Шунько. - Севастополь: Арт-Политика, 2003. - 644 с.

3. Щербаков М., Рагацкий С. Крымская АССР (материалы для агитаторов) / М. Щербаков, С. Рагацкий. - Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1939. - 87 с.

Научные исследования

1. Акимченков В. В. Документы местных архивов как источник по истории музейного дела: на примере Государственного архива в Автономной Республике Крым / В. В. Акимченков // Сіверщина в історії України. - 2011. - Вып. 4. С. 46–48.

2. Алексеев А. А. Подвиг оружейников / А. А. Алексеев / Огненный дни Севастополя. - Симферополь: Таврия, 1978. - С. 137–156.

3. Алтабаева Е. Б. Город, достойный поклонения: Севастополь в Великой Отечественной войне. Часть I. Оборона 1941–1942 годов: учеб. пособие / Е. Б. Алтабаева. - Севастополь: Телескоп, 2013. - 368 с.

4. Андреев В. П. Партийные организации и городские советы РСФСР (1926–1937 гг.): автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.01 / Валерий Павлович Андреев. - Томск, 1991. - 28 с.

5. Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны / С. А. Андросов // Историческое наследие Крыма. - 2004. - № 6–7. - С. 171–180.

6. Аридова А. М. Комсомольцы в дни героической обороны Севастополя / А. М. Аридова / Сборник сообщений Музея героической обороны и освобождения Севастополя. - Симферополь: Крым, 1969. - С. 65–72.

7. Баглей А. И., Артюхов В. М. Город-герой Севастополь / А. И. Баглей, В. М. Артюхов. - М.: Стройиздат, 1975. - 206 с.

8. Балакин С. А. «Сообразительный» и другие эскадренные миноносцы проекта 7У / С. А. Балакин // Морская коллекция. - 1997. - № 6 (18). - 32 с.

9. Банников Ф. Г. Истребительные батальоны НКВД СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / Ф. Г. Банников. - М.: [Б.и.], 1968. - 72 с.

10. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 / А. В. Басов. - М.: Наука, 1987. - 336 с.

11. Белоносов И. И., Русинов В. А. Победа ковалась в тылу. Трудовой подвиг рабочего класса в годы Великой Отечественной войны / И. И. Белоносов, В. А. Русинов. - М.: Профиздат, 1985. - 264 с.

12. Бендюкова Н. А. М. П. Крошицкий и Севастопольский художественный музей / Н. А. Бендюкова // Крымский архив. - 1997. - № 3. - С. 122–128.

13. Боевой путь советского военно-морского флота / В. И. Ачкасов, А. В. Басов, А. И. Сумин и др. 4-е изд., исп. и доп. - М.: Воениздат, 1988. - 607 с.

14. Борисов Б. А. Городской комитет обороны Севастополя / Б. А. Борисов // Военно-исторический журнал. - 1959. - № 11. - С. 20–36.

15. Борисов Б. А. Коммунисты Севастополя / Б. А. Борисов / Огненные дни Севастополя. - Симферополь: Таврия, 1978. - С. 47–60.

16. Бочкарев М. П. Тыл Черноморского флота в годы Великой отечественной войны / М. П. Бочкарев / Бюллетень № 17. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. - Севастополь, 1983. - С. 18–29.

17. Брошеван В. М. Военная мобилизация в Крыму 1941–1944 гг. / В. М. Брошеван. - Симферополь: [Б.и.], 1994. - 126 с.

18. Брошеван В. М. Военная мобилизация на фронт. К истории вопроса о военном призыве военнообязанных и добровольцев–жителей Крымской АССР в действующую армию в июне–ноябре 1941 года / В. М. Брошеван // Военно-исторический архив. - 2011. - № 1. - С. 155–173.

19. Брошеван В. М. Для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. К истории вопроса о создании в Крымской АССР истребительных формирований и их роли в защите республики в 1941–1942 гг. / В. М. Брошеван // Военно-исторический архив. - 2011. - № 5. С. 72–83.

20. Ванеев Г. И. Героини Севастопольской крепости / Г. И. Ванеев. - Симферополь: Крым, 1965. -107 с.

21. Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. Кн. 1 (30.10.1941–02.01.1942) / Г. И. Ванеев. - Киев: Україна, 1995. - 253 с.

22. Ванеев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны. Кн. 2 (02.01–05.07.1942) / Г. И. Ванеев. - Киев: Україна, 1995. - 285 с.

23. Варюхин Г. А. Военно-организаторская деятельность городских Советов в первый период Великой Отечественной войны / Г. А. Варюхин // Вестник Московского университета. - 1966. - № 6. - С. 18–29.

24. Васильев В. И. Деятельность партийных организаций и городских комитетов обороны Крыма в первый период Великой Отечественной войны: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.01 / Виталий Иванович Васильев. - М., 1974. - 208 с.

25. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х книгах. Книга 1. Суровые испытания / Ред. кол.: Н. М. Раманичев (гл. ред.) и др. - М.: Наука, 1998. - 544 с.

26. Войтиков С. С. Оборона Севастополя 1941–1942 гг. в советской историографии второй половины 1940–1960-х гг. / С. С. Войтиков / Москва-Севастополь: Архивно-краеведческий альманах. - Вып. 2. - М., 2020. - С. 161–190.

27. Волков И. М. Борьба советского народа за создание боевых резервов для фронта в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / И. М. Волков // Вестник Московского университета. Серия IX. 1962. - № 5. - С. 21–39.

28. Воронов С. О. Транспорт «Армения»: невідома трагедія / С. О. Воронов // Підводні дослідження: Археологія. Історія. Дайвінг. - 2011. - № 3. - С.41–62.

29. Ганценмюллер Й. Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944 / Пер. с нем. А. Л. Уткина. - М.: Центрполиграф, 2019. - 511 с.

30. Героическая оборона Севастополя. 1941–1942 г. / Ванеев Г. И., Ермаш С. Л. и др. - М.: Воениздат, 1969. - 367 с.

31. Головин И. Н. И. В. Курчатов / И. Н. Головин. - М.: Атомиздат, 1978. - 136 с.

32. Гольденберг М. А. Эвакуация населения из Крыма в 1941 г. / М. А. Гольденберг / Труды междисциплинарной научно-практической конференции «III Феодосийские научные чтения». - Феодосия: МБУК ФМД, 2015. - С. 118–119.

33. Граб В. І., Супруненко О. Б. Археолог Олександр Тахтай / В. І. Граб, О. Б. Супруненко. - Полтава: Полтавський краезнавчий музей, 1991. - 78 с.

34. Гутин М. Л. О деятельности местных комитетов обороны в годы Великой Отечественной войны / М. Л. Гутин // Вопросы истории КПСС. - 1970. - №7. - С. 82–91.

35. Гутин М. Л. Создание отраслевых промышленных отделов партийных органов и их деятельность в годы Великой Отечественной войны / М. Л. Гутин // Вопросы Истории КПСС. - 1978. - № 9. - С. 98–106.

36. Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. / В. Н. Данилов. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. - 396 с.

37. Дианова Т. В. Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам) / Т. В. Дианова // Крымский архив. - 2016. - № 1 (20). - С.47–58.

38. Доскато О. Так начиналась война / О. Г. Доскато / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. - Севастополь, 2006. - С. 4–8.

39. Журавлева Н. С. «Работали топорами и минимальным пожарным инвентарем…». Неизвестные факты спасения Севастопольской панорамы / Н. С. Журавлева // Военно-исторический журнал. - 2018. - № 12. - С. 62–67.

40. Журавлева Н. С. Обзор литературных источников советского периода по героической обороне Севастополя / Н. С. Журавлева / Вестник ЮУрГУ. Серия «социально-гуманитарные науки». - 2015. - № 3. (Т. 15). - С. 17–24.

41. Замятин Н. М., Воробьев Ф. Д. Оборона Севастополя: оперативно-тактический очерк. Военно-исторический отдел Ген. Штаба Красной армии / Н. М. Замятин, Ф. Д. Воробьев. - М.: Воениздат, 1943. - 46 с.

42. Заулочна С. А. Конституційний статус Кримсікої Автономії у складі РСФРР (1921–1944 рр.): історико-правове дослідження: автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук: 12.00.01 / Світлана Андріївна Заулочна. - Харків, 2009. - 20 с.

43. Игнатович Е. ПВО Черноморского флота в начале обороны Севастополя / Е. А. Игнатович / Бюллетень № 14. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. - Севастополь, 1981. - С. 25–36.

44. Иринархов Р. С. РК ВМФ перед грозным испытанием / Р. С. Иринархов. - Минск: Харвест, 2008. - 432 с.

45. Исаев А. В., Глухарев Н. Н., Романько О. В., Хазанов Д. Б. Битва за Крым 1941–1944 г. / А. В. Исаев, Н. Н. Глухарев, О. В. Романьков, Д. Б. Хазанов. - М.: Яуза, 2016. - 896 с.

46. Исаев А. В. Битва за Севастополь / А. В. Исаев. - М.: Яуза, 2019. - 224 с.

47. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В шести томах. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР: создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / Ред. комис. П. Н. Поспелов (предс.) и др. - М.: Воениздат, 1961. - 681 с.

48. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В двенадцати томах. Т. 4. Фашистская агрессия против СССР: крах стратегии «молниеносной войны» / Гл. ред. комиссии А. А Гречко, Н. Г. Андронников, К. А. Черемухин и др. - М.: Воениздат, 1975. - 536 с.

49. История города-героя Севастополя. 1917–1957 / под. ред. С. Ф. Найды. - Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1958. - 339 с.

50. История Крыма: в двух томах. Т. 2 / Отв. Ред. А. В. Юрасов. - М.: Кучково поле, 2017. - 789 с.

51. История отечественного судостроения: в 5 т. Т. 4. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны. 1925–1945 гг. / В. Ю. Грибовский, А. А. Нарусбаев, И. И. Черников. - СПб: Судостроение, 1996. - 558 с.

52. История Севастополя в лицах: военные и гражданские руководители города и флотов. К 225-й годовщине со дня основания города / И. И. Куликов, В. П. Кот, В. В. Крестьянников, С. И. Кулик, А. А. Скрипниченко, Н. М. Терещук, А. А. Фесенко. - Севастополь: Арт-политика, 2008. - 496 с.

53. История статистика и статистика истории Севастополя. Доклад, предоставленный на 1-й Открытый российский статистический конгресс (20 октября 2015 г., г. Новосибирск) [Электронный ресурс]. URL: http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/573064-1-istoriya-statistiki-statistika-istorii-sevastopolya-vvedenie-dlya-rossii-est-goroda-kotorie-osobenno-dorogi-blizki.php (дата обращения 26.12.2020).

54. Караев Г. Н. Оборона Севастополя (военно-исторический очерк) / Г. Н. Караев. - Ленинград: Гос. изд-во детской литературы Минпросвещения РСФСР, 1956. - 151 с.

55. Кельнер Е. И. Героическая оборона Севастополя / Е. И. Кельнер. - Симферополь: Крымиздат, 1958. - 161 с.

56. Кельнер Е. И. Трудящиеся Севастополя в борьбе с гитлеровскими захватчиками (1941–1942 гг.) / Е. И. Кельнер // Вопросы истории. - 1956. - № 9. - С. 101–110.

57. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. - М.: «Наука», 1987. - 440 с.

58. Колесник А. Д. Народное ополчение городов-героев / А. Д. Колесник. - М.: Наука, 1974. - 367 с.

59. Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы истории тыла и всенародной помощи фронту / А. Д. Колесник. - М.: Наука, 1982. - 328 с.

60. Коломиец М. В. Бронепоезда Великой Отечественной / М. В. Коломиец. - М.: Стратегия КМ: Яуза: Эксмо, 2010. - 304 с.

61. Корабельная летопись. Севастопольский морской завод. / Авт. коллектив В. В. Виноградов, Т. А. Гаврилов, Н. Е. Голубев и др. - Севастополь: ООО «Арт-Принт», 2003. - 535 с.

62. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории. - 1993. - № 7. - С. 25–38.

63. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Вопросы. Ответы. / Сост.: В. К. Гарагуля, И. П. Кондранов, Л. П. Кравцова. - Симферополь: Таврия, 1994. - 208 с.

64. Крым: прошлое и настоящее / Отв. ред. С. Г. Агаджанов, А. Н. Сахаров. - М.: Мысль, 1988. -107 с.

65. Крымская АССР (1921–1945). Вопросы – ответы. Вып. 3 / Сост. Ю. И. Горбунов. - Симферополь: Таврия, 1990. - 320 с.

66. Крымская АССР: 20–30-е годы. Исторический очерк / Г. И. Касьянов, В. И. Марочко, О. Н. Мовчан, Л. И. Ткачева. - Киев, 1989. - 19 с.

67. Кукин Д. М. Партийное и государственное руководство народным хозяйством СССР накануне и в период войны / Д. М. Кукин / Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы / Под общ. Ред. П. Н. Поспелова. - М.: Мысль, 1974. - С. 13–32.

68. Куликова Г. Б. Советы депутатов трудящихся в 1941–1945 гг. / Г. Б. Куликова / Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы / Под общ. ред. П. Н. Поспелова. - М.: Мысль, 1974. - С. 80–92.

69. Кулиш В. М. Советская историография Великой Отечественной войны / В. М. Кулиш / Советская историография / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. - М.: РГГУ, 1996. - С. 274–315.

70. Купцов В. П. Победа советского народа в Великой Отечественной войне: проблемы историографии / В. П. Купцов // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. - 2010. - № 2 (32). - С. 129–138.

71. Курочкин М. К., Луценко Б. С., Семиглазов Н. И. Балаклавские высоты: Очерк / М. К. Курочкин, Б. С. Луценко и др. - Симферополь: Таврия, 1983. - 104 с.

72. Лезинский М. Уроки мужества / М. Лезинский / Крымские каникулы: Сб. для туристов и краеведов: Кн. 2 / Сост. Л. А. Литвинов. - Симферополь: Таврия, 1985. - С. 90–107.

73. Любович М. Некоторые вопросы партийно-политической работы в период обороны Севастополя / М. Любович / Бюллетень № 14. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. - Севастополь, 1981. - С. 14–24.

74. Максимов С. Н. Оборона Севастополя в 1941–1942 гг. / С. Н. Максимов. - М.: Воениздат, 1959. -137 с.

75. Маношин И. С. Героическая трагедия. О последних днях обороны Севастополя / И. С. Маношин. - Симферополь: Таврия, 2001. - 208 с.

76. Мешкова Э. Рыцари долга / Э. Мешкова / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. Б. и. С. 12–15.

77. Моргунов П. А. Героический Севастополь / П. А. Моргунов. - М.: Наука, 1979. - 516 с.

78. Морозов М. Э. Воздушная битва за Севастополь 1941–1942 гг. / М. Э. Морозов. - М.: Яуза, 2007. - 458 с.

79. Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Первые подлодки СССР. «Декабристы» и «Ленинцы» / М. Э. Морозов, К. Л. Кулагин. - М.: Коллекция, Яуза, Эксмо, 2010. - 160 с.

80. Неверов И. М. Севастополь: страницы героической защиты и освобождения города героя, 1941–1944 / И. М. Неверов. - М.: Политиздат, 1983. - 206 с.

81. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л Соболев, А. Н. Цамутали, В. А. Шишкин. - Ленинград: Наука, 1970. - 413 с.

82. Никольский Б. В. Великая Отечественная война на Черном море как череда подвигов, преступлений и наказаний. Часть вторая. Управление обороной Севастополя. Научно-историческое исследование / Б. В. Никольский. - Севастополь: Издательство «Мистэ», 2013. - 357 с.

83. Нуждин О. И., Рузаев С. В. Севастополь в июле 1942 г.: хроника осажденного города / О. И. Нуждин, С. В. Рузаев. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2013. - 752 с.

84. Нуждин О. И., Рузаев С. В. Севастополь в ноябре 1941 г. / О. И. Нуждин, С. В. Рузаев. - Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. - 753 с.

85. Омельчук Д. В. «За распространение ложных слухов…». Неизвестные страницы героической обороны Севастополя (1941–1942 гг.) / Д. В. Омельчук // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». - Т. 16 (55). - 2003. - № 2. - С. 49–53.

86. Очерки истории Крымской областной партийной организации / Ред. колл.: Н. В. Багров, М. Р. Акулов, В. Д. Арбузов и др. - Симферополь: Таврия, 1981. - 376 с.

87. Палецких Н. П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Уральский исторический вестник. - 2015. - № 1 (46). - С. 59–63.

88. Пащеня В. Н. Крымская АССР в годы II-й мировой войны (1939–1945 гг.) / В. Н. Пащеня. - Симферополь: ДИАЙПИ, 2014. - 414 с.

89. Петров И. Е. Севастополь в Великой Отечественной войне. Доклад на научной сессии отдела исторических наук АН СССР, посвященный столетию Севастопольской обороны в Крымской войне 1893-1856 гг. (Москва, 28 октября 1954 г.) / И. Е. Петров / Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Вып. 5. - М.: Издательство АН СССР, 1955. - С. 29–42.

90. Пищулина С. Ю. Сталинградский городской комитет обороны в 1941–1945 гг.: автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Светлана Юрьевна Пищулина. - Волгоград, 2007. - 27 с.

91. Платонов А. В. Борьба за господство на Черном море / А. В. Платонов. - М.: Вече, 2010. - 464 с.

92. Платонов А. В. Советские боевые корабли. 1941–1945 гг. III. Подводные лодки / А. В. Платонов. - СПб, 1996. -168 с.

93. Подвиг Севастополя. По следам воспоминаний / В. В. Саратов, А. П. Смолянников. - Киев, 2012. - 344 с.

94. Прибылов Б. В., Кравченко Е. Н. Ручные и ружейные гранаты / Б. В. Прибылов, Е. Н. Кравченко. - М.: «Арктика 4Д», 2008. - 776 с.

95. Пученков А. С. Классическая история блокадной эпопеи / А. С. Пученков // Российская история. - 2019. - № 3. - С. 150–153.

96. Ромадин С. Судьба «Железнякова» / С. Ромадин // Танкомастер. - 1998. - № 1 - С. 17–22.

97. Романчук А. И. Херсонесский заповедник в годы Великой Отечественной войны и историки Урала / А. И. Романчук / Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. - С. 287–291.

98. Рузаев С. В. Городской комитет обороны в системе органов власти г. Севастополь (октябрь 1941–июнь 1942 гг.) / С. В. Рузаев // Вестник Томского государственного университета. - 2013. - № 376. - С. 101–103.

99. Рузаев С. В. Организация досуга населения во время обороны Севастополя 1941–1942 гг. / С. В. Рузаев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. -2018. - Т. 18. - № 2. С. 106–108.

100. Рузаев С. В. Кадровые вопросы в работе Севастопольского городского комитета ВКП(б) в 1941–1942 гг. / С. В. Рузаев // Клио. - 2021. - № 3 (171). - С. 156–162.

101. Савилов В. Бронетехника в боях за Крым. Отражая первый штурм / В. Н. Савилов // Military Крым. - 2008. - № 9. - С. 51–56.

102. Савченко В. А., Филиппенко А. А. Оборона Одессы. 73 дня героической обороны города / В. А. Савченко, А. А. Филиппенко. - М.: ЗАО Издательство «Центрполиграф», 2011. - 447 с.

103. Самарин В. А. Организация ремонта кораблей ОВРа в период обороны Севастополя 1941–1942 гг. / В. А. Самарин / Бюллетень № 12. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. - Севастополь, 1980. - С. 102–113.

104. Сарина А. А. Арсенал Севастополя / А. А. Сарина / Огненные дни Севастополя. - Симферополь: Таврия, 1978. - С. 122–135.

105. Сарина А. А. Героические дела трудящихся Севастополя в период обороны города / А. А. Сарина / Бюллетень № 14. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. - Севастополь, 1981. - С. 71–82.

106. Седов М. Г. Героическая оборона Севастополя (1941–1942 гг.) / М. Г. Седов // Исторический журнал. - 1943. - № 5–6. - С. 7–17.

107. Сибиряков И. В. Образ Севастополя в воспоминаниях участников Великой Отечественной войны / И. В. Сибиряков // Вестник ЮУрГУ. Серия «социально-гуманитарные науки». - 2018. - Т.18 (№ 1). - С. 47–55.

108. Сидорчук Е. А. Битва за Севастополь: военно-политический аспект: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.02: Сидорчук Евгений Александрович. - М., 2020. - 329 с.

109. Синицын А. М. Забота о раненных фронтовиках и инвалидах войны в годы Великой Отечественной войны / А. М. Синицин // История СССР. - 1973. - № 1. - С. 24–31.

110. Синицин А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны / А. М. Синицин // Вопросы истории. - 1969. - № 6. - С. 21–29.

111. Синицын А. М. Чрезвычайные органы советского государства в годы Великой Отечественной войны / А. М. Синицин // Вопросы истории. - 1955. - № 2. - С. 32–43.

112. Синютин М. В. Батарея задачу выполнила: Военно-исторический очерк М. В. Синютин. - СПб.: Реноме, 2010. - 264 с.

113. Соболевська Т. Документи Державного архіву в Автономній Республіці Крим з історії Другої світової Війни / Т. Соболевська // Архіви України. - 2005. - № 1–3. - С. 139–144.

114. Советский тыл в годы ВОВ: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / С. А. Байбаков, Н. А. Кирсанов, Л. А. Пинегина и др. - М.: Высшая школа, 1986. - 192 с.

115. Стрельбицкий К. Б. Транспортировка подводными лодками Черноморского флота в мае–июле 1942 г. личного состава с Кавказа в Севастополь и вывоз эвакуированных из Севастополя на Кавказ: хроника и статистика / К. Б. Стрельбицкий / Тайны подводной войны. Выпуск 21. - Львов, 2006. - С. 65–71.

116. Сысоев Н. Е. Ремонт кораблей Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны / Н. Е. Сысоев / Бюллетень № 8. Воспоминания, очерки, сообщения. Военно-научное общество при Севастопольском Доме офицеров флота КЧФ. - Севастополь, 1977. - С. 80–104.

117. Тельпуховский В. Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны / В. Б. Тельпуховский // Вопросы истории. - 1958. - № 11. - С. 24–44.

118. Терещук Н., Фесенко А. Колекція документів про Велику Вітчизняну війну Радянського Союзу 1941–1945 рр. (Держархів м. Севастополя) / Н. Терещук, А. Фесенко // Архіви України. - 2005. - № 1–3. - С. 217–220.

119. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под общ. ред. С. К. Куркоткина. - М.: Воениздат, 1977. - 559 с.

120. Тыл флота. История развития / Авт. коллектив: В. С. Шломин., Д. И. Великанов, В. М. Гурьянов и др. - М.: Воениздат, 1992. - 318 с.

121. Утробин Ю. А. Архивные материалы о начальном периоде историографии Великой Отечественной войны в Крыму (1944–1947 гг.) / Ю. А. Утробин // Культура народов Причерноморья. - 2007. - № 104. - С. 99–101.

122. Утробин Ю. А. Комиссия по истории обороны города Севастополя при Крымском обкоме ВКП(б) (1942 г.) / Ю. А. Утробин // Крымский архив. - 2009. - № 11. - С. 37–50.

123. Филимонов С. Б. У истоков разработки темы «Крым в период Великой Отечественной войны» / С. Б. Филимонов / Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 75-летию освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков. Материалы конференции. - Симферополь: Ариал, 2019. - С. 92–97.

124. Хаупт В. Восточный фронт 1941–1945. Подлинная история / Пер. с нем. С. Липатова. - М.: Яуза, Эксмо, 2008. - 560 с.

125. Хаяли Р. И. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Некоторые методологические аспекты исследований / Р. И. Хаяли // Історія України. Маловідоми імена, події, факти. Збірник наукових праць. - Київ, 2004. - С. 85–96.

126. Хлевнюк О. В. Система высшей власти в СССР в годы Великой Отечественной войны. Историография, источники и перспективы исследований / О. В. Хлевнюк // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. - 2018. - № 1. - С. 15–26.

127. Чернозуб П. Н. Городские Комитеты обороны в прифронтовой полосе / П. Н. Чернозуб // Военно-исторический журнал. -1974. - № 5. - С. 125–126.

128. Чернявский У. Г. Обеспечение городов продовольствием в годы Великой Отечественной войны / У. Г. Чернявский // История СССР. - 1959. - № 4. - С. 88–98.

129. Шергина Л. Пахомов Иван Иванович-участник обороны Севастополя 1941–1942 гг. / Л. Шергина / Город-герой Севастополь. Неизвестные страницы. - Севастополь, 2011. - С. 58–64.

130. Широкорад А. Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1941 гг. / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Справочник. - Минск: Харвест, 2002. - 944 с.

131. Шишко Е. А. Крымская партийная организация летом и осенью 1941 г. / Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / Под ред. И. С. Чирвы. - Симферополь: Крымиздат, 1963. - С. 24–44.

132. Шурыгин В. В. Железный остров: Хроника плавучей батареи / В. В. Шурыгин. - М.: Воениздат, 1979. - 304 с.

133. Эдлинский С. Ф. На морских коммуникациях / С. Ф. Эдлинский / Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. - М.: Наука, 1966. - С. 141–167.

Saint Petersburg State University

Manuscript copyright

Ruzayev Stanislav Valeryevich

ACTIVITIES OF THE BODIES OF THE CITY OF SEVASTOPOL IN 1941–1942

Specility 5.6.1. National History

Dissertation in support of Candidature for historical degree

Translation from Rissia

Dissertation adviser:
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor
Puchenkov Alexandr Sergeyevich

Saint Petersburg – 2021

CONTENTS

INTRODUCTION…….. 251
Chapter I. LOCAL GOVERNMENT BODIES OF SEVASTOPOL
IN 1941–1942 …… 277
I. 1. Local bodies on the eve of the city's defense
(June–October 1941)……..... 277
I. 2. Local government system transformation during the first and the second
assault of the city (November–December 1941) …… 288
I. 3. City governance structure during the stabilization of the front
and the third assault (January–June 1942) ……..... 298
Chapter II. MILITARY DEFENSE ACTIVITIES……..... 311
II. 1. Military training organization and formation of volunteer
units of city residents…… 311
II. 2. Local air defense development……..... 334
II. 3. Defense industry of Sevastopol on the eve of and during
the defense ……... 359
Chapter III. ORGANIZATION OF DAILY LIFE OF THE URBAN POPULATION
IN DEFENSE CONDITIONS……..... 399
III. 1. Organization of subsistence supply……..... 400
III. 2. Medical and social security of the population…… 418
III. 3. Activities in the field of cultural services for the population……. 439
CONCLUSION…… 454
REFERENCE LIST……..... 459

INTRODUCTION

Urgency of the research. The Great Patriotic War is one of the key events in the national history of the XX century. The grand confrontation with the Victory over Nazism in May 1945 left a deep score in the historical memory of the peoples of the former USSR, in particular, in Russia, which bore the brunt on its shoulders. In recent decades, the comprehension of war events has received a fresh impetus due to removal of previously existing ideological bans, development of a pluralism of opinions and assessments, as well as an increase in availability of archival documents.

In addition to the traditionally high interest to study military operations, an increasing number of researchers are turning to various aspects of the rear history. In turn, this is intrinsically driven by the analysis of the activities of central and local authorities in the emergency war conditions. Revealing the general and regional features of environmental authority work during the Great Patriotic War requires further expansion of the research geography.

One of the least explored regions of the Soviet Union can be considered the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (hereinafter – CASSR). In 1941–1944, the territory of the Crimean Peninsula was the arena of fierce confrontation between the military forces of the Red Army and the Wehrmacht. A specific place is held by the 250-day Sevastopol defense, which became not only an example of long-term holding of a completely blocked seaside city, a sea base, but also a vivid symbol of the unity of the front and rear, the heroism and dedication of the Soviet people.

The military aspects of the Sevastopol siege in 1941–1942, often compared with the siege of Leningrad, are duly reflected in the Russian and foreign historiography. However, the multifaceted activity of the city authorities of Sevastopol to strengthen the rear of the Sevastopol defense region (hereinafter – SDR) and organize the daily life of the urban population under siege conditions, for a number of reasons, remains insufficiently studied scientifically. In comparison with the historiography of the siege of Leningrad[1], the classic academic history of the sieged Sevastopol, covering all

[1] Puchenkov A. S. The classic history of the siege epic // Rossiyskaya istoriya. 2019. No. 3. P. 150–153.

aspects of the life of the Crimean stronghold, including the study of decisions of the leading party and Soviet city authorities to ensure the survival of the city's residents under siege conditions, has not been written yet.

The analysis of the activities of the Sevastopol Committee of AUCP(b), the Executive Committee of the City Council, as well as the City Defense Committee in 1941–1942, made with the involvement of archival documents, including those previously not introduced into scientific discourse, will highlight the mechanism of management decisions making, identify the features of interaction of the local authorities with the military command and republican authorities, and describe the main work stream.

It is impossible to reconstruct a comprehensive vision of the events that took place during the Sevastopol defense in 1941–1942 without this knowledge. At the same time, the experience of organizing control, obtained in the emergency conditions of besieged Sevastopol, can be applied in present-day developments.

Historiography of the problem. In the historiography of the studied problem, three main stages can be distinguished, each of which is characterized by corpus of used sources, the topic and the level of understanding, as well as the methodological approaches. not only works that highlight the activities of the civilian leadership of the city of Sevastopol in 1941–1942 promote interests, but also those in which general issues of the history of rear and state administration during the Great Patriotic War are considered.

The first stage, covering the period from the 1940s to the mid-1950s, is characterized by accumulation of documentary material and writing of the first studies on the activities of central and local authorities.

During the Great Patriotic War, numerous outlines by front correspondents dedicated to the Sevastopol defense were published in periodical press. The works of some authors were reprinted as part of separate books and collections[2]. Small stories

[2] Aposhansky V. It was in June. M.: Voenmorizdat, 1943. 64 p.; Kapitsa P. Manhood. M.: Voenmorizdat, 1943. 40 p.; Petrov Ye. Frontline diary. M.: Sovetskiy pisatel, 1942. 132 p.; Hamadan A. Sevastopol residents. War correspondent's notes. M.: Molodaya gvardiya, 1942. 128 p.; Sazhin P. A. Shield of Sevastopol. Simferopol: Krasny Krym, 1945. 89 p.;

about the work of the party organization, written by the first secretary of the city party committee B. A. Borisov are also known[3].

Despite their propagandistic nature, these publications contain various information on the city authorities' activities, as well as vivid sketches from the everyday life of Sevastopol residents. For a long time, until the mid-1960s, periodical press materials remained one of the main sources of information on defense.

The first efforts to collect and analyze data on the Sevastopol defense were made in 1942, when a historical commission was created in the besieged city upon the Crimean Regional Committee of the AUCP(b)[4]. At the same time, the corresponding work was carried out by the commission on the history of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences.

In 1942, a small collection of documents of the Sevastopol Defense Committee was published[5], in 1943 – the work of an employee of the M. G. Sedov commission, which can be considered as the first scientific publication on this topic[6]. The article gives a brief defense outline with showing the city leadership's work in the field of development of military industry and development of Local Air Defense (hereinafter – LAD), and also provides data on functioning of cultural and educational institutions[7].

In 1943–1947, the Crimean Commission on the History of the Great Patriotic War worked[8], as a result of which a collection of documentary materials was made. Some of them, dedicated to the Sevastopol defense, were included in the thematic collection of documents published in 1946.[9]

The publications of the People's Commissariats of Defense and the Navy during the war, which until recently were classified as “confidential”, are also of interest for

---

Sevastopol. 250 days of heroic defense. M-L.: Voenmorizdat, 1942. 311 p.; Heroic Sevastopol: Collection of materials published in national newspapers / Ed. by P. Ancharsky. M., 1942 89 p. and others.

[3] Borisov B. A. The Bolsheviks of Sevastopol / Pravda. 1942. May 28; Borisov B. A. Heroic Sevastopol / Partiynoe stroitelstvo. 1945. No. 9–10. P. 69–73

[4] Utrobin Yu. A. Commission for the history of the Sevastopol defence under the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) (1942) // Krymsky arhiv. 2009. No. 11. P. 37–50.

[5] City leadership in the days of the heroic defense of Sevastopol (from the documents of the Sevastopol SDC) // Partiynoe stroitelstvo. 1942. No. 14.

[6] Sedov M. G. The heroic defense of Sevastopol (1941–1942) // Istorichesky zhurnal. 1943. No. 5–6. P. 7–17.

[7] Sedov M. G. Op. cit. P. 9, 12–13, 16.

[8] Utrobin Yu. A. Archival materials about the initial historiography period of the Great Patriotic War in Crimea (1944–1947) // Kultura narodov Prichernomorya. 2007. No. 104. P. 99–101.

[9] Heroic Defense of Sevastopol 1941–1942 Collection of documents and materials / Ed. by P. A. Chursin. Simferopol: Krymizdat, 1946. 292 p.

our study[10]. They contain data on the supply of the besieged city with ammunition and foodstuffs, the fortification construction.

From the second half of the 1940s work was carried out to create an official interpretation of the Great Patriotic War events. At this time, the Soviet historiography of the war history acquired its characteristic features: ideology, upholding the leading role of the Communist Party in organizing the fight against fascism, suppression of certain problematic issues and plots, selectivity in the use of archival documents.

In this vein, the first studies were written, in which the work experience of state authorities during the war was generalized[11]. In particular, in the article by O.M Yakuba, an attempt to determine the emergency authority status was made, as well as a comparison with similar structures during the Civil War was carried out.

Scientific works on the activities of the Soviet and party bodies of Sevastopol were not published in this period. Brief stories from the history of defense were present only in some generalizing works on the war history[12], as well as in propaganda brochures[13].

At the same time, in 1950, the magazine Znamya published the first version of memories of the secretary of the Sevastopol City Committee, B. A. Borisov. The following year, the memories were published as a separate book, which was subsequently reprinted more than once in large editions[14].

The memories text is a fictional relation of the events that took place in Sevastopol on the eve and during the defense of 1941–1942. On the whole, they give a general insight into the main areas of authorities' work, contain various data on the

[10] Zamyatin N. M., Vorobyev F. D. Defense of Sevastopol: operational-tactical outline. War-historical department of the General Staff of the Red Army. M.: Voenizdat, 1943.46 p .; Kiryaev N. M. The heroic defense of Sevastopol (instructional medium). M., 1943. 65 p.

[11] Ananov N. I. Local Councils during the Patriotic War // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1946. No. 1. P. 23–25; Kotok V. M. Sessional procedure for the work of local Councils in wartime // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1946. No. 3–4. P. 13–21; Yakuba O. M. Emergency bodies of the Soviet socialist state // Transactions of the Sverdlovsk Law Institute. Vol. 1. Sverdlovsk, 1945. P. 3–33 and others.

[12] Outlines on the history of the Great Patriotic War, 1941–1945. / Ed. by B.S. Telpukhovsky, I. S. Korotkov, A. V. Mitrofanov. M.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1995. 535 p.

[13] Babayan K. The patriots of the Motherland. Fishermen of the Azov and Black Seas during the Great Patriotic War. Simferopol: Krymizdat, 1947. 72 p.; Gaidovsky G. N. Hero of the Soviet Union Ivan Golubets. M.: Voenizdat, 1954. 88 p. and others.

[14] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol: Krymizdat, 1951. 328 p.; The same. The feat of Sevastopol. M.: Sovetsky pisatel, 1952. 354 p.; The same. The feat of Sevastopol. M.: Voemizdat, 1957. 392 p.; The same. The feat of Sevastopol. Simferopol: Krymizdat, 1959.403 p.; The same. The feat of Sevastopol. Simferopol: Krym, 1970. 320 p.; The same. The feat of Sevastopol. Simferopol: Tavriya, 1977. 399 p.

population life under siege conditions. The certain work advantage is the use by the author not only of personal observations and diary notes, but also of various documents of the city party committee and the defense committee.

The books of B. A. Borisov played a large role in appearance of public interest in the history of the Sevastopol defense and to this day are one of the main information sources on the city organizations' activities for researchers dealing with this issue.

It is necessary to mention the publications published in 1954, when the 100th anniversary of the beginning of the first Sevastopol defense and the 10th anniversary of the city liberation from the Hitlerite invaders were celebrated. So, in the literary and artistic works collection, several participants' memories of the events from among the Soviet and party activists of the city were published[15].

The second stage in the historiography of the studied issue covers the period from the late 1950s to the beginning of the 1990s. Its beginning is driven by the changes in the social and political state life that took place after the XX Congress of the CPSU. They also affected historical science: limitations on the study of problematic issues of Soviet history were eased up, archival documents became more accessible, memories, foreign scientific and memoir literature began to be published.

The history of the Great Patriotic War became one of the key topics to study. Since the mid-1950s, in addition to works dedicated to the description of military operations on the Soviet-German front, studies have appeared in which historians began to design issues on state apparatus functioning by means of documents from central and regional archives.

Much attention was paid to justification of the thesis about outstanding organizational activity of the communist party[16]. It should be noted the articles by A. M. Sinitsin, in which the defense committees' work was analyzed, as well as the measures

[15] Sevastopol: collection of literary and artistic works about the heroic defense and liberation of the city of Russian glory. 1941–1944 / Content by G. N. Gaidovsky. M.: Voenizdat, 1954. 554 p.

[16] The CPSU – inspirer and organizer of the victories of the Soviet people and their Armed Forces in the Great Patriotic War. M.: Military-Political Academy, 1957. 811 p.; Communist Party during the Great Patriotic War / Shlyapin I. M., Shvarev M. A. M.: Voenizdat, 1958. 238 p. and others.

for the Defense Fund creation were described[17]. The researcher emphasized that the city defense committees were directly bowed to the State Defense Committee (hereinafter – the SDC)[18]. The studies that considered the military economy creation and functioning can be distinguished into a separate group[19].

During the Khrushchev's thaw, the study of the second Sevastopol defense, including the activities of local authorities, was significantly intensified. In the decade under consideration, the works of I. Ye. Petrov, V. F. Vorobyev, G. N. Karaev, L. I. Pavlichenko, S. N. Maksimov[20] were published. The corresponding sections were included in the publications on the history of Crimea and Sevastopol[21].

In general, all works are characterized by the use of B. A. Borisov's memories and materials from periodical press as a basis, the descriptive narrative nature, the presence of ideological clichés and a standard set of plots. Actually, the authors only state the great organizational role of the city party committee and the city defense committee, especially in the development of military goods production, and also give examples of the city people's labor exploits.

The exception is the works of the Leningrad historian Ye. I. Kelner, which were written with the involvement of documents from the commission on the history of war of the Academy of Sciences of the USSR and the Navy's historical department. In 1956,

---

[17] Sinitsyn A. M. Emergency bodies of the Soviet state during the Great Patriotic War // Voprosy istorii. 1958. No. 2. P. 45–58; Sinitsyn A. M. From the history of patriotic movement of the Soviet people for defense fund creation in the first period of the Great Patriotic War // Voprosy istorii. 1959. No. 1. P. 44–58.

[18] Sinitsyn A. M. Emergency bodies of the Soviet state during the Great Patriotic War. P. 35.

[19] Mitrofanova A. V. The labouring class of the Soviet Union during the first period of the Great Patriotic War (1941–1942). M.: Izdatelstvo AN SSSR, 1960. 486 p.; Morekhina G. G. The labouring class to the front: the feat of the USSR labouring class during the Great Patriotic War of 1941–1945. M.: Sotsekgiz, 1962. 480 p.; Kravchenko G. S. Military economy of the USSR, 1941–1945. M.: Voenizdat, 1963. 398 p. and others.

[20] Petrov I. Ye. Sevastopol in the Great Patriotic War. Report at the scientific session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences, dedicated to the centenary of the Sevastopol defense in the Crimean War in 1853–1856. (Moscow, October 28, 1954) / Reports and reports of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. Issue 5. M.: Izdatelstvo AN SSSR, 1955. P. 29–42; Vorobyev V. F. Defense of Sevastopol in 1941–1942. Brief instructional medium. M.: sine nomine, 1956. 51 p.; Karayev G. N. Defense of Sevastopol (war-historical outline). Leningrad: Detgiz, 1956. 151 p.; Pavlichenko L. M. Heroic story. Defense of Sevastopol 1941–1942. M.: Gos. izdatelstvo politicheskoi literatury, 1958. 71 p.; Maksimov S. N. Defense of Sevastopol 1941–1942. M.: Voenizdat, 1959. 138 p.

[21] Syomin G. I. Sevastopol: historical outline. M.: Voenizdat, 1954. 552 p .; History of the hero city of Sevastopol. 1917–1957 / Ed.-in-chief S. F. Naida. Kiev: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1958. 339 p.; Outlines on the history of Crimea. Part IV. Crimea during the Great Patriotic War, during the years of restoration and further development of the national economy (1941–1965) / Under general editorship of I. S. Chirva. Simferopol: Krym, 1967. 319 p.

he published the first article in the issue historiography, dedicated to the activities of the Sevastopol's authorities in 1941–1942.[22]

It describes in detail the authorities' actions on the eve and during the three assaults of the city. Particular attention is paid to the industry work, LAD's activities, as well as to the description of daily life of the city's population. At the same time, the author did not avoid some factual errors, for example, he writes that the people's volunteer army in Sevastopol was formed during the first assault, and Special Plants were created by the decision of the Defense Committee. In 1958, a monograph was published by Ye. I. Kelner, dedicated to the Sevastopol defense as a whole, which also materials from his early article were used[23].

B. A. Borisov continued his research work: his books "Sevastopol residents do not give up" (1958) and "Children of Sevastopol" (1963), describing the work of the Komsomol organization and young city residents [24] were published. The article dedicated to the activities of the Sevastopol Defense Committee (1959) is of considerable interest[25]. It defends the leading role of the Defense Committee as the main body of civil administration. Also the article by B. A. Borisov dedicated to the city party organization work is known[26].

The journalist P. I. Musyakov, author of memories and a number of popular scientific works on the history of defense, dealt with this issue[27]. In 1962, his article was published, which described the party organization work on the basis of some archival materials[28].

The article by Ye. A. Shishko is of interest. In it, an attempt is made to analyze the work of the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) in the fall of 1941, when

---

[22] Kelner Ye. I. Sevastopol workers in the fight against the Hitler's invaders (1941–1942) // Voprosy istorii. 1956. No. 9. P. 101–110.
[23] Kelner Ye. I. Heroic Defense of Sevastopol. Simferopol: Krymizdat, 1958. 161 p.
[24] Borisov B. A. Sevastopol residents do not give up. M.: Molodaya gvardiya, 1958. 175 p.; Borisov B. A. Children of Sevastopol. Simferopol: Krymizdat, 1963. 83 p.
[25] Borisov B. A. City defense committee of Sevastopol // Voenno-istorichesky zhurnal. 1959. No. 11. P. 20–36.
[26] Borisov B. A. Party organization of Sevastopol in the city defense / Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945 / Ed. by I. S. Chirva. Simferopol: Krymizdat, 1963. P. 45–93.
[27] Musyakov P. I. Sevastopol days (notes of the editor of naval newspaper). Simferopol: Krymizdat, 1963. 192 p.; Musyakov P. I. Hero city of Sevastopol. Public lecture record. M.: Znanie, 1954. 32 p.; Musyakov P. I. They fight to the death. M.: Izdatelstvo DOSAAF, 1963. 149 p.
[28] Musyakov P. I. Sevastopol party organization in the days of the city's defense (October 1941 – July 1942) // Voprosy istorii KPSS. 1962. No. 2.

the Crimean leadership was located in the besieged Sevastopol[29]. The work is important due to the fact that the regional committee's activities, as well as the republican authorities, were practically not reflected in other studies dedicated to the defense.

In the 1960s, the famous Sevastopol historian G. I. Vaneyev[30] started his scientific career. In 1965, his first book was published, which described the women's labor feat during the siege, while a somewhat erroneous conclusion was made that "women became the main force of the city"[31].

In 1962, N. I. Selivanova defended her first dissertation on the history of the Sevastopol defense, which was dedicated to the analysis of periodical press of the besieged city[32]. Some aspects of the Sevastopol Komsomol organization's work were touched upon in the dissertation research by G. S. Babichev[33].

Active work on the study of defense was carried out in Sevastopol itself by the historical commission under the city committee of the Communist Party of Ukraine (hereinafter – the CPU), as well as by the employees of the Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol. In the 1950s–1960s, they organized a collection of memories of the defense participants, including civilians.

In May 1961, at the initiative of the command of the Black Sea Fleet and the CPU's city committee, the first conference on the history of defense was held, in which several hundred veterans took part. The speeches were dedicated, among other things, to the city organizations' activities. The former commander of the Sevastopol's defensive region F. S. Oktyabrsky hardly criticized B. A. Borisov, who, in the admiral's opinion, did not sufficiently reflect the leading role of the Navy War Council in the defense.

In October 1963, a meeting of the Academic Council of the Museum of Defense and Liberation of Sevastopol was held, which was fully dedicated to the civil authorities's work. The discussion was continued between B. A. Borisov and F. S.

---

[29] Shishko Ye. A. Crimean party organization in the summer and autumn of 1941 / Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. / Ed. by I. S. Chirva. Simferopol: Krymizdat, 1963. P. 24–44.
[30] Vaneyev G. I. Heroines of the Sevastopol fortress. Simferopol: Krym, 1965. 107 p.
[31] Ibid. P. 7.
[32] Selivanova N. I. Press – a powerful weapon of the communist party in mobilization of soldiers and workers for the Sevastopol defense in 1941–1942: author's abstract ... Cand. Sc. History. Kiev, 1962. 24 p.
[33] Babichev G. S. Komsomol members of Crimea – active helpers of the party in the Great Patriotic War (1941–1944): author's abstract ... Cand. Sc. History. Kiev, 1959. 25 p.; Babichev G. S. A generation of the brave. Komsomol members of Crimea – active party assistants during the Great Patriotic War. Simferopol: Krymizdat, 1958. 200 p.

Oktyabrsky, while the former city committee secretary took a fundamental point, stating: “I do not intend to enter into polemics and and I will not make fundamental changes in the next editions of which F. S. Oktyabrsky speaks”[34].

The memories collected by the historical commission, as well as the materials of the conference and the meeting of the Academic Council, despite their value, were never published and were in limited access in the Sevastopol city archive, the manuscript collections of the Museum of Defense and Liberation and the Maritime Library until the early 1990s. This is probably due to the criticism of the SDR command, as well as the unofficial interpretation of the defense events sounded in separate reports and memories.

Research work of historians, ethnographers and publicists of the 1950–1960s to a large extent contributed to recognition of the collective feat of the Sevastopol defenders during the second defense, and not only soldiers of the Primorsky Army and the sailors of the Black Sea Fleet, but also the civilian population. May 8, 1965 Sevastopol was officially recognized as a “hero city”. F. S. Oktyabrsky strongly criticized the wording of the corresponding Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, since it spoke not about the Black Sea sailors, but about the “workers of the city of Sevastopol”. Until his death in 1969, the admiral, in his articles and speeches, continued to evaluate the city committee of the party and the defense committee exclusively as auxiliary bodies carrying out the instructions of the Black Sea Fleet Military Council[35].

The period from the second half of the 1960s to the early 1990s is characterized by an intensive study of the history of the Great Patriotic War. At the same time, a significant correction of the official events interpretation took place, printable requirements were tightened, dogmatism in the material presentation and selectivity in the use of archival sources were clearly manifested.

---

[34] Verbatim report of the extended meeting of the Council of the Museum of Defense and Liberation of Sevastopol on the topic “Party organizations and workers of the city in the Sevastopol defense in 1941–1942. (October 28–29, 1963)” / Materials on Sevastopol defense, liberation and restoration of (hereinafter – MSDLR). T. XXX. Sevastopol, 1963. P. 281, 288.

[35] Oktyabrsky F. Crowned with glory / Years of struggle and victories. Crimea in battles and labor. Collection of memories, articles, outlines, poems. Simferopol: Krym, 1967. P. 121–135.

One of the key topics remained the study of the Communist Party's activities during the war with the view to justify its prominent role in mobilizing the Soviet people[36]. General issues of the functioning of the Soviets in 1941–1945 were reviewed in studies by T. A. Arkhipova, G. A. Varyukhin, Y. S. Kukushkin, G. B. Kulikova et al.[37] At the same time, a number of researchers have pointed out that, within the war conditions, the role of the executive committees of city councils increases precisely as executive and administrative bodies, especially over the range of finance, the development of local industry, the everyday population life, the regulation of the trade enterprises and transport operation[38].

The articles by M. L. Gutin, R. A. Usikov, P. N. Chernozub deal with the determination of the city defence committees' legal status and the description of the process of establishment and operation[39]. The city committees were understood, in accordance with the SDC's decree dated October 22, 1941, as extraordinary bodies of the party-state and military-economic authority, which had the rights determined by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet “On martial law”. At the same time, it was concluded that the work of the committees depends on the decisions of the local party authorities[40]. The defence industry establishment and development, as well as the preparation of combat reserves for the front, were identified as the central focus.

Certain aspects of the work of state and local authorities are discussed in detail in monographs by A. N. Kirsanov, A. D. Kolesnik, V. P. Dobrov, N. Y. Pashko, G. A.

---

[36] History of the Communist Party of the Soviet Union: In 6 Vol. Vol. 5. The Communist Party on the eve and during the Great Patriotic War, during the period of socialist society consolidation and development. 1938–1959. Book 1 (1938–1945) / Auth. Yu. P. Petrov, V. S. Zaitsev, Ye. F. Agafonenkov. M.: Poltizdat, 1970. 722 p.

[37] Arkhipova T. G. State apparatus of the RSFSR during the Great Patriotic War (1941–1945). M., 1981. 93 p.; Varyukhin G. A. Military-organizational activity of city Soviets in the first period of the Great Patriotic War // Bulletin of Moscow University. Series IX. Istoriya. 1966. No. 6. P. 18–29; Kukushkin Yu. S. Historical trajectory of the Soviets in the USSR. M.: Znanie, 1966. 54 p.; Kulikova G. B. Council of Workers' Deputies in 1941–1945 / Soviet rear in the Great Patriotic War. Book 1. Common problems / Under gener. edit. of P. N. Pospelov. M.: Mysl, 1974. P. 80–92 and others.

[38] Soviet rear during the Great Patriotic War: instructional medium / S. A. Baibakov, N. A. Kirsanov, L. A. Pinegina et al. M.: Vysshaya shkola, 1986. P. 17.; Varyukhin G. A. Military-organizational activity of city Soviets in the first period of the Great Patriotic War // Bulletin of Moscow University. Series IX. Istoriya. 1966. No. 6. P. 19–20; Kulikova G. B. Council of Workers' Deputies in 1941–1945 / Soviet rear in the Great Patriotic War. Book 1. Common problems. Under gener. edit. of P. N. Pospelov. M.: Mysl, 1974. P. 81.

[39] Gutin M. L. The activities of local defense committees during the Great Patriotic War // Voprosy istorii KPSS. 1970. No. 7. P. 82–91; Usikov R. A. City defense committees of Crimea, the North Caucasus and Volga region during the Great Patriotic War // Voenno-istorichesky zhurnal. 1971. No. 2. L. 83–87; Chernozub P. N. City defense committees in the immediate battle area // Voenno–istorichesky zhurnal. 1974. No. 5. P. 125–126 and others.

[40] Gutin M. L. Op. cit. P. 90.

Kumanyov, N. F. Bannikov, S. V. Bilenko, A. N. Belyayev[41]. The A.M.Sinitsyn's work is dedicated to patriotic movements during the war (creation of a defense fund, collection of warm clothes, the Stakhanov movement[42]. Of particular note is the study by A. D. Kolesnik, in which the process of creating the Sevastopol formation of the people's militia and the organization of military training of the population on its basis was described.

Also, a significant number of works are dedicated to general issues of the Soviet military economy functioning during the war[43].

The 1970s and 1980s were characterized by an active study of the activities of regional governments during the war. At the same time, in contrast to the previous decade, no work was published on the actual analysis of the civil bodies of Sevastopol.

Individual issues were reviewed in the articles of Sevastopol ethnographers and museum employees. Published in small-circulation collections, they did not become the property of the general scientific community[44].

The corresponding sections in publications on the history of the city were based mainly on the memories of B. A. Borisov and were distinguished by the formula presentation of the material[45]. The chapters dedicated to the work of the Sevastopol City

---

[41] Kirsanov N. A. On the call of the Motherland: Volunteer formations of the Red Army during the Great Patriotic War M.: Mysl, 1974. 275 p.; Kolesnik A. D. People's militia of hero cities. M.: Nauka, 1974. 367 p.; The people's militia protects the Motherland / P. V. Dobrov, N. Y. Pashko, A. D. Kolesnik, G. A. Kumanyov. M.: Nauka, 1990. 379 p.; Bannikov N. F. Fighter battalions of the USSR NKVD in the Great Patriotic War (1941–1945). M., 1968. 72 p.; Bilenko S. V. Fighter battalions in the Great Patriotic War. M.: Voenizdat, 1969. 119 p.; Belyaev A. N. Local air defense of the country in the Great Patriotic War of 1941–1945. M.: Voenizdat, 1985. 232 p. and others.

[42] Sinitsyn A. M. National assistance to the front: about the patriotic movements of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945. M.: Voenizdat, 1985. 319 p.

[43] Belikov A. M. Soviet rear during the Great Patriotic War. M.: Znanie, 1969.46 p.; Kravchenko G. S. Economy of the USSR during the Great Patriotic War. M.: Ekonomika, 1970. 389 p.; Soviet rear in the Great Patriotic War. Book 2. Labor feat of the people / Under gener. edit. of P. N. Pospelov. M.: Mysl, 1974. 366 p.; History of the USSR socialist economy. In 7 vol. Vol. 5. Soviet economy on the eve and during the Great Patriotic War. 1938–1945 M.: Nauka, 1978. 562 p.; Soviet rear in the first period of the Great Patriotic War / Ed.-in-chief G. A. Kumanyov. M.: Nauka, 1988. 424 p. and others.

[44] Aridova A. M. Komsomol members in the days of the heroic Sevastopol defense / Collection of stories of the Museum of the heroic defense and liberation of Sevastopol. Simferopol: Krym, 1969. P. 65–72; Sysoyev N. Ye. Repair of ships of the Black Sea Fleet during the Great Patriotic War / Bulletin No. 8. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. Sevastopol, 1977. P. 80–104; Sarina A. A. Heroic achievements of the workers of Sevastopol during the city defense / Bulletin No. 14 Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. Sevastopol, 1981. C. 71–82; Lezinsky M. Lessons of courage / Crimean holidays: Dig. for tourists and ethnographers: Book. 2 / Content by L. A. Litvinov. Simferopol: Tavria, 1985. P. 90–107 and others.

[45] Neverov I. M. Sevastopol: Pages of the heroic defense and liberation of the hero-city, 1941–1944. M.: Politizdat, 1983. 206 p.; Garmash P. Ye. Sevastopol – a hero city. M.: Voenizdat, 1983. 128 p.; History of towns and villages of the Ukrainian SSR: Crimean region. Ed.-in-chief P. T. Tronko. Kiev: Main edition of the Ukrainian Soviet Encyclopedia, 1974. 624 p

Committee in the book on the history of the Crimean party organization were no exception[46].

The dissertation of V. I. Vasilyev, which dealt with the activities of the city defence committees of Crimea, can be considered as important for the historiography of issue (1974)[47]. An undeniable merit of the study, written within the framework of the official ideology, became the attraction of materials of the regional party archive, including the minutes of meetings of the Sevastopol City Committee of the party and the city defense committee, as well as the accounting documentation. In the dissertation, an attempt to analyse the defense committee's organizational work, first of all in the military-economic sphere was made. The author emphasizes the close interaction between fleet leadership and city authorities, emphasizing the city committee's role, which "fully justified its purpose"[48].

At the same time, in the 1970s – 1980s, basic research was published on military aspects of the defense history of Sevastopol 1941–1942, which provided a wide range of information on the civil government's work. All of them fundamentally differed from the works of previous years by the use of a wide range of documentary materials, including from the Crimean Party Archive, memories, as well as collections of the Sevastopol conferences of 1961 and 1966.

The first was the monograph "Heroic Defense of Sevastopol" (1969), written by a group of historians and veterans[49]. One of the authors of the book was G. I. Vaneyev, who became the leading researcher of this issue in those years. In 1966, he defended his Ph.D thesis on the topic "Defence of Sevastopol in the Great Patriotic War 1941–1942", in 1970 – the doctoral dissertation "The Black Sea Fleet in the Great Patriotic War in 1941–1945".

General P. A Morgunov, a former head of coastal defence of the Black Sea Fleet, made major contributions to the study of the defence history of Sevastopol and prepared

---

[46] Outlines on the history of the Crimean regional party organization / Ed. by N. V. Bagrov et al. Simferopol: Tavria, 1981. 376 p.
[47] Vasilyev V. I. Activity of party organizations and city defense committees of Crimea in the first period of the Great Patriotic War: act. ... Cand. Sc. History. M., 1974. 208 p.
[48] Ibid. P. 181.
[49] Heroic defense of Sevastopol. 1941–1942 / Vaneyev G. I. et al. M.: Voenizdat, 1969. 367 p.

the monograph “Heroic Sevastopol”[50]. The author describes the military administration cooperation with the city authorities, gives data on the population evacuation, the establishment of volunteer units, LADs, the participation of citizens in the engineering structures construction.

In 1985, the monograph by A. V. Basov was published, in which an attempt was made for the first time to comprehensively describe the events that took place in Crimea in 1941–1944. It also gave prominence to the work of local authorities, primarily the Sevastopol City Defence committee[51].

The beginning of the third, modern, stage in the historiography of the subject falls in the late 1980s – early 1990s. The large-scale domestic political changes that had taken place in the country had led to the lifting of censorship restrictions, the mass declassification of archival documents and the strengthening of ties with foreign academic circles.

Against the background of increased public interest in the national history since the late 1980s the history of the Great Patriotic War, which continued to be one of the leading directions for research, is beginning to be rethought. Historians turned to the study of discussion issues: combat operations in the initial war period, material and human losses suffered by the Soviet Union, problems of cooperation, war captivity and deportations.

The study of the work of the central authorities has reached a qualitatively new level, as well as of the State Defense Committee, to which devoted their study N. Ya. Komarov, Yu. A. Gorkov, A. A. Pechenkin, V. N. Khrustalyov, V. V. Cherepanov et al.[52] It is worth noting separately the works of O. V. Khlevnyuk, in which the issues of the functioning of the higher authorities during the war and the mechanism of decision-making are considered, as well as the activities of I. V. Stalin in 1941–1945 are

[50] Morgunov P. A. Heroic Sevastopol. M.: Nauka, 1979. 516 p.
[51] Basov A. V. Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945 M.: Nauka, 1987. 335 p.
[52] Komarov N. Ya. The State Defense Committee decrees…: Documents, memories, comments. M.: Voenizdat, 1990. 428 p.; Gorkov Yu. A. The State Defense Committee decrees (1941–1945). Figures, documents. M.: OLMA-Press, 2002. 572 p.; Pechyonkin A. A. The State Defense Committee in 1941 // Otechestvennaya istoriya. 1994. No. 4–5. P. 126–142; Cherepanov V. V. Authority and war. The Stalinist mechanism of government in the Great Patriotic War. M.: Izvestiya, 2006. 496 p.; Khrustalyov V. N. State Defense Committee in the system of emergency authorities of the USSR during the Great Patriotic War (June 1941 – May 1945): author's abstract ... Cand. Sc. History. M., 2007. 19 p.

analyzed.[53] Some of the conclusions regarding the peculiarities of work of the central authorities are also applicable to leadership practices of the regional leadership.

Work was continued on the analysis of the work of the authorities of different levels in the areas of military production, the volunteer forces establishment and the LAD development. Special attention was given to the social security of citizens and the organization of daily life in extreme war conditions[54].

In 1990–2010 a large number of dissertation studies have been prepared on the basis of documentary collections of local archives, which comprehensively studied the activities of regional Soviet and emergency authorities[55], as well as individual areas of work: military defence[56], LAD development[57], solving social issues and organizing the daily population life[58].

Of considerable interest are monographs by B. N. Danilov, who summarized the experience of the city defense committees' functioning during the war[59]. The author

---

[53] Khlevnyuk O. V. State Defense Committee of the USSR. Structure, functions, archival funds / Historian and Artist: collection of memories and articles in honor of the professor Sergei Sergeyevich Sekirinsky. M.: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2013. P. 441–454; Khlevnyuk O. V. The system of supreme power in the USSR during the years of the Great Patriotic War. Historiography, sources and perspectives of research // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Gumanitarnye i obchestvennye nauki. 2018. No. 1. P. 15–26 and others.

[54] Kozhurin V. S. Unknown war: The Soviet state activities on the ensure of living and working conditions of workers during the Great Patriotic War. M: ANO, 1990. 288 p.; Zagvozdkin G. G. The Price of victory: social policy of the war years. Kirov: Volgo-Viatskoye knizhnoe izdatelstvo, 1990. 262 p.; Zinich M. S. Everyday life of the people during the Great Patriotic War. M. - St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. 347 p. and others.

[55] Molokov Ye. V. Activities of the military departments of the party committees of the regions of Central Black Earth during the Great Patriotic War: author's abstract ... Cand. Sc. History. Kurk, 2010. 22 p.; Chugunova N. V. Tula City Defense Committee (1941–1943): author's abstract ... Cand. Sc. History. Tambov, 2003. 22 p.; Pishchulina S. Yu. Stalingrad City Defense Committee in 1941–1945: author's abstract ... Cand. Sc. History. Volgograd, 2007. 27 p.; Tugusheva V. A. Activities of the city committees of the North Caucasus during the Great Patriotic War: author's abstract ... Cand. Sc. History. Maikop, 2009. 30 p. and others.

[56] Brykin V. A. Activities of local authorities in the city of Murom, Gorky region, to strengthen the USSR's defense: 1939 – August 1944: author's abstract ... Cand. Sc. History. Nizhny Novgorod, 2005. 27 p.; Dubravin S. A. Military-protective measures of authorities and public organizations of the Voronezh region during the Great Patriotic War of 1941–1945: author's abstract ... Cand. Sc. History. Voronezh, 2007. 19 p.; Krasnozhenova Ye. Ye. Military activity of local authorities in the Great Patriotic War (based on materials from the lower Volga region): author's abstract ... Cand. Sc. History. Astrakhan, 2008. 19 p. and others.

[57] Gusev A. V. Local air defense of the regions of the Central region of Russia in the pre-war period and during the Great Patriotic War: 1932–1945: author's abstract ... Doctor of Sc. History., 2014. 44 p.

[58] Nechepa V. G. Activity of local authorities of the European North in the social sphere during the Great Patriotic War: author's abstract ... Cand. Sc. History. M., 1994. 19 p.; Druzhinina-Zaitseva M. G. Activities of local authorities in organizing the population's daily life of the front-line city of Murmansk during the Great Patriotic War: June 22, 1941 – October 1944: author's abstract ... Cand. Sc. History. Penza, 2007. 25 p.; Gonzova M. V. Population's daily life of the industrial center during the Great Patriotic War (based on materials from the city of Nizhny Tagil): act. ... Cand. Sc. History. Nizhny Tagil, 2011. 30 p. and others.

[59] Danilov V. N. War and Authorit: Emergency authorities of the Russian regions during the Great Patriotic War. Saratov: Izdatelstvo Povolazskogo filiala Ros. Ucheb. centra, 1996. 391 p.; Danilov V. N. The Soviet State in the Great Patriotic War: the phenomenon of the emergency authorities in 1941–1945. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 2002. 396 p.; Danilov V. N. City defense committees: the role in mobilizing regional resources during the Great Patriotic War. Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 2016. 221 p.

describes in detail the process of creation and functioning of committees in different regions of the country, singles out the main areas of work (military-organizational, defence and military-economic) and gives an effectiveness assessment. The works touched upon, among other things, the activities of the Sevastopol City Defense Committee.

Despite the importance of the Sevastopol defense of 1941–1942, in the context of the history of the Great Patriotic War, it should be admitted that up to 2014 the subject had not been studied in a comprehensive manner.

In the 1990s–2010s, in the Russian Federation, the works by I. B. Moshchanskiy, M. Ye. Morozov, A. V. Platonov, O. I. Nuzhdin, S. V. Ruzayev, covering military aspects of the history of defense. The research was based on materials from departmental archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation, as well as, in some cases, foreign archives[60]. The issues on the civil administration bodies' work on the eve and during the third assault were partially considered in the monograph by O. I. Nuzhdin and S. V. Ruzayev, as well as in the thesis defender's articles, which were based on the material of the Crimean archives[61].

In Ukrainian historiography the research on the history of Crimea in 1941–1944 mainly focuses on the issues of cooperation, the partisan movement and the fate of the Crimean Tatar peninsula population[62]. The works, which touched upon plots related to the Sevastopol defense, were based on the research of G. I. Vaneyev, P. A. Morgunov and A. V. Basov and archival documents were used very limitedly. There were often factual errors in the coverage of events, which could be attributed not only to the political expediency but also to the careless citation of literature[63]. Few works by

---

[60] Moshchansky I. B. Struggle for Crimea: September 1941 – July 1942 / Military Chronicle M., 2002. 88 p.; Morozov M. E. Air battle for Sevastopol of 1941–1942. M.: Yauza, 2007. 458 p.; Nuzhdin O. I., Ruzayev S. V. Sevastopol in July 1942: chronicle of the besieged city. Yekaterinburg: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 2013.752 p.; Platonov A. V. Struggle for domination in the Black Sea. M.: Veche, 2010. 464 p.

[61] Ruzayev S. V. City defense committee in the system of authorities in the city of Sevastopol (October 1941 – June 1942) // Bulletin of Tomsk State University. 2013. No. 376. P. 101–103; Ruzayev S. V. Production of grenades at Sevastopol enterprises in 1941–1942. / "The world of weapons: history, heroes, collections". Materials of the international scientific and practical conference (October 21–22, 2016). Tula, 2016. P. 367–370 and others.

[62] Khayali R. I. Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945 Some methodological aspects of research // History of Ukraine. Little known names, events, facts. Collection of scientific works. Kiev, 2004. P. 93–94.

[63] See, for example, Lysenko O. Crimea during the Second World War / Crimea in the historical realities of Ukraine: Materials of the scientific conference "Crimea in the historical realities of Ukraine: On the occasion of the 50th anniversary of the entry of Crimea into the Ukrainian SSR" (Kiev, February 19, 2004) / V. A. Smoliy (ed.-in-chief). Kiev: In-t istorii

historians, mainly military ones, are dedicated to the combat use of the Black Sea Fleet, including during the Sevastopol defense[64].

At the same time, Crimean historians and local historians were quite active in analysing various aspects of the history of Sevastopol in 1941–1942. The collection "Crimea in the Great Patriotic War" became one of the first works, where the history of Crimea during the war was covered from new positions and with call of archival documents[65].

In 1992, G. I. Vaneyev published a series of articles in Ukrainian dedicated to the last assault on Sevastopol in June 1942.[66] In 1995 was published a two-volume edition "Sevastopol 1941–1942. Chronicle of Heroic Defense", which is a detailed chronology of events[67]. This book, written on a solid documentary base, can be considered as the result of the scientist's creative activity.

Despite the fact that it was along the lines of Soviet historiography and was based exclusively on domestic sources, it is of considerable interest for this study. The work makes extensive use of documents from the Crimean archives, which make it possible to build a general chronology of the city authorities' work, as well as to give an idea of the major activities at each stage of the city's defence.

The small study by I. S. Manoshin is devoted to the last days of the Sevastopol defence, the author was one of the first to describe the last battles in June 1942 and the

---

Ukrainy NAN Ukrainy, 2004. P. 260–287; Lysenko O. Crimea during the Second World War: regional dimension / Crimea from antiquity to the present: Historical studies. Kiev: In-t istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2014. P. 442–457

[64] Badakh Yu. The USSR Navy in the Soviet-German War: Myths and Truth // Military History. 2012. No. 2 (62). P. 87–99; Sokolyuk S. M. History of combat use of submarine minesweepers of the Black Sea Fleet in 1941–1944 // Viyskovo-naukovyy visnyk. Zb. nauk. pr. Akad. Sukhoputnykh Viysk im. Getmana P. Sahaydachnogo. Lviv, 2012. No. 18 (21). P. 215–230; Chirikalov O. S. Sevastopol Defense during the third assault and its influence on the course of the summer-autumn campaign of 1942 // Voennaya istoriya. 2010. No. 6 (54). P. 5–20; Yakymyak S. Conclusions and lessons from the experience of managing the forces of the Black Sea Fleet during the Second World War // Voennaya istoriya. 2011. No. 6 (60). P. 28–31.

[65] Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945. Questions. Answers. / Content by: V. K. Garagulya, I. P. Kondranov, L. P. Kravtsov. Simferopol: Tavria, 1994. 208 p.

[66] Vaneyev G. I. The last days of the Sevastopol defense in 1941–1942 // Ukrainskyy istorychnyy zhurnal. 1991. No. 6. P. 113–123; 1991. No. 11. P. 89–101; 1991. No. 12. P. 74–83; 1992. No. 2. P. 122–130.

[67] Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Chronicle of heroic defense. Book 1 (10/30/1941–01/02/1942). Kiev: Ukraina, 1995. 253 p.; Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Chronicle of heroic defense. Book 2 (01/02–07/05/1942). Kiev: Ukraina, 1995. 285 p.

fate of the city's defenders, including the civilian population, who couldn't evacuate to the Caucasus in July 1942. [68]

The issues on the Sevastopol authorities's activities, as well as the fate of the city's inhabitants are analyzed in the studies of Crimean and Sevastopol historians, archivists and ethnographers V. M. Broshevan, B. V. Nikolsky, B. N. Gelman, I. Ye. Shpakova, Yu. A. Utrobin, D. S. Omelchuk, V. N. Pascheni et al.[69] Various materials on the second defence history, including the documents of the city party committee, which were not previously included in the scientific discourse, were published in thematic collections[70].

Textbooks on the history of Crimea covered the defense of the city briefly, usually using the memories of B. A. Borisov[71]. The textbook by Ye. B. Altabayeva on the course "Sevastopol studies", which is completely dedicated to the events of the second city defense, is also of interest[72]. It provides rare photographs, extracts from documents, previously unpublished memories, and personal letters of the defence participants, which are preserved in the collections of the city archives and museums. However, the basic facts are generally known, which can be explained by the educational goals of the publication.

Since the incorporation of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation in March 2014 the process of studying the peninsula history has noticeably intensified. In 2014–2020, a large number of works dedicated to the military aspects of the second Sevastopol defence was published. It is worth noting the works of A. V. Isayev, O. I.

---

[68] Manoshin I. S. Heroic tragedy. About the last days of the defence of Sevastopol on June 22 – July 12, 1942. Simferopol: Tavria, 2001. 208 p.

[69] Broshevan V. M. Military mobilization in Crimea. 1941–1944. Simferopol: [Sine nomine], 1994. 126 p.; Gelman B. N. Cause of death – execution. The Holocaust in Sevastopol. Sevastopol, 2004. 183 p.; Nikolsky B. V. The Great Patriotic War in the Black Sea as a series of feats, crimes and punishments. Part two. Defense directorate of Sevastopol. Scientific and historical research. Sevastopol: Izdatelstvo "Miste", 2013. 357 p.; Shpakova I. Ye. Historical memory: Sevastopol during the period of defense and the German-Romanian occupation (1942–1944) in the memories of children / Moscow – Sevastopol: Archival and Regional Studies Almanac. Issue 1 / Main Archive of the City of Moscow. M., 2016. P. 199–204; Utrobin Yu. A. Commission for the history of the Sevastopol defence under the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) (1942) // Krymsky arhiv. 2009. No. 11. P. 37–50; Pashchenya V. N. Crimean ASSR during World War II (1939-1945). Simferopol: DIAIPI, 2014. 414 p.

[70] Ivanov V. B. The Sevastopol Epic 1941–1944 in official documents (reports, orders, commands, dispatches, publications). Sevastopol: "Bibleks", 2004. 320 p.

[71] Dyulichev V. P. Stories on the history of Crimea. Simferopol: Quadranal, 2005. 320 p.; History of Crimea from ancient times to the present day (in outlines) / ed. by G. M. Burov. Simferopol: Atlas-kompakt, 2005. 324 p.

[72] Altabayeva Ye. B. A city worthy of worship: Sevastopol in the Great Patriotic War. Part I. Defence of Sevastopol of 1941–1942: instructional medium. Sevastopol: Teleskop, 2013. 368 p.

Nuzhdin, A. V. Nemenko et al[73]. The studies describe in detail the events of the three storms of the city, involving not only previously unpublished documents of the national military archives, but also the document corpus of the 11th Army, stored in the archives of Germany and the United States. Certain issues of the city authorities' activities are considered in the articles of N. S. Zhuravlyova, I. V. Sibiryakov, S. V. Ruzayev, Ye. A. Sidorchuk et al. [74]

In 2020, Ye. A. Sidorchuk prepared a dissertation study, which is an attempt of an integrated study of the Sevastopol defence in 1941–1942.[75] The third paragraph of the 1st chapter is dedicated entirely to "the state-party management and the citizens' activity during the Sevastopol defence". The material presentation is replete with numerous factual errors and is entirely based on the memories of B. A. Borisov, without even involving published documents. In fact, the multifaceted work of the complex leadership system, which included the city party committee, the defence committee, the city council executive and the republican authorities, has been reduced to a long description of the main directions of the city defence committee's activities.

Summing up, we state that the scientific development of the studied issue, despite its relevance, is insufficient and requires additional research. Until now, the main source of information is the memories of B. A. Borisov and, in part, the documents of the Soviet and party bodies, introduced into scientific discourse in the 1960s – 1980s. The thesis of the great contribution of the Sevastopol authorities and residents to the strengthening of the defence is acknowledged, buy it is not supported with concrete facts or documentation.

To date, only certain aspects of the authorities' activities have been studied in relative detail – the work of industrial enterprises, the Ministry of Defense, the food

---

[73] Isayev A. V., Glukharyov N. N., Romanko O. V., Khazanov D. B. Battle for Crimea 1941–1944. M.: Yauza, 2016. 896 p.; Isayev A. V. Battle for Sevastopol. M.: Yauza, 2019. 224 p.; Nuzhdin O. I., Ruzayev S. V. Sevastopol in November 1941 Yekaterinburg: izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2017. 753 p.; Nemenko A. V. The first assault on Sevastopol in November 1941. M.: Yauza, 2017. 714 p. and others.

[74] Zhuravlyova N. S. "They worked with axes and minimal fire extinguishing equipment...". Unknown facts of the salvation of the Sevastopol panorama // Voenno-istorichesky zhurnal. 2018. No. 12. P. 62–67; Sibiryakov I. V. The image of Sevastopol in the memories of the participants of the Great Patriotic War // Bulletin of SUSU. Series "social sciences and humanities". 2018. Vol. 18 (No. 1). P. 47–55; Ruzayev S. V. The organization of the leisure of population during the defense of Sevastopol (1941-1942) // Bulletin of SUSU. Series "social sciences and humanities". 2018. Vol. 18 (No. 2). P. 106–108 and others.

[75] Sidorchuk Ye. A. Battle for Sevastopol: military-political aspect: act. ... Cand. Sc. History. M., 2020. 329 p.

base creation. Some issues remain practically unexplored: the mechanism of work of the city authorities and the interaction with the Military Council of the Navy, the organization of military training, the daily population life, etc.

The dissertation proposed for consideration allows filling the formed historiographic gap.

The study goal is to conduct a comprehensive analysis of the practical activities of the civil administration of Sevastopol, as well as to determine their contribution to the city defence organization in 1941–1942.

Based on this goal, the following **research objectives** were formulated:

- to describe the organizational structure, line personnel and local authorities' functioning, as well as the mechanism for implementing the decisions taken at the various stages of the city defence;
- to identify the main areas of local authorities' work in the military-defense sphere (military training of the population, organization of volunteer formations, LAD development);
- to consider the authorities' activities in the field of organization and development of Sevastopol military-industrial complex;
- to characterize the authorities' work in the field of food supply, medical, social and cultural provision of the city's population.

The study object – the civil administration bodies that functioned during the Sevastopol defence in 1941–1942.

The subject of the research – the city authorities' activities in the military-defense, military-economic and social spheres, aimed at supporting the front and strengthening the rear of the Sevastopol defence region.

The chronological scope of work is limited to the period from June 1941 to July 1942. Thus, the time span from the beginning of the Great Patriotic War, when the restructuring of the civil administration began, until the capture of Sevastopol by the German 11th Army is covered.

The territorial scope of the study is limited to Sevastopol and part of Balaklava district of the Crimean ASSR, which were subject to the city committee's authority of the AUCP(b) and the city defence committee during the Sevastopol defence 1941–1942.

The research source basis was both published and unpublished documents, which can be divided into the following groups: legislative acts of central and regional authorities; local government regulations; clerical documentation of authorities, organizations and enterprises; personal documents; periodical press.

In total, documents of fourteen collections of seven archives, as well as documentary collections of four Sevastopol museums and the Maritime Library n.a. M. P. Lazarev were used when preparing the dissertation. A significant number of documents are being introduced into scientific discourse for the first time.

The legislative acts of the central authorities include the decisions of the State Defence Committee kept in the Russian State Archive of Social and Political History (F. 644) as well as the decisions of the Council of People's Commissars of the USSR from the State Archive of the Russian Federation (F. R-5446). They are currently in the public domain[76] and partially published[77]. Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR have also been published in thematic collections since the late 1940s.[78] In addition, documents of the highest body of military administration, Supreme Command Headquarters, were used in the work, which allow to reveal some aspects of interaction between military and civilian authorities in Crimea[79].

The legislative acts of the Crimean ASSR include decrees, orders and directives of the Council of People's Commissars of the CASSR (SARC. F. R-652), as well as decrees of the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) (SARC. F. P-1; copies – in RGASPI. F. 17). Of considerable interest are the minutes of the party's general committee meetings, which contain not only orders on various issues in the first months

[76] Soviet era documents. Destination site "Archives of Russia" [Electronic media]. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/ (reference date: January 03, 2021).
[77] State Defense Committee of the USSR. Decrees and activities, 1941–1945: annotated catalog. Vol. 1.: 1941–1943 / A. K. Sorokin (ed.-in-chief) et al. M.: ROSSPEN, 2015. 1220 p.
[78] Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1944. M.: Publication "Vedomostey VS SSSR", 1945. 400 p.
[79] Russian Archive. Great Patriotic War. Vol. 16 (5-1). General Headquarters, 1941: Documents and material. M.: Terra, 1996. 448 p.

of the war, but also reflect the work of the Crimean leadership in besieged Sevastopol in November 1941. It should be noted that the copies of the minutes deposited in the SARC are more complete, since they contain the so-called “secret minutes”.

The most valuable for the study are the Sevastopol authorities' regulations, the decrees recorded in the minutes of meetings of the AUCP(b) city committee (SARC. F. P-35, copies – in RGASPI. F. 17) and the city defense committee (SARC. F. P-152). The decrees were binding on a limited territory (Sevastopol and part of the Balaklava district) and by-laws in relation to acts of federal and republican legislative and executive bodies.

The minutes of the city party committee cover the period from June 22, 1941 to the end of June 1942. The minutes of the defense committee's meetings cover the period from November to June 1942, almost everything has been preserved, except for the three June minutes. They give a complete picture of the main directions of work of these authorities, allow to reconstruct the decision-making mechanism and their implementation.

At the same time, the minutes made it possible to create a database on the nomenclature of Sevastopol employees during the defence period, they reflect questions of appointment to posts, official characteristics and various biographical data.

To a lesser extent, the work involved the minutes of the meetings of the executive committee of the City Council of June–October 1941, which were preserved in fragments (only seven minutes). They are stored in the funds of the State Public Institution “Archive of the City of Sevastopol” (F. R-79).

The largest group of sources is the clerical documentation of the Sevastopol authorities, organizations, enterprises and institutions. The study was prepared using administrative documents (decisions, resolutions, orders, instructions, minutes and transcripts), control documents (certificates, summaries, reports, inspection materials), recording and planning documents.

These materials contain a variety of data reflecting all aspects of the city's life on the eve and during the siege and allow a detailed study of the implementation of decisions taken in military-defense, industrial and social spheres. Most of the

documents of this group are stored in the SARC as part of the funds: P-1 (the Crimean Regional Committee), P-35 (the Sevastopol City Committee of the AUCP(b)) and P-152 (the Sevastopol Defense Committee). The memoranda of the leadership of Sevastopol LAD, which are stored in the Russian State Military Archive (F. 37878), were also used.

A number of documents of the city party committee, defence city committee and city council executive committee have been published in thematic collections[80].

Documents of personal origin, both published and unpublished, were used to write the work. Among the latter, it is necessary to note the memories and interviews with the participants in the Sevastopol defense, deposited in the SARC (F. P-156 – Crimean commission on the history of the war), as well as in the State Public Institution "Archive of the city of Sevastopol" (F. 434 – collection of documents on the war history).

A considerable package of memories is contained in the funds of the Sevastopol Military Historical Museum-Reserve. Basically, these are interviews collected by the historical commission at the CPU's city committee and employees of the Museum of Heroic Defense and Liberation. Among them are the memories of party workers (Ye. P. Gyrdymov, Ye. S. Dzheneviz, Ye. A. Lapinskaya), engineers and workers of city enterprises (S. A. Ilyin, P. I. Kotko, A. M. Krukov), educationalists (A. M. Netrebenko) and others. All of them are collected in separate volumes under the general title "Materials on the history of defence, liberation and restoration of Sevastopol". In fact, until now, they have not been introduced into scientific discourse.

Individual memories of civilians are stored in the collections of other Sevastopol museums (ChUS MIMK "35th Shore Battery", People's Museum of Sevastopol Police (militia) n.a. M. S. Kazakievich, Museum of the Black Sea Fleet), as well as in the handwritten collection of the Sea Library n.a. M. P. Lazarev.

---

[80] Heroic defense of Sevastopol 1941–1942: collection of materials. Simferopol: Krymizdat, 1946. 292 p.; Crimea during the Great Patriotic War. Coll. of documents and materials. Simferopol: Tavria, 1973. 496 p.; Fiery days of Sevastopol / Content by P. Ye. Garmash. Simferopol: Tavria, 1982. 287 p.; Sevastopol is 200 years old. Coll. of documents and materials. Kiev: Nauk. Dumka, 1983. 410 p.; Broshevan V. Crimea in the documents of the Supreme Command Headquarters. 1941–1944. Simferopol, 2000. 145 p.; Ivanov V. B. Sevastopol epic 1941–1944. in the official documents. Sevastopol: Bibleks, 2004. 320 p.

A considerable number of memories of the participants in the Sevastopol defence have been published, most of them belonging to the Maritime Army and the Black Sea Fleet[81]. Memories make it possible not only to significantly supplement the picture of events, but also to clarify many issues related to the work of defensive area rear.

The number of published civilian memories is relatively small[82]. Interviews with residents of besieged Sevastopol posted on the "I Remember" website[83], as well as diaries from the "Lived"[84] website, can be considered quite meaningful.

Another source of information was the periodical press, primarily the newspapers published in Sevastopol in 1941–1942, the "Mayak Kommuny" and the "Krasny Krym". A large number of different materials were published in the press pages during the defence period: official documents, information reports, analytical materials, publicity (stories, outlines) which illustrate various areas of authorities' work and the daily life of city's population.

The methodological basis of the research was formed by the basic principles of historical science, historicism and scientific objectivity in the coverage of the events under study.

The principle of historicism, which presupposes the consideration of historical events in their development, helped to understand the dynamics of the processes and phenomena that took place during the Sevastopol defense in 1941–1942, their diversity and interrelationship with each other and with a particular historical situation.

The objectivity concept of historical knowledge, the purpose of which, according to I. D. Kovalchenko, consists in obtaining "true knowledge, that is, knowledge that

---

[81] Alexandrov N. I. Sevastopol armored train. Simferopol: Krym, 1966. 280 p.; Yevseyev A. K. Besieged Sevastopol. Leningrad: Sovetsky pisatel, 1959. 253 p.; Yermilov A. P. Combat rear of Primorskaya / Near the Black Sea strongholds. Detached Primorskaya army in the defense of Odessa and Sevastopol. Memories. M.: Voenizdat, 1967. P. 306–319; Zhidilov Ye. I. We defended Sevastopol. Gorky: Volgo-vyatskoye knizhnoe izdatelstvo, 1973. 256 p.; Krylov N. I. It will never fade. M.: Voenizdat, 1984. 558 p. and others.

[82] Dolgusheva Z. I. Memories of a Sevastopol girl. Sevastopol: Scientific Production Center "ECOSI-Gidrofizika", 2011. 31 p .; Zadorozhnikov G. Memories of an old boy (Sevastopol 1941–1945). Sevastopol, 2013. 206 p.; Lavrentyeva V. Ye. Medics in the Sevastopol defence / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 176–183; Lunyov P. A. Memories of the work of the communications workers of the Sevastopol automatic telephone exchange and the communications office during the city defence during the period of 1941–1942. / Communication in Ukraine during the Great Patriotic War / Content by N. A. Borisova, N. I. Losich, O. V. Frolova et al. St. Petersburg: Central Museum of Communications n.a. A. S. Popov, 2013. P. 262–281; Sushko Ye. V. I know that war firsthand... Sevastopol: ChP Kruchinin L. Yu., 2008. 144 p. and others.

[83] I remember [Electronic media]. URL: https://iremember.ru/ (reference date: January 03, 2021).

[84] Lived. Personal stories in the electronic corpus of diaries. [Electronic media]. URL: https://prozhito.org/ (reference date: January 03, 2021).

adequately reflects the studied reality"[85], allowed to have a balanced approach to the analysis of the studied events, as well as to distance as much as possible from ideological attitudes in considering the defence events.

In the course of writing the work, various methods of studying historical reality were used: historical-genetic, comparative-historical, method of quantitative data processing, prosopographic method.

The historical-genetic method, understood as the sequential discovery of "properties, functions and dimensions of the studied reality in the process of its historical movement"[86], allowed to study the causes of occurrence and the general sequence of events and phenomena that became the subject of this study.

The comparative historical method by which the general and individual characteristics of single-order processes are analysed was used to determine the main trends in the development of the civil administration of Sevastopol at different stages of defence in comparison with similar structures in other cities of the Soviet Union. Above all, materials on the history of defence of Leningrad and Odessa were used for a comparative analysis.

The usage of the method of quantitative data processing made it possible to analyze the agendas of the meetings of the city committee of the AUCP(b) and the city defence committee. In particular, this made it possible to identify the priority areas of work of the authorities at different stages of the city's defence, the frequency of meetings, and to reveal information about the personal composition of the participants. The prosopographic method, in turn, was used to reconstruct the "collective portrait" of representatives of the urban nomenclature.

The scientific novelty of the research is as follows:

4. The activity of the authorities of the city of Sevastopol on the eve and during the defense of 1941–1942 was analyzed with the involvement of a wide range of sources.

[85] Kovalchenko I. D. Historical research methods. M.: "Nauka", 1987. P. 239.
[86] Kovalchenko I. D. Op. cit. P. 170.

5. The features of the structure of local authorities at different stages of the city's defense were identified.
6. The qualitative characteristics of the Sevastopol authorities' activities were analyzed.

Theoretical and practical significance: the results of the dissertation research can be used in the writing of scientific and scientific-popular works on the history of the Great Patriotic War and the second Sevastopol defence of 1941–1942 to prepare teaching aids and courses offered in higher and secondary educational institutions.

The following provisions are brought to the defense:

7. The city committee of the AUCP(b) headed by B. A. Borisov played a decisive role in the local government structure on the eve and during the Sevastopol defence. This administrative body, which guided in its work primarily by the instructions of the Black Sea fleet command, had a certain autonomy from the republican and central authorities, which helped to move away from bureaucratic formalities and to increase the work efficiency.
8. The chronological framework and content of the activities of the emergency governing body, the Sevastopol city defense committee, at different stages of the city's defence have been clarified. The committee became a full-fledged administrative center only in May–June 1942, that is, on the eve and during the third assault on the city.
9. Significant efforts of local authorities were directed to the implementation of military-defense measures (military training of the population, formations of people's militia units, strengthening the LAD system).
10. The city authorities took part in the military industry creation and development, while the Military council of the fleet and the republican authorities played a decisive role in this area.
11. In the besieged city, the city authorities, with the support of the Naval war council and the republican leadership, managed to hold events to provide food, medical assistance and cultural services.

12. An analysis of the work of the city committee of the AUCP(b), the city defence committee and the executive committee of the city council allows to draw a conclusion about the great contribution of civilian governing bodies to the creation of rear of the Sevastopol defence region.

Work structure. The dissertation consists of an introduction, three chapters, a conclusion, a list of references and literature.

Chapter I. LOCAL GOVERNMENT BODIES OF SEVASTOPOL In 1941–1942.

I.1. Local authorities on the eve of defense (June – October 1941)

Historically, Sevastopol was the main base of the Black Sea Fleet. By the beginning of the Great Patriotic War, a large naval group was based on the city, as well as the commander, the Military Council, the headquarters, numerous services and fleet departments.

From March 1939, Vice Admiral, Philip Sergeevich Oktyabrsky, was the fleet commander. He was also the head of the Main base, respectively, was in charge of a wide range of issues of material and technical equipment and repair of ships, quartering of units, ensuring the safety of parking, sanitary and medical support for sailors.

F. S. Oktyabrsky, by virtue of his powers, possessed practically unlimited power of the highest military commander in Sevastopol. He was directly subordinate to the command of the Navy and was independent of the command of the Odessa military district, which included army formations on the territory of the Crimean peninsula.

In his activities, he relied on the Military Council, the highest collegial management body in the fleet, formed in accordance with the Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR dated May 10, 1937. By the beginning of the war, the Military Council of the fleet included the Admiral F. S. Oktyabrsky and the divisional commissar N. M. Kulakov.

The council's functions included the leadership of combat and political training, material, technical, sanitary support, and the organization of air defence. Also, according to the regulation, the Military Council was supposed to “take an active part in the work of civilian organizations to strengthen the rear”. For this reason, on the eve of the war, local party leaders were introduced to the Military Councils. In the Black Sea Fleet, it was Vladimir Semyonovich Bulatov, who since 1939 held the post of 1st Secretary of the Crimean Regional Committee of the AUCP(b).

Sevastopol had the status of a city of republican subordination within the Crimean ASSR and was the center of a separate region. The structure of the civil administration

of Sevastopol consisted of two elements, the City Committee of the AUCP(b) and the Council of Workers' Deputies, which functioned in close cooperation.

The highest representative body of state authority was the city council, which was engaged in cultural, political and economic construction of the city, set the local budget, supervised the activities of subordinate government bodies, promoted "strengthening the country's defense capability", ensured the protection of public order, the observance of laws and the protection of citizens' rights.

A permanent executive committee was the executive and administrative body of the city council. Since January 2, 1940, it was headed by a 35-year-old native of Sevastopol, Vasily Petrovich Yefremov, well known to the residents of the city as a Stakhanovite of the Sevastopol Marine Plant and a deputy of the Supreme Soviet of the USSR. He had experience in administrative work, from May 1938 to January 1940 he held a position of chairman of the Sevastopol City Council. General P. A. Morgunov described him as "a strong-willed leader who deeply knows his job".[87]

The executive committee structure included a personnel sector, eight departments and a planning commission. The city executive committee was subordinate to three regional executive committees under the Soviets of Severny, Centralny and Korabelny districts of the city.

In accordance with Art. 55 of the Constitution of the Crimean ASSR, the executive committee carried out day-to-day leadership of "cultural, political and economic construction" in the city area. Thus, the executive committee's competence included the leadership of local industry enterprises, the leadership of public utilities, housing construction and amenities, health care, social welfare, public education, cultural, educational and scientific organizations of the city.

In the second half of the 1930s the all-union trend was the increase of the process of concentration of power in party bodies, their "statism" as well as the strengthening of party control over councils that built work within the framework of party directives[88].

[87] Morgunov P. A. Op. cit. P. 16.
[88] See: Korzhikhina T. P., Figatner Yu. Yu. Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action // Voprosy istorii. 1993. No. 7. P. 25–38; Andreyev V. P. Party organizations and city councils of the RSFSR (1926–1937). Author's abstract...

By the beginning of the war “having assumed state, economic, administrative, military and other duties, AUCP(b) has finally transformed into a state party”[89].

In Sevastopol, the party authority vertical was confined to the city committee of the AUCP(b), which since March 1940 was headed by the 38-year-old 1st secretary Boris Alekseyevich Borisov. Unlike V. P. Yefremov, he was born in the Yaroslavl province and only from the beginning of the 1930s started working in Crimea. Memoirists who worked with B. A. Borisov, characterized him as an energetic, hard and demanding government official who had high authority among city and naval command population. The latter is partly due to the fact that at the end of the 1920s he served in the submarine forces of the Black Sea Fleet, from where he was sent to party work. Owing to his personal and business qualities, he was the true leader of the city party organization.

A key role in organizing the work of the city party organization was played by the collegial governing body, the city committee bureau of the AUCP(b). As of June 22, 1941, it included the 1st secretary B. A. Borisov, the 2nd secretary V. I. Kulibaba, the secretary for personnel M. M. Savitsky, secretary of the party organization of the plant No. 201, party organizer of the CC of the AUCP(b) A. M. Gorodnin and the chairman of the city executive committee V. P. Yefremov. Party committees of three city districts were subordinate to the city committee.

The naval command coordination with the local authorities had certain features. Sevastopol was the only main base of the Soviet Navy, where the command contacted directly with the secretary of the city party committee, and not with the regional committee of the AUCP(b). It can be explained by the fact that Sevastopol, which had never been the capital of Crimea, at the same time was a city with a developed coastal infrastructure and a shipyard, the largest industrial center of the peninsula. Also in 1939 it received the special status of a “closed city”, which predetermined a relative autonomy from the republican center.

Cand. Sc. History. Tomsk, 1991. P. 24–25; Zaulochna S. A. Constitutional status of the Crimean Autonomy within the RSFSR (1921–1944): historical and legal research: author's abstract ... Cand. Sc. History. Kharkiv, 2009. 20 p. and others.

[89] The Great Patriotic War 1941–1945. Military-historical outlines. Book one. Severe tribulations. M.: Nauka, 1998. P. 59.

In other main bases of the fleets of the Soviet Navy, a dialogue was built with the party and state authorities of a higher rank, since they were located in the republican and regional centers. For example, in the Baltic Fleet – with the republican leadership of the Communist Party of Estonia and the Leningrad Regional Committee, in the Pacific Fleet – with the Primorsky Regional Party Committee, in the Northern Fleet – with the Murmansk Regional Committee (despite the fact that the main base was in the city of Polyarny).

Actually, the Sevastopol city party committee acted independently on many issues, following direct instructions from the naval command received during joint meetings. Later the instructions were put on the form of decrees of the city committee bureau or executive committee of the city council. At the same time, judging by the minutes of the meetings of the Crimean regional committee of the AUCP(b), issues concerning the work of the Sevastopol party organization were rarely considered in comparison with other city and Crimea regional committees.

It was already after the end of the war when F. S. Oktyabrsky repeatedly stressed that on the eve and during the defence "the fleet was the master" in Sevastopol[90]. This statement was supported, for example, by V. P. Yefremov, who stated that "not a single political and economic issue was resolved without the participation of the Black Sea Fleet Military Council"[91].

Despite the fact that the influence of the Black Sea Fleet leadership on the city authorities' activities was great, the position of F. S. Oktyabrsky appears to be debatable. Powers overlapped mainly in two areas: defense and industrial, the most relevant in the conditions of an impending military threat.

The military department of the city party committee, which was headed by I. I. Bakshi, was engaged in the military registration of citizens, the organization of training for those liable for military service, and also oversaw the work of LAD and defense organizations. The work of the department was based on the close interaction of I. I.

[90] The Black Sea Fleet Museum. Oktyabrsky F. S. Forced certificate of the participants in the Sevastopol defence of 1941–1942. No pagination.
[91] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. Vol. XXX. P. 70.

Bakshi with the commandant of the city, Major A. P. Starushkin and the executive stuff of defence organizations (Osoaviakhim and the Russian Red Cross Society).

In Sevastopol, which was the largest shipbuilding and ship repair base in Soviet Black Sea region, the attention of the naval and city leaders was focused on ensuring the accelerated implementation of the production plan. On the part of the city authorities, it was done by the secretary for industry A. A. Sarina, to whom submitted the industrial city committee department. It was headed by A. A. Petrosyan, an experienced process engineer, who has previously worked at Krymenergo.

The department supervised the work of the primary party organizations of Sevastopol enterprises, including Military Port, had direct influence on the production planning and rates, participated in the distribution of material resources and labour, the organization of cooperation with other branches of industry, the moral and material support for work and the Stakhanov movement development.

A. A. Sarina interacted with the leadership of industrial enterprises through the party organizer of the Central Committee at the Sevastopol Marine Plant of A. M. Gorodnin. The work coordination with the military command was carried out through the head of the technical department of the Black Sea Fleet, Engineer-Captain of 1st rank I. Ya. Stetsenko, who was in charge of the ships repair, operation and supply. As noted by the director of plant No. 201 M. N. Surguchyov, the city authorities and the enterprises leadership developed “good business relations” with the technical department of the fleet[92].

At the same time, the naval command practically did not interfere in the day-to-day leadership of the city: this work was carried out by Soviet and party bodies, which had the appropriate experience and resources for this.

June 22, 1941. Sevastopol became one of the first Soviet cities to be raided by German aircraft. In accordance with the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated June 22, 1941 “On the declaration of martial law in certain areas of the USSR”, martial law was also declared in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic. On the same day, the Decree “On Martial Law” was issued, according to

[92] Surguchyov M. N. The ships are returning to service. Simferopol: Tavria, 1972. P. 45.

which all functions of state authority in the field of defence and maintenance of law and order on the ground were transferred to the military command. On the territory of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic – to the commander of the 9th Rifle Corps, General F. P. Sudakov (at a later date – P. I. Batov), in Sevastopol – to the Black Sea Fleet Military Council.

The decree emphasized that the military command and control bodies had the right to "give orders to local authorities, state and public organizations and demand unconditional and immediate execution from them".[93] In particular, the military were able to employ the population, establish a military duty, seize vehicles, regulate the working hours of enterprises and establishments, and prohibit entry into and exit from the designated area, evict the population administratively. In fact, the command of the Black Sea Fleet had similar rights before, which is explained by the special status of the city.

The need to implement a package of measures on bringing the main base to combat readiness to repel a possible assault was determined by the close interaction of the naval command with local authorities, which took place even before the start of the war. The rights of the Soviet and party governing bodies were significantly limited, but the military authorities did not have the means to exercise their powers in the civil sphere. This situation had the following two ways to get out: redistribution of responsibilities or creation of emergency bodies that would combine the efforts of the military command and the local leadership.

In the first months of 1941, in Sevastopol, it was not decided to go along the path of creating emergency bodies, as was the case, for example, in Leningrad (on July 1, a commission on defense issues was formed), Tallinn (on July 11, the Republican Defense Committee was created) and Odessa (on August 11, a "gorodskaya troika" was formed). There were no commissioners from SDC either. The city party committee, as was the case in other cities of the Soviet Union, took over the general leadership of the activities of all city organizations and institutions.

[93] Krasniy Krym. 1941. June 23. No. 146. P. 1.

At the same time, under the conditions of maximum centralization of local government in the country, with the top leadership tacit consent, the independence of local authorities began to increase, from which reasonable initiative and efficiency in actions were required[94]. Subjective factors also played an important role in this, the personal ability of local leaders to take responsibility[95].

In Sevastopol, such a person became B. A. Borisov. He was the only city leader who was ordered out on the night of June 21-22, 1941 for a meeting at the fleet headquarters, where he was informed on fleet transition to readiness for action and received instructions to bring all services on alert. At the same time, it was determined that interaction between the command and the city leadership would be carried out through the coastal defense commandant, Major General P. A. Morgunov[96].

The Sevastopol authorities, oriented primarily at the instructions of the command of the Black Sea Fleet, had a certain independence from the Crimean ASSR governing bodies in resolving a wide range of issues. An analysis of the minutes of the meetings of the AUCP(b) regional committee allows to assert that regulations directly addressed to the Sevastopol authorities were extremely rarely adopted.

As before the war, B. A. Borisov and V. P. Yefremov were invited to the Military Council meetings, where they took part in the discussion of issues concerning their competence. The decisions were subsequently submitted for discussion by the city party committee bureau. For example, the minutes of the meeting of the city committee bureau dated 3 July 1941, which referred to the need to mobilize the population for the fortifications construction, explicitly referred to the directives of the Military Council[97].

Around B. A. Borisov, a group of associates was formed from among the bureau members and secretaries of the city committee, who were entrusted with personal responsibility for certain areas of work. Thus, M. M.Savitsky was entrusted with the population evacuation, A. A. Sirina was responsible for the material values export, I. I.

---

[94] Danilov V. N. The Soviet State in the Great Patriotic War: the phenomenon of the emergency authorities in 1941–1945. Saratov, 2002. P. 43.
[95] Ganzenmüller J. Besieged Leningrad. A city in the strategies of attackers and defenders. 1941–1944. M.: Centrpoligraf, 2019. P. 199.
[96] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 9.
[97] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 151.

Bakshi had to create a compound of the people's militia, V. I. Kulibaba was responsible for the strengthening of city LAD.

The most important role in management continued to be played by the city committee bureau of the AUCP(b), while by November 1941 there remained only B. A. Borisov, V. I. Kulibaba and V. P. Yefremov, who worked in this position until the end of the defence. In total, from June 22 to October 31, 1941, at least 30 meetings were held, the decisions taken were recorded in 29 minutes. From June to September, the results of one meeting were recorded in each minute. Beginning in September 1941, when the enemy approached the Crimean peninsula, minutes appeared, which included decisions taken at several meetings at once[98].

Most of the bureau's meetings were held with an extended composition of participants: on average, once a week, senior officials of the city, districts, heads of enterprises, representatives of the city police department and the NKVD gathered. The meetings, which generally lasted 20-30 minutes, began with informing the assembled about the situation on the front and the current tasks, which were set by the “party and military command”, i.e. the instructions of the Naval Council, Crimean Explanatory Note, Decisions of the city defence commitee and the SDC of the USSR were considered[99].

They were then discussed and final decisions were adopted, a special category of acts formulated in a mandatory manner, in which the adoption purpose, the responsible people and the time-frame for implementation were registered. As the situation became more complicated, they became more and more similar to army orders[100]. The decisions of the city party committee bureau were registered in a minute and were binding on all governing bodies, enterprises, institutions and public organizations of the city.

To control the performed work, there was a practice of final reports, in which the responsible people described in detail the particular decision implementation. For example, on July 3, 1941, a decree was adopted to mobilize the city's population for

[98] Minutes of September 16–19; October 3–6, 13–15, 16–20 and 27–28, 1941.
[99] Borisov B. A. School of life. M.: Politizdat, 1971. P. 109.
[100] Krasniy Krym. 1941. July 11. P. 1.

defense work. Already at the next meeting, which took place on July 10, was heard a report by V. P. Yefremov about its implementation.

As was the case in other cities, Sevastopol set up provisional supervisory and executive bodies, commissions responsible for a particular work area. So, there were commissions / headquarters for evacuation (chairman – M. M. Savitsky), construction of shelters (I. I. Bakshi), the collection of warm clothes (M. M.Savitsky), the issuance of benefits to the families of military personnel (V. S. Ryabogin), etc.

The direct executors were the relevant departments of the city party committee and the executive committee of the city council, as well as regional authorities, LAD headquarters, city committee of the Komsomol Osoaviakhim, the Russian Red Cross Society, trade union organizations. It should be noted that a significant number of party workers in the first months of the war were drafted into the army or evacuated. By the beginning of the defense, the city party organization was reduced from 3 368 (in June 1941) to 500-700 people, the Komsomol organization from 7 000 to just over 1 000 people[101]. By September, 559 communists and 120 candidates, who went to the army and navy, were removed from the party register in Sevastopol[102].

The main work directions of local authorities were formulated in a joint directive of the Council of People's Commissars of the USSR and the CC of the AUCP(b) “Party and Soviet organizations of the front-line regions” dated June 29, 1941. At a meeting of the Bureau of the Sevastopol City Committee, held on July 1, it was decided to “accept for unswerving guidance and immediate implementation”[103].

The directive stated that it was necessary “to provide full assistance to the active army, to ensure the mobilization of reserves, to provide the army with all necessary supplies, to ensure the rapid advance of transports with military forces and military cargo, to provide extensive assistance to the wounded for hospitals, schools, clubs, institutions”[104].

---

[101] Basov A. V. Op. cit. P. 64–65; Heroic Defense of Sevastopol. M., 1969. P. 124; Outlines on the history of the Crimean regional party organization. Simferopol: Tavria, 1981. P. 183, 190; Borisov B. A. Communists of Sevastopol / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 55.
[102] State Archives of the Republic of Crimea (hereinafter – SARC). F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 94.
[103] Ibid. D. 200. L. 143.
[104] The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Volume 7. 1938–1945. M.: Politizdat, 1985. P. 221–222.

These provisions were supplemented and specified in a speech by I. V. Stalin on 3 July 1941, as well as in the relevant decrees of the State Defence Committee, directives of the CC of the AUCP(b) and decrees of the Presidium of the Supreme Council.

On June 22, a telegram of V. S. Bulatov was sent to all district and city committees of the Crimean ASSR Party, in which the following tasks were assigned to the party organs: "A threatened combat position has been introduced. Put on alert the part apparatus, all means of air defense, raise the self-defence squads, mobilise cars for them, arm them with military weapons, set up a network of checkpoints for planes and parachutes, increase the security of the enterprises, put the communists in positions of responsibility, strengthen the progress of the most important work of enterprises, state farms, collective farms"[105].

In Soviet historiography, it was established that the party's city committees were engaged in military mobilization work, organization of the people's militia, construction of defensive frontiers, LAD strengthening, leadership of military enterprises, organization of military equipment repair, as well as issues of agitation and propaganda[106].

Analysis of the subject matter of the decision of the city committee bureau of the AUCP(b) makes it possible to identify the main work areas of the Sevastopol City Committee: mobilization and military training of the population, formation of the people's militia, work of the LAD, construction of fortifications, organization of evacuation of population and material values.

During this period, the LAD became the subject of consideration nine times, the organization of population military training and the creation of a people's militia division – six times. To a lesser degree, the city authorities were concerned with law enforcement issues: this area was within the competence of the NKVD city department and the Coastal defence commandant. Unlike other cities, the issues of the industrial enterprises operation were not raised at the meetings of the Sevastopol City Committee

[105] SARC. F. P-1. Op. 1. D. 2077. L. 26.
[106] History of the Second World War. Vol. 4. M.: Voenizdat, 1975. P. 368.

bureau, since decision-making in this area came directly from the main customer, the technical fleet department.

At almost every meeting of the city party committee bureau, they continued to resolve issues that were relevant for party bodies: leading personnel redeployment, analysis of the personal affairs of members of the AUCP(b), etc. Of the 29 minutes, five are entirely devoted to the appointment or removal from office of executive officials, which is primarily associated with the massive conscription into the army and the evacuation of nomenklature representatives.

The cooperation of the city council executive committee with party bodies was carried out through the participation of the chairman of the executive committee in meetings of the city committee bureau and in various meetings. In some cases, joint meetings of the city committee bureau and the city council executive committee were held, during which issues affecting the competence of state bodies were considered[107]. The minutes were double numbered and signed simultaneously by B. A. Borisov and V. P. Yefremov.

The executive committee's activities were maximally subordinated to the solution of tasks that were set by the city party committee and the fleet command: work on air defense (V. P. Yefremov – head of the city's LAD), participation in the population mobilization for defense work, military training organization. In addition, the executive committee continued to resolve issues in the health sector, in the fields of social security, education, improvement of public services, communal services, etc.

In the surviving minutes of the executive committee meetings of the Sevastopol city council, the overwhelming majority of decisions are devoted to the relocation of nomenklatura personnel in connection with leaving for the army. An exception can be considered a number of resolutions on the organization of assistance to the families of military personnel[108].

---

[107] August 2, No. 94 / 49 (fire protection tightening), August 5, No. 96 / 50 (on LAD personnel), No. 98 / 51 dated August 31 (on mass children evacuation), No. 106 / 57 dated October 13-15 (on supplying the population with bread), No. 108 / 59 dated October 22 (on children and schoolchildren evacuation).

[108] Archive of the City of Sevastopol (hereinafter – ACS). F. R-79. Op. 1. D. 764,. D. 765.

Thus, in June–October 1941, a management model operated in Sevastopol, in which the city committee of the AUCP(b) occupied the central place. secretary of the city party committee B. A. Borisov, who relied on a group of associates and the bureau, headed the work of Soviet, party and public organizations, enterprises, institutions and individual citizens in the conditions of the outbreak of war. The activity was aimed at the implementation of a package of defense measures carried out in the interests of the Black Sea Fleet and the Sevastopol garrison.

I.2. Local government system transformation during the first and second city assault (November–December 1941)

For almost four months, from the end of June to the middle of October 1941, the Crimean ASSR was initially in the position of the rear, and then of the front-line region. Compared to the western regions of the Soviet Union, the military command, the republican leadership and local authorities had enough time to carry out a package of defense measures. The situation changes at the end of October 1941, when the 11th Wehrmacht Army launched an offensive in the northern part of the Crimean peninsula.

At this time, the critical situation that emerged on the Soviet-German front forced the country's top leadership to create local emergency governing bodies of military and civilian leaders in order to combine efforts for the prompt resolution of defense issues. Some experience in the work of such control bodies was gained in the first months of the war, primarily in Leningrad and Odessa.

On October 22, 1941, a decree of the State Defense Committee No. 830s “On city defense committees” was signed. According to it, special governing bodies were created in 46 cities of the Soviet Union “in the interests of concentrating all civil and military power and establishing the strictest order in the cities and adjacent areas”[109].

The next day, October 23, 1941, a decree of the Crimean regional party committee was adopted, according to which city defense committees (hereinafter referred to as SDC) were formed in Sevastopol, Kerch and Simferopol[110]. As B. A.

[109] Russian State Archive of Social and Political History (hereinafter – RGASPI) F. 644. Op. 1. D. 12. L. 180.
[110] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1523. L. 154.

Borisov recalled, only on October 26, during a telephone conversation with V. S. Bulatov, he was informed about the creation of a committee in Sevastopol[111].

By definition of S. Yu. Pishchulina, the SDC were extraordinary extra-constitutional government bodies that were called upon to "coordinate the work of Soviet, party, public, military institutions and industrial enterprises in information, military-organizational and military-economic issues, focusing on the decisions of the central authorities and developing local government regulations"[112].

The committees consisted of four people: the secretary of the city committee, the chairman of the executive committee, the head of the city department of the NKVD and a representative of the military command. In Sevastopol, the commitee members were the 1st secretary of the city party committee B. A. Borisov, the chairman of the executive committee V. P. Yefremov, the garrison head, Rear Admiral G. V. Zhukov (instead of him, the meetings were attended by the city commandant A. P. Starushkin) and the head of the city department of the NKVD K. P. Nefedov. The composition of the city defense committee remained practically unchanged until the end of the city's defense, the only replacement was the introduction to the committee of the General P. A. Morgunov instead of G. V. Zhukov.

The specific areas of work of city committees were to be determined by directives and decrees of the State Defense Committee and instructions from authorized SDC[113]. Note that among the decisions of the SDC for November 1941–June 1942 there is not a single one directly devoted to the work of the Sevastopol authorities.

The decree No. 830 did not clearly establish the committees legal status, and there were no regulations defining their powers. Thus, a significant contradiction was laid in the new governing body: the powers and functions of the defense committees did not comply with the provisions of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet dated June 22, 1941 "On the declaration of martial law in certain areas". This led to mutual misunderstandings and conflicts between civilian and military authorities.

---

[111] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 73.
[112] Pishchulina S. Yu. Stalingrad City Defense Committee in 1941–1945: author's abstract ... Cand. Sc. History. Volgograd, 2007. P. 13.
[113] Gutin M. L. Op. cit. P. 85.

These contradictions were fully manifested in Sevastopol, where a kind of power "vacuum" was formed in the last days of October. After the breakthrough of the Soviet defense line at the Ishun positions, by the decree of the Military Council of the Crimean military forces No. 026 dated October 27, 1941, martial law was introduced on the territory of the Crimean ASSR[114]. The next day, on October 28, 1941, the commander of the Black Sea Fleet, Vice Admiral F. S. Oktyabrsky departed in the Caucasus.

Personal responsibility for defense was assigned to the Rear Admiral G. V. Zhukov, who was appointed Deputy Commander of the Black Sea Fleet for the Defense of the Main Base by Headquarters directive No. 004055 dated September 22, 1941[115]. In fact, for the period from October 30 to November 4, all the military command threads in Sevastopol were concentrated in his hands. A few days later, the city defense committee began its work.

Thus, in Sevastopol, a situation developed when two people simultaneously possessed extraordinary powers in management – B. A. Borisov and G. V. Zhukov. Both were reputable and experienced managers, each with experience in building interaction between civilian and military structures. The situation demanded quick and tough decisions, since in the first days of the defense, not all representatives of the military and civilian authorities were convinced that Sevastopol could be defended.

The events in Sevastopol, which took place in October and early November 1941, evidence that the immediate threat to the city rallied the military and civilian leadership: on the shoulders of G. V. Zhukov and B. A. Borisov fell the entire burden of organizing the defense in the first days of the siege The general leadership remained with G. V. Zhukov, who relied on the Military Council of the Fleet and his deputy, the commandant of coastal defense P. A. Morgunov. In turn, the city defense committee in those days became a body that "concentrated all civil power in the city in its hands", subordinating the party, state, Komsomol organizations, enterprises and institutions to the interests of defense[116].

---

[114] Crimea during the Great Patriotic War Simferopol: Tavria, 1973. P. 69

[115] Russian Archive. General Headquarters, 1941. M., 1996. P. 256.

[116] Verbatim record of the extended meeting of the Council of the Museum of Sevastopol Defense and Liberation ... / MSDLR. Vol. XXX. P. 23.

In late October – early November, four meetings of the defense committee were held (October 28 and 30, November 1 and 4) and only two meetings of the city committee bureau (October 28 and 31) with a secondary agenda. In the condition of the coordinated work of the Navy leadership and the City Defense Committee, the most pressing issues at the time were urgently resolved: creation of military formations, construction of engineering facilities, maintenance of law and order, as well as evacuating people and industrial enterprises from the city. This played a positive role in repelling the enemy offensive in the first days of the city's defense.

The events of October 30, 1941, when enemy units reached the distant approaches to the city, are indicative. At a meeting of the naval leadership, in which Rear Admirals G. V. Zhukov and I. D. Yeliseyev, division commissars I. I. Azarov and N. M. Kulakov developed urgent measures to defend the Main Base[117]. On the same day, a meeting of the SDC Committee was held, at which decisions were made on a wide range of issues that reflected the agenda of the naval meeting: the organization of military training for the citizens, the acceleration of the evacuation of the population, food reserves creation[118].

The positively proven management system was abolished after the arrival of the superior authorities in the city: on November 1 – the secretary of the regional committee of the AUCP(b). V. S. Bulatov and the chairman of the Council of People's Commissars of the CASSR M. I. Ibraimov, November 2 – the commander of the fleet F. S. Oktyabrsky, November 3–4 – the commander of the Crimean military forces, Vice-Admiral G. I. Levchenko and the commander of the Primorsky Army, Major General I. Ye. Petrov.

The incoming leadership sought to centralize control, which was hampered by the presence of local emergency military and civilian authorities. On the evening of November 3, 1941, a meeting of the city's activists was convened, at which V. S. Bulatov and F. S. Oktyabrsky set the task of subordinating to the interests of defense all

[117] Kuznetsov N. G. A combat alert in the fleets. M.: Voenizdat, 1971. P. 133.
[118] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 2.

the work of the party, Soviet authorities, as well as enterprises and institutions[119]. Presumably, an instruction about the inexpediency of the defense committee's work in the conditions of the regional leadership being in the city could have been sounded there[120].

Subsequently B. A. Borisov wrote frankly about the difficulties: “in the beginning, it was not clear to us exactly how the city defense committee was supposed to carry out the tasks set by the State Defence Committee and how to build a relationship with the newly established Military council of the Sevastopol defense region[121]. Some military officials expressed some bewilderment about the creation of a defense committee, saying: “In Sevastopol, there is a Military Council of the Fleet and a Military Council of the Sevastopol Defense Region, what else is a city defense committee for?”[122]

On November 4, the fourth and last before a long break (until January 1942) meeting of the city defense committee took place, at the same time, meetings of the city committee bureau and the executive committee of the city council were suspended for 1.5 weeks. B. A. Borisov noted that with the arrival of the military and regional leadership on the city authorities “daily an avalanche of the most urgent cases has crashed down”, while the requirements were formulated in an order form: “Premises for hospitals are required”, “Allocate several storage rooms!”, “repair cars, guns and carts!”[123].

On November 4, 1941, by the order No. 1640 of the commander of the Crimean military forces, Vice-Admiral G. I. Levchenko, at that time the highest military commander in the city, the Sevastopol defensive region was created with subordination to the Military Council of the Crimean military forces. The SDR was an association of

[119] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 80–81
[120] Symbolically, that publication of Sevastopol newspaper “Mayak Kommuny” was terminated. Instead, the city began to print the republican newspaper “Krasny Krym”, which came out with the headline “body of the Crimean regional committee, Sevastopol city committee of the AUCP(b) and the Supreme Soviet of the Crimean ASSR”.
[121] The author's mistake: throughout the entire defense in the city, only the Military Council of the Black Sea Fleet operated.
[122] Borisov B. A. Sevastopol city defense committee // Voenno-istorichesky zhurnal. 1959. No. 11. P. 23.
[123] Borisov B. A. Communists of Sevastopol / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 51.

heterogeneous forces and combat assets of the fleet (coastal defense, marines and air forces) and the Primorsky army.

The command of the defensive area was entrusted to Major General I. Ye. Petrov, Rear Admiral G. V. Zhukov was appointed commander of the Sevastopol main base, accordingly his powers were limited[124]. On November 7, the directive of the General Headquarters No. 004433 was signed, which declared the defense of Sevastopol and the Kerch Peninsula as the main task, and also stipulated that "the defense of Sevastopol should be laid on the Commander of the Black See Fleet F. S. Oktyabrsky with subordination to you <i.e. Levchenko>"[125].

On November 10, 1941, the corresponding order of Vice-Admiral F. S Oktyabrsky No. 10-11 / POKH was signed, in which he announced his assumption of the position of the SDR commander. By the same order, as the garrison chief was appointed Major General P. A. Morgunov[126]. Thus, potential rivals of the Admiral F. S. Oktyabrsky were either demoted as I. Ye. Petrov and G. V. Zhukov, or removed from Sevastopol, as happened with General P. I. Batov and Vice Admiral G. I. Levchenko.

In his work, the admiral relied primarily on his closest associates – divisional commissar N. M. Kulakov and Major General P. A. Morgunov. The military council of the defensive area, as it was in Odessa, was not created: its functions were performed by the Military Council of the Black Sea Fleet. Moreover, B. A. Borisov did not join the council.

In fact, this excluded from the composition of the power center not only the army leadership, but also the civilian authorities. Thus, in the hands of the Vice Admiral F. S. Oktyabrsky concentrated all the power within the SDR.

In the context of the first and second storms, a new management model was built in which civilian authorities (at the republican and city levels) were relegated to a secondary role; their activities were aimed primarily at providing the garrison with all

---

[124] Central Archives of the Ministry of Defense. F. 406. Op. 9837. D. 2. L. 202–203 Order to the military forces of the Armed Forces of Crimea No. 1640. November 4, 1941

[125] Russian Archive. Great Patriotic War. Vol. 16 (5-1). General Headquarters, 1941: Documents and material. M., 1996. P. 276.

[126] Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Chronicle of heroic defense. In 2 books. Book 1. Kiev, 1995. P. 78.

the necessary facilities. The administrative structure included the republican authorities, the city party committee and the Council executive committee.

The work of civilian authorities was resumed in the first half of November 1941 with a gradual redistribution of responsibilities between republican and city structures. As before the beginning of the defense, the general leadership of the city organizations' work, institutions and the mobilization of the population to help the front were entrusted to the city party committee represented by B. A. Borisov.

By mid-November 1941, the circle of the 1st Secretary's comrades had changed significantly, due to the evacuation of most of the party members. There were 8-9 people left in the city commitee, 5-6 in the district committees[127]. Thus, two key figures departed to the Caucasus, the personnel secretary M. M. Savitsky and the industry secretary A. A. Sarina. Ye. A. Lapinskaya recalls that on November 5, the order was given to evacuate female employees of the regional commitee, city commitee, district commitee; all of them were taken by the transport "Chapayev"[128].

the employee of the Central district committee M.I. Petrovsky was appointed to the post of the head of the agitation and propaganda department. The supervision of enterprises operation was the obligation of the head of the industrial department A. A. Petrosyan. The secretary of the Komsomol city committee A. V. Bagriy became responsible for the evacuation of the population and material values. Almost until the end of the defense, they remained the closest assistants to the secretary of the city committee.

On November 13, 1941, the meetings of the city committee bureau of the AUCP(b) were resumed, only three people remained in its composition, B. A. Borisov, V. P. Yefremov and V. I. Kulibaba. The work order of the city committee of the AUCP(b) did not change, while the frequency of the meetings was in direct proportion to the situation at the front.

In total, during the period from November 1 to December 31, nine minutes of the meetings were drawn up. The small number of recorded meetings can be explained by

[127] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. T. XXX. P. 27.
[128] Lapinskaya Ye. A. In the party district committee / MSDLR. T. XI. 1962 P. 57.

the fact that during these months the authorities acted so promptly that the decisions taken were not always documented. The meetings of the bureau were held, as a rule, in an expanded format: employees of the city party committee and the Komsomol, the executive committee, heads of enterprises and organizations were invited to them in order to obtain specific information on the merits of the issue being solved and to quickly familiarize themselves with the assignment. The representatives of the Primorsky Army and the Black Sea Fleet did not take part in the meetings.

As before, the practice of appointing city committee workers responsible for certain areas of work was practiced. At the same time, individual employees supervised several cases at once, for example, the head of the organizational and instructor department of the city committee, A. M. Mikhalyova, was involved in baking bread, collecting things for the front, and evacuating the population.

In some cases, control and executive bodies were created from representatives of party, Soviet and public organizations. The most famous during this period was the commission for work in refuges, which was headed by the secretary for personnel of the Northern district party committee Ye. P. Gyrdymov.

From the first days of the defense, the entire leadership of the city and regional organizations was transferred to a barracks position. People worked 16–18 hours a day[129]. New employees was actively promoted to replace the departed workers, wherein work experience and personal abilities played a decisive role.

At the same time, some of the responsible persons showed themselves badly in the first weeks of the defense, succumbing to panic. Already in the spring of 1942, there followed numerous exclusions from the ranks of the party of those who left Sevastopol without sanction or lost their party documents[130].

The minutes of the city committee bureau meetings for November–December 1941 give a general idea of the main directions of the city authorities' work in these months. In addition to resolving personnel issues and organizing mass political work with the population, decrees were adopted on eliminating the consequences of the

[129] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. P. 27.
[130] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 52–53.

bombing, evacuating the population and supplying food. The issues of creating a people's militia and military training of the population, as well as activities for the admission of new members to the party, receded into the background. So, in November – December in the Korabelny district, not a single person was accepted into the ranks of the party, and in the whole city only 4 people[131]. The executors of the adopted decrees, as before, were the relevant departments of the city committee, the executive committee of the Soviet and regional authorities.

Throughout November and December 1941, the top officials of the republic were in Sevastopol: the secretary of the regional committee of the AUCP(b) V. S. Bulatov, the chairman of the Council of People's Commissars of the CASSR M.I. Ibraimov and the chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the CASSR A-D. Kh. Menbariyev. Here stayed the propaganda secretary F. D. Menshikov, the secretary for industry L. Ye. Spector, head of the lecturer group of the regional committee B. D Spirtus, a group of instructors and lecturers. At the same time, most of the employees of the Council of People's Commissars and the Supreme Soviet of the CASSR was evacuated to Kerch, then to the Caucasus.

The powers of the republican leadership were significantly limited by the SDR command. So, none of the executives became part of the defense area administrative bodies. At the same time, the republican structures acted in conditions of loss of contact with the top leadership, as stated in the information message of the chairman of the Council of People's Commissars of the CASSR to the deputy chairman of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated January 27, 1942: “The work of the Council of People's Commissars was built at its own discretion, since we did not have any directives or instructions from the Council of People's Commissars of the Federation... We especially need instructions on financing, trade and supply”[132].

In Soviet times, their activities during the defense were evaluated ambiguously. For example, B. A. Borisov in his memories mentioned that he coped without the help

[131] Ibid. L. 36.
[132] SARC. F. P-652. Op. 24. D. 6. L. 6

of the Crimean regional committee[133] There are also sharply negative reviews, for instance, V. P. Yefremov emotionally declared at the conference in 1961: “I must say that I did not feel any leadership from the Crimean Council of People's Commissars, the Supreme Council of Crimea, I considered them freeloaders, and I did not consider them otherwise”[134]. This assessment seems to be unfounded and politically biased, related to the nationality of some republican leaders (M. I. Ibraimov and A-D. Kh. Menbariyev were Crimean Tatars).

The minutes of the regional committee bureau meetings for the second half of November – December 1941 were not fully preserved, although they can be considered one of the most important sources of information on the regional party committee work during the defense period[135]. Despite this, it can be said about the significant role of the republican authorities in organizing the defense industry and solving some issues.

As rightly notes A. A. Sarina, the regional committee concentrated in its hands the planning and the distribution of all products, and also kept in touch with the organizations of the rear of the fleet in the Caucasus[136]. To coordinate the actions of military and civilian structures on November 9, 1941, the military council of the Black Sea Fleet created a defense commission for the material support of the military forces, which included the secretary of the regional committee L. Ye. Spektor. Some employees were appointed to positions of responsibility, for example, the former secretary of the Alushta city party committee A. Zekirya became the commissar of the Special Combine, and his assistant was the instructor of the industrial department of the regional committee V. Zakharov.

With the participation of the republican leadership, the centralization of production capacities and the creation of new enterprises were carried out, which later became part of the Special Combine, as well as the financial resources necessary to ensure their activities were allocated.

---

[133] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 99.
[134] Collection of materials of the War-Historical Conference dedicated to the 20th anniversary of the beginning of the Sevastopol heroic defense in 1941–1942. T. III. Sevastopol, 1961. P. 866.
[135] The minutes of the regional committee meetings have been preserved until November 23, 1941 (minutes No. 147) and starting from January 5, 1942 (minutes No. 1).
[136] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. T. XXX. P. 84.

In addition to activities in the industrial sphere, the republican authorities dealt with the issue of providing the population with food. According to the decree of the Council of People's Commissars of the CASSR dated November 5, 1941, a number of measures were introduced in the city aimed at overcoming the food crisis[137]. Great efforts were directed to speeding up the city mill construction.

Another area of regional authorities' work was the organization of the work of the Balaklava authorities. According to the memories of R. I. Kholodnyak, on November 12, the secretary of the regional committee F. D. Menshikov arrived in the city and held meetings of the remaining staff. It was decided to stop looting and build shelters, the work of the school, bakery was resumed, a voluntary aid detachment, a combat squad from Komsomol members were formed[138]. In fact, F. D. Menshikov throughout the defense was the curator of the Balaklava party and Komsomol organizations.

Despite the fact that the period from November to December 1941 is not sufficiently documented, it can be concluded that in the difficult conditions of the first and second assaults of the city, the authorities of Sevastopol and CASSR, guided by the Naval Council, carried out extensive work on solving everyday issues of the city and strengthening the rear of Sevastopol defense area.

I.3. The city government structure during the period of stabilization and the third assault (January–June 1942)

From the beginning of January 1942, with the completion of the second assault of the city, a period of relative calm started near Sevastopol: for several months a delicate balance of forces was maintained, at which neither side could achieve decisive success. Only private operations were carried out, which did not significantly affect the configuration of the front line.

The SDR command structure remained unchanged: F. S. Oktyabrsky remained the commander, despite the fact that in the spring attempts were made to replace him in this post. The admiral enlisted the support of the higher leaders in the naval people's

[137] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 15.
[138] Peoples' museum of Sevastopol police n.a. M. S. Kazakevich Kholodnyak (Ivanova) R. I. Memories.

commissariat[139] and, during a meeting with the navy's commissar N. G. Kuznetsov, which took place at the end of April 1942, spoke out sharply against his dismissal[140]. The only innovation was the creation in May 1942 of the SDR headquarters, which was headed by a comrade of F. S. Oktyabrsky at the naval school, captain of the 1st rank A. G. Vasilyev.

At the same time, in the winter of 1942, significant changes took place in the city's management structure. First of all, this was due to the departure of the republican leadership from Sevastopol: on January 5, left A-D. Kh. Menbariyev and L. Ye. Spektor, January 9 – V. S. Bulatov. At the beginning of March 1942, one of the last moved to Caucasus M. I. Ibraimov[141]. Primarily, this was due to the need to organize work to restore the economy of the liberated Kerch peninsula. At the same time, the departure of the republican leadership could be facilitated by the Admiral F. S. Oktyabrsky, who feared for the monopoly of his power.

An analysis of the minutes of the meetings of the regional party committee bureau[142], as well as the decrees of the Council of People's Commissars of the CASSR[143] adopted in January–April 1942, allows to assert that both authorities were fully focused on resolving issues related to the Kerch peninsula restoration. The Sevastopol theme is practically not reflected in the decrees of the regional committee of the AUCP(b) and the Council of People's Commissars of the CASSR and is of a secondary nature. For example, during the meeting of the regional committee held on April 1 (minutes No. 16), the development of the “pre-May” competition and the delegations exchange between Sevastopol and Kerch were approved[144].

In Sevastopol, an operational group of the regional party committee was left, headed by the secretary for propaganda F. D. Menshikov. Two minutes of the meetings of January 29 and February 15 have been preserved. The group dealt with the

---

[139] RGASPI. F. 2. Op. 2. D. 827. L. 142–143 Letter of petition to I. V. Stalin dated April 12, 1942 of the head of the main political department of the Navy, Army Commissar of the 2nd Rank I. V. Rogov.
[140] Kuznetsov N. G. The course to victory. M., 1987. P. 153–155.
[141] Until March 9, 1942, the Council of People's Commissars decrees were signed by the deputy. Chairman of the Council of People's Commissars of the CASSR N. A. Zhukov and the Council of People's Commissars business manager Tafel, after this day in the documents appears the signature of M. I. Ibraimov.
[142] SARC. F. P-1. Op. 1. D. 2139.
[143] SARC. F. P-652. Op. 15. D. 831. 832, 833.
[144] SARC. F. P-1. Op. 1. D. 2139. L. 123, 127.

propaganda and agitation organization in the besieged city (lectures, political studies, and articles for the press were prepared[145]) and did not play a leading role in the activities of local authorities. The only exception was the successful work of the group members N. K. Sobolev and L. A. Aluker on the development of gardening.

After the departure of the leaders of the Crimean ASSR, the independence of the city authorities and personally of B. A. Borisov is growing significantly, since they began to work virtually autonomously and obey only the instructions of the SDR commander, Admiral F. S. Oktyabrsky. This was also facilitated by the isolation of Sevastopol from the "Big Land", there was still no direct control by the SDC, the Central Committee of the AUCP(b) and the regional party committee. B. A. Borisov himself writes about this in his memories: "We tried then to rely more on our personal opinion, consulting with command and active, and were not afraid, I repeat, of responsibility"[146].

Interaction between the Sevastopol party organization and the regional committee actually came down to the provision by B. A. Borisov of reports on the situation in the city by post and telegraph. At the same time, they were not sent systematically, as evidenced by the letter from B. A. Borisov dated March 4, 1942, addressed to the regional committee secretary V. S. Bulatov. In it, he apologizes for not writing for a long time and not informing about the state of affairs[147].

The growing role of the city authorities was manifested, above all, in the work resumption of the emergency authority, the city defense committee. Meetings of the city party committee bureau continued. In the period from January to May 1942, these governing bodies reveal significant similarities not only in the composition of participants, but also in functionality.

The city defense committee continued to include B. A. Borisov, V. P. Yefremov and K. P. Nefedov. The place of Admiral G. V. Zhukov who had departed for the

---

[145] Spirtus V. Having discovered my father's memories. Part 2 [Electronic media]. URL: https://proza.ru/2016/10/31/1135(reference date: December 15, 2021).
[146] Borisov B. A. Communists of Sevastopol / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 59.
[147] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 1.

Caucasus was taken by Major General P. A. Morgunov, while the minutes indicate that he, like his predecessor, did not attend a single meeting.

The employees of the city party committee who remained in the city by that time were used as the administrative apparatus of the defense committee: two secretaries, four department heads, assistant secretary, typist and driver (before the war, the city committee had up to 40 workers)[148].

Compared with the November meetings of the committee, the participant composition in the meetings has significantly expanded: they began to invite, depending on the issues under consideration, the party, Soviet, Komsomol activists of the city, in some cases – representatives of the command of the Primorsky Army and the Black Sea Fleet. The most massive was the first meeting of the Defense Committee after the break, which took place on January 9, 1942: more than 80 people took part in it.

The composition of the city party committee bureau also remained unchanged – B. A. Borisov, V. P. Yefremov and V. I. Kulibaba. The meetings were held generally with an expanded membership, with the participation of the same party and Soviet employees, representatives of enterprises, the NKVD and the military command.

In the period from January 9 to May 16, 1942, at least nine recorded meetings of the city defense committee were held (minutes Nos. 5–13, on average, two to three times a month). In only one case, the decisions of two meetings at once, which took place on March 2 and 3, were included in minutes No. 9. All the minutes of the SDC meetings were signed personally by B. A. Borisov with the seal of the city party committee attached.

The city party committee bureau met much more often: during the same period, up to 50 meetings were held, the decisions of which were recorded in 20 minutes (Nos. 120–139). In three cases, decrees of several sessions at once were included in the minutes: No. 120 (for January 9–17), No. 122 (February 1–6) and No. 123 (February 6–13). In four cases, joint meetings of the city party committee and the executive committee of the city council were held, therefore the minutes have double numbering:

[148] Borisov B. A. Communists of Sevastopol / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 55.

No. 126 / 25 (dated March 22), No. 130 / 76 (April 4), No. 131 / 85 (April 8) and No. 135 / 107 (dated May 1).

On the issue of the division of functional responsibilities between the city defense committee and the city party committee B. A. Borisov wrote that “the city defense committee had to solve a wide variety of issues, while the city committee bureau was primarily concerned with organizational-party and mass-political work. The city leadership's concentration, when the first secretary of the city party committee was simultaneously the chairman of the defense committee and the LAD commissioner , and the chairman of the city executive committee – a member of the defense committee, the city committee bureau and the head of the LAD, made it possible to make decisions quickly. But the main, fundamental issues were discussed at the meetings”[149].

An analysis of the work plans and the subject matter of decrees adopted at meetings of the city party committee bureau and meetings of the city defense committee allows to check the correctness of this statement.

In January–March 1942, the main city defense committee's task was to overcome the consequences of two assaults. Based upon the minutes, at the meetings, fundamental decisions were adopted on the development of the Ministry of Defense and fire protection, the urban economy restoration, the food supply improvement, the issues on sanitary services for the population. In April 1942, more attention was paid to military training of citizens, strengthening the protection of strategically important facilities, preparation for possible massive raids, etc. It should be noted that in the periodicals published in the besieged city, the city defense committee was mentioned very rarely, in contrast to the city committee of the party[150].

Based on the analysis of the decrees adopted at the meeting of the city party committee bureau, as well as the city committee's work plan for February (adopted on February 6 at the bureau meeting)[151], it is possible to identify the following areas of work of this government body: searching for raw materials for industry,organization of

[149] Borisov B. A. Communists of Sevastopol / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 55.
[150] One of the few articles devoted to the defense committee was entitled “In the city defense committee”, published in the newspaper “Krasny Krym” on March 24, 1942, No. 83. P. 3.
[151] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 14–15.

social competition at enterprises, collecting materials on history defense, control over the execution of decrees of the City Defense Committee on military training and the LAD development. The work plan of the city committee for the second half of March and April 1942 emphasizes the need to develop horticulture, search for raw materials for enterprises and clean up the city[152]. During these months, at the bureau meetings much more attention began to be paid to the solution of purely party issues: party penalties, redeployment of personnel.

Some of the issues were discussed first at a meeting of the city defense committee, then submitted for approval by the city committee bureau. For example, in the minutes No. 122 (for February 1–6, 1942) of the city party committee, there is a reference to the defense committee's decision on the military training of citizens, according to which it was planned to organize a performance verification[153]. The reverse decision-making scheme is also known: for example, at a meeting dated March 22, the need to collect scrap metal for defense needs was discussed. As a result, a decision was made: to submit to the city defense committee the issue of collecting ferrous and non-ferrous metals at enterprises

Thus, at the meetings of the city defense committee, mainly military-defense issues were resolved, while the decrees were of a general nature. At the meetings of the the city committee bureau, decisions were made that clarify and develop the decisions of the city defense committee, as well as on various issues of the daily life of the city and the party organization.

Until May 1942, the governing bodies were not clearly delineated. One cannot but agree with A. A. Sarina, who writes: “It was difficult to distinguish between where the SDC ends and the city committee bureau begins, especially since both of these organizations were located at the same command post, used the same apparatus and consisted of almost the same persons”[154]. Note that this inseparability of functions was

[152] Ibid. L. 44–47.
[153] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 15.
[154] Sarina A. A. Sevastopol women in the defense of the city. MSDLR. T. XXII. Sevastopol, 1963. P. 3.

also characteristic of the highest institutions of power – SDC, Headquarters and the Council of People's Commissars of the USSR[155].

The practice of appointing persons responsible for certain areas of work was continued. It is noteworthy that the vested personnel was not burdened with additional responsibilities. For example, V. I. Kulibaba continued to be engaged in the development of the LAD, I. I. Bakshi did the military-defense work, A. A. Sarina, who returned from evacuation in March, oversaw the city restoration and cleaning, as well as the horticulture development[156]. At the same time, young functionaries who came forward during the first and second assaults of the city, as a rule, were responsible for several work areas at once. For example, A. V. Bagriy was responsible for the military training of the population, work with children, and evacuation; A. A. Petrosyan supervised industrial enterprises, controlled the development of new types of weapons, organized the search for raw materials, and was also responsible for collecting materials on the defense history.

In January-May, a specialized commission on the defense history was created, headed by B. A. Borisov[157]. At the same time, by a decree of the city committee bureau dated April 19, 1942, the commission for work in shelters was disbanded (its functions were transferred to district party committees and district executive committees)[158].

The City Council Executive Committee was still the executor of decisions made at the meetings of the City Defense Committee and the City Party Committee. The range of tasks that the city executive committee and district executive committees were solving is reflected in the editorial of the newspaper “Krasniy Krym” under the distinctive title “Higher the level of the Soviets!”[159]. It says that the executive committees are engaged in the restoration of the housing stock, take part in the work of the LAD, manage the social security of citizens and provide sanitary services. It is considered that the sessions of the Soviets of Working People's Deputies were not

[155] Khlevnyuk O. V. The system of supreme power in the USSR during the years of the Great Patriotic War. Historiography, sources and perspectives of research // Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Gumanitarnye i obchestvennye nauki. 2018. No. 1. P. 18, 20–21.
[156] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 45–46.
[157] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 P. 3.
[158] Ibid. L. 67.
[159] Krasniy Krym. 1942. March 13. No. 72. P. 1.

convened, since “most of the city committee's members, district committees and deputies were at the front, some were evacuated with their enterprises”[160]. However, the city press mentions the holding of a session of the Northern District Council[161].

The work of the authorities was complicated by a shortage of personnel, while a large group of party and Komsomol employees was transferred to the liberated Kerch[162]. The solution of the personnel problem took place in two directions.

By city party committee's decision, 15 people were called out of the evacuation, of which 12 people had arrived in the city by March 20[163]. Among them were A. P. Podoinitsyna, A. A. Sarina, P. Ya. Sarin, M. V. Yerakhtina, N. V. Vistorovsky, S. V. Sukovsky, K. M. Yablonskaya and others.

At the same time, the process of nominating new personnel from among those who have proven themselves in the extreme conditions of the first and second assaults of the city continued[164]. In this regard, the minutes of the meeting of the city party committee bureau No. 123 (February 1–6) and No. 124 (dated February 25) are noteworthy, at which a large group of responsible workers was approved, who took office from August 1941 to February 1942. So, according to minutes No. 123, the bureaus of the Centralnyi District Commitee, the Korabelnyi District Commitee, the Korabelnyi District Commitee of the Komsomol and city commitee of the Komsomol were replenished[165].

Attention is drawn to the fact that among the nominees there were many young communists or candidates for party members with minimal experience (T. M. Abramovich, M. V. Kirilyuk, N. I. Krayevaya, P. A. Lunyov)[166]. In the spring, the new members reception to the party intensified: in the first quarter of 1942 alone, 15 people were admitted to the party in the city, 42 people were candidates[167].

---

[160] Borisov B. A. Communists of Sevastopol / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 55.
[161] Krasniy Krym. 1942. April 9. No. 99. P. 3.
[162] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 137.
[163] Ibid. Op. 1. D. 234. L. 5, 7.
[164] Ruzayev S. V. Personnel issues in the work of the Seavastopol city committee of the CPSU(b) in 1941–1942 // Clio. 2021. No. 3 (171). P. 156–162.
[165] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 13.
[166] Ibid. L. 24–25.
[167] Sevastopol military history museum reserve (SMHMR). A-1754 / KP-4522. L. 31.

Cases of refusal to appoint to nomenclature positions have been recorded. At a bureau meeting on February 13, 1942 as the director of the soap factory was approved the former deputy director of the canteen trust V. Ye. Cherniyenko. Already at the next meeting (February 25), for refusing to accept the position, he received a severe reprimand from the party line and was sent to production[168].

The systematic work of the Sevastopol authorities was disrupted in the first half of May 1942, with the beginning of the enemy's offensive on the Kerch peninsula. On May 12, 1942, a meeting of the city activists was convened, at which Vice Admiral F. S. Oktyabrsky and the city committee secretary B. A. Borisov spoke. The commander formulated the main work directions in the current conditions: accelerated construction of fortifications, an increase in the output of military products, military training of the population, alerting the air defense services, ensuring food supply for citizens[169].

On May 15 and 17, meetings of the city defense committee were held, at which appropriate measures were developed to prepare the city to repel the third assault. Under these conditions, the Defense Committee began to play a decisive role in the organization of civil administration. In 1963, B. A. Borisov stressed that after May 18, “almost all decisions concerning the city were formalized by decrees of the city defense committee, the situation required a decisive leadership centralization. The decisions of the city defense committee, its decrees were viewed in the city as a military order, and the decisions themselves, in fact, were in the form of an order”[170].

For the period from May 16 to June 24, thirteen minutes of the SDC meetings were preserved, most of them recorded the decisions of several meetings at once. In the work of the committee invariably took part B.A Borisov, V. P. Yefremov and K. P. Nefedov, as well as the closest associates of the secretary of the city committee – A. A. Sarina and V. I. Kulibaba. Among the invited persons, the secretary of the regional committee F. D. Menshikov, secretaries of district party committees, secretary of the city committee of the Komsomol A. V. Bagriy. In the hands of these people, all the threads of city management were concentrated in the second half of May – June 1942.

---

[168] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 20, 32.
[169] Crimea during the Great Patriotic War 1941–1945. Simferopol, 1973. P. 240.
[170] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. T. XXX. Sevastopol, 1963. P. 49.

Representatives of the military authorities attended the meetings only sporadically. So, on May 20, 1942, the meeting was attended by a member of the Military Council N. M. Kulakov and the head of the political department of the fleet P. T. Bondarenko.

Other authorities virtually ceased their work. Meetings of the city committee bureau of the AUCP(b) were held only twice (June 8 and 13), while formal issues under the conditions of an assault were decided on the inclusion of Sevastopol enterprises in the all-Union socialist competition and on the greeting of I. V. Stalin of the city defenders[171].

The range of issues to be resolved at the meetings of the defense committee in May–June 1942 is wide and reflects the specific needs of the city's defenders: the creation of armed workers' detachments, bringing the air defense forces to full combat readiness, dispersing food reserves, stopping schools, organizing mass evacuation of the population, preparing for armed struggle in the city. Thus, on the eve of and during the repulsion of the third assault on Sevastopol, the emergency authority, the city defense committee, became a true center of civil administration.

After the massive bombing of the city on June 2, 1942, a procedure for the work of the defense committee in emergency conditions was worked out. B. A. Borisov, V. P. Yefremov and V. I. Kulibaba were constantly at the city command post, where all information from the districts was collected. A. A. Sarina was entrusted with communication with regional organizations, A. V. Bagriy, A. A. Petrosyan and I. I. Bakshi had to contact with the LAD district headquarters and enterprises.

A special form of informing party and Soviet organizations, as well as residents of the city, became the appeals of the city defense committee, in which priority tasks were formulated. Starting from June 10, 1942, the minutes of the meetings of the city defense committee reflect its work in the conditions of the third assault on Sevastopol. Efforts were focused on urgently resolving issues that arose during the systematic bombing and shelling of the city. The last recorded meeting of the committee took place on June 24, 1942.[172] However, even after that day, the city administration continued its

[171] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046
[172] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1. L. 67–68

work. As B. A. Borisov recollects, a few days later, on June 28, a meeting of the city leadership was held (no minutes were kept), at which decisions were made to blow up defense enterprises and draw up lists of city assets for evacuation[173].

In the last days of the defense, a partial evacuation of party workers was carried out. On June 29, 41 people were evacuated on the D-5 submarine, as well as, according to some sources, the documents of the city party committee and the city defense committee[174]. On the night of June 29-30, the second group of party workers was taken to Krasnodar by plane[175]. Among them were I. I. Bakshi, P. Ya. Sarin, N. K. Sobolyov, B. D. Spirtus, Z. F. Sutyrina, S.V. Sukovsky, A. M. Mikhalyova, Ye. P. Gyrdymova, A. P. Podoynitsina and others.

After their departure, only six people remained in the apparatus of the city party committee and the SDC – B. A. Borisov, A. A. Sarina, A. A. Petrosyan, M.I. Petrovsky, N. I. Tereshchenko, I. K. Tevyansky; in the district committees offices – two or three people, in the city committee and district committees of the Komsomol – one each.

On June 30, the last meeting of the city leadership was convened, at which all employees of district commitees and district executive committees were recommended to move away to the Cape Chersonesos[176]. In fact, the activities of the city authorities were terminated. In the morning of July, 1, 1942 B. A. Borisov, V. P. Yefremov and A. A. Sarina were evacuated on the L-23 submarine[177]. The organized evacuation of the Sevastopol nomenklature failed. It is known that after July 1, only one major party employee managed to evacuate on his own, it was M. I. Petrovsky.

The historical journal of the Black Sea Fleet notes: “The landing on “Douglas” planes and ships was poorly organized, as a result of which many senior commanders and political employees, party and Soviet officials, with permits, could not be

---

[173] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 357.
[174] Strelbiyskiy K. B. Transportation by submarines of the Black Sea Fleet in May – July 1942 of personnel from the Caucasus to Sevastopol and the export of evacuees from Sevastopol to the Caucasus: chronicle and statistics / Secrets of submarine warfare. Issue 21. Lviv, 2006. P. 68.
[175] Borisov B. A. School of life. M., 1971. P. 206.; Mikhalyova A. M. Avtobiografiya / MSDLR. T. XI. Sevastopol, 1962. P. 243; Spirtus V. Having discovered my father's memories. Part 4 [Electronic media]. URL: https://proza.ru/2016/11/08/1779 (reference date November 26, 2020).
[176] Borisov B. A. School of life. M., 1971. P. 207.
[177] Borisov B. A. School of life. M., 1971. P. 209; Strelbitsky K. B. Op. cit. P. 68.

evacuated"[178]. It is significant that in the report of the city committee of the AUCP(b) after the defense, the phrase "the evacuation in the city took place systematically and clearly" is crossed out from the text with a red pencil[179].

In total, as of June 30, there were about 100 nomenclature workers in the city[180]. Only in the list of employees of the city committee and the district committees there are 16 people – those who, as of July 4, 1942, remained in the city[181]. Among them, in full force, the leadership of the Severny and Korabelny districts, most of the workers of the Tsentralny district, the city committee of the Komsomol, the headquarters of the LAD, the operational group of the regional committee of the AUCP(b), as well as the leadership personnel of the city enterprises. Also, all Soviet and party activists of Balaklava remained on Chersonesos.

The fate of Soviet and party employees and representatives of the city nomenclature was tragic: most of them died or were captured and killed during the battles on Chersonesos on 1–12 July 1942. Those who managed to escape in the first days of the occupation were identified during total checks of the population and were subjected to repressions. Few people managed to survive the occupation: the of head of the city health department V. I. Lavrentieva, head of automatic telephone exchange P. A. Lunyov, member of the Bureau of the Severny District Committee of the Komsomol V. I. Gruzinskaya, head of the city fire department T. S. Pedyura.

Summing up, it should be emphasized that from the beginning of the war and until the end of the defense of Sevastopol, the process of developing an optimal model of local government took place. The choice of one form or another was directly dependent on the position at the front, as well as on the position of the military command.

On the eve and during the defense, local authorities, primarily the city committee of the AUCP(b), headed by B. A. Borisov, acted actively and productively, taking on a large amount of work to create the rear of the Sevastopol defense region. The city

[178] Manoshin I. S. Heroic tragedy. Simferopol, 2001. P. 78.
[179] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. L. 113.
[180] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 248. L. 6–11.
[181] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 248. L. 12.

committee secretary, relying on a circle of close associates, as well as on a small administrative staff, were engaged in important areas of work in a siege: military training of the population, development of the LAD, participation in the defense industry functioning, mobilization of the population to help the front.

In scientific works and journalism, the thesis about the outstanding role of the city defense committee was fixed. Only individual authors try to assert that "from the first day of the war, long before the formation of the city defense committee, the party and Soviet organizations of Sevastopol were actively involved in preparing the main base of the fleet for defense"[182].

In fact, from June to December 1941, all the threads of civil administration were concentrated in the hands of the city party committee. Only for a short period of time, from October 28 to November 4, 1941, the defense committee played the role of the administrative center. From January to May 1942 the city party committee and the city defense committee worked in parallel, and their functions were not completely delimited, the personnel were the same people.

It was not until May–June 1942 that the city defense committee became the real and only civilian control center in Sevastopol, which supervised the work of all organizations and institutions of the city, organized their interaction and contact with military bases. As noticed B. A. Borisov, the centralisation of the leadership was of great importance, i.e., it "made it possible to manage more quickly the whole life of the city, to render quick assistance to the front, created responsibility in the city leaders, in the party organizations, in enterprises"[183].

[182] Heroic Defense of Sevastopol. 1941–1942 M.: Voenizdat, 1969. P. 45.
[183] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. Vol.XXX. Sevastopol, 1963. P. 49.

Chapter II. MILITARY DEFENSE ACTIVITIES

II.1. Organization of the military training and the formation of volunteer units from city residents

In the 1930s, in the Soviet Union, much attention was paid to preparing the state and society for a future war, including the development of mass defense work among the population. The XVIII Congress of the AUCP(b) played a significant role in the intensification of activities in this sphere, at which it was proclaimed that there was a need for mass involvement of citizens in military training and passing antiaircraft and antichemical defense norms.

In Sevastopol, circles and sections were as part of the defense societies (Osoaviakhim, Water Rescue Society, Russian Red Cross Society), as well as part of many city enterprises and institutions. Even before the war, for high results in the development of mass shooting sports and the organization of the LAD factory service, the Sevastopol Marine Plant was awarded the honorary title of "fortress of defense"[184].

The active work of defense organizations explains the fairly wide coverage of the military training of the inhabitants of Sevastopol: before the war in the city, where the population was 117 thousand people, in Osoaviakhim there were up to 50 thousand people, in the Russian Red Cross Society – up to 40 thousand people[185].

With the outbreak of the war, one of the first tasks that the city authorities had to solve was the population mobilization. In accordance with the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet dated June 22, 1941, citizens born in 1905–1918 who lived in the territory of 14 military districts, including the Odessa district, to which the territory of the Crimean ASSR belonged, were subject to military conscription[186]. In Crimea, the events were started in accordance with the decree of the bureau of the regional party committee dated June 23, 1941, the chairmen of the executive committees of city and

[184] Belonosov I. I., Rusinov V. A. Victory was forged in the rear. Labor feat of the working class during the Great Patriotic War. M.: Profizdat, 1985. P. 27.
[185] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR.Vol. XXX. Sevastopol, 1963. P. 110.
[186] Broshevan V. M. Military mobilization in Crimea. 1941–1944. Simferopol: Sine nomine, 1994. P. 18.

district councils, as well as secretaries of district and city party committees were appointed responsible[187].

The Sevastopol city military registration and enlistment office and the military department of the city committee were engaged in ensuring the attendance of citizens at three regional recruiting centers and sending them to places of service. To alert the conscripts, a Komsomol organization was involved, which provided messengers from among the urban youth.

In the first days of the war, many Sevastopol residents applied for voluntary entry into the Red Army. It is known that 575 volunteers were registered in Sevastopol from 22 to 30 June, including 295 women[188]. On July 1, 1941, at the meeting of the Bureau of the Crimean regional committee of the party, the resolution on military training of volunteers was adopted[189]. On July 2 – the corresponding resolution of the Bureau of the Sevastopol city party committee[190]. It instructed to identify at all enterprises the persons who submitted such applications, and then organize training under the "Voroshilov Sharpshooter" program of the 2nd stage.

At the same time, the mobilization of vehicles of individuals, enterprises and institutions was carried out, for which several acceptance points were opened. Thus, already on June 23, the cleaning trust began to hand over the equipment: 25 vehicles were transferred to the army, trucks with a carrying capacity of 1.5 and 3 tons, tank trucks and special equipment[191]. According to the report of V. S. Bulatov, in the Central Committee of the AUCP(b), by July 4, 1941 "mobilization ended everywhere and on time", although some problems arose with the mobilization of horses and cars[192].

Even in the course of the mobilization measures, the city authorities faced the task of preparing a mass reserve of persons of draft and pre-draft age, who meet the health requirements for military service. The work was organized on the basis of divisions of the city council of Osoaviakhim By the beginning of August, there were

[187] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 132.
[188] SARC. F. P-1. Op. 1. D. 2133. L. 51; Fund P-35. Op. 1. D. 206. L. 20.
[189] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1522. L. 96
[190] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 147.
[191] Lapinskaya Ye. A. In the party district committee / MSDLR. T. XI. Sevastopol, 1962. P. 55.
[192] RGASPI. F. 17. Op. 42. D. 387. L. 5.

five groups for training signalmen (163 people), two for training aviation specialists (67 people), eight groups for training drivers (310 people)[193].

Specialized circles were created at city enterprises, for example, driver's courses for women were opened at the Spetsgidrostroy, plant No. 201 and the automobile club, where 200 people were enrolled[194]. Moreover, at a meeting of the party committee of epy plant No. 201, held on July 16, it was decided to introduce compulsory military training at the enterprise[195].

According to the decree of the regional committee of the AUCP(b) dated July 2, 1941, candidates and members of the AUCP(b), as well as Komsomol members and Soviet workers were subject to military training[196]. Already on July 5, the article "Young Patriots" says that military and sanitary training of Komsomol members has been organized in Sevastopol[197].

In addition to training those liable for military service, one of the areas of work was the creation of volunteer paramilitary units. The first of them can be considered the detachments of communists and Komsomol members, formed at the direction of the city party committee on June 22, 1941.[198] Their task was to maintain public order and observe the light regime together with the employees of the city police department. As of July 5, 1941, there were more than 100 people in the "Komsomol" police assistance units alone.[199] Subdivisions (self-defense groups) were also created at enterprises, for example, in July at the Marine Plant, up to 300 Komsomol members took part in the protection every day[200].

The night bombardment on June 22 had a stunning effect on the population: naval mines dropped on the city, equipped with stabilizing parachute, were perceived as an enemy airborne landing. B. A. Borisov, in his report dated June 23 to the regional party committee, noted that provocative statements were registered: a certain citizen said: "It

[193] ACS. F. 434. Op. 2. D. 46. L. 102–104
[194] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 23.
[195] Surguchev M. N. Op. cit. P. 40.
[196] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1522. L. 96–97.
[197] Krasniy Krym. 1941. July 5. No. 159. P. 3.
[198] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 129; D. 206. L. 2.
[199] Krasniy Krym. 1941. July 5. P. 2.
[200] Crimea during the Great Patriotic War 1941–1945. Simferopol, 1973. P. 40.

will be good to live when Hitler comes to our land"[201]. Manifestations of ordinary cowardice were also observed. So, the section superviser from the plant No. 201, M. M. Plakhov (party member since 1938), on the night of June 24-25, succumbing to panic, cut the party and trade union cards with a knife[202].

Mood of panic spread very quickly among the citizens, who feared repeated raids and attacks by saboteurs. P. I. Musyakov recalled: "The city was already beginning to go overboard in the fight against imaginary paratroopers. There are absurd rumors about some large airborne assault forces and small sabotage groups, allegedly scattered all over the Crimea"[203].

Fighters of volunteer formations had the right to check documents, detain suspicious persons and conduct searches. Their inexperience led to massive misunderstandings: among the detainees were the deputy chief of the fleet political department M. P. Tkachenko, editor of the fleet newspaper P. I. Musyakov, employees of city institutions, military personnel and police officers[204]. There were also more serious incidents: a few days after the start of the war, during an air raid, patrols shot and killed a woman on the K. Marksa st. and a man on the 1-st Karantinnaya st., because they did not fulfill the request to stop[205].

On June 24, at a meeting of the city committee bureau, it was decided to expand outreach work with the population and fight unjustified detentions[206]. The NKVD apparatus was actively involved in this. According to the calculations of the Crimean historian D. V. Omelchuk, in June-July 1941, in Sevastopol, 56 people were arrested, of which 22 people in June for "anti-Soviet agitation and propaganda"[207].

The Komsomol detachments and self-defense groups, which were a temporary measure that had not justified itself, were replaced by special units, extermination battalions. The decision to create them was made on June 24, 1941 by a resolution of

---

[201] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 6–7.
[202] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 116; RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 11.
[203] Musyakov P. I. Sevastopol days. Simferopol, 1963. P. 12.
[204] Ibid. P. 12–13.
[205] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 9.
[206] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 134–135.
[207] Omelchuk D. V. "For dissemination of false rumours…". Unknown pages of the heroic defense of Sevastopol (1941-1942) / Scientific notes of the Tavrichesky National University n.a. V.I. Vernadsky. Series "History". Vol. 16 (55). 2003. No. 2. P. 49.

the Political Bureau of the Central Committee of the AUCP(b) and the Council of People's Commissars of the USSR. The corresponding resolution of the Council of People's Commissars of the Crimean ASSR and the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) was issued on June 25, 1941.[208]

Initially, it was supposed to use fighter battalions in anti-amphibious activities[209]. On July 9, 1941, the tasks facing them were clarified in the SDC decree No. 76ss: the units were entrusted with the fight against the spread of "false and panic rumors"[210]. Besides, extermination battalions fighters, together with police officers, were engaged in patrolling the streets, checking documents, regulating the work of public institutions and the order of movement of people and vehicles around the city, fighting looting and desertion, protecting strategic objects.

In Sevastopol, as in other cities, the city committee of the party was involved in the formation, material support and training of the battalion together with the leadership of the city department of the NKVD and the chairman of the executive committee of the city council. The first battalion commander was an employee of the champagne factory Kostylev, the military commissar became I. I. Bakshi[211]. Later, NKVD officer D. N. Zotov was appointed as the unit commander[212].

The battalion was formed from among the Soviet and party activists, NKVD and police employees, while preference was given to those who were liable for military service and had military training[213]. The staff in the unit should have been 205 people, but the initial number of the Sevastopol battalion did not exceed 150 people[214]. The total number of fighters increased slightly by the beginning of August and reached 200 people, including three women[215].

---

[208] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. L. 12–13.
[209] Order of the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR "On measures to combat parachute landings and saboteurs of the enemy in the front line" dated June 25, 1941 / Internal troops in the Great Patriotic War. 1941-1945 Documents and material. M., 1975. P. 542–543.
[210] Danilov V. N. Op. cit. P. 237.
[211] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. T. XXX. Sevastopol, 1963. P. 105.
[212] Partisan movement in the Crimea (1941-1942). Simferopol, 2006. P. 16.
[213] Broshevan V. M. Military mobilisation to the front. On the history of the issue of conscription of liable for military service and volunteer residents of the Crimean ASSR to the army in June–November 1941 // Voenno-istoricheskiy arkhiv. 2011. No. 1. P. 161.
[214] Heroic Defense of Sevastopol. Simferopol, 1946. P. 19.
[215] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. L. 37, D. 208. L. 68–69.

According to the assumption of V. M. Broshevan, three battalions were created in Sevastopol, one for each district[216]. In fact, we can talk about three regional detachments, brought together in a battalion. This is indicated by the memorandum of the Severnyi District Party Committee of July 18, 1941, which mentions the creation of a fighter detachment in the area[217].

Simultaneously with the creation of the destroyer battalion, assistance groups were formed, probably at the expense of the former Komsomol detachments. As of August 6, there were 500 people in 27 support groups, including 16 women[218].

At first, the personnel of the battalion combined service and study with work at enterprises and institutions, which negatively affected the level of combat training. This problem was resolved by transferring people to the barracks position. The training was conducted according to an enhanced 160-hour program, supplemented by 30 hours of special training, in which great attention was paid to the principles of reconnaissance, the equipment destruction and sabotage work[219].

Systematic military training of a significant part of the city's population was organized on the basis of the Sevastopol unit of the people's militia, which was formed in the first half of July 1941.

The call to join the ranks of the militia sounded on July 3, 1941, in a speech by J. V. Stalin. On the same day, a meeting of the city party committee bureau was held, at which it was decided to launch practical work on organizing antiaircraft and antichemical defense training for the militia and the population[220]. On July 7, 1941, the decree of the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) No. 1226 “On the creation of a people's militia” was signed[221]. The next day, the corresponding order of the commander of the Black Sea Fleet was issued, and on July 10, a resolution was adopted at a meeting of the Bureau of the Sevastopol City Party Committee[222].

---

[216] Broshevan V. To combat parachute assault forces and saboteurs of the enemy in the front line. On the history of the creation of annihilation units in the Crimean ASSR and their role in the defense of the republic in 1941-1942. / Voenno-istoricheskiy arkhiv. 2011. No. 5. P. 75.
[217] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 209. L. 57.
[218] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. L. 37, D. 208. L. 68–69.
[219] Bannikov F. G. Op. cit. P. 16.
[220] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 150.
[221] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. P. 17–21.
[222] Kolesnik A. D. People's militia of hero cities. M., 1974. P. 356.

The headquarters for the formation of the militia was created in the city, which was headed by the secretary of the city committee B. A. Borisov[223]. In urban areas, "troikas" were formed from the first secretaries of district party committees, chairmen of executive committees of district councils and district military commissars, who were engaged in the selection of future fighters.

Enrollment in the militia was made at all city enterprises and institutions from persons not younger than 15 years old, while party members, Komsomol members, activists of defense and sports societies, as well as fighters of the fighter battalion assistance group and air defense assistance units had priority. The conscripts of the 1st category and who had mobilization instructions in their hands, as well as the fighters of the fighter battalion, were not taken into the compound.

Already in the first days, there were 10 thousand volunteers, then their number increased to 15 thousand people[224]. Often, whole labor collectives were enrolled in the militia. For instance, at the Sevastopol Marine Plant, 3 thousand people applied for, in the tram trust, the «Tehrezina», «Khimchistka», «Parizhskaya Kommuna», «Krasny Mebelshchik» artels most of the employees did[225].

Along with voluntary joining the ranks of the militia, in some cases there was coercion, which primarily affected party members. M. N. Yezhova (born in 1892), an employee of the marine plant, refused to join the militia for health reasons, recklessly declaring that "not everyone needs to sign up". For this, the woman was expelled from the party "for cowardice and political instability manifestation"[226].

When recruiting a division, which consisted of five regiments (later - brigades), the production-territorial principle was adopted, that is, the units were made up of residents of one district or workers of one enterprise. According to the memories of Ye. S. Dzheneviz, a separate "female" battalion (about 600 people) was created as part of the 4th regiment[227].

---

[223] CRSA.F P-35. Op. 1. D. 203. P. 18.
[224] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. Vol.XXX. Sevastopol, 1963. P. 117.
[225] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 22.
[226] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 22; D. 206. L. 27.
[227] Dzheneviz-Yakushechkina Ye. S. <Memories> / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 254.

The Sevastopol communist regiment, created on July 15, 1941 by the decision of the Crimean regional party committee, was also included in the formation[228]. The number of the regiment was 1 thousand people, it was recruited only at the expense of men who were not subject to conscription – communists (75% of the personnel) and Komsomol members (25%). Captain N. Kirsanov was appointed commander, N. Boltin, editor of the Mayak Kommuny newspaper, was appointed military commissar[229].

At a meeting of the city party committee bureau on July 10, 1941 as a unit commander was approved a graduate of the Military academy named after M.V. Frunze Colonel M. M. Shapovalov[230]. There were only 15 career commanders (as of August 14)[231]. With the assistance of the Military Council of the fleet, up to 600 commanders were trained from among the volunteers, but their level of training remained very low. So, on July 16, the commander of the 1st battalion of the 2nd regiment Zinenko, who did not have military knowledge at all, was removed from his post[232].

In the first half of July, a check of personnel was carried out, during which people who were incapable of military service, as well as LAD fighters and a fighter battalion were excluded from the lists. By July 18, the number of militias was 10 222[233]. Thus, the Sevastopol unit can be considered the first large formation of the people's militia in the Crimea.

The military training of the Sevastopol militias was unsatisfactory. As of July 15, 1941, out of 9 610 man of personnel, only 3 196 people (33%) had weapon skills. Most of the trained were in the 1st regiment, 1495 out of 2657 people (56%). This is explained by the fact that the regiment was formed from workers of the Sevastopol Marine Plant, where even before the war, much attention was paid to defense work. In the remaining divisions, the following situation developed: in the 2nd and 3rd regiments the number of trainees was 24%, in the 4th – 35%, in the 5th – only 15% (288 out of 1 934 people)[234].

---

[228] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1522. L. 119.
[229] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 55.
[230] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 156.
[231] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 222. P. 22.
[232] Ibid. L. 7.
[233] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 35.
[234] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 222. L. 13.

The training of the militias was carried out on the basis of a program designed for 116 hours (for voluntary aid detachments in the amount of 42 hours). It included tactical, combat and engineering training, shooting, the air and chemical defense basics, hand-to-hand combat basics. Classes were held three times a week for three hours a day; training of command personnel was carried out twice a week, for four hours. Four hours a day were given to train the soldiers of the communist regiment[235].

Mastering the education programme was significantly complicated by a number of factors. A significant number of militias were employees of defense enterprises, which predetermined a low turnout in classes and slowed down the process of training and military formation of units. So, on July 20, only 1 322 people (that is, 50% of the officially listed) came to the assembly of the 1st rifle regiment[236].

Affected also “a completely insufficient number, and in some places the lack of instructional aids”[237]. The problem of providing small arms and ammunition was especially acute.According to various estimates, in total there were from 300 to 400 training rifles in the compound, several light and heavy machine guns[238]. The best provided were the subdivisions of the 3rd regiment, formed from employees of the enterprises of the rear of the fleet: as of July 29, 1613 people had 150 rifles, four easel and one light machine gun[239].

They tried to solve the problem of the lack of weapons by transferring weapons and equipment seized from the population to the militias. Thus, the hydrometeorological service subdivisions were equipped with small-caliber rifles, “Berdanks” and only one “real rifle”[240].

The fighters of the 1st and 3rd regiments were distinguished by the high quality of training and organization[241]. Despite the high employment of personnel in the production, the command of the regiments was able to ensure the systematic training of

[235] RGASPI. F. 17. Op. 88. D. 62. L. 4.
[236] Kolesnik A. D. People's militia of hero cities. M.,1974. P. 276.
[237] RGASPI. F. 17. Op. 88. D. 62. L. 4.
[238] ACS. F. 434. Op. 2. D. 43. L. 98.
[239] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 43.
[240] Melnik Ye. P. The road to underground. Notes. Simferopol, 1961. P. 11.
[241] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 43.

most of the militias. In the last place was constantly the 5th regiment (employees of enterprises and institutions of the Tsentralny district)[242].

The tasks that faced the Sevastopol militias were determined in the order of the head of the garrison of July 12, 1941: the units were distributed between the defense sectors to repel a possible air or sea assault[243].

The most trained Sevastopol militias were already recruited into the ranks of the Red Army in July 1941 (this month alone – 527 people). The mass conscription and rotation of the personnel of the Sevastopol formation and the destroyer battalion fell on the second half of August 1941, which was associated with the deterioration of the situation on the approaches to the Crimean peninsula.

At this time, on the basis of the 9th rifle corps, the formation of the 51st separate army, intended for the defense of the Crimea, began. To provide the army replenishment, the General Headquarters directive No. 00931 (dated August 14, 1941) and the SDC decree No. 488ss (dated August 15) were adopted, according to which conscripts born in 1895–1904, as well as conscripts born in 1922–1923 were called up on the territory of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic[244].

Order No. 001 of the 51st Army commander dated August 17, 1941 began the formation of four Crimean divisions of the people's volunteer corps, which were originally created as full-fledged military formations. One of the sources of their replenishment were various volunteer formations of the Crimea, including those from Sevastopol. The exact number of the Sevastopol residents drafted into the army is unknown, but, according to A. D. Kolesnik, there were several thousand of them[245]. Also, all serviceable weapons of the Sevastopol militias were transferred to the Crimean divisions[246].

Party members were drafted into the army, many of whom were militias. By the decree of the Bureau of the Sevastopol city party committee dated September 10, 1941,

---

[242] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 51,54.
[243] Ivanov V. B. Sevastopol defense 1941–1944 in official documents. Sevastopol, 2004. P.18–21.
[244] Russian archive: the Great Patriotic War. General Headquarters. Documents and materials. 1941. Vol. 16 (5-1). M.: Terra, 1996. P. 113.
[245] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. L. 82; Kolesnik A. D. People's militia of hero cities. M.,1974. P. 277.
[246] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. T. XXX. Sevastopol, 1963. P. 119.

105 Sevastopol and 20 Balaklava communists were called up[247]. There are known cases of refusal of party mobilization, for example, on September 15 for this, the technologist of "Electromortrest" I. M. Masalov[248] was expelled from the party.

In the fall of 1941, the formation was characterized by a high turnover of personnel, since, in addition to mobilizations, the evacuation of enterprises along with all personnel began. The number of personnel was reduced by half, so by September 20, five brigades were reorganized into three (1st, 13th and 19th).

By the decision of the city party committee bureau, from September 20, 1941, 1 575 militias were transferred to the barracks position[249]. The next day, September 21, another 690 militiamen were transferred to the barracks position[250]. As of September 30, the number of personnel of the Sevastopol formation was only 5 510 people, on October 25 – 5 362 people (including 4 642 men and 720 women)[251].

The payroll of the destroyer battalion was also reduced. According to the note No. 1739-s dated October 10, 1941, signed by the secretary of the regional committee of the AUCP(b) Vorobyov, the military commissar of the republic G. A. Baranov and People's Commissar of the NKVD CASSR G. T. Karanadze, it was ordered until October 14 to complete the battalion with conscripted and non-conscripted communists and Komsomol members[252].

Throughout September and October in the people's militia units classes, firing, and running-in fighters with wedges were held[253]. In the first half of October, 2 292 militiamen were trained, that is, up to 40% of the personnel. Poor attendance, inadequate training of commanders and poor discipline continued to be cited as major deficiencies in training. Thus, a case was recorded of fighters of the 19th brigade, lawyers Zverev and Zakharchuk, leaving the ranks of the militia[254]. As the former Chief

[247] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L.73; D. 203. L. 46.
[248] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 91.
[249] Ibid. P. 77.
[250] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 222. L. 23–24.
[251] Ibid. L. 33–34.
[252] SARC. Fund.P-35. Op. 1. D. 203. P. 64.
[253] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 222. L. 23.
[254] Ibid. L. 33–34.

of Staff of the Primorsky Army N. I. Krylov, until the very beginning of the defense, the issue of supplying the militia with weapons was not resolved[255].

Unlike the divisions of the people's militia in Moscow and Leningrad, the Sevastopol unit never became a full-fledged military formation. Nor was it taken into account by the Crimean command. The personnel were used to a limited extent for patrolling and in the construction of defensive structures. At the same time, until the introduction of general military training, the formation was the largest urban military training formation, in the ranks of which thousands of Sevastopol residents were trained.

A noticeable role in the mass military training of the population of the Soviet Union was played by the decree of the State Defense Committee No. 690 dated September 17, 1941. “On the general compulsory military training of citizens of the USSR”[256]. From October 1, compulsory military training for male citizens aged 16 to 50 was introduced throughout the country. First of all, pre-conscripts born in 1923 and 1924 were involved in this, as well as those who were liable for military service from among the untrained under the age of 45.

On September 21, 1941, the corresponding resolution of the Crimean regional party committee was adopted[257]. Only on September 26, the SDC decree became the subject of consideration at a meeting of the Bureau of the Sevastopol City Party Committee. There was decided to actively involve the population in the learning process, and it was also established that classes should be held for three hours a day (from 18.00 to 21.00)[258]. By agreement with the Military Council of the Fleet and the regional party committee, the workers of plant No. 201, enterprises of the rear of the Black Sea Fleet, were exempted from military training, but this restriction was removed from mid-October.

Judging by the number of persons to be trained, by the fall the majority of the inhabitants had already had military training. By October 1, five military training

[255] Krylov N. I. It will never fade. M., 1984. P. 290.
[256] The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Volume 7. 1938–1945. M.: Politizdat, 1985. P.241–242.
[257] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1523. L. 130–131.
[258] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 83.

centers of the city military registration and enlistment office were operating in Sevastopol, at which 450 people were trained. Another 1 004 people continued their training in educational institutions[259]. As of October 13, 1941, 4 031 people were subject to training: 1 342 people in the Tsentralny district, 1 449 people in the Severny and 1 240 people in the Korabelny district. Of these, 464 were trained at the city military enlistment office points, 1 096 at the factory No. 201, 80 at the factory No. 45, 198 at the at the shipbuilding college, 268 in vocational schools, 290 in secondary schools and 942 in the Navy institutions[260].

The 116-hour training program was taken as a basis, which was used in the formation of the people's militia. Particular attention was paid to drill training, mastering a rifle, machine gun, mortar and hand grenade, anti-chemical protection, digging trenches and camouflage.

The implementation of the decree on general education was significantly complicated by a number of factors. Firstly, the military disciplines mastering was significantly constrained by low attendance. At the same time, there were not only absenteeism for a good reason, which was typical for employees in defense enterprises, but also evasion. So, at the end of October, the worst attending classes were employees of the Gortorg, the Zagotzerno office, the Parizhskaya Kommuna artel and the State Bank[261].

Secondly, the problem of the lack of training weapons has not been resolved. Only 100 training rifles were received from the militia command. They tried to solve the problem, among other things, by organizing the collection of ammunition at the places of deployment of the Primorsky army, by that time evacuated from Odessa[262].

Thus, by the beginning of the siege of Sevastopol, the process of military training of the inhabitants of Sevastopol was organized on the basis of the formation of the people's militia, at the military training centers of the military registration and enlistment office, at enterprises and in the Osoaviakhim divisions. The number of

[259] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 73.
[260] SARC. F. P -35. Op. 1. D. 222. L. 30–31.
[261] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 103.
[262] Ibid. L. 102.

students was constantly decreasing due to the beginning of the mass evacuation of workers of defense enterprises.

On October 30, 1941, during a meeting of the city defense committee, a disappointing conclusion was made on the implementation of the SDC decree on general military training: “recently, the attendance of general education classes and the people's militia has decreased, due to the weakening of control over the implementation of the decree on universal education on the part of party and Soviet organizations”. It was decided to carry out a full training coverage of the citizens, to strengthen “work on further involvement in the ranks of the people's militia of workers”[263].

It was not possible to implement these instructions in the conditions of the beginning of the first assault on the city. In the last days before the start of the defense, October 29–30, 1941, the military command carried out an emergency formation of units from the crews of ships, personnel of the Coastal Defense units, military schools and city residents. In particular, fighters of the destroyer battalion (150 people) and the communist detachment (100 people) were drafted into the army[264]. Residents of the city also replenished the special departments of the Primorsky army, as evidenced by the note of the deputy head of the special department of the Primorsky Army, state security captain M.E. Milstein to the secretary of the city committee with a request for the allocation of 10 communists and Komsomol members[265].

It is necessary to mention the Sevastopol partisan detachment, which was formed under the leadership of B. A. Borisov and K. N. Nefedov since the summer of 1941. In August, its number was 215 people, mainly employees of the marine plant, the railway station, suburban state farms, as well as high school students of city schools. V.V. Krasnikov was appointed commander of the detachment, G. Vasilenko became the commissar. The partisans underwent special training in the Alsou area[266]. At the same time, the Balaklava detachment was formed, which included employees of the city party

[263] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 2.
[264] Kolesnik A. D. Op. cit. P. 278
[265] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 210. L. 49.
[266] The history of the hero city of Sevastopol. 1917–1957. Kiev: Izdatelstvo AN Ukr. SSR, 1958. P. 209.

committee, workers of the cannery and local state farms. Its commander became N. Gaziyev, Bektileyev was appointed commissar.

Officially, 510 militias were called up from the composition of the people's militia in the first days of the defense, even in the face of an acute shortage of people, the city leadership did not dare to fully mobilize workers from defense enterprises. On the same days, the Balaklava detachment of the people's militia (40 people) went to the front[267].

Residents of Sevastopol, enrolled in various military units of the SDR, took an active part in repelling the first assault on the city. The presence of defending civilians in the units is noted in his memories by the German doctor G. Biderman: “The selected Soviet marines were concentrated against us, and their ranks were reinforced by workers' detachments called up from the Sevastopol factories and docks”[268].

The remaining militias were assigned to various auxiliary units. So, by order of the SDR commander dated November 10, a destroyer battalion subordinated to the head of the garrison, was recreated, . The basis of the unit was made up of servicemen of the 24th border commandant's office, coastal defense and reserve units[269], however, according to some reports, former militias were also sent to form it[270]. According to the memories of I.K.Kalyuzhny, a serviceman of the 54th railway regiment, who was engaged in the protection of strategic objects, in mid-November 1941 they were replaced by militias[271].

In fact, in the first days of November, the compound ceased to exist: most of the militias were evacuated, drafted into the army or sent to the newly created defense enterprises. All available training weapons, including 2800 rifles, were transferred to the units defending the city[272]. The military training of the city residents was aborted: the majority of the employable city population was drafted to the front or involved in organizing the defense industry.

---

[267] Kurochkin M. K., Lutsenko B. S., Semiglazov N. I. Balaklava heights. Simferopol: Tavria, 1983. P. 23.
[268] Biderman G. In mortal combat. Memories of the commander of an anti-tank crew. 1941–1945. M .: Centrpoligraf, 2005. P. 61.
[269] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 5.
[270] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 33.
[271] Peoples' museum of Sevastopol police n.a. M. S. Kazakevich Kaluzhniy I. K. Memories.
[272] Krylov N. I. Fire bastion. M., 1973. P. 29–30, 31–32.

After F. S. Oktyabrsky became SDR commander, there is an increase in security measures, which was associated with the arrival in the city of significant masses of the evacuated population and military forces that avoided encirclement In the early days of the defense, the city experienced manifestations of panic and looting. For example, in the diary of P. I. Musyakov has the following entry dated November 18: “The city is quiet at night. The entire population is in shelters, in basements. The broken windows are gaping. Looting begins. First of all, the apartments of the commanders are being robbed. It’s too bad that the police and the NKVD haven’t shot anyone yet”[273]. A. S. Pantyushenko emotionally writes in his notes: “There is panic in Sevastopol. Warehouses are burning. There are robberies. There are open conversations about the evacuation (surrender) of Sevastopol”[274]. The documents recorded criticism of the authorities actions and anti-Soviet statements. For example, a resident of the city S. Ivanenko declared: “If a German comes, life will be better, the Germans are technically advanced, Soviet weapons are not good at all. Ours people shoot several times and run”[275].

A general idea of the activities of law enforcement agencies is given by the memorandum of the head of the police department of the NKVD of the Crimean ASSR M. S. Kazakevich and the head of the Sevastopol city police department V. I. Buzin on the results of the police work from 1 to 25 November[276]. During this period, joint military-police patrols detained 31 deserters, 161 escapists and 1 230 people who had unauthorizedly absent themselves from their units. At the same time, materials for 23 people noticed in “counter-revolutionary activities and anti-Soviet agitation” were transferred to the “operational department”[277]

The number of arrested city residents, at least in November, is significantly less than the number of military personnel. Thus, 10 people who committed theft from institutions were arrested, 13 people – from apartments of evacuated citizens, while one

[273] Musyakov P. I. Sevastopol days. From the diary of the editor of the newspaper “Krasniy Chernomorets” [Electronic media]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (reference date: September 09, 2020).
[274]Pantyushenko A. S. Mosaic of war // Moscow – Crimea. 2003. No. 5 [Electronic media]. URL: http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/pantushenko.html(reference date: August 13, 2020).
[275] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 211. L. 4–5.
[276] Ibid. L. 2–5.
[277] Ibid. L. 2.

person was shot on the spot (criminal O. A. Vasilyev-Bykov, caught stealing the LAD warehouse). It is noteworthy that only one saboteur deployed by the enemy was arrested[278].

The fight against alarmists and looters was uncompromising. For example, on December 21, 1941, a note by police captain V. I. Buzin reported that citizens O. A. Vasilyev and S. Grishchenko were detained and shot at the crime scene, M.A. Grebenyuk and Denesyuk were shot by a military tribunal sentence, V. Zaitsev, A. V. Ponomarenkov, V. Ye. Borisenko, S.S. Sviridenko and others were arrested.[279]

By order of the fleet commander of November 10, 1941 No. 10-11/2-pokh. the organization of the "revolutionary order" within the city of Sevastopol was entrusted to the garrison head P. A. Morgunov[280]. The general leadership of the activities was entrusted to the commandant of the 24th separate border commandant's office of the Black Sea border district of the NKVD troops and the city police department.

The number of law enforcement personnel in the first days of the defense significantly decreased, even taking into account the fact that officers from other Crimean cities arrived in the city (at the beginning of November – 203 people)[281]. To strengthen them, military personnel were involved, as well as small units from the citizens who were engaged in patrolling and protecting enterprises. Their exact number is unknown, but as of November 10, 1941, there were approx. 2 500 people, most of whom were mobilized residents of Sevastopol[282].

Despite the measures taken, the facts of looting and embezzlement continued to be recorded throughout the siege. In this regard, on March 3, 1942, a resolution of the city defense committee "On the protection of military property of the Red Army from plunder" was adopted[283]. A month later, on April 8, at a meeting of the bureau of the

[278] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 211. L. 2.
[279] Krasniy Krym. 1941. December 22. P. 4.
[280] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 3.
[281] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 3–4; Fund. P-35. Op. 1. D. 211. L. 2.
[282] For historian record. From archive of admiral F. S. Oktyabrsky / Compiled by R. F. Oktyabrskaya. Sevastopol: Miste, 2013. P. 102.
[283] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 42.

city defense committee, it was decided to strengthen the security of enterprises, including by attracting communists and Komsomol members[284].

Only after the end of the second assault on the city and the establishment of a temporary lull at the front, the city authorities returned to the issue of military training of the population and the preparation of a trained reserve. Moreover, the mobilization reserve significantly decreased in December, when 1158 city residents of were drafted into the army[285].

The corresponding decision was made on January 31, 1942 at a meeting of the defense committee. The organization and conduct of the measures were entrusted to the military commissar Lieutenant Colonel F. G. Samusevich, the city council of Osoaviakhim, the Russian Red Cross Society and the automobile club, the military departments of the city committee and district committees of the AUCP(b), as well as the Komsomol city committee were appointed curators. At the same time, special attention was paid to the training of narrow specialists: radio operators, mortars, grenade launchers, air and chemical defense and small arms affairs instructors, assistant nurses and members of voluntary aid detachments[286].

In the winter of 1942, a city military training center of the military registration and enlistment office and training courses in military specialties worked in Sevastopol. Also, the courses of assistant nurses of the Russian Red Cross Society continued to work, at which 40 women were trained by March 1[287], as well as circles at city enterprises. For example, at factory No. 201, 70% of those subject to training were covered by military training[288], at Special Combine No. 2 – all those who were liable for military service; in January-April 1942, 30 badges were trained there[289].

At the beginning of February, additional training courses were organized: on the training of radio operators (two groups of conscripts and two groups of girls were recruited), mortars, grenade launchers, air and chemical defense and small arms affairs

[284] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 40.
[285] Morgunov P. A. Heroic Sevastopol. M., 1979. P. 153.
[286] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 18–19.
[287] Krasniy Krym. 1942. March 2. No. 61. P. 3.
[288] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 92.
[289] Ibid. L. 160.

instructors, assistant nurses and member of voluntary aid detachments, motorcyclists and drivers[290]. At the same time, a school was opened for vocational training of drivers of cars and motorcycles at the car club, courses at the club of water workers, circles at the Fire Department and at the Sevastopol station[291].

As of March 26, 1942, 200 people were trained in the schools of motorcyclists, radio operators and assistant nurses[292]. Some citizens who graduated from the courses were immediately drafted into the army. Thus, 60 people who were trained to work at radio stations were called in to staff the artillery observation posts[293].

In accordance with the decree of the city committee bureau of the AUCP(b) dated March 22, 1942, all Sevastopol residents between the ages of 16 and 50 were obligatorily involved in general education. At the same time, special attention was paid to training employees of defense enterprises: in the third decade of April, it was planned to create military training centers at the plant "Molot" and Special Combine No. 1[294].

In March 1942, at the club "Transelectro", a city-wide center Osoaviakhim was opened for military training of conscripts born in 1923–1924. 26 primary organizations of Osoaviakhim resumed their work, including the State Bank, the food trust, the city fire brigade and etc.[295]

Some of the results of the general education were summed up on April 2, 1942 at a meeting held by the city party committee and the city military registration and enlistment office. It was attended by the heads of the military departments of district committees, workers of the Osoaviakhim, military officers of enterprises and institutions, who in their speeches noted the widespread distribution of military training. At the same time, among the shortcomings were called weak training of squad commanders, a lack of manuals, literature and weapons[296].

The situation with military training in the Centralnyi district was described in detail in his article by the head. the military department of the district committee V. I.

---

[290] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 19.
[291] Krasniy Krym. 1942. February 10. No. 41. P. 3.
[292] Crimea during the Great Patriotic War 1941–1945. Simferopol: Tavria, 1973. P. 117.
[293] Krylov N. I. Fire bastion. M., 1975. P. 138.
[294] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 46.
[295] Krasniy Krym. 1942. March 1. No. 72. P. 2.; March 22. No. 81. P. 3.
[296] Krasniy Krym. 1942. April 4. No. 94. P. 2.

Osadchy. In particular, he noted that in January-February “not everything was all right” with the organization of general education and only “in the last month and a half, the district has seriously approached the implementation of this important matter”. By the beginning of April, 80–90% of workers and employees of the district were covered by training, training centers were created at almost all enterprises[297].

A large number of women were involved in training in military circles. Apparently, this gave N. I. Krylov a reason to write in his memories that in the spring of 1942 there were women's volunteer companies in the city, “the only units of the city militia, which, despite the persistent requests of their fighters, have not yet been incorporated into the active units”[298].

Despite the work done, at the meeting of the party activists, which took place on May 12, 1942, as well as at the meetings of the primary organizations, numerous shortcomings were noted. In particular, at plant No. 201, “they began to engage in military training late,” it went badly, due to the lack of command personnel. In the fire brigade, during the inspection of the brigade No. 3, people were identified who “still do not know the rifle”. Chief of the fire brigade No. 1 G. T. Vernigora noted that “lately our defense work has cooled down. Nobody gives us a military instructor”[299].

In general, during the siege of Sevastopol, according to the official data of the city party committee, more than 5 thousand people were trained in various military specialties (including 500 chauffeurs and 200 radio operators), as well as 600 assistant nurses, nursing aids and member of voluntary aid detachments[300]. There are other data on health workers: 245 assistant nurses, 300 nursing aids and 500 people to serve hospitals were trained at the Russian Red Cross Society courses[301]. The exact data on total number of those who received training are not known, but it can be said that a significant part of the population, primarily employees of enterprises and institutions, received at least primary training.

---

[297] Krasniy Krym. 1942. April 9. No. 99. P. 2.
[298] Krylov N. I. Fire bastion. M., 1975. P. 133.
[299] The results of party meetings of the primary organizations on the issue “Results of city party activists meeting and immediate tasks of the Sevastopol organization”. SMHMR. A-1754 / KP-5422 L. 42, 45.
[300] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. L. 82; Karayev G. N. Defense of Sevastopol (war-historical outline). Leningrad, 1956. P. 77.
[301] The history of the hero city of Sevastopol 1917–1957 Kiev, 1958. P. 248.

From the end of April – the first half of May 1942, the bombing of the city began to intensify, as a result of which military training was curtailed. The prepared reserve was involved in the preparation and repulsion of the third assault on Sevastopol.

In accordance with the decree of the city defense committee of May 15, 1942, those liable for military service were identified at enterprises and institutions for further mobilization, while those who "had passed the school in the people's militia" were to be sent to the troops as a priority[302]. In the same decree, an order was given to start the formation of armed volunteer units – workers' detachments and combat platoons of the LAD[303].

Workers' squads were created at the main enterprises of the city, the entire personnel was considered mobilized, while 50% was transferred to the barracks position. Operationally, the units were subordinate to the sector commanders and were used to protect enterprises. It was also supposed to involve them in the fight against enemy airborne groups.

The work of organizing and training the detachments was entrusted to the head of the city police department V. I. Buzin, secretary of the city committee for industry A. A. Sarin and the secretaries of the district party committees. By May 17, 13 armed workers' detachments were formed, in which 810 people worked[304]. Later, the number of detachments increased to 30, they numbered more than 1 500 Sevastopol residents[305]. At some enterprises, for example, at the plant "Molot", all those capable of carrying weapons were enrolled in them.

In the decree of the Military Council of the Black Sea Fleet No. K-00175 dated May 14, 1942, an order was given to provide to the militia with "everything that is found from weapons, and to those who lack weapons, give out five grenades, give out hunting rifles and blades"[306]. As a result, the fleet allocated trophy rifles and several machine guns, but in insufficient quantities. The needs were partially covered by their

[302] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 44–45.
[303] Ibid. L. 44–45.
[304] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 43.
[305] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 47.
[306] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 40.

own forces: at the Special Combine No. 1, several mortars, mines and grenades were made after school hours.

Despite the measures taken, weapons were not enough, in connection with which on May 25, B. A. Borisov sent a note to Major General P. A. Morgunov, in which he asked for 200 rifles (at the rate of 1 rifle for 4 militiamen), 12 000 cartridges, 4500 grenades; for the LAD armed workers' detachments – 60 rifles, 3,600 cartridges, 600 grenades[307].

Accelerated training of combatants in anti-amphibious defense was organized, and, as noted by B. A. Borisov, "not only LAD armed workers' detachments and teams, but literally all residents were trained to fight paratroopers"[308]. The periodicals published materials on small arms, grenades, defensive structures, the peculiarities of the work of the LAD and etc. For example, on May 23, the Mayak Kommuny newspaper published an article describing the features of the combat use of the F-1 grenade[309].

On May 26, 1942, at a meeting of the defense committee dedicated to preparing the population for armed struggle in the city, it was decided to form a reserve of armed workers' detachments from men capable of carrying weapons. At the same time, communists and Komsomol members were subject to full mobilization, women – on a voluntary basis[310].

The main tasks facing the militias were formulated in a letter from the city defense committee of June 6: "prepare cold weapons, firing points, vigilantly guard production, observe iron discipline, eliminate pockets of destruction, extinguish fires". At the same time, it was noted that "the armed workers' detachments <...> have already shown for the most part solidarity, organization, an aspiration for revenge on the hated enemy. Protecting enterprises, soldiers of armed workers' detachments take an active part in eliminating fires, road blockages, vigilantly observing the air"[311].

---

[307] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 43.
[308] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 252.
[309] Mayak Kommuny. 1942. May 23. P. 4.
[310] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 51.
[311] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 77.

Due to the heavy losses suffered by the units of the SDR during the third assault on the city, the Military Council of the Fleet on June 12, 1942 for the first time ordered to send to the front 250 people from the armed workers' detachments of the Special Combine No. 1, the railway junction, factories No. 201 and "Molot"[312]. As a result, 256 people were sent to the army, first of all trained in the specialties "mortarman", "machine gunner" and "artilleryman". Instead, volunteer units were replenished with soldiers from the reserve.

The guards immediately joined the combat units. M. G. Baysak recalls that on one of the June days of 1942 at the 8th Marine Brigade arrived I. I. Bakshi and 200 militias armed with mortars[313].

On June 15, at a meeting of the Gorko Defense Committee, the issues of recruiting volunteers and women into the ranks of the Red Army and Navy were resolved. As a result, it was decided "in connection with the instruction of the Military Council on the call of volunteers and the mobilization of women in the rear institutions and hospitals of the army and navy" to deploy at the enterprises and institutions of the city mass explanatory work on the call of female residents of the city to the army and navy[314]. Within three days, the district committees of the party and the Komsomol were to send 75 women aged 18–35 to the military registration and enlistment office from each city district. As a result, 225 people were conscripted[315].

The next group of vigilantes (465 people) was sent to the front by a decree adopted on June 17 at a meeting of the defense committee[316]. At the same time, the question of preparing the reserve was raised: 450 people were included in its composition.

Two days later, according to the resolution of the Defense Committee of June 19, another 300 fighters were assigned to the front from the armed workers' detachments of Sevastopol and Balaklava, almost half of them, 120 people, were employees of the

[312] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 61–62.
[313] Baisak M. G. The glory of those days will not cease. Simferopol: Tavria, 2005. P. 116.
[314] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 61.
[315] Crimea during the Great Patriotic War. Simferopol, 1973. P. 155.
[316] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 63–64.

Special Combine No. 1[317]. Also on June 19, a large detachment of employees of the city police department (up to 120 people) was sent to the front. The remaining employees continued to patrol the city, guarded facilities and took part in the evacuation of the population[318].

Thus, by June 20, 1942, about 1 000 people were mobilized from the armed workers' detachments into the army[319]. About 1 000 more people were in reserve and were involved in the protection of enterprises, extinguishing fires and clearing debris[320].

For the first time, fighters of workers' detachments took direct part in the battles when the enemy came to the North side. The enemy also notes the participation of the civilian population in the battles with the advancing German units: "In a closed area built up with rural houses, factory and port facilities, fierce battles started, besides, the civilian population took part in them"[321]. In the last days of the Sevastopol defense, the militia completely shared the fate of the soldiers of the Sevastopol defense region.

The activities of the city leadership to educate the population and create a people's militia played a large role in organizing the mass training of city residents. These measures were carried out on the basis of three main structures: public organizations (Osoaviakhim, Russian Red Cross Society), the formations of the people's militia and general education centers. As a result, a significant part of the citizens knew how to use weapons and played the role of a trained reserve for the Sevastopol defense region.

II.2. Local air defense development

Sevastopol, as a large industrial center located in the border zone and having the status of a naval base, was a city-point of the local air defense. In accordance with the decree of the Council of People's Commissars of the USSR of August 27, 1936, the leadership of the LAD was entrusted to the local authorities. Since 1940, the city's LAD was headed by the chairman of the executive committee V. P. Yefremov, the commissar was the secretary of the city committee of the AUCP(b) B.A. Borisov.

---

[317] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 65.
[318] Meshkova Ye. Knights of Duty / Hero city of Sevastopol. Unknown pages. Sine nomine P. 12.
[319] Borisov B. A. School of life. M.,1971. P. 197.
[320] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 96–99.
[321] Khaupt V. East Front 1941–1945. M.: Eksmo, 2008. P. 408–409.

The direct leadership of the work on carrying out protective measures was carried out by the headquarters of the LAD, subordinate to the head of the department of the LAD of the NKVD of the CASSR, Major Matyurin. The chief of staff was Major P.M.Bushuev, who interacted with the leadership of the city's garrison.

On the eve of the war in Sevastopol, LAD units were formed: full-time district teams (they numbered 666 people) in urban areas, object teams at enterprises and self-defense groups at house administrations. Also in the city there was a city fire brigade of the NKVD, which included three regional brigades. Own brigades were formed in large enterprises.

Through the schools of Osoaviakhim and the Russian Red Cross Society, training on the basics of air defense, air and chemical defense and state security service was organized for the population. Specialized circles operated at many city enterprises, institutions and educational institutions. In the last pre-war months, the Sevastopol authorities organized regular air defense exercises, in which a significant part of the city's population was involved. Usually they were combined with the exercises of the Black Sea Fleet.

At the time of their holding, the movement of people and vehicles in the dark was limited, warning of an air raid, blackout, assistance to victims and extinguishing fires were worked out. Kh. I. Islyamova recalled: “There was no home to have light, since there was a disguise, there was not a single gram of light in the city. If you don’t do it, the light appears, you were fined right away, people could have been arrested, it was strictly”[322].

Despite the fact that a significant part of the urban population was trained according to the LAD norms, there were significant shortcomings in this area, which is admitted in the memories of B. A. Borisov[323]. At a meeting of the Bureau of the Crimean Regional Committee of the AUCP(b), held on May 30–31, 1941, Sevastopol was named

[322] Islyamova Kh. I. Interview / Drabkin A. V. Up to the elbows in blood. Red Cross of the Red Army. M.: Yauza, 2010. P. 389.
[323] Borisov B. A. School of life. M., 1971. P. 98.

among the cities where citizens who graduated from Osoaviakhim schools did not know how to handle an unexploded bomb, disassemble rubble and recognize enemy aircraft[324].

On the night of June 21-22, 1941, the Sevastopol LAD units were alerted and by the beginning of the bombing they had time to take up their posts[325]. At the same time, for a significant part of the city's population, the air raid, which began at 03 hours and 15 minutes[326], was a complete surprise. P. I. Musyakov, not without reason, explained this as follows: “People did not yet believe that this was a war. Many drills took place in Sevastopol. They did not immediately believe even an hour later, when powerful searchlights cut the night sky and the large aircraft planes sparkled in their rays with a matte sheen”[327].

During the first raid, the ship staff and infrastructure of the Black Sea Fleet were not damaged, but the residential sector suffered significant damage: several houses and a school in Artillery Slobodka were destroyed, as well as the buildings of the Institute of Physical Methods of Treatment n.a. I. M. Sechenova and the sanatorium. n.a. I. V. Stalin.

At the scene of the explosions, two departments of the emergency recovery team and two links of the medical and sanitary team of LAD of the Central Region, firefighters, and police officers, who began to rescue the victims, quickly arrived.

The number of victims in the sources is estimated in different ways. For instance, in the report of the secretary of the city committee B.A. Borisov to the Crimean regional party committee, dated June 22, is said about 8 dead and 148 wounded[328], in the next report of June 23 – already about 14 dead and 170 wounded[329]. A total of 21 people are currently believed to have died, 136 were injured[330].

A second raid was made on June 24 at 01.40, the air defense and local air defense forces met him in a more organized manner[331]. In total, at least 9 bombs were dropped

---

[324] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1521. L. 127–128.
[325] Krasniy Krym. 1941. June 24. No. 147. P. 4.
[326] In the memorandum of the head of the LAD department of the NKVD of the CASSR, Major Matyurin, to the head of the HQ LAD, a different start time of the raid is indicated - 02.50 / Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 309. L. 4.
[327] Musyakov P. Defending Sevastopol. M.: OGIZ, 1943. P. 5.
[328] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 3.
[329] Ibid. L. 8.
[330] Baisak M. G. The glory of those days will not cease. Simferopol, 2005. P. 11; Doskato O. This is how the war began / Hero city of Sevastopol. Unknown pages. Sevastopol, 2006. P. 5.
[331] Zhilin I. C. On the signal “Air” / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 15.

on Sevastopol, while the damage was insignificant: the Kamennaya pier and the base of torpedo boats were damaged[332]. In general, the LAD services during the first raids acted in a coordinated and efficient manner, which made it possible to organize the rescue of a large number of wounded and to eliminate the consequences of the explosions in the shortest possible time.

In the following weeks, until mid-September 1941, enemy aircraft appeared in the skies over Sevastopol irregularly and in small groups, and, as A. K. Yevseyev notes, mainly on Saturday and Sunday, during the day for reconnaissance, and at night for laying mines on the fairway[333].

The low activity of German aviation and the rear position of the city made it possible to carry out a set of measures to protect the population and objects from air attacks. This issue was under close scrutiny of the city authorities, as evidenced by the analysis of the minutes of the meetings of the city party committee bureau.

At the beginning of the war, personnel changes were made in the leadership of the LAD headquarters: Major P.M. Bushuev was removed from office in July and expelled from the party for a committed offense[334]. In his place was appointed Major G. V. Zykov, who was in this position until early December 1941. The second secretary of the city party committee, V. I. Kulibaba[335], was appointed to oversee the LAD's work, who was personally responsible for the implementation of all measures and was a speaker on this issue at meetings of the city party committee bureau. Later, on August 25, 1941, he was appointed to the post of military commissar of the LAD[336] headquarters and remained in it until the end of the defense.

As stated in the report on the activities of the LAD during the defense, “the state security and the city were a single organism without harmful division into departments”[337]. From the beginning of the siege of the city, the head of the city garrison exercised not only the operational command of the LAD units, but also gave

[332] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 309. L. 1, 4.
[333] Central Navy Archive (CNA). F. 2. Op. 1. D. 315. L. 20–21.
[334] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 26
[335] Ibid. L. 1.
[336] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1523. L. 57.
[337] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 416. L. 65 other side.

instructions on the organization of combat training; through him, communication was carried out with the command of the fleet and air defense.

The following procedure during an air raid was determined. By order of the head of the air defense point, an “air raid” signal was given, for which the beep of plant No. 201 was used (intermittent short beeps - alarm, long beeps - hang up), which was duplicated by radio broadcast, as well as verbally and by whistles of the officers on duty. At first, the signal was given every time an enemy aircraft appeared in the sky over the city, later this practice was canceled and the signal was given only when the bombers approached[338]. Data on the results of the raids came to the head of the garrison from several sources: observation post of the head of the garrison, the Black Sea Fleet's rear services, the commandant of the garrison, the city's units and institutions and the city's LAD.

According to report No. 1 of the NKVD of the Crimean ASSR of June 24, by this day the deployment of the republic's LAD system was completed, the shelters were prepared, the formations were deployed and put on alert, the population began to tear off the cracks[339]. In reality, far from everything was done in the proper amount.

One of the first measures was the blackout of civilian objects, which was carried out in a matter of days. At the same time, most of the buildings were repainted in dark colors. As noticed Ye. I. Zhidilov, “some buildings, the view of which was pleasing to the eye before, are now disfigured by motley camouflage, and they cannot be distinguished from the ruins, from the burnt boxes of houses that remained from the recent bombings”[340].

By order of the Commander of the Crimean troops dated June 25, 1941, severe sanctions were imposed for violation of the blackout regime, up to and including shooting down[341]. In fact, the matter did not come to harsh punishments, for example, a resident of the city D. N. Martynishin was fined 1500 rubles[342]. The observance of the disguise was monitored not only by military patrols and police officers, but also by detachments

[338] Yevseyev A. K. Besieged Sevastopol. L., 1959. P. 32, 35.
[339] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 309. L. 1.
[340] Zhidilov Ye. I. We defended Sevastopol. Gorkiy, 1973. P. 11.
[341] Krasniy Krym. 1941. June 25. No. 148. P. 1.
[342] Mayak Kommuny. 1941. August 5. P. 4.

formed from Komsomol members[343]. As N. F. Baranov recalled, “if we see where the light is in the apartment, then shoot <...> and I must say what discipline the Sevastopol residents had, the whole was in the dark, no one lit the lights”[344].

The complex of measures taken contributed to the disguise of Sevastopol, while the small area of the city and the density of buildings did not allow to completely protect the buildings from bombing. As A. K. Yevseyev wrote, “it was clear that such a disguise could hardly bring any benefit”[345].

From the end of June, fire-fighting measures began to be carried out: supplies of sand and water were created everywhere, the roofs of houses were treated with a fire-resistant compound, wooden structures were dismantled. By the order of the head of the military department of the Crimean regional committee P. M. Krupin dated July 15, 1941, Komsomol brigades were created in Crimean cities, which were engaged in monitoring fire safety at enterprises[346]. It is known that by the end of July there were 275 Sevastopol Komsomol members in these formations[347].

Fire-fighting activities were carried out slowly. On August 2, 1941, at a joint meeting of the city party committee bureau and the city executive committee, the “extremely unsatisfactory” state of the fire protection was stated. It also found that the planned measures were never implemented at a number of enterprises. As a result of the meeting, it was decided to conduct a total check of houses, industrial sites and city institutions, organize the tools production and the sand supply[348]. It is known that the missing firefighting equipment was produced at some Sevastopol enterprises, in particular in the artel “Molot”[349].

One of the most pressing issues facing the Sevastopol authorities was the lack of equipped bomb shelters. According to A. K. Yevseyev, “in fact, by the beginning of the

---

[343] Bolgari V. P. Interview. [Electronic media]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/bolgari-vladimir-petrovich/ (reference date: June 13, 2020).
[344] Baranov N. F. Interview [Electronic media]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/baranov-nikolay-fedoseevich/ (reference date: June 12, 2020).
[345] Yevseyev A. K. Besieged Sevastopol. Memories. L., 1959. P. 23.
[346] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. L. 28.
[347] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 58
[348] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 18
[349] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 87–88

war, Sevastopol did not have bomb shelters"[350]. During the first raids, the Sevastopol population was forced to hide in poorly adapted shelters – basements, old adits, rocks. By the evening of the first day of the war, a basement was built under school number 7 on Pushkin square, where the administrative apparatus of the city party committee and the Komsomol, as well as the executive committee of the city council were located[351]. By June 28, 450 cracks were opened in the city (for 7500 people), 105 cellars also used as shelters (for 2,254 people) and caves (for 100 people)[352].

On June 29, 1941, at a meeting of the city party committee bureau, a resolution was adopted on the creation of a city headquarters for organizing the construction of shelters, which was headed by V. I. Kulibaba. On July 4, 1941, in his report to the Central Committee of the AUCP(b), the secretary of the regional committee V. S. Bulatov noted that in Sevastopol "the entire population is provided with shelters"[353]. In fact, the work of creating properly equipped shelters was just starting.

In large-scale works, not only construction organizations were involved, but also the city population. The necessary materials were allowed to be taken from construction No. 1, Kholodilnik, from the shipbuilding college and from other facilities[354].

A variety of installations were adapted for shelters: for example, on the Kerchenskaya st. an old warehouse in the rock, on the Pirogova st. a mine gallery, which has been preserved since the first defense[355]. Every day the number of shelters increased: as of July 18, 365 cracks for 5250 people had been dug on the North Side alone[356]. A large shelter was organized in the sewer collector near the Central Bazaar (for several thousand people).

Sevastopol enterprises also built their own bomb shelters. For example, at SevGRES-1 a rock shelter was set up for 2500 people, at SevGRES-2 – for 250 people, in

---

[350] CNA. F. 2. Op. 1. D. 315. L. 18.
[351] Lunyov P. A. Memories of the work of the communications workers of the Sevastopol automatic telephone exchange and the communications office during the city defence during the period of 1941–1942. (1964) / Communication in Ukraine during the Great Patriotic War / Content by N. A. Borisova, N. I. Losich, O. V. Frolova et al. St. Petersburg: Central Museum of Communications n.a. A. S. Popova, 2013. P. 265.
[352] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 20.
[353] RGASPI. F. 17. Op. 42. D. 387. L. 7.
[354] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 141.
[355] Orekhova M. Summer 1941... The first days of the war (memories of N. M. Kanaka) / Hero city of Sevastopol. Unknown pages. Sevastopol, no date P. 2.
[356] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 57.

the Setevoy area “Krymenergo” – a basement of the control building was equipped for 60-70 people[357]. Construction continued throughout the summer and autumn of 1941, some of the facilities were already delivered during the defense. The railroad workers completed the construction of a large rock shelter for 300 people only by November 7[358].

Since the beginning of the war in Sevastopol, as in other cities of Crimea, work has been launched to strengthen the existing and create new LAD units. In June 1941, the staff of the regular brigades, including the female members of medical detachments without children, as well as the city fire brigade, were transferred to a barracks position. At the beginning of August 1941, there were 839 people in 22 city brigades of the LAD, in 81 object brigades – 4 367 people, in six fire-fighting units – 178 people[359]. At the same time, the number of career fighters periodically decreased due to mobilization, which implied the need for rapid replenishment of staff.

One of the LAD structural subdivisions was the city's medical service; the medical staff was immediately transferred to the barracks position[360]. In all districts of the city, first aid points were organized on the basis of outpatient clinics, polyclinics and pharmacies. At enterprises, organizations and schools, 8 medical detachments, 104 medical units of self-defense groups, more than 200 sanitary posts were formed[361].

Training was organized for mid-level medical workers. In the period from June 22 to July 3, 1941, 60 nurses were trained at the Russian Red Cross Society courses, 300 more people were trained in the basics of medical work; 60 Komsomol female members continued to study at two courses of reserve nurses, and another 40 people at sanitary posts[362]. By August 1941, in the formations of the Russian Red Cross Society consisted: in 19 medical detachments – 503 people, in the composition of 339 sanitary posts – 1 369 people, 410 people were trained in nursing courses in 10 groups[363]. In

[357] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 39–40.
[358] Nemkov A. Ye. Railwaymen in the defense of Crimea. From the notes of the head of the political department / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 181.
[359] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. L. 37; D. 208. L. 68–69.
[360] Lavrentyeva V. Ye. Medics in the Sevastopol defence / Fire days of Sevastopol. Simferopol, 1978. P. 177.
[361] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. Vol.XXX. P. 113–114.
[362] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 23.
[363] ACS. F. 434. In. 2. D. 46. L. 102–104

total, according to some sources, at the beginning of the war in Sevastopol, 845 nurses, 300 nurse's aides were trained, and later another 500 medical workers[364].

On July 2, 1941, at a meeting of the city party committee bureau, it was decided to urgently replenish self-defense groups[365]. In accordance with Decree No. 1812 of the Council of People's Commissars of the USSR of July 2, recruitment was carried out on a voluntary-compulsory basis at enterprises and institutions, as well as at the places of residence[366]. Citizens were brought to administrative responsibility for refusing to join self-defense groups. For example, residents of Sevastopol Fomenko, Cherednichenko and Solokhnenko were fined 3 thousand rubles for such an offense[367].

In July 1941, there were 125 self-defense groups in the city, at the beginning of August their number increased to 144, they numbered 4 050 people[368]. The presence of a large number of self-defense groups, which included trained citizens, further greatly facilitated the fight against the consequences of air raids.

In addition to local, object commands of the LAD and self-defense groups, specialized units were also created. So, on July 9, 1941, the SDC decree No. 81 “On the formation of urban emergency recovery units of local air defense in the areas declared under martial law” was signed[369]. The next day, these units were formed on the territory of the CASSR by a joint resolution of the Bureau of the Crimean Regional Committee and the Council of People's Commissars of the Crimean ASSR[370].

In Sevastopol, on the basis of construction organizations and public utility companies, an emergency and recovery battalion was formed under the command of V. M. Komarenko[371]. The provision of the battalion with equipment, tools, transport, food and special clothing was carried out at the expense of the executive committee of the city council. At the beginning of August 1941, it included 193 people in the barracks position.

---

[364] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. Vol.XXX. P. 112.
[365] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 147.
[366] State Archives of the Russian Federation (hereinafter – GARF). F. 5446. Op. 1. D. 194. L. 276.
[367] Mayak Kommuny. 1941. August 3. P. 2.
[368] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. L. 37; D. 208. L. 68–69.
[369] RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 1 L.271–271 other side.
[370] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1522. L. 104.
[371] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 12.

The main tasks of the unit were the restoration of houses, hospitals, schools, public utility companies, as well as energy networks and roads damaged during the bombing.

Much attention was paid to improving the monitoring and communication service. As a result of the meeting of the city committee bureau on June 29, 1941, the number of observation points was increased, two towers were put in order: one of them was located at the Office of the Hydrometeorological Service (Central Hill), the second – on the building of the water workers club (Primorsky Boulevard)[372].

Considerable efforts were directed at mass training of residents in the basics of air and chemical defense. As B. A. Borisov noted, "it was not easy in the first days of the war to teach the population to take refuge in shelters immediately upon an alarm signal"[373]. In some cases, this led to tragic consequences. For example, at the end of June, during the bombing, 9 people who lived in the dorm No. 1 in the area of Pesochnaya Bay were killed: they ignored the "air raid" signal and did not go into shelter in time[374].

The authorities organized explanatory work through the republican and city mass media. On July 1, 1941, the newspaper "Krasny Krym" published an article "Strengthen anti-aircraft and anti-chemical defense!", with which began the publication of materials on air defense[375]. In Sevastopol and other Crimean cities, the rental of educational films "The Simplest Shelter from Air Bombs", "Individual Sanitary and Chemical Packages", "Children's Gas Masks", "Self-Defense Group" and others were organized.[376]

The experience accumulated before the war was used in the implementation of the USSR Council of People's Commissars Decree No. 1812 "On the general compulsory training of the population for air defense", which was adopted on July 2, 1941.[377] On the same day, the resolution was considered at a meeting of the Bureau of the Sevastopol city party committee. Based on its results, it was decided to identify all citizens subject to training local air defense and air and chemical defense, as well as the instructor staff, with whom it was planned to replenish all self-defense groups, objects

[372] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 141.
[373] Borisov B. A. School of life. M.,1971. P. 110.
[374] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 15.
[375] Krasniy Krym. 1941. July 1. No. 153. P. 1.
[376] Krasniy Krym. 1941. July 4. No. 156. P. 4.
[377] GARF. F. 5446. Op. 1. D. 194. L. 276–277.

and medical detachments during July 2–3[378]. The organization and conduct of mass training of citizens was entrusted to the military departments of district committees and Osoaviakhim.

As of July 3, 1941, 90 LAD circles worked in the city, in which there were 87 instructors and 3200 students[379]. In the following days, the majority of the employable city population was involved in mandatory training: men aged 16 to 60 and women aged 18 to 50.

The order of the classes was contained in a letter from the secretary of the Crimean regional committee B.I. Leshchiner No. 1228 of July 7, 1941: instructors of Osoaviakhim were allocated, at the rate of 25–30 students per instructor. It was planned to study elementary air defense skills within three to four days[380]. The citizens mastered the methods of fighting incendiary bombs, the rules of conduct in case of air raids and the provision of first aid to the victims. Minors between the ages of 8 and 16 were taught on an abbreviated program.

By August 4, 1941, 27 749 people had been trained in the basics of air defense, 798 instructors were trained, and 12 228 people continued to train. Only 3 thousand people were not covered by training[381]. At the same time, LAD training was conducted with the personnel of the Sevastopol unit of the people's militia.

In addition to preparing for air defense, attention was paid to training the population to act in a chemical attack. July 2, 1941. The Council of People's Commissars of the RSFSR adopted a resolution “On the procedure for preparing the population for air defense and chemical defense”[382]. In Sevastopol, the air and chemical defense school of Osoaviakhim was involved in training citizens on a 12–15-hour program. As a result of the measures taken in July 1941, 21 thousand people were trained under the air and chemical defense program, another 15 thousand people were studying, 445 instructors of the air and chemical defense were trained[383]. Only in the

[378] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 200. L. 147.
[379] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 23–24.
[380] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. L. 16
[381] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 33.
[382] Volkov I. M. The struggle of the Soviet people for the creation of combat reserves for the front in the first period of the Great Patriotic War (June 1941 – November 1942) // Bulletin of Moscow University. Series IX. Istoriy. 1962. № 5. P. 35.
[383] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 58

Severnyi district of the city, as of August 5, 17792 people were trained in air and chemical defense (since 1940), 2452 people were studying, of which 302 people were retrained as instructors of air and chemical defense[384].

Despite the increased attention paid by the authorities to training in chemical protection, in some cases the population showed a lack of basic knowledge. For example, on July 27, a group of workers from the Sevastopol Marine Plant dug trenches in Kilen-balka and behind the Malakhov kurgan, after which 26 people were covered with a rash of unknown origin (presumably from plants). At the same time, a rumor spread that people were poisoned with mustard gas[385].

According to the joint decree of the Crimean Regional Committee and the Council of People's Commissars of the CASSR "On measures of organizing the anti-chemical protection of the population" dated August 23, 1941, it was decided to prepare citizens who had undergone the initial training according to an expanded 28-hour program, which corresponded to the standards of the 1st stage of air and chemical defense[386]. This assumed an in-depth study of methods of protection against high-explosive, fragmentation and incendiary bombs, poisonous substances; great attention was paid to practical training. Already by September 1, 1941 in Sevastopol, 12 thousand people were prepared for passing the norms for the 28-hour program[387]. Training continued until the beginning of the first city assault. According to some data, a total of 45 thousand people were trained under the air and chemical defense program[388].

By the beginning of the first city assault, the Sevastopol authorities managed to implement a set of measures aimed at strengthening the local air defense. Most of the city's population underwent at least initial training according to the local air defense and air and chemical defense standards. LAD units were formed and trained, city objects were prepared for massive raids. This made it possible in readiness to meet the beginning of the bombing of Sevastopol and to minimize losses among the civilian population.

---

[384] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 54
[385] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 56.
[386] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1523. L. 47–48.
[387] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 73.
[388] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. T. XXX. P. 113.

The activity of German aviation intensified from mid-September 1941, which was associated with the exit of German formations to the outskirts of the Crimean peninsula. The tactics of the raids have changed: if earlier strikes were indiscriminate, now military facilities and defense enterprises became the main targets. In September alone, there were eight night raids on the main base with for the purpose of laying mines. In October, 30 raids on airfields, 16 on transports, 19 mine laying and 20 reconnaissance flights were recorded[389]. All the Sevastopol LAD services were put on alert, the self-defense groups were re-equipped[390].

From the end of October 1941 Sevastopol was subjected to massive enemy air raids. When German planes began to be based on the captured airfields in Saki, Sarabuz, Simferopol, they began to appear in large groups and at any time of the day[391]. Thus, on November 12, a raid was carried out, during which colossal destruction was made on the territory of the marine plant, the repaired destroyers “Besposchadnyi” and “Sovershennyi”, the submarine “L-6”, the hulls of two minesweepers of project 59 were damaged. In total, 12 raids were made, 139 high-explosive bombs were dropped in a day. City buildings were significantly damaged: according to some sources, 37 buildings were destroyed and 29 were damaged, according to other sources – 29 were destroyed and 34 were damaged. At the same time, 39 people were killed, 69 were wounded and 25 were slightly wounded[392].

In total, in November 1941, 757 bombs were dropped on the city, 739 shells were fired. Herewith 213 houses were destroyed, the destruction of the water supply system was recorded 11 times, of telecommunications – 19 times, of telephone communications – 8 cases, railways – 5 cases. 260 people died, 548 were injured[393] As A. K. Yevseyev emphasizes, “losses in personnel and civilian population were insignificant, everyone managed to bury themselves in the ground in time”[394].

---

[389] Ignatovich Ye. Air Defense of the Black Sea Fleet at the beginning of the defense of Sevastopol / Bulletin No. 14. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. Sevastopol, 1981. P. 27, 31.
[390] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 73.
[391] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959 P. 80.
[392] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 35.
[393] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 82–83.
[394] CNA. F. 2. Op. 1. D. 315. L. 46.

Despite the high activity of German aviation, a significant number of anti-aircraft forces and weapons were withdrawn from the city by order of the fleet commander. In the conditions of systematic air raids and shelling, with an obvious shortage of anti-aircraft weapons of the army and navy, the well-coordinated work of the local air defense system became of great importance.

The general leadership of the LAD was carried out by the city headquarters, which in November continued to be headed by G. V. Zykov, and from December 11 by a technician quartermaster of the 1st rank V. I. Malyi, who held this position until the end of the city's defense.

Due to the evacuation and mass conscriptions into the army, the number of the LAD units decreased. Despite this, the fighters of the regular and object teams selflessly and skillfully fought the hotbeds of fires, dismantled debris, provided assistance to the victims, restored electrical grids and plumbing, which ensured the stable operation of defense enterprises, organizations and institutions of the city.

Thus, in the article by B. A. Borisov “In the besieged sea fortress”, published on December 11, 1941, it was noted: “Soldiers of the recovery teams, including Kuptsov, Vdovichenko, Lyalin, Domoevsky (Korabelny District) often carried out excavations under fire, rescued residents and put things in order. They are not lagged behind by the soldiers of the recovery teams of the Severnyi district, including Verbitsky, Denisov and many others”[395].

A need to create new divisions appeared. By order of the fleet commander of November 10, 1941, “to strengthen air and ground surveillance in each urban district”, additional round-the-clock observation posts were organized, provided with communication with the command posts of the district commandants[396]. To neutralize unexploded bombs, a brigade of demolitionists from civilian volunteers was formed, led by engineer of the LAD headquarters A. A. Kozlov.

At the enterprises and organizations, specialized emergency brigades of power engineers and signalmen were created, which were engaged in emergency elimination of

[395] Krasnyi Krym. 1941. December 11. No. 297. P. 3.
[396] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 5.

damages. Thus, with the beginning of the siege, cases of damage (in November–December – 513 cases) and failure (172 cases) of Krymenergo equipment became more frequent: the repair personnel of the network area were divided into four brigades, three of which were constantly on duty at the responsible feeders[397].

On November 13, 1941, the first meeting of the city committee bureau of the AUCP(b) was held after a two-week break. It discussed the elimination of massive bombing and further population evacuation. The LAD headquarters was obliged to organize work to clear the rubble, restore communication lines, the pipeline[398]. However, systematic restoration work was hampered by constant raids on the city.

Only after November 23, the intensity of air raids and shelling of the city significantly decreases. On November 26, at a meeting of the city party committee bureau, a second decision was made to eliminate the consequences of the bombings[399]. The LAD services and repairmen began to carry out a complex of restoration measures: dismantled the rubble, freed the roadway of the streets, repaired the electrical network and water supply.

At this time, much attention was paid to the construction of new and completion of existing shelters, into which most of the population moved. To a new shelter on K. Marx st., the city command post was also transferred: regional organizations, the city defense committee, the party city committee and the Komsomol city committee, the executive committee of the city council and the LAD headquarters were located here.

Large-scale work was carried out in the Inkerman area, where an underground city was built, which could hold up to 5 thousand people. The improvised “rooms” (each family was supposed to have 4–6 square meters) were kept clean. In the same place was also a kindergarten and a nursery (for 100 places), a school (for 113 people), a canteen (for 400 places) and a club[400]. The writer L. S. Sobolyov noted that the shelter

[397] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 37.
[398] RGASPI F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 14.
[399] RGASPI F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 20.; SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 125.
[400] Khamadan A. M. Sevastopol residents. Sevastopol: “Git pak”, 2014. P. 28–29.

size made it possible to designate entire streets: Gorky, Shampanskiy tupik, Shveyny pereulok, Clubny prospect[401].

On December 10, 1941, at a meeting of the city party committee bureau, the first results of measures to restore the city were summed up[402]. In general, the city services' activities were assessed positively, while it was noted that the work in the Korabelnyi district and at the railway junction had not been completed. It was also noted there that citizens were poorly involved in the city renewal: basically everything was done by the LAD units.

Employees of Vodokanal renewed the main water mains, carried out their ringing and duplication. The repair teams of Krymenergo repaired the power lines supplying city enterprises and institutions, as well as the Belbek pumping station, which was used to supply water to the Northern side.

Under the leadership of the head of the trust “Elektrosnabzheniye”, M. M. Gursky, the city's electrical networks were repaired, and by December 15, tram traffic on the Frunze st. was partially restored[403]. Later on, the tram depot workers under the leadership of the chief engineer Shimkevich restored traffic throughout the City Ring and on the Vokzalnaya st., the tram depot and carriages were repaired. Among the distinguished workers – foreman Ioffe, electricians Kolachev, Leontiev, Sideridi, carriage driver Gamol[404].

The head of the public utilities department of the executive committee V. M. Komarenko did a great job of organizing the clearing of the city streets from ruins and debris. For example, in his article published on December 15 in the newspaper “Krasniy Krym”, he wrote: “We are starting to put in order residential buildings, repairing roads and access railways, clearing streets <...> special attention should be paid to the sanitary condition of the city. It is necessary to free the courtyards and streets from garbage as soon as possible <...> we are obliged to prevent possible diseases”[405].

---

[401] Sobolyov L. S. To a constant friend. Diaries. Articles. Letters. M.: Sovremennik, 1986. P. 347.
[402] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 130; RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 27.
[403] Krasniy Krym. 1941. December 27. No. 313. P. 3.
[404] Ibid.
[405] Krasniy Krym. 1941. December 15. No 301. P. 3.

The collective of the road sector became part of the emergency recovery squad and was engaged in dismantling the rubble together with the fighters of LAD. At the same time, some service enterprises were opened, for example, baths on the Odesskaya st. and on the Korabelnaya storona.

The second assault on the city, which began on December 17, 1941, did not allow to complet the restoration works in full. In total, during the period from December 10 to December 31, 1941, 16 air raids were carried out on the city, 738 bombs were dropped, mainly on the objects of the Korabelnaya storona, Severnaya storona and Uyzhnaya buhta, 1 217 shell impacts were detected. 42 houses were destroyed, 36 people were killed and 56 people were injured[406].

In total, from the beginning of the war until December 31, 1941, up to 1 495 aerial bombs were dropped on the city, 2 058 shells were fired, while 255 residential buildings were destroyed, 55 cases of damage to the water supply system were recorded, 55 cases of the high-voltage network damage, 208 cases of the low-voltage network damage, 42 cases of communications damage, 9 cases of railways damage, a total of 297 people were killed and 599 civilians were injured[407]. The personnel of the LAD units and residents of the city, as during the first assault, were involved in the elimination of the destruction centers: they fought the fires and provided assistance to the victims.

In January 1942, a relative calm was established, raids and artillery shelling continued, but were not as intense as during the first and second assaults. Already on January 9, 1942, at a meeting of the Defense Committee, the issue of restoring plants, municipal services, cultural institutions and residential buildings was considered. The Executive committee of the city council was to provide and approve funds for priority works by January 15th. So, only the housing administration of the Severnaya storona

[406] Special story “On the combat operations of coastal batteries in the defense of the main naval base of the Black Sea Fleet city of Sevastopol during the period from 10th to 31st of December, 1941” // Istoricheskoye naslediye Kryma. 2020. P. 115–117.
[407] Ibid. P. 117.

was allocated 300 thousand rubles for the repair of wrecked houses in the first quarter of 1942[408].

A construction office was created at the city executive committee, headed by the head of the Oberkommando des Heeres V. M. Komarenko. Various construction organizations of the city were transferred under his command. At the district executive committees, district construction offices were created. It was proposed to attract the population as much as possible, and to count the renovation of apartments by tenants from the rent payments. The director of the industrial plant Moiseyev was asked to submit to the city executive committee a plan of measures to extract building materials, and V. M. Komarenko – to conduct an inventory of materials from destroyed buildings and store them in the Central warehouses of the City Housing Administration[409].

The restoration of the residential buildings proceeded at a rapid pace. For example, by March 23, only the housing department of the Severniy District has repaired over 20 houses and commissioned over 1200 sq. m of living space; the dismantling of 25 destroyed houses was completed[410]. According to some reports, up to 300 houses were repaired during the defense[411].

Gradually, residents of the city moved to private houses, only the hostels of the spetskombinats, collector and the SevGRES, which had comfortable bomb shelters, remained underground. Despite the periodic bombing, by April 1942, main problems in the housing sector had been overcome.

Much attention was paid to measures to combat fires. On January 31, 1942, at a meeting of the bureau of the city defense committee, it was noted that from November to January 48 cases of fire were recorded. Accordingly, it was decided to conduct a full check of all city buildings within 10 days. Managers of all levels were strictly warned about personal responsibility for the fires that occurred[412].

The measures taken in advance for mass training of the population in the basics of air defense and the experience gained during the first and second assaults on the city

[408] Krasniy Krym. 1942. January 17. No. 17. P. 3.
[409] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 13.
[410] Krasniy Krym. 1942. March 23. No. 82. P. 3.
[411] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. P. 76.
[412] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 18.

greatly facilitated the elimination of the consequences of air raids in the second half of February 1942.

On February 23, an air raid was carried out on Sevastopol, during which incendiary bombs were massively used for the first time. The main targets of the German pilots were residential quarters and industrial facilities of the Severniy district and the Korabelnaya storona; in total, about 400 bombs were dropped. Fighters of LAD, fire protection, self-defense groups acted in an organized and skillful manner: in a short time, 25 out of 31 fires were eliminated[413]. On the night of February 25, about 100 high-explosive bombs and 1 000 incendiary bombs were dropped on the city. The buildings of the Korabelniy district and Bartenyevka were damaged, the railway club, workshops, and locomotive depot were damaged. 10 people were killed and 15 injured during the raid[414].

In general, the objectives of the air raid were not achieved. At a meeting of the city defense committee, which took place on March 3, 1942, the workers of the city, including the fighters of the city LAD, were thanked. 64 people were awarded with valuable gifts[415]. At the next meeting of the city defense committee, on March 19, 1942, a large group of fighters of LAD were presented with state awards, including two people for the Order of Krasnoy Zvezdy, eight for the medal “For Courage”, ten for the medal “For Battle Merit”. A few days later, on March 25, 1942, the corresponding order of the commander of the Black Sea Fleet was signed[416].

B. A. Borisov noted: “In the days after the holidays, Germans calmed down <...> it became calmer in the city. The silence of the night was much less likely to be disturbed by horns and air raid sirens. Yes, and the alarms themselves did not last long now: anti-aircraft guns would shoot, several enemy planes would appear over the city, drop a dozen or two high explosive bombs and two or three hundreds of incendiaries – and again silence. Artillery shelling has also become less common”[417].

---

[413] SARC. F. P-1. Op. 1. D. 2145. L. 67–68.
[414] The history of the hero city of Sevastopol 1917–1957 Kiev, 1958. P. 236.
[415] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 24.
[416] Krasniy Krym. 1942. March 26. No. 85. P. 1.
[417] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 235.

So, in the period from February 23 to March 23, only 32 raids were recorded, during which 229 FABs (high explosive air bomb), 1400 ZABs (incendiary bombs) and one mine were dropped; enemy artillery fired 843 shells at the city. As a result, 18 civilians were killed and 53 wounded, and 16 houses were destroyed[418].

In the spring of 1942, measures were begun to strengthen the local air defense and to resume the training of citizens. The comparatively low activity of enemy aviation provoked a deterioration in discipline among the population and fighters of the LAD. This fact did not escape the attention of the correspondents either. A. Khamadan in his essays noted the carelessness of the citizens, accustomed to the harsh siege conditions: "The Sevastopol streets live intensively <...> the sun, like a magnet, draws people out of basements, shelters, houses and hospitals. The air raid has not been cleared off yet, but the streets are busy"[419].

On March 14, 1942, the order of the garrison head was published, which strictly prohibited the violation of blackouts. Drivers were asked to equip all available vehicles with camouflage lights within three days. At the signal "air alarm" it was ordered to immediately turn off the light and stop the movement, waiting for all clear signal[420].

By the decision of the city party committee bureau of March 22, 1942, from the first ten days of April, the Komsomol detachments of the (Air Defence and Chemical Warfare Defence) ADCD were recreated at the enterprises, the study of the population was organized, the work of the regional councils of Osoaviakhim and the (Russian Red Cross Society) RRCS was restored[421]. Despite the explanatory work, it was not possible to completely eradicate the negligence of the population, as was evidenced by the minutes of the city defense committee meeting on April 17, 1942. In particular, it was noted there: "A large number of the population does not take refuge on the Air Alarm, despite the presence of shelters, as a result of which there are casualties during the

[418] Sinyutin M. V. The battery fulfilled the task: a military history sketch. St. Petersburg: Renome, 2010. P. 128.
[419] Khamadan A. M. Sevastopol residents. Sevastopol: "Git pak", 2014. P. 18.
[420] Krasniy Krym. 1942. March 16. No. 75. P. 4.
[421] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 46.

bombing of the city". Within three days, the heads of the LAD were asked to install signs, build additional shelters[422].

In April 1942, 22 raids were made on the city, a total of 314 high-explosive bombs were dropped, of which 226 aerial bombs were dropped on military positions, outside the city and into the water, the rest - on the living quarters of Odesskaya, Ochakovskaya, Volodarskiy, Bosko, K. Marx streets, Square of the III International, Severnaya storona. 880 shells were fired, including at Chersonesos, Yuzhnaya Buhta, Gollandia, plant No. 201, marine hospital, SevGRES. Nine fires were registered, 10 houses were destroyed and 12 houses were damaged, two water supply pipes failures, 26 power lines failures, six communications failures and three railroad failures were recorded. 52 civilians were killed and 100 were wounded in April[423].

The report of the chief of staff of the LAD V. I. Maloy for April states, that the observation posts worked efficiently, while there was no reserve communication due to the lack of a cable[424]. A significant problem was the lack of transport, which impeded the provision of assistance on the outskirts (Zelenaya gorka, Petrova slobodka, Gora Matyushenko, Karantin, etc.), as well as the lack of mechanisms for parsing the rubble, except for picks and shovels[425]. Insufficient number of tunnel-type shelters, low preparation of enterprises for ADCD (poor sealing of shelters, lack of gas masks) and negligence of the population were also noted as shortcomings[426].

Since the end of April, the intensification of enemy aviation has been recorded: from April 20 to May 10, 1337 shells were fired at the city, 39 bombing raids were made, while 438 high-explosive aerial bombs, more than 1000 incendiary aerial bombs and 10 sea mines were dropped. As a result of the raids and shelling, 46 civilians were killed and 80 were wounded, the pier, three warehouses, 25 houses and the TsAGI building were destroyed, 71 fires were registered, of which five were large[427].

---

[422] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 42.
[423] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 416. L. 42-45.
[424] Ibid. L. 45.
[425] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 416. L. 46.
[426] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 416. L. 47.
[427] Sinyutin M. V. The battery has completed the task. St. Petersburg, 2010. P. 156–157.

In total, from June 22, 1941 to May 1, 1942, 310 houses were destroyed, 1059 houses were damaged (from November 1, 1941 to May 1, 1942, respectively, 289 and 1030 houses)[428]. Particularly significant were the destruction on Korabelnaya storona, which was subjected to intense bombing, due to the presence of large defense enterprises. In total, over 400 residents were killed and 800 injured.

At a meeting of the city activists on May 12, 1942, B. A. Borisov drew attention to the unresolved shortcomings in the air defense system: lack of bomb shelters, poor observance of the rules of conduct on the signal "AA", insufficient readiness for chemical defense[429] Representatives of the military command, who were present, ordered a set of measures to be taken to prepare for repelling the assault. In particular, it was ordered to create additional shelters and ensure the impeccable work of the LAD units[430].

In the next few days, meetings of the primary party organizations were held, at which significant shortcomings were noted at a number of enterprises. So, at GRES-1, not all workers took refuge at the signal from "AA", at "Elektrosnabzhenia" blackout was not observed, there were no shelters near the pier of the III Internatsionala, in the tram depot and the shipping company[431].

On May 15, a meeting of the city defense committee determined measures to bring all city services to full readiness. Four combat platoons of LAD were formed from the trained personnel units of LAD, 30 people each (one at the city, the rest at the district headquarters of the LAD). In addition, the entire able-bodied population, not employed in production, was involved in tearing off new adits-shelters[432].

On May 18, the city defense committee took additional measures in the field of LAD. So, within a day, V. P. Yefremov, V. I. Kulibaba, V. I. Maloy and the chiefs of the district LAD were ordered to pick up spare command centers of the city and

---

[428] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 416. L. 45.
[429] From the resolution of the meeting of the party activists of Sevastopol on the tasks of the party organization in the defense of the city. May 12, 1942 / Soviet Ukraine during the Great Patriotic War. Documents and materials in three volumes. V. 1. Ukrainian SSR in the first period of the Great Patriotic war (June 22, 1941 – November 18, 1942). Kiev: Naukova Dumka, 1980. P. 167–169.
[430] The history of the hero city of Sevastopol 1917–1957. Kiev, 1958. P. 243.
[431] The results of party meetings of the primary organizations on the issue "Results of city party activists meeting and immediate tasks of the Sevastopol organization". SMHMR. A-1754 / KP-5422 L. 40, 43.
[432] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 44–45.

districts, establish communication between them, develop a defense system, and strengthen security. The following was also proposed: “Establish a round-the-clock watch at the command center by responsible workers. To tighten up the entire service of the LAD, calling on the entire personnel to increase their vigilance, to be ready every minute to repel the enemy”[433].

Since the second half of May, there has been a significant increase in raids on the city. In the period from 23 to 30 May alone, 990 bombs and 669 shells were dropped on the city, while 99 buildings were destroyed, 55 people were killed and 154 injured[434]. A significant increase in the bombing of the city forced the adoption of a resolution by the defense committee (May 29, 1942) on the transfer of all residents of the city to shelters[435].

Since May 28, no “AA” signals have been given, since enemy aircraft were constantly in the air. On June 2, 1942, an especially powerful raid of enemy artillery and aviation was carried out on the city, which continued throughout the day. The targets of the German pilots were not only military installations, but also residential areas, as well as urban infrastructure.

The data on the number of bombs dropped on that day in the sources vary greatly: from 1 500 to 4 000 high-explosive bombs and thousands of incendiary bombs. In the city, large-scale destruction of the residential buildings was carried out (according to some sources, up to 100 houses[436]), especially in Tsentralniy and Korabelniy districts. The supply of electricity was cut off, telephone communication with the command center of the fleet and districts was interrupted. According to P. A. Lunyov, on that day 80% of the communication lines were damaged, as a result, only the most important ones were able to be restored[437]. Numerous fires broke out, which were only partially extinguished. In total, at least 78 residents of the city died during the raid, whose bodies were found and buried.

---

[433] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 46–47.
[434] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 13.
[435] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 55.
[436] Morozov M. Ye. Air battle for Sevastopol. 1941–1942. M., 2007. P. 320.
[437] Lunyov P. A. Memories of the work of the communications workers of the Sevastopol automatic telephone exchange and the communications office during the city defense in 1941–1942. ... P. 269.

The entire staff of the LAD and emergency recovery services of the city joined in the parsing the rubble and extinguishing the fires. At the same time, it was noted "poor organization in the elimination of centers of destruction, clearing streets and extinguishing fires", due to insufficient involvement of the population in this work[438]. An emergency meeting of the city leadership was held, at which it was decided to send A. V. Bagriy, A. A. Petrosian, I. I. Bakshi to the district headquarters of the LAD and to enterprises. B. A. Borisov, V. P. Yefremov and V. I. Kulibaba moved to the compartment of the LAD headquarters, where information from all over the city was collected. A. A. Sarina was entrusted with liaison with the district committees.

On the morning of June 3, air raids, during which up to 500 enemy aircraft were involved, continued: from 3500 to 4 500 bombs were dropped on the city[439]. At the same time, German pilots changed their tactics: if earlier they concentrated on bombing one area, now they bombed the entire territory of the city. At the same time, combined bombing was used: first, high-explosive bombs and time bombs were dropped, then incendiary. As noted in the report of the chief of staff of the LAD V. I. Maloy, "such tactics caused massive destruction of facilities in the city and a large number of fires, as a result of which entire city blocks were burnt out"[440].

As a result of the bombing on June 2–3 and in the following days, residential buildings, a bakery, the plant "Molot", and medical city institutions suffered significant damage. The entire city infrastructure was put out of action, and fires appeared everywhere. An eyewitness recalls: "Shocked by an unprecedented sight, a grandiose fire, I ran out into the street and rushed to the adit. On the descent into the gully, I stopped, fascinated by the distraught flame devouring the barracks of the Anti-Aircraft School <...> I have never seen such a fiery nightmare. Everything was on fire: earth, water, and sky. My whole Sevastopol was on fire"[441].

A significant consumption of water for extinguishing fires and damage to reservoirs led to the fact that a rationing of water delivery was organized. The

[438] Letter of the Sevastopol city committee to party and komsomol workers with a call for greater organization in all matters dated June 3, 1942 / Sevastopol is 200 years old. 1783–1983. Kiev, 1983. P. 236–237.
[439] Sinyutin M. V. The battery has completed the task. St. Petersburg, 2010. P. 165.
[440] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 416. L. 55.
[441] Sushko Ye. V. I know that war firsthand... Sevastopol: ChP Kruchinin L. Yu., 2008. P. 34.

population almost completely went underground, the work night mode was established in the city. During the day, only the air defense groups and the personnel of the combat squads were on the surface.

According to some reports, from 2nd to 7th of June, that is, during preparations for the third assault, 4 640 buildings were destroyed in the city, 3 000 were damaged, over 500 fires were caused, at least 138 civilians were killed and 171 wounded[442]. Among them were quite a few party workers: for example, a bomb that exploded near the city's command center killed an employee of the Council of People's Commissars Konsul, chairman of the Severniy District Executive Committee K. I. Zagordyanskiy. The exact number of those killed during these raids is unknown, but K. M. Yablonskaya, who was looking for the bodies of the dead workers of the Severniy district committee and the city executive committee, saw a terrible picture with her own eyes in the morgue of the 1st city hospital: “there were whole mountains of those killed <…> during the raid”[443].

After June 7, 1942, when the third assault on the city began, raids and shelling followed almost without interruption. In difficult conditions, the LAD units could not fulfill their duties, however inful, they continued to be engaged, as far as possible, in rescuing the victims. Thus, the fighters of the LAD unit under the command of Bondarenko defused 26 incendiaries within a short time[444]. The repair teams of the “Elektrosnabzhenie” and “Vodokanal” trusts, which worked in the dark, tried to provide electricity and water to strategic facilities – automatic telephone exchange, a bakery, Mekhstroyzavod, “Molot” and a port water pumping station, pumping stations and main water pipelines. Tunnel-type shelters were intensively built, by June 17, 39 of them were equipped, 2 200 people were hiding in them[445].

In total, in the period from June 1 to June 16, 12 people from the LAD were killed, including five doctors, 27 people were wounded; from the personel composition

[442] Morozov M. Ye. Air battle for Sevastopol. 1941–1942. P. 327.
[443] Yablonskaya K. M. Party work in the city / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 64.
[444] Mayak Kommuny. 1942. June 9. No. 52. P. 2.
[445] Russian State Military Archives. F. 37878. Op. 1. D. 416. L. 62.

of the fire brigade one person was killed and three were missing, 9 people were wounded[446].

From May 28 to June 17, 1942, 30 620 high-explosive bombs and 4 307 artillery shells were dropped on the city, while about 400 civilians, 500 were injured, and 4 737 houses were destroyed[447]. The consequences of the bombings were the most deplorable: a lot of destruction and fires occurred in the city. The city leadership, with the knowledge of the SDR command, decided to extinguish fires only at especially important facilities (according to the list compiled by the military commissar of the LAD V. I. Kulibaba)[448]. Almost all enterprises of Sevastopol, a mill, six food warehouses, an oxygen station, a water supply system and communication lines were put out of order.

After June 20, when the Severnaya storona was abandoned, the personnel of the LAD units began to join the ranks of the defenders. In the following days, the LAD fighters completely shared the fate of the city defenders. Most of the heads of the city and regional headquarters of Local Air Defense (LAD) were killed or captured in June–July 1942.

II.3. Defense industry of Sevastopol on the eve and during the defense

On the eve of the war, Sevastopol was a large industrial center of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR). In total, there were 52 enterprises here, including six out of ten republican enterprises of defense significance: marine plant No. 201, workshops of “Electromortrest” and “Svyazmortrest” (people's commissariat for shipbuilding), aviation plant No. 45 (people's commissariat of the aviation industry), 36th district aviation workshops (people's commissariat of defense) and the Main military port (people's commissariat of the Navy).

In general, the Sevastopol industry was focused on meeting the Black Sea Fleet's needs. The leading industries were ship repair and shipbuilding, which were represented by the Sevastopol marine plant n.a. S. Ordzhonikidze (since 1940 – plant No. 201) and

[446] Ibid. L. 63.
[447] Crimea during the Great Patriotic War in 1941–1945. Simferopol, 1973. P. 153.
[448] Borisov B. A. School of life. M.,1971. P. 317.

Glavvoenport enterprises. Plant No. 201 carried out all types of repairs for surface ships and submarines. According to some reports, in the late 1930s – early 1940s up to 50% of the maintenance of the Black Sea Fleet ships were carried out here[449]. Various workshops of the Black Sea Fleet carried out scheduled, breakdown and partly medium interval maintenance of ships.

In addition, since 1932, Plant No. 201 has been implementing a program for the construction of base minesweepers of the "Fugas" type and sea tugs. As of June 22, 1941, there were seven ships under construction on the berths of plant No. 201, which were in varying degrees of readiness (from 5.9 to 45%)[450].

The Fleet Command, which was the main customer, forced the plant leadership to devote all efforts to completing work at priority facilities. At the beginning of 1941, a commission worked at the enterprise, which was headed by the deputy people's commissar of the Navy, Admiral L. M. Galler. According to its results, the extremely tight deadlines for the maintenance of ships were established, the total volume of work was increased. As a result, "last minute rush" was widely practiced, which led to a decrease in the quality of performed work, a violation of the planned shops' activity[451].

Aircrafts of the Black Sea Fleet Air Force were also repaired in Sevastopol. The 45th aviation plant and the 36th district aviation workshops played a significant role in this. The plant produced spare parts for aircrafts, and also mastered the production of LaGG-3 fighter aircrafts' fuselages.

In addition to plants and workshops for military purposes, the 4th state garment factory, a soap factory, as well as small enterprises focused on the production of consumer goods operated in Sevastopol. In the structure of both the Crimean and Sevastopol industries, a large share was made by industrial cooperation enterprises – artels – and small factories[452].

---

[449] Platonov A. V. Struggle for domination in the Black Sea. M.,2010. P. 23.
[450] Counted according to: Shirokorad A. B. Ships and boats of the USSR Navy 1939–1941 / Under gener. edit. of A. Ye. Taras. Directory. Minsk, 2002. P. 371–376.; Ship chronicle. Sevastopol marine plant. Sevastopol, 2003. P. 211–215; RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 2. L. 16.
[451] Borisov B. A. School of life. M.,1971. P. 87, 94.
[452] Crimean ASSR: 20–30s. Historical outline / G. I. Kasyanov, V. I. Marochko, O. N. Movchan, L. I. Tkachyova. Kiev,1989. P. 9.

The enterprises operation was provided by large energy facilities: State District Power Plant (GRES) No. 1, State District Power Plant (GRES) No. 2 n.a. L. B. Krasin, thermal power plant, diesel power plant. City power plant No. 1 was considered the largest power plant in Crimea and the base power plant of the "Krymenergo" system. The station operated two boilers with a capacity of 75 tons of steam per hour and two turbine generators with a capacity of 12 000 kW each.

From the first days of the war, an accelerated restructuring of the national economy work began to meet the army's and navy's needs. In historiography, the thesis of the decisive role of party bodies in this process was fixed[453]. For Sevastopol, the statement requires adjustment: at the meetings of the city party committee bureau, questions related to the work of the city industry were practically not raised, general leadership was carried out directly by the Black Sea Fleet Command.

The main task of the city-forming enterprises of Sevastopol was the implementation of the pre-war program of ships maintenance. In July 1941, the CC of the AUCP(b) and the Council of People's Commissars of the USSR ordered the People's Commissariats of the shipbuilding industry, the sea and river fleets to repair the ships of the Navy in the first place. The People's Commissariat of the Navy received the right to use civilian enterprises to carry out all types of maintenance of warships and auxiliary vessels[454].

At the same time, in the summer of 1941, the navy and civil shipbuilding at plant No. 201 was curtailed, which greatly facilitated the implementation of ship maintenance programs. The corresponding decree of the SDC No. 86ss (top secret) dated July 10, 1941 is known, which spoke about the termination of the laying of new vessels at the Leningrad and southern plants and the concentration of efforts to complete the construction of navy ships and submarines. As an exception, in July 1941, plant No. 201 was supposed to complete building the Gnevny class (Project 7), which was in a high degree of readiness[455].

---

[453] Kukin D. M.Party and state leadership of the USSR national economy on the eve and during the war / Soviet home front in the Great Patriotic War. Book 1. Common problems. / Under gener. edit. of P. N. Pospelov. M.,1974. P. 19.
[454] The Rear of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945. M.,1977. P. 437.
[455] RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 2. L. 11.

Since the beginning of the war, much attention was paid to ensuring the uninterrupted operation of the Sevastopol power plants. At a meeting of the Bureau of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks dated June 29, a decree was adopted, according to which "Krymenergo" was to organize the supply of up to 500 kW of alternating current electricity from Yalta. It was planned, together with the Sevastopol City Executive Committee, to develop measures for the use of direct current electricity from the city diesel station (200 kW) for important city facilities. According to the same decree, transformers were transferred to Sevastopol from the substations under construction in Saki (5,600 kW) and Bakhchisarai (1000 kW) to back up the transformers of the SevGRES, the central step-down substation and the Novo-Shulskaya substation[456]. During June–October 1941, the city's power plants operated without interruption, which played a large role in the implementation of a large volume of ship repair works, which were carried out by the Sevastopol marine plant and the Voenport workshops.

A number of measures have been taken to mobilize labor collectives to accelerate the fulfillment of production targets. With the beginning of the war, on June 26, 1941, according to the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, the working day was extended by 1–3 hours[457]. At Sevastopol Shipyard, they almost immediately switched to an 11–12 hour working day, and later to a round-the-clock, two-shift operation. All enterprise employees were returned from vacations, refused weekends and holidays. For example, by the labor collective's decision, June 29 (day off) began to be considered a working day[458]. The enhanced mode of work was preserved even after the beginning of the defense – people worked 11 hours a day, seven days a week[459].

For the successful operation of enterprises, it was necessary to strengthen labor discipline. Even before the war, a number of decrees of the highest bodies of state authority, dedicated to solving this problem, entered into force. In general, the statistics

[456] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1522. L. 91–92.
[457] Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1944. M., 1945. P. 143–144.
[458] Krasniy Krym. 1941. June 29. No. 151. P. 1.
[459] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 4.

of delinquencies in the first months of the war were small: as of July 22, 1941, 36 absenteeism, 30 delays and one spoilage were registered at the city's enterprises. Several workers were put on trial, and Bogolyubov, an employee of “Svyazmortrest”, who refused to go to sea on a ship and declared: “I have children, and they are dear to me”, was expelled from the party[460].

The rapid restructuring of the Sevastopol industry was accompanied by a change in production and production technology. Along with the tightening of discipline, the popularization and support of the movement for overfulfillment of plans was carried out. Thus, already in June 1941, the periodicals noted the initiative of Kerenin and Yegorov, the turners of the machine shop of plant No. 201, who fulfilled the task by 300%[461]. By the decision of the city party committee bureau dated September 1, 1941, all workers, employees and engineers of the city were to take part in the 2nd All-Union Komsomol Voskresnik, and deduct their earnings to the Defense Fund[462]. A month later, by the decision of the city committee bureau dated October 6, 1941, the initiative of the pre-October competition was approved[463]. Much attention was paid to the rationalization and economy of raw materials. The following designers of the Sevastopol Shipyard were among the first innovators: Ivitsky, Nazarenko, Sulimenko, Prima[464]. From the first days of the war, a movement for the collection of scrap metal began, to which Komsomol members and schoolchildren of the city were en massed. So, by July 11, 191 tons of ferrous metal and 65 tons of non-ferrous metal were collected[465].

The mass male mobilization, and later the evacuation, raised the issue on the need to attract new workers to enterprises, despite the fact that in Sevastopol many workers and engineers of defense enterprises received a reprieve.

Specialized educational institutions were one of the sources of replenishment of workers. Before the war, shipbuilding and railway track-building technical schools, two

[460] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 42.
[461] Krasniy Krym. 1941. June 26. No. 149. P. 3.
[462] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 54
[463] Ibid. L. 93.
[464] Krasniy Krym. 1941. July 12. No. 163. P. 3.
[465] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 26.

schools of factory training, as well as two industrial schools worked in Sevastopol. According to the memories of V. K.Morinichenko, on June 22, 1941, all students of the Professional Technical School No. 3 were gathered and read out an order for the early issuance of diplomas[466]. On October 22, 1941, at a joint meeting of the city party committee and the executive committee, a decision was made to evacuate all technical educational institutions, only a small part of students in scarce specialties were left to work at plant No. 201 and Voenport workshops[467].

Much more was given by voluntary recruitment from among the urban and evacuated population, including women. According to some estimates, women's labor in Sevastopol already in the summer of 1941 took on a mass character[468]. On September 10, a rally was held in the city theater, which was attended by 697 women. Vorobyeva, an employee of the Gorvodokanal, said in her speech: “As soon as my husband was called to the front, I took his place and quickly mastered his specialty. I advise everyone to master male professions so that you can replace your husband, son, brother who have gone to the front at any moment”[469].

The massive involvement of untrained workers made it necessary to organize training and advanced training. As a rule, training took place in a short time, without interruption from production, by attaching experienced workers-mentors and organizing courses. Already in mid-July 1941, at the plant No. 201, 60 girls were trained in working specialties.

During June–October 1941, the marine plant worked hard on the implementation of the ship repair program. In the second half of August 1941, the load began to increase, which was associated with the deterioration of the situation at the front and military operations at sea. At the same time, after the abandonment of Nikolaev (August 17, 1941), Sevastopol became the only major ship repair base on the Black Sea.

The ship repair program was fully completed by the beginning of November: the destroyer “Zheleznyakov” and the submarine “L-6” were the last ships being repaired

---

[466] Morinichenko V. K. Man from Sevastopol (memories) / Hero city of Sevastopol. Unknown pages. Sevastopol, 2006. P. 70.
[467] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 105.
[468] ACS. F. 434. Op. 2. D. 43. L. 114.
[469] Ibid. L. 97.

since the pre-war period[470]. In the second half of August–September 1941, the marine plant and the Voenport workshops almost completely switched over to the repair of ships damaged during combat operations.

The restoration of the ships was carried out under conditions of extreme stress. On October 1, Admiral F. S. Oktyabrskiy sent a note to the director of plant No. 201 M. N. Surguchyov and the chief of the Black Sea Fleet technical department, engineer-captain 1st Rank I. Ya. Stetsenko, in which he demanded the completion of repair work on 12 ships. At the same time, the admiral suggested: "Arrange the work in such a way as to work around the clock at the dockage facilities. Get a sailcloth, covers from anywhere, to make a blackout of the dock and carry out all the hull work... Understand, that business does not tolerate, that damaged ships will still arrive, and all Your dockage facilities and walls are full of"[471].

Along with the fulfillment of the main task, the plant No. 201 and the Voenport workshops, as well as city enterprises, carried out various orders of the Military council of the fleet. From the first days of the war, ship repair enterprises were engaged in arming mobilized vessels of the civilian fleet and repairing military equipment. In July–August, the plant workers No. 201 and the artillery plant were working on the creation of the floating battery No. 3[472]. In August, employees of the Sevastopol Shipyard and electromechanical workshops took part in demagnetizing ships[473]. In August – September 1941, the construction of armored trains "Sevastopolets", "Ordzhonikidzevets" and "Zheleznyakov" began at plant No. 201[474].

The organization of mass production of weapons and ammunition at Crimean enterprises was envisaged by closed decrees of the regional committee of the AUCP(b) dated August 28 and October 7, 1941.[475] The main emphasis was placed on the production of simple and effective weapons – company and battalion mortars, as well as various ammunition (grenades, anti-tank and anti-personnel mines).

---

[470] Morozov M. E., Kulagin K. L. USSR first submarines. "Decemberists" and "Leninists". M, 2010. P. 122.
[471] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 1–2.
[472] Shurygin V. V. Iron island: Floating battery chronicle. M., 1979. 304 p.; Surguchyov M. N. Op. cit., 1972. P. 15–22.
[473] Golovin I. N. I. V. Kurchatov. M.: Atomizdat, 1978. P. 53–54; Surguchyov M. N. Op. cit. P. 26–27.
[474] Romadin S. Fate of "Zheleznyakov" // Tankomaster. 1988. No. 1. P. 17.; Kolomiets M. V. Armored trains of the Great Patriotic. M.: Strategia KM; Yauza: Eksmo, 2010. P. 110.
[475] SARC. F. P-1. Op. 1. D. 2068. L. 45, 70–73.

In Sevastopol, they were among the first to start introducing new types of products: in production at the correctional labor colony No. 7 (50-mm mortars and mines) and the “Molot” artel (grenades)[476]. The development proceeded slowly due to the lack of specialists, drawings and a lack of raw materials, which led to a large number of defective products[477].

As a result, by the beginning of the siege, the production of weapons and ammunition was partially mastered at plant No. 201 (50-mm and 82-mm mortars), production at ITK No. 7 (50-mm mines), “Mekhstroyzavod” (anti-tank and anti-personnel mines), in railway depot (mortars) and artel ”Molot” (grenades). According to some reports, in October 1941 at the enterprises of Sevastopol, Kerch and Simferopol, 2 thousand 50-mm and over 800 82-mm mortars, about 70 thousand 50-mm mines and 60 thousand 82-mm mines were produced[478]. The enterprises of Sevastopol proper produced about 38 thousand F-1 grenades, from 1 to 4 thousand. RGD-33 and more than 300 RPG-40 (probably uncharged)[479].

By July 15, all enterprises of the local industry were switched over to fulfill the orders of the Military council of the fleet[480]. So, the artel “Molot” made devices for cleaning rifles, pots, buckles, etc. In the artels “Krasny shveinik”, “Proletary”, “Krasny Oktyabr”, sewing of uniforms, hospital gowns, shovel covers, bags for grenades was organized, as well as the repair of uniforms.

From August 1941, the evacuation of enterprises to the Caucasus began to exert a significant influence on the work of the Sevastopol industry. In the directive of the General Headquarters dated August 14, 1941, it was said about the immediate removal of everything unnecessary from the peninsula[481]. The next day, the corresponding decree of the Crimean regional party committee was adopted[482].

By order of the fleet commander, a commission was created to disperse military and state property from Sevastopol to the ports of the Caucasian coast, the chairman of

---

[476] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 87–88.
[477] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 210. L. 52.
[478] Basov A. V. Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945. M., 1987. P. 23.
[479] Counted according to: CRSA. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 80; D. 230. L. 100; D. 231. L. 60.
[480] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 28–30.
[481] Russian Archive. Great Patriotic War. Vol. 16 (5-1). General Headquarters, 1941. M., 1996. P. 113.
[482] The feat of Sevastopol. In the footsteps of memories. Kiev, 2012. P. 50.

which was the captain 1st rank A. G. Vasilyev. Work began on redeployment, for which the main forces of the transport fleet were involved.

The commission developed a plan for the destruction of objects of state and military significance, as well as property, that could not be taken out in the event of the seizure of Sevastopol by the enemy. There is an official note No. 676c dated August 28, 1941, in which B. A. Borisov asked the chief of the rear of the fleet, Rear Admiral N. F. Zayats, to allocate "explosive materials in case of the need to disable enterprises" – 17260 kg of pyroxylin or mines, as well as miners[483]. As B. A. Borisov recalled, "in a short time all enterprises, power plants, docks were mined, fuel was brought to the warehouses"[484].

In the second half of September – October 1941, work was carried out to relocate plant No. 45, 36th aviation workshops, construction department No. 57, Gidrospetsstroy, reserves of metals and equipment from plant No. 201, Svyazmortrest and Elektromortrest, the railway and the power plant. In total, about 7500 tons of industrial equipment were removed[485].

Due to the need to fulfill the ship repair plan, the Sevastopol marine plant was not evacuated from the city until the beginning of the defense. According to the memories of the director of the plant M. N. Surguchyov, only on the night of October 29-30, 1941, a meeting was convened, at which the necessity of relocating the enterprise to the Caucasus was discussed[486]. Within a few days, a detailed plan was developed, which received the approval of the city authorities and the Military council of the fleet. In the first half of December, a large-scale evacuation of the marine plant, as well as other enterprises, was successfully completed[487]. 4 500 highly qualified specialists and several thousand members of their families left the city[488].

With the beginning of the first assault on Sevastopol in November 1941, the work of the city industry was almost completely paralyzed by massive enemy air raids and

---

[483] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 210. L. 28.
[484] Borisov B. A. School of life. M.,1971. P. 116.
[485] Verbatim record of the extended meeting of the museum council… / MSDLR. Vol. XXX. Sevastopol, 1963. P. 81.
[486] Surguchyov M. N. The ships are returning to service. Simferopol, 1972. P. 72.
[487] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 38–39.
[488] History of domestic shipbuilding: in 5 vol. Vol. 4. Shipbuilding during the first five-year plans and the Great Patriotic War. 1925–1945. St. Petersburg: Sudostroyeniye, 1996. P. 450.

evacuation. The slowdown in the offensive of German military forces and the strengthening of the city's defenses highlighted the task of maximizing the mobilization of local resources to create its own production base. This was dictated by the fact that the garrison of the city, especially the units of the Primorskaya Army, felt a great need for certain types of weapons, ammunition and equipment. At the same time, the systematic replenishment of military equipment reserves was hampered by unsatisfactory transport links with the Caucasus. In the first half of November 1941, a number of prerequisites developed, that contributed to the successful organization of defense production.

Firstly, a part of the equipment was left in Sevastopol, as well as workers and engineers of plants No. 201 and No. 45, ship repair shops No. 1 and electromechanical workshops No. 4 of Voenport[489]. Also, the city concentrated production facilities and workers of several Crimean enterprises: the Simferopol artels “Krasniy Metallist” and “Metalloshtamp”, the Evpatoria artel “Khimchistka”, mechanical workshops at the Simferopol station. Some of them already had experience in organizing the production of various military products.

Secondly, an important factor was the presence of two operating power plants and a thermal power plant, despite the fact that the situation with fuel was rather difficult. Back on October 14, the secretary of the city committee B. A. Borisov sent to the address of the secretary of the Crimean regional committee V. S. Bulatov's memorandum, in which he noted that the fuel reserves at GRES-1 should have been enough for 37 days, at GRES-2 – for 60 days. In this regard, it was proposed to transfer SevGRES to the simultaneous combustion of coal and anthracite, which made it possible to consume coal reserves for 3–3.5 months[490].

[489] ACS. F. 434. Op. 2. D. 44. L. 133.
[490] SARC. F. P-1. Op. 1. D. 2119. L. 78–80.

Third, at that time there were reserves of raw materials and supplies in the city. For example, the naval command had a significant amount of ammunition and explosives at its disposal[491].

Thus, in November 1941, measures were begun to create a new defense enterprise, which was named “Spetskombinat”. It is noteworthy that in many works on the history of defense, this work is attributed exclusively to the city defense committee. For example, G.I. Vaneyev writes: “By the decision of the Military Council of the fleet, the city defense committee considered the issue of organizing military production on local resources”[492].

In fact, the issues of creating the enterprise were not considered at the meetings of the defense committee, judging by the minutes. At the same time, the creation of the military industry in the besieged city was not regulated by the decrees of the SDC and the people's commissariats, to which local enterprises belonged. The main role was played by the Military Council of the fleet, the Crimean Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), as well as the city party committee, which were guided by the specific needs of the military forces defending the city.

To coordinate the actions of military and civilian structures, on November 9, 1941, Military Council of the fleet created a defense commission for the material support of the military forces, which was headed by rear admiral N. F. Zayats, chief of the fleet's rear (later replaced by captain 2nd rank N. I. Ivanov). It included the secretary of the regional party committee for industry L. Ye. Spektor, secretary of the city party committee A. A. Sarina (almost immediately replaced by A. A. Petrosyan), secretary of the city party committee B. A. Borisov, chairman of the city executive committee V. P. Yefremov, chief of rear services of the Primorsky army quartermaster 1st rank A. P. Yermilov. The commission was engaged in the identification, accounting and distribution of materials and equipment, the formation of production plans and the general organization of military production at civil enterprises.

---

[491] Bochkarev M.P. Rear of the Black Sea Fleet during the Great Patriotic War / Bulletin No. 17. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. Sevastopol, 1983. P. 19.

[492] Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Chronicle of heroic defense. In 2 books. Book 1. Kiev, 1995. P. 80.

On the same day, by decree of the Council of People's Commissars of the CASSR No. 2018, an operational group was created under the Council of People's Commissars of the CASSR consisting of V. L. Brodskiy, quartermaster 1st rank Osipov and deputy chairman of the city executive committee A. I. Stepanchenko. The group was supposed to take into account all raw materials and supplys in Sevastopol and Balaklava within two days, while it was ordered "to distribute the recorded raw materials in strict accordance with the defense assignments of enterprises only according to the orders of the operational group"[493].

Until mid-November 1941, work was underway to recruit management personnel, dismantle and relocate equipment to new production sites. At the same time, the amalgamation of the arrived enterprises was carried out. So, by the decree of the Council of People's Commissars of the CASSR No. 2014 dated November 6, 1941, on the basis of the artel "Red Metallist", the plant of the same name was created under the Crimean Industrial Council[494]. On the basis of several Simferopol enterprises, including the "Metalloshtamp" artel, plant No. 1 of the People's Commissariat for local Industry was formed. For the financial support of the enterprise, the Council of People's Commissars of the USSR allocated the necessary funds. So, according to the decree of the Council of People's Commissars of the CASSR dated November 20, 1941, a loan in the amount of 200 thousand rubles was allocated to the plant No. 1 by the Sevastopol branch of the State Bank[495].

Officially, Special Enterprise No. 1 was created by the Decree of the Council of People's Commissars of the CASSR dated November 17, 1941.[496] It was an amalgamation of enterprises interconnected by the technological process of manufacturing defense products, a unified administration, as well as key departments (general department, hiring and firing department, production department, planning department, supply department and finance department).

---

[493] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 21.
[494] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 18.
[495] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 P 30.
[496] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 27.

Initially, the enterprise included a branch of the plant No. 201, the “Krasny Metallist” plant, the plant No. 1 and the “Khimchistka” artel. Each plant specialized in the production of certain types of products, “Khimchistka” – fitting up ammunition.

At the beginning of 1942, a number of measures were taken to centralize the enterprises that were part of the Special Enterprise. On February 20, 1942, Decree No. 13 of the Council of People's Commissars of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic was adopted, according to which unified supply and technical departments were created, which were staffed by reducing the technical departments of subsidiaries; tool production was concentrated in a single tool shop. Due to the homogeneity of products and in order to save money, plants “Krasny Metallist” and No. 1 were merged into factory No. 1 of the People's Commissariat of local Industry of the CASSR[497].

It should be admitted, that it was not possible to achieve complete centralization; mutual shortages of production, shifting responsibility for non-fulfillment of the plan, and “pulling in” workers were not uncommon[498]. In some cases, financial fraud was noted. For example, in March 1942, the “Khimchistka” leadership was accused of inflating prices for 50-mm mines: the hulls were supplied at a price of 20 rubles 37 kopecks from the “Molot”, and after equipping the products were sold to the Primorsky Army for 47 rubles 10 kopecks at a real cost of 38 rubles 88 kopecks.[499]

The main workshops of the factories that became part of the Special Enterprise were located in the tunnels of Troitskaya Balka, so they were invulnerable to air strikes, with the exception of the foundry and soldering workshops. The organization of production was fraught with great difficulties, since it took time to create ventilation, water supply and power supply systems in adits that were not suitable for industrial labor. In general, all communications, including a desalination plant and an oxygen station, were commissioned only by the spring of 1942.

By the intra-city system of cooperation, the plants of the Spetskombinat (Special Enterprise) were associated with plants that had different subordination: the Mekhstroyzavod and a branch of the artillery repair plant (rear of the Black Sea Fleet),

[497] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 189.
[498] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 225. L. 1–3
[499] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 12–13.

production at ITK No. 7 (NKVD), the “Molot” plant (as part of the industrial cooperation, from February 21, 1942. subordinated to the People's Commissariat for local Industry[500]), tramway workshops, the “Electrosnabzhenie” trust, a railway junction (people's commissariat of railways).

These plants also obeyed the instructions of the defense commission. For example, this is stated in the memorandum of the director of the artel “Molot” to the chairman of the Council of People's Commissars of the CASSR M. I. Ibraimov (December 20, 1941). It emphasizes that due to the evacuation of the leadership of the Crimean Industrial Council, the artel performed tasks on the verbal order of the defense commission and the city party committee[501].

Through the efforts of the workers of the regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Council of People's Commissars of the CASSR and the city authorities, a fairly effective scheme of production cooperation, supply and redistribution of resources was created. This ensured a reduction in the time required for the development of military products and an increase in production volumes. At the same time, as Ye. I. Kelner noted, the main problems of the defense industry of besieged Sevastopol were the lack of raw materials, fuel and personnel[502].

The main problem throughout the entire defense was the lack of raw materials, components, tools and equipment. This began to manifest itself already in November – December 1941. For example, in the explanatory note of the director of the “Molot” artel (January 9, 1942), difficulties in fulfilling the production plan are explained by the lack of steel grade “10-20”, sheet iron, sand, foundry clay, machine oil, kerosene, tinplate, tin, lead and coke[503].

January and February 1942 were marked by a high intensification of production: most of the city's plants fulfilled the production plan as part of the socialist competition for the anniversary of the creation of the Red Army. At the same time, the reserves of

[500] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 191.
[501] Ibid. L. 91.
[502] Kelner Ye. I. Sevastopol workers in the fight against the Hitler's invaders (1941–1942) // Voprosy istorii. 1956. No. 9. P. 103.
[503] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 225. L. 5.

raw materials during these months were depleted, since the supply from the Caucasus was difficult.

In early February 1942, at a meeting of the city party committee's bureau, the task was to conduct a raid to find additional materials for industry, as well as to develop measures to save raw materials[504]. In February, it was possible to deliver raw materials and components from the Caucasus, including 100,000 fuses, 135 tons of TNT, 115 tons of nitrate, 159,000 fuses for RGD, 122,500 fuses for RPGs, 21,600 M-50 charges, 200 tons of cast iron and etc. [505] However, this was not enough for the planned continuation of the work.

A critical situation began to develop in the spring of 1942. They tried to find a way out through strict economy and the most frugal attitude to tools, the use of waste, substitutes and simplifications of product design. As it is figuratively stated in the memorandum of the leadership of the Spetskombinat (Special Enterprise) No. 1, “in our conditions of defense of the besieged city of Sevastopol, this economy in the consumption of raw materials is necessary to be squared”[506].

At a meeting of the city defense committee on March 22, 1942, a decision was made to organize the collection of scrap of non-ferrous and ferrous metals, for which the work of the offices for the collection of recyclable materials was restored[507]. On March 23, the same issue was considered at a meeting of the city party committee bureau[508].

In addition to the use of scrap metals and industrial waste, various substitutes were used in production. So, in the foundries, when smelting, instead of coke, a mixture of coke-anthracite was used, and the aluminum impurity in the charge was also reduced[509]. For this purpose, by the decision of the city defense committee dated April 8, 1942, the GRES-1 reserves of anthracite culm were transferred to the industry[510]. The

[504] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 14.
[505] SARC. P-152. Op. 1. D. 9. L. 44.
[506] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. P. 49.
[507] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 34.
[508] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 45.
[509] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 151.
[510] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 39.

workers of the railway junction Nagorny and Samodey have developed a method for briquetting the culm, which made it possible to achieve savings in coke and pig iron[511].

To exchange experience in the field of saving raw materials, city conferences were held. On April 10, 1942, a conference dedicated to metal casting was held, in which representatives of plant No. 201, colony No. 7, "Molot" and workshop No. 4 took part. The employees of "Molot" reported on the experience of using a mixture of anthracite with coke as fuel for the cupola furnace, while the rejection rate reached only 5%. All participants noted the extreme shortage of various raw materials[512]. On April 7, 1942, a similar conference was held on the experience of producing 82-mm and 50-mm mines[513].

Savings measures only partially solved the problem. So, in a letter to V. S. Bulatov dated March 20, 1942, the secretary of the city party committee wrote that there were no coke and oxygen in the city, and TNT was running out[514]. For this reason, some plants were unable to fulfill the plan. Among them is the "Molot" plant, where, due to the lack of coke, the foundry was suspended (21 days of downtime), respectively, the casting of mines and grenades was stopped. Of the planned 25 thousand F-1 grenades, 10 103 were produced, antipersonnel fragmentation mine – 600 pcs instead of 5 thousand, anti-tank mines – 4900 pcs instead of 10 thousand pieces, tubes and capsules for MUV – 10 559 pcs instead of 45 thousand pcs.[515]

Due to the lack of explosives and fuses, unclaimed components accumulated in warehouses. B. A. Borisov, in a letter to Admiral F. S. Oktyabrsky (April 3, 1942), reported that in the warehouses of Special Enterprise No. 1 there is a large number of unloaded ammunition: RPG grenades – 10 thousand pcs, RGD-33 – 49.5 thousand pcs, mines 50 mm – 10 thousand pcs, mines 82 mm – 34.6 thousand pcs.[516]

At the same time in Novorossiysk there were cargoes for Sevastopol: 100 tons of coke, 10 rail cars of TNT, 8 tons of piano wire and sheet iron, fuses[517]. Probably, some of these cargoes were delivered to Sevastopol: according to some reports, at the end of

[511] Crimea during the Great Patriotic War. Simferopol, 1973. P. 182.
[512] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 8. L. 1–4.
[513] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 8. L. 5–6.
[514] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 7.
[515] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 7.; D. 225. L. 46.
[516] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 33.
[517] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 33.

the month 10 tons of coke were delivered (with a monthly demand of 50 tons)[518]. So, according to May estimates, coke reserves should have been enough for 1.5 months[519].

On May 7, 1942, at one of the last meetings of the city party committee bureau, the results of the struggle to economize were summed up. In March–April 1942, only at the Special Enterprise No. 1, 15 tons of coke, 16 tons of cast iron, over 4 tons of round steel, 10 tons of steel wire, 35 tons of full-color sheet steel, 130 kg of tin, etc. were saved.[520] Despite the efforts made in the field of economizing and replacement with ersatz, the problem of lack of raw materials and components was not completely solved: the April plan was fulfilled with great difficulty, and in early May there was again a lag. Then there was a great shortage of iron fuses, detonators, explosives, coal and firewood ran out[521].

The question arose about the termination of the work of some plants, as evidenced by the memorandum of the Deputy People's Commissar of Internal Affairs of the Crimean ASSR N.D. Smirnov on the situation at the plant at the correctional labor colony (ITK) No. 7 (dated May 5, 1942)[522]. It proposes to close production as ineffective and evacuate the prisoner contingent, and one of the reasons is the lack of cast iron, sand and tools, as a result of which cast iron casting gives too much waste (from 50 to 60%), which, in turn, led to non-fulfillment of the plan and high consumption of raw materials[523].

With the increase in the production capacity of defense plants, the energy intensity of the civil industry has grown significantly. In the winter of 1942, there was a shortage of fuel. For a while, the problem was resolved due to the reserves of anthracite, recaptured from the enemy at the Mekenzievy Gory station[524]. Despite the economizing, by April, the fuel reserves were completely exhausted. The power stations were switched to liquid fuel, which was delivered by the tanker “Moskva”, but there was not enough of

[518] Kelner Ye. I. Sevastopol workers in the fight against the Hitler's invaders (1941–1942) // Voprosy istorii. 1956. No. 9. P. 104.
[519] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 11.
[520] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 78.
[521] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 11.
[522] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 12. L. 1.
[523] SARC. F. 152. Op. 1. D. 12. L. 1.
[524] Krasniy Krym. 1942. February 13. No. 44. P. 3.

it either[525]. A temporary way out of this situation was proposed by the workers of the railway junction N. I. Maralevich, who developed briquettes from tar and coal dust, and P. M. Leshchenko, who designed special presses[526].

The issue of providing city plants with personnel was quite acute, since the reserve of the able-bodied population in the besieged city was limited. The solution to the problem was carried out in several directions: assigning workers to plants (by booking), attracting new employees, organizing training and advanced training, stimulating the movement of multi-station workers.

The city leadership obstructed the mobilization of skilled workers for the construction of fortifications[527]. Despite opposition, in the period from November 1 to 25 alone, 895 people were were not sent to carry out defense work[528]. In an order dated March 9, 1942, F. S. Oktyabrsky categorically forbade all military commanders without his knowledge “to carry out any actions in Sevastopol and its environments”, including mobilizing human reserves[529].

In the winter and spring of spring 1942, the backbone of the workers' collectives was made up of highly skilled male workers, who were tried to be kept at plants. By order of the Crimean Military Commissariat dated March 31, 1942, the city military commissar rebooked most of the qualified workers of plant No. 201, “Metalloshtamp”, “Red Metallist”, “Khimchistka”, “Molot”, railway, Vodokanal, printing house, ITK No. 7, Krymspetsstroy[530]. It is known that pensioners were involved to production, which was credited to F. V. Tsirtsan[531], the head of supply of plant No. 201. Despite the measures taken, the decline in skilled workers continued: in the spring a group of workers at the plant No. 201 was sent to the main production site in Tuapse[532].

In November 1941, the work collectives were replenished by numerous workers and engineers who arrived in Sevastopol from other regions of the Crimea (primarily

---

[525] Krylov N. I. Fire bastion. M., 1975. P. 264.
[526] Aleksandrov N. Sevastopol armored train. Simferopol: Crimea, 1966. P.165: Nemkov A. Ye. Railwaymen in the defense of Crimea. From the notes of the head of the political department / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 157.
[527] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 75.
[528] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 211. L. 2.
[529] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 31.
[530] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 70.
[531] CNA. F. 3. Op. 1. D. 565 L. 439.
[532] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 225. L. 51.

from Simferopol and Evpatoria). At first, the collectives of some enterprises almost entirely consisted of Crimeans.

Also, the influx of new workers was ensured by free hiring: it was in November – December 1941 that women and adolescents came to production en masse. As V. I. Deribasova recalls, the registration at the Special Enterprise was carried out in a simplified manner, without checking the documents[533]. If in November 1941 there were 146 women among the workers of the enterprise, then in December they accounted for 1/3 of the total personnel[534].

As a result of the work carried out, up to 40% of the Sevastopol population was employed in the industrial sector. So, on December 1, there were 51,244 people in the city, of which 21 thousand worked in enterprises, the remaining 30 thousand were housewives, elderly people and children[535]. At the same time, by January 1942, at the largest defense enterprise in the city – Special Enterprise No. 1 – the number of employees was only 1 118 people[536]. Only in the winter and spring of 1942 did their number increase to 4 thousand people[537].

At a meeting of the city defense committee dated April 8, 1942, it was decided to intensify the work to involve women in industrial enterprises of the city and organize their training. For this, the district executive committees had to register women from 16 to 45 years old, organize the selection and send to work, first of all, the wives and dependents of the military. During the allocation, the defense plants were supposed to provide first of all[538].

The increase in the number of women in production is noticeable in the example of Spetskombinat (Special Enterprise) No. 2. In April 1942, the enterprise employed 307 people, including 74 men, 233 women[539]. By May 1942, the number of workers

---

[533]Deribasova (Filippova) V. I. Interview. [Electronic media]. URL: http://iremember.ru/grazhdanskie/deribasova-filippova-valentina-ivanovna.html(reference date: April 15, 2015).
[534] Sarina A. A. Arsenal of Sevastopol / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 126; SARC. F. P-35. Op. 1. D. 225. L. 74.
[535] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 39.
[536] SARC. P-652. Op. 17. D. 1 L. 154.
[537] Neverov I. M. Sevastopol: Pages of the heroic defense and liberation of the hero-city, 1941–1944. M.: Politizdat, 1983. P. 65.
[538] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 40.
[539] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 157.

doubled and amounted to 642 people, including 626 women[540]. At the same time, the scale of the involvement of women in production should not be exaggerated, as G. I. Vaneyev[541] started his scientific career. Thus, on May 12, 1942, at a meeting of the city's party activists, it was noted that women's labor was “poorly introduced into production”[542].

In the spring of 1942, the so-called “Stakhanov” schools operated at many plants in Sevastopol, which provided “tremendous assistance to lagging workers and newcomers in mastering qualifications, in mastering the working methods of the best Stakhanovets”. Only in one shop of plant No. 201, which was headed by Telichev, there were 12 schools, in which 100 people studied[543]. In total, in April 1942, this plant trained 37 qualified specialists and 9 multi-station workers, organized 26 Stakhanov schools, sent 49 women to replace men, in addition, 15 women were transferred from apprentices to workers[544].

The Sevastopol industry, especially in the winter and spring of 1942, was characterized by widespread socialist competition. Already in the minutes of meetings of the city party committee bureau for January 17, the initiative of the Komsomol and youth of the plant n.a. Stalin on socialist competition in honor of the anniversary of the Red Army, in which it was proposed to include all enterprises and institutions of the city, to hold rallies[545].

To encourage the distinguished plants, on January 31, 1942, by the decision of the city defense committee, the challenge banner of the city defense committee was established, which was to be awarded based on the results of a month's work[546]. As a result of the socialist competition, on February 6, 1942, the collective of the branch of plant No. 201 was the first to receive the red banner of the city defense committee (the general plant plan was fulfilled by 121%). At the same time, plant No. 201 fulfilled the plan for 82-mm mines by 105%, for 50-mm mortars by 111%, for 82-mm mortars by

[540] Bobrova L. K. <Memories> / MSDLR. T. XI. Sevastopol, 1962. P. 189; SARC. F. P-35. Op. 1. D. 225. P. 74.
[541] Vaneyev G. I. Heroines of the Sevastopol fortress. Simferopol: Crimea, 1965. P. 7.
[542] Mayak Kommuny. 1942. May 13. P.1.
[543] Mayak Kommuny. 1942. May 1. P. 2.
[544] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 88, 92.
[545] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 1.
[546] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 20.

100%, for improved sights for 82-mm mortars by 100%[547]. On March 3, 1942, at a meeting of the City Defense Committee, the results of the socialist competition dedicated to the 24th anniversary of the Red Army were summed up. For work in February, the challenge red banner was retained for plant No. 201[548]. The good work of factories No. 1, "Molot", ITK No. 7, Mekhstroyzavod was noted[549].

After the February holidays, the competition developed with renewed vigor, now it was timed to coincide with the celebration of March 8 (the decision to hold a socialist competition was made at a meeting of the city party committee bureau dated February 25)[550]. In total, at the end of March – beginning of April, the competition involved 4,500 people and there were more than 2,000 production leaders; 497 people fulfilled the norms by 200%, 294 – by 300%, 65 people by 400-500%[551].

For high-powered work during the period of defense, dozens of workers and employees of the defense were awarded various state awards, diplomas of the Presidium of the Supreme Soviet of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic and the Black Sea Fleet Military Council.

The range of defense products manufactured by the Special Enterprise and other plants of Sevastopol in November 1941 – June 1942 is quite wide and reflects the needs of the Sevastopol Defence Region (SDR). It should be admitted that the data on production output cannot be considered accurate, this is due to unsatisfactory statistics in October-November 1941, as well as poor preservation of reporting documents by separate plants for January–May 1942.

In the conditions of a shortage of artillery systems in the formations of the SDR, the production of mortars –, an effective and easy-to-manufacture weapon, which significantly increased the firepower of rifle units, acquired great relevance. In Sevastopol, mortars of two types were produced: 50-mm company mod. 1938 and 82-

[547] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 21.
[548] The plants of Spetskombinat No. 1 were twice awarded the challenge banner of the city defense committee. The banner was discovered in 1951 in the tunnels of the plant and is currently kept in the museum of the Black Sea Fleet.
[549] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 27.
[550] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 22.
[551] Kelner Ye. I. Sevastopol workers in the fight against the Hitler's invaders (1941–1942) // Voprosy istorii. 1956. No. 9. P. 105.

mm battalion mod. 1937. The main manufacturers were a branch of plant No. 201, production at ITK No. 7, railway workshops and Mekhstroyzavod.

During the production process, numerous changes were made to the design of mortars, caused by the need to simplify and economize raw materials and parts. So, the company mortar was distinguished by the use of a figured structure made of a solid sheet of iron instead of the standard bipedal carriage. A lot of rationalization proposals were made in the manufacturing technology. For example, at the beginning of 1942, at the suggestion of the head of the mechanical shop of plant No. 201 Telichev and the head of the site of plant No. 1 Raffé, the designs of the vertical lift of the barrel and the mother nut of an 82-mm mortar were changed, and electric welding was introduced in the manufacturing process instead of forging[552].

In November, the Sevastopol residents manufactured 24 82-mm and 135 50-mm mortars; the next month, the number of mortars produced increased several times: 219 pcs and 236 pcs respectively. The growth in production of the more powerful and effective 82-mm battalion mortar is especially indicative.

Along with mortars in the fall of 1941, the enterprise at ITK No. 7 mastered the mass production of 50-mm fragmentation cast-iron four-fletch mines O-822A, which were shipped for charging to “Khimchistka”. In December, the plant No. 201 began the gradual development of 82-mm fragmentation six-fletch mines O-832D. However, this month the plan was not fulfilled: out of 11 thousand mines, only 3,520 pieces were manufactured. This number could not meet the needs of the military forces that were repulsing the first and second assaults of the city. So, as of December 18, only one ammunition load remained in the military forces, the military leadership asked the high command to urgently deliver 5 thousand 50-mm and 5 thousand 82-mm mines to the city[553].

Non-fulfillment of production plans in November–December 1941 is explained by the lack of raw materials, specialists and documentation. At the same time, the products quality was not always satisfactory. General Ye. I. Zhidilov recalled: “If the

[552] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 1–2.
[553] Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Chronicle of heroic defense. In 2 books. Book 1. Kiev, 1995. P. 159.

mine was tightly inserted into the barrel, [the soldiers] arm themselves with a file and drive it right there at the firing position, and if the mine falls too freely, then they wind up an oil seal made of tow"[554].

In the winter and spring of 1942, the production of mortar weapons and mines continued. At the same time, the production plan in April almost doubled[555]. One of the centers for the production of mortar weapons remained the production at ITK No. 7: in January–February alone, 210 50-mm mortars, 38 265 hulls of 50-mm mines, 9 929 raw hulls and 2 500 machined hulls of 82-mm mines were produced[556].

At the same time, the plants gradually reoriented to the production of more powerful 82-mm mortars and mines of this caliber. So, Mekhstroyzavod is switched to the production of 82-mm mines[557]. The reason for this was the insufficient power of the 50-mm mortars. So, A. M. Taran recalled that instead of two destroyed 82-mm mortars, four 50-mm mortars were delivered to his fire platoon: "When we examined them, we were immediately disappointed – they were small 50-mm mortars <...> but there was nothing do with it – it was necessary to fight with these weapons"[558].

In the spring of 1942, an attempt was made to introduce experimental models of mortar weapons: 82-mm mortars with improved sights, automatic 50-mm and 82-mm mortars, and 82-mm propaganda mortars. Notable is the 50-mm automatic mortar developed by ammunition supply commander of the 110th communications regiment Primorskaya army G. N.Garkusha. It was a serial 50-mm mortar, on which a drum was installed (two cassettes for three mines each), which made it possible to increase the rate of fire. In early May, a small batch of automatic mortars entered the military forces for testing.

In general, it can be stated that the Sevastopol enterprises in January–February were able to fulfill the plan for the production of mortars and 50-mm mines. In the

---

[554] Zhidilov Ye. I. We defended Sevastopol. Gorkiy, 1973. P. 171.
[555] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 8.
[556] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. L. 60.
[557] Private Assistance Institution (PAI) Historical and Memorial Museum Complex (HMMC) "35th Coastal Battery". Album of defensive, base and airfield structures built during the Great Patriotic War. 1941–1942. Black Sea Fleet Engineers Department. 1942. No pagination.
[558] Private Assistance Institution (PAI) Historical and Memorial Museum Complex (HMMC) "35th Coastal Battery". Taran A. M. About the war (memories). P. 90.

following months, the situation starts to deteriorate due to the lack of raw materials and components. So, at the end of March, there is a strong shortage of raw materials and devices necessary for the production of mines. In total, in January–April 1942, more than 66 thousand mortar mines were produced, including more than 16 thousand for the 82-mm mortar, as well as 566 mortars[559].

Despite the fact that some memorialists claim that the plant's production covered the need for 82-mm mines, in reality there were not enough mortar mines[560], even taking into account the supply of ammunition from the Caucasus[561]. By the beginning of the third assault, the mortar units had slightly more than one ammunition load for 82-mm mortars and two ammunition loads for 50-mm mortars[562].

In addition to the production of mortar weapons in Sevastopol, defensive weapons were mass-produced – anti-tank and anti-personnel mines. The main products were the PMD-6 anti-personnel mine and the TMD-40 anti-tank mine. Also in Sevastopol, a universal mine fuse (MUV) was produced, which was used in mines in combination with the MD-2 fuse. High-explosive shrapnel mines became the original product of the Sevastopol plants. Their design is unknown, but perhaps they were similar to the so-called shrapnel landmines that were used in the Russian army at the beginning of the XX century.

The production of mines was mastered in October – November 1941 at the "Molot" plant and Mekhstroyzavod. With the creation of the Spetskombinat, Plant No. 1 and "Krasny Metallist" were involved in the production of antipersonnel mines. Components for MUV (nipples, springs, strikers, hammers) were mastered at several enterprises (plant No. 1, plant No. 201, Mekhstroyzavod, etc.). During the production of mines, various substitutes were widely used, numerous changes were made to the design. So Ye. V. Leoshenya notes that cans stuffed with tolite, extracted from decommissioned ammunition, were used as mine hulls[563].

---

[559] ACS. F. 434. Op. 2. D. 43. L. 119.
[560] Kulakov N. M. Entrusted to Navy. M., 1985. P. 260.
[561] Isayev A. V., Glukharyov N. N., Romanko O. V., Khazanov D. B. Battle for Crimea 1941–1944. M.: Yauza, 2016. P. 389.
[562] Crimea History. In 2 volumes. Volume 2. / Ed.-in-chief A. V. Yurasov. M.: Kuchkovo pole, 2017. P. 549.
[563] Leoshenya Ye. V. Echelon from the capital / Near the Black Sea strongholds. Detached Primorskaya army in the defense of Odessa and Sevastopol. Memories. M.: Voenizdat, 1967. P. 235.

The December plan for the production of mines by the city's plants was fulfiled unsatisfactory. So, out of 40 thousand PPMs, only 16,581 pcs were manufactured, out of 10,000 PTMs – 4070 pieces. Explosive devices were imported from the Caucasus: on January 1, 1942, according to some sources, 20 thousand anti-tank and 25 thousand anti-personnel mines[564] were delivered to Sevastopol, and were placed on the front line of the defense.

In addition to the types of mines already mastered, in winter the “Molot” plant and the Mekhstroyzavod began production of the POMZ-2 stake mine, which is as simple as possible. At the same time, it differed from the standard mine in its increased body dimensions and a metal peg. At the same time, two anti-personnel mines of trip wire action, which were designed by the Sevastopol residents, entered production. The first consisted of a tin case, inside which a glass filled with ammatol was installed. A rolled steel strip with notching was inserted into the gap between the glass and the body to form fragments. The second mine is interesting in that its body is a defective 50-mm mine, equipped with a peg. In it, as in the POMZ, a checker and an MUV fuse were installed.

In January–February, the plan for the production of anti-tank and anti-personnel mines was carried out in full, in some cases it was overfulfilled. Thus, the director of the plant “Molot” G. D. Nikerin and the technologist A. Kh. Yermolayev were presented with awards for the fact that “due to the rapid development and production at the plant of UV (simplified fuses) in the amount required for the Army from the TT pistol cartridge, the front was satisfied with the engineering means of anti-tank and anti-personnel defense”[565].

However, already in March, the enterprises involved in the production of mines faced an acute shortage of raw materials. The previously advanced “Molot” plant found itself in a particularly difficult situation, which, due to the lack of coke and the lack of sheet iron, systematically did not fulfill the plan. So, in March it was planned to produce 5 thousand antipersonnel fragmentation mine, as a result, only 600 pcs were produced,

[564] Leoshenya Ye. V. Echelon from the capital / Near the Black Sea strongholds. Detached Primorskaya army in the defense of Odessa and Sevastopol. Memories. M.: Voenizdat, 1967. P. 233.
[565] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 15.

instead of 10 thousand anti-tank mines – 4900 pcs, instead of 45 thousand tubes and MUV capsules – 10 559 pcs.[566] Plant No. 1 and "Molot" produced 52 875 antipersonnel mines and 1 096 POMZ in March, 49 259 antipersonnel mines and 3 150 POMZ in April, and 40 137 antipersonnel mines in May[567].

Another type of mass defense product were grenades of various designs. In Sevastopol, F-1 and RGD-33 hand fragmentation grenades were produced, as well as the RPG-40 high-explosive anti-tank grenade. Production was organized at several enterprises: cases were produced by the "Krasny Metallist" plant (RGD), plant No. 1 (RPG), "Molot" (F-1), railway workshops, production at ITK No. 7; the charging took place at the "Khimchistka". Several specialists were left to organize production in Sevastopol, including the foreman of the plant No. 58 (Moscow) I. G. Bulavin[568].

Grenads became the first product successfully mastered at the Special Enterprise. Already on November 17, 1941, the first batch of 200 grenades was manufactured here[569]. In total, in November–December 1941, there were manufactured and equipped 13 148 pcs RGD, 30 680 pcs. F-1 and 5 457 RPGs. As with the rest of the products, the number of grenade cases produced was several times higher than the number of charged ones. For example, in December it was planned to produce 24 000 F-1 grenades, 39 000 shells; in fact, only 18 680 pcs were charged.

Already from November-December 1941, various substitutes were widely used: the collection of cast iron scrap (for F-1 cases), as well as metal from the roofs of aircraft hangars (for RGD and RPG cases) was organized[570]. In the conditions of a shortage of Koveshnikov's fuses for the F-1, ignition tubes (a detonator capsule in a KD paper case) and a fire fuse were used.

In 1942, the mass production of hand grenades continued. As with other products, a significant increase in production was achieved in January–March, which was directly related to the organization of the supply of components. For example, on February 20 and 26, 159 thousand fuses for RGD-33, 122.5 thousand fuses for RPGs and 60

---

[566] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 240. L. 7.
[567] Counted according to: CRSA. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 53, 55–56, 104–105, 135, 140.
[568] Pribylov B. V., Kravchenko Ye. N. Hand and rifle grenades. M.: "Arktika 4D", 2008. P. 157.
[569] Krylov N. I. Fire bastion. M., 1975. P. 94.
[570] Ilyin S.A. On the work of the Spetskombinat / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 205.

thousand fuses for F-1 were delivered to the city[571]. As a result, most of the planned targets in February – March were met. In total, in January–April 1942, according to some sources, 180 thousand hand grenades and 30 thousand anti-tank grenades were produced[572].

At the end of March 1942, there was a tendency for the depletion of reserves of raw materials for the production of grenads. At the same time, a shortage of explosives led to the accumulation of uncharged grenade cases. As of April 3, 1942, only in the warehouses of Spetskombinat No. 1, there were 10 thousand anti-tank hand grenades and 49.5 thousand RGD-33, which lacked fuses and charges[573].

In May 1942, the planned indicators for certain types of products were revised, which was caused not only by a shortage of raw materials and interruptions in the supply of goods: an emphasis was placed on the production of RGD-33 grenades. The target for the production of RGD-33 was increased from 30 thousand to 33 thousand pcs, at the same time the production of RPGs was reduced from 10 thousand to 7 thousand. The plans for equipping grenade cases at "Khimchistka" remained unchanged for RGD-33 and RPG-40 and significantly decreased for F-1 (from 25 thousand to 15 thousand pcs).

This was partly due to the low efficiency and production quality of Sevastopol "lemon". For example, L.N. Roitenburd, a participant in the defense, recalls that locally produced F-1s "did not always explode"[574].

In addition to the production of mortars, mines and grenades, 2.5–3 kg of AO-3 air fragmentation bombs were manufactured in Sevastopol (for which they used French-made 3-inch shells), backpack flamethrowers, ampoule throwers and incendiary mines (the latter – more than 10 thousand pcs).

Since autumn of 1941, mass production of trenching tools was organized at all plants of the city, which was dictated by the low equipment of military units arriving in the city. In November–December 1941 alone, 9 987 small sapper shovels were

[571] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 44.
[572] Kelner Ye. I. Sevastopol Heroic Defence, 1941–1942. Simferopol, 1958. P. 130.
[573] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 2. L. 33.
[574] Roitenburd L. N. We defended Sevastopol. memories of a defence participant / Hero city of Sevastopol. Unknown pages. Sevastopol, 2011. P. 15.

manufactured (in November – 9 000 pcs, in December – 987 pcs), as well as 1 158 crowbars[575].

In October–November, various plants began to produce cast iron stoves, during these months 749 pcs of them were manufactured, in December – another 701 pcs.[576] Only at Mekhstroyzavod in the period from August 1941 to February 1942 about 3 thousand pcs of cast iron stoves were produced[577].

A separate area of work is sewing uniforms and equipment. In this area, activities also began in the autumn of 1941. In accordance with the decree of the CC of the AUCP(b) dated September 5, 1941, events were organized among the city population for the delivery of warm clothes for the Red Army. In Crimea, the corresponding decree was adopted at a meeting of the regional committee bureau on September 7, 1941.[578]

A few days later, on September 9, by the decision of the city party committee in Sevastopol, a city commission was formed, headed by M. M. Savitsky, as well as regional commissions[579]. Initially, the authorities took the process of handing over warm clothes under tight control. On September 18, 1941, M. M. Savitsky sent a letter labeled "secret" to the chairmen of the district commissions for the collection of warm clothes. It states that each district must collect 60 short fur coats, felt boots – 60 pairs, fur mittens – 250 pairs, socks – 750 pairs, earflaps – 450 pairs. It was emphasized that these figures "should not hamper the initiative of local organizations in the sense of overfulfilling them". It was supposed to finish collecting things by October 1[580]

By September 21, residents of Sevastopol had handed over 4 742 things, including felt boots and short fur coats, as well as 17.6 kg of wool[581]. In total, by October 30, 1941, more than 16 thousand different things were handed over, but among them there were relatively few warm ones: 459 quilted jackets, 369 warm wide trousers, 35 pea jackets, 192 greatcoats, 51 short fur coats, 84 pairs of boots, etc.[582] The

[575] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 11, 100; D. 231. L. 60; F. P-652. Op. 24. D. 6. L. 8.
[576] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 11, 100; D. 231. L. 60; F. P-652. Op. 24. D. 6. L. 8.
[577] Khrenov A. F. Bridges to victory. M., 1982. P. 194.
[578] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1523. L. 65.
[579] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 62.
[580] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 109.
[581] Ibid. L. 91.
[582] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 15.

organization of the collection of warm clothes was not very successful, since many of the items handed over were deposited at plants and institutions[583].

In the conditions of an early and cold winter, the supply of warm clothing to the military forces is of particular importance. As follows from the newspaper article, by November 21, Sevastopol residents had handed over tens of thousands of warm clothes. At the same time, it was noted: "Collecting warm clothes is not charity or donation. This is a serious state matter and it requires unrelenting [so in the text. – Auth.] attention"[584]. The collected things were collected in the premises of one of the shops; according to some reports, about 30 thousand warm clothes passed through this central base, which were taken to the front in November[585].

Despite all the efforts, there were not enough warm clothes. Among the soldiers who replenished the units of the garrison, there were many people from the southern republics who could hardly endure the cold. Due to the lack of warm uniforms, the warriors tried to improvise, for example, I. K. Kalyuzhny recalls that in the winter of 1941, to keep warm, they used old blankets, in which they cut two holes and put them under an overcoat[586].

November 11, 1941. The Black Sea Fleet Military Council decided to organize the sewing of warm uniforms in the besieged city[587]. As a result, the Special Enterprise No. 2 was formed, which united the city's light industry plants: the garment factory No. 4, the "Krasny Shveinik" artel, the "Parizhskaya Kommuna" and "Krasny Oktyabr" shoe artels.

According to G. I. Vaneyev, already in November the workers of the spetskombinat sewed the first hundreds of sets of uniforms and underwear[588]. However, the products of the enterprise could not fully provide the military forces of the defense area with winter uniforms. During the lull between the first and second assaults, 80

---

583 SARC. F. P-35. Op. 1. D. 203. L. 52.
584 Krasniy Krym. 1941. November 21 No. 277. P. 1.
585 Altabayeva Ye. B. A city worthy of worship: Sevastopol in the Great Patriotic War. Sevastopol, 2013. P. 129.
586 Private Assistance Institution (PAI) Historical and Memorial Museum Complex (HMMC) "35th Coastal Battery". Kaluzhniy I. K. Memories. No pagination.
587 The history of Sevastopol in persons: military and civil leaders of the city and fleets. To the 225th anniversary of the founding of the city / I. I. Kulikov, V. P. Kot, V. V. Kerstyannikov, S. I. Kulik, A. A. Skripchenko, N. M. Tereshchuk, A. A. Fesenko. Sevastopol: Art-politika, 2008. P. 42.
588 Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Chronicle of heroic defense. In 2 books. Book 1. Kiev, 1995. P. 105.

thousand sets of warm uniforms were delivered to the city. A. P. Yermilov in his memories assures that by the beginning of December all the personnel of the army received warm clothes[589].

In mid-November 1941, a movement began in Sevastopol to create women's teams to help the front, among the initiators are usually named L. A. Rakova, A. S. Fedorinchik, M. T. Timchenko, M. L. Anisimova and N. M.Baisak[590]. The teams were mainly composed of women who were not employed in production. They were engaged in sewing warm uniforms, mending and washing military uniforms, spinning wool, and serving hospitals. Gradually, the practice of patronage of women's teams over individual military units took shape. For example, the 1st Sevastopol regiment was served by three teams led by K. Shamrai, A. Malashenko and L. Poludi.

From the beginning of December 1941, the movement to help the front began to take organized forms. On December 2, 1941, by decision of the city party committee bureau, a city commission for work in shelters was created, one of the directions of which was "the organization of women for various public works"[591]. In fact, the commission was engaged in coordinating the work of women's teams, providing them with materials and assigning them to certain sectors of the front.

On December 10, 1941, the bureau of the Sevastopol city party committee decided to approve and widely implement among the population an initiative to organize the sewing of warm clothes and washing clothes for military bases and hospitals[592]. After the appeal of the city authorities to the military leadership, material for amateur workshops began to be supplied by the quartermaster service of the Primorskay Army. Ye. P. Gyrdymova recalled that the women's teams were given material for sewing underwear, a car of defective cloth uniforms, as well as decommissioned overcoats and blankets that were used to sew quilted jackets and caps with earflaps[593].

---

[589] Near the Black Sea strongholds. M., 1967. P. 313–314.
[590] ACS. F. 434. Op. 2. D. 43. L. 113.; Krasniy Krym. 1941. December 11; Gyrdymova Ye. P. On work with the population living in bomb shelters / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 70; Borisov B. A. The feat of Sevastopol Simferopol, 1959. P. 122.
[591] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 127.
[592] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 131; RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 28.
[593] Gyrdymova Ye. P. On work with the population living in bomb shelters / MSDLR T. IV. Sevastopol, 1959. P. 72.

The team performance was widely covered in the periodical press. For example, the newspaper “Krasny Krym” dated December 15, 1941 described the work of the teams in the shelter, where the commandant was M. T. Timchenko. A tailoring workshop under the guidance of an experienced cutter Shalovanova was established on December 11, 1941. It included Timchenko, Grigoryuk, Zhulinskaya, Shalovanovs (mother and daughter) and other women; worked 10 hours a day in two shifts. Already on December 13, the first batch was dispensed – 40 pairs of garment[594]. The movement became widespread: during December, 30 teams were created, involving 416 women. At the same time, 20 teams worked on sewing warm clothes and 10 teams were engaged in washing for military bases and hospitals[595].

By January 22, 1942, teams had sewn 20 657 items, repaired 24 198 items, washed 54 950 pairs of linen. At the same time, the teams of Rakova, Mikhailova, Melkonova, Vasyukova, Petrukhina, Tyapkina, Kachan, Stalbovskaya and others distinguished themselves.[596] After the end of the second assault, on February 2, 1942, 36 female residents of the city, who distinguished themselves in the course of fulfilling assignments to provide assistance to the front, were awarded with diplomas of the Presidium of the Supreme Soviet of the CASSR[597].

In the winter of 1942, the formation of the Spetskombinat No. 2 continued, as indicated by the decree of the Council of People's Commissars of the CASSR dated January 6, 1942 on the merger of the “Proletary” and “Krasny shveinik” artels with the 4th state garment factory[598]. The enterprise included workshops for mass and individual sewing, cutting and hat, shoe, repair and laundry, as well as four branches in the city. According to the reporting documentation, from January 1 to May 1, 1942 at the Special Enterprise No. 2 there were produced: wadded trousers – 930 pairs, wadded quilted jackets – 1 184 pcs, sheepskin padded jackets – 3 871 pcs, underpants – 3 897 pcs, underwear shirts – 4 018 pcs, mittens – 180 pcs, hats with earflaps – 622 pcs, caps – 554 pcs, cloth trousers – 544 pcs, cloth skirts – 473 pcs, bags for grenades – 3 142 pcs,

[594] Krasniy Krym. 1941. December 15. No 301. P. 2.
[595] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 9.
[596] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 9.
[597] Krasniy Krym. 1942. February 3. No. 34. P. 2.
[598] SARC. P-652. Op. 17. D. 1 L. 122.

covers for flasks – 1 044 pcs, sanitary bags – 6 509 pcs, trouser belts – 5 736 pcs; repair of jackets – 322 pcs, repair of trousers – 5 736 pcs, repair of greatcoats – 1 551 pcs, repair of tunics – 451 pcs, repair of jackets – 93 pcs, etc.[599]

Until April 23, 1942, the factory worked in two shifts, and then switched to one shift “due to lack of orders”. The downtime was compensated by the organization of a laundry, in which the uniforms of the Primorskaya Army were washed[600].

During the period of defense, women's teams produced no less uniforms than the enterprise. At the end of winter, they switched to sewing and repairing summer uniforms. As of February 18, 1942, 45 women's teams were working in the city, in which there were 871 people[601].

In the ensuing months, new teams of assistance continued to be created. For example, in a bomb shelter on Bazarnaya Street, a workshop for tailoring uniforms was opened. During the first 10 days of work, 250 pairs of linen and 175 pairs of mittens were sewn in it[602]. As of April 7, 1942, only the women of the Northern Region sewed 15000 different things for the needs of the front, washed 180 000 pieces of linen and repaired 126,000 pcs.[603]

By May 12, up to 60 teams of assistance to the front, which included up to 1500 people, were already working in the city[604]. In total, by the beginning of May 1942, the front-line hostesses washed 574 908 pairs of linen, repaired 180 937 pairs, sewed 34157 different things, knitted 591 pairs of warm socks[605].

A number of plants specialized in the repair of equipment and weapons. Ship repair in November–December 1941 was actually curtailed. Small branches of mechanical workshops continued to operate in the city, in which only emergency repairs of warships were carried out. The resumption of ship repair at plant No. 201 became possible only with the onset of a calm period. At a meeting of the city defense

[599] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 225. L. 65; P-152. Op. 1. D. 9. L. 156.
[600] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 157–158.
[601] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 53.
[602] Krasniy Krym. 1942. March 2. No. 61. P. 3.
[603] Krasniy Krym. 1942. April 9. No. 99. P. 3.
[604] Mayak Kommuny. 1942. May 14. P. 2.
[605] Vaneyev G. I. Heroines of the Sevastopol defense. Simferopol, 1965. P. 59; History of the heroic city of Sevastopol 1917–1957. Kiev, 1958. P. 241.

committee dated January 9, 1942, it was decided to proceed with the immediate restoration and bringing into working order of the dock facilities and railway tracks of the plant[606]. Part of the workers who had previously served in the army returned to the plant[607].

By the beginning of March, the docks, some workshops, factory railway tracks were restored, five minesweepers were repaired[608]. Repairs were resumed of the "Sovershenniy" destroyer sunk in the factory dock in November 1941. In May, the ship was taken out of the dock and placed at the pier of the Korabelnaya Bay for building completion afloat[609]. Also, by order of the fleet commander, work was carried out on the sunken cruiser "Chervona Ukraina". Until the end of April, all the artillery pieces remaining on board were raised, in May, the underwater dismantling and riseing of some mechanisms were completed, and the compartments were sealed[610].

In addition to the branch of the plant No. 201, various naval workshops were engaged in ship repair work. At the beginning of February 1942, united workshops were formed in Streletskaya Bay, headed by a military technician of the 2nd rank Ye. V. Razmologov. In total, from January 1 to June 1, the workshops repaired 131 ships, including 58 with combat damage[611].

The central repair base for military equipment was Mekhstroyzavod. The enterprise carried out the repair of small arms, started the production of various components for small arms, guns, cars and armored vehicles[612]. Also, repair work was carried out at other plants of the city. In the mechanical workshops of the network district "Krymenergo" in November–December 1941, 2 tanks, 20 tankettes and 3 tractors were repaired[613]. In the railway workshops from October 31 to December 5,

---

606 SARC. F. P-152. Op. 1 D. 1. L. 12.
607 SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 1–2.
608 SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 1–2.
609 Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 182; Balakin S. A. "Soobrazitelniy" and other Gnevny classes // Sea collection. 1997. No. 6 (18). P. 22.
610 Sinyutin M. V. The battery has completed the task. St. Petersburg, 2010. P. 148–149.
611 Samarin V. A. Ships repair of waterway area defence during the Sevastopol defense in 1941–1942 / Bulletin No. 12. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. Sevastopol, 1980. P. 111.
612 Album of defensive, base and airfield structures built during the Great Patriotic War. 1941–1942. Black Sea Fleet Engineers Department. 1942. No pagination.
613 SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 40.

1941, 11 machine guns, 2 guns, 15 rifles, 2 tankettes, 8 mortars, 2 cars, 3 tractors, 2 field kitchens were repaired[614]. At plant No. 201 from February 1 to February 23, 1942, 30 tanks were armored[615].

The branch of the artillery plant carried out work on dismantling guns from damaged ships with subsequent installation on land, as well as repairing coastal artillery guns, in which the wear off of artillery barrels was high. From December 10 to December 31, 1941, the liners on batteries No. 32 and No. 112 were replaced, the bodies of guns on batteries Nos. 2 and 113 were replaced. Until the end of February, the barrels were replaced on almost all batteries of caliber up to 203 mm[616]. At the same time, large-scale work was carried out to replace the barrels on the 30th battery[617], which were completed in early February 1942. In record time, the towers were put into operation and both towers of the 35th battery: 1st tower – January 20, 2nd tower – April 3, 1942. The head of plant' workshop No. 1 S. Prokuda was awarded the Order of Lenin. Together with him were awarded orders and medals M. S. Sotsenko, P. N. Chekin, I. O. Sechko and N. D. Tsvetkov[618].

In connection with the beginning of the German offensive on the Kerch Peninsula, a meeting of the city activists was held on May 12, 1942. The assembled Soviet and party workers, representatives of plants and organizations, among other things, were tasked with increasing the output of military products[619]. On May 18, 1942, at a meeting of the city defense committee, it was decided “to immediately develop a plan for the supply of electricity to all the main facilities of the city in case one or another power plant or even all three are shut off[620].

At the same time, measures were taken to prepare plants for destruction in the event of the capture of the city by the enemy. In particular, on May 22, 1942, a detailed

---

[614] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 111, 112.
[615] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 42.
[616] Krasniy Krym. 1942. March 14. No. 73. P. 3.
[617] Special story “On the combat operations of coastal batteries in the defense of the main naval base of the Black Sea Fleet city of Sevastopol during the period from 10th to 31st of December, 1941” // Istoricheskoye naslediye Kryma. 2020. P. 115–116.
[618] Nemkov A. Ye. Railwaymen in the defense of Crimea. From the notes of the head of the political department / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 167.; Alekseyev A. A. The Feat of the gunsmiths / Fiery days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 137–156.
[619] The history of the heroic city of Sevastopol 1917–1957. Kiev: Izdatelstvo AN Ukrainskoy SSR, 1958. P. 243.
[620] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 46–47.

action plan was dated for the decommissioning of equipment, machines, workshops and facilities of the main site of the branch of plant No. 201. It describes in detail the equipment, material values to be destroyed[621].

Despite the emergency situation, Sevastopol plants continued to produce military products. Due to the fact that the command of the SDR was expecting a massive use of enemy tanks, most of the city's plants switched to the mass production of anti-tank hedgehogs, continuing to fulfill the main orders of the fleet and army[622].

The massive bombing of the city on June 2–7, 1942 had a significant impact on the work of industry. So, on June 3, the “Molot” plant was completely destroyed, respectively, the production of components for MUV, antipersonnel fragmentation mines (POMZs) and F-1 grenades was stopped. Since the plant was one of the most important links in the intracity industrial cooperation, it had qualified personnel and valuable equipment, it was decided to urgently transfer it to the Special Enterprise No. 1[623]. Production facilities of the evacuated ITK No. 7 were sent there also.

On the first day of the assault on Sevastopol, June 7, 1942, SevGRES-1 received numerous damage, respectively, due to a lack of electricity, underground plants temporarily stopped working. The state of emergency in which the city industry found itself was the subject of discussion at a meeting of the city defense committee on June 10[624]. As a result, a decree was adopted, which defined the tasks of the plant managers:

- for Special Enterprise No. 1: complete the installation of equipment from the “Molot” plants and ITK No. 7 as soon as possible;
- for plant No. 201: fulfillment of the task of the Military Council of the Fleet for conservation and evacuation: dismantling and preparation for the removal of ship mechanisms, commissioning a power plant for workshops and an oxygen station, ensuring the uninterrupted operation of the factory whistle and water supply;
- for railway transport: restore and maintain in order the tracks, rolling stock;

[621] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 124–131.
[622] RGASPI. F. 71. Op. 22. D. 344. L. 125.
[623] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 276.
[624] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 56–58.

- for the power plant and grids of “Krymenergo”: to ensure the uninterrupted operation of GRES-2; bring SevGRES-1 into working condition (the turbine is destroyed) and prepare it for start-up at any time. Maintain main electric lines in working order. The leadership of SevGRES promised to fix the turbine within two weeks, but it was not possible to start it up on time[625].

By mid-June 1942, the systematic work of the city's plants was disrupted, as evidenced by a note from the leadership of the Spetskombinat No. 1 to the Secretary of the Ship RK AUCP(b) M.I. Voronin. It notes that the plan is not being implemented due to the lack of electricity (it is emphasized that it has not been available since June 1) – 123 hours of downtime[626]. All plants of the city received significant damage, in fact, only the Special Enterprise No. 1 and small workshops worked.

Despite the difficulties, the production of military products continued. In total, from June 1 to June 18, Special Enterprise No. 1 manufactured 5 280 cases of 82-mm mines, 9 249 RGD-33 hand grenades, 3 963 antipersonnel mines, 9 285 MUV, 500 anti-tank hedgehogs, 44 sets of flamethrowers, 30 sets of rockets, 10 sets of 50-mm automatic mortars. At the same time, “Khimchistka” charged and delivered 21 206 RPG-40 grenades (with a planned target of 5 400, that is, the task was completed by 390%), 20 448 RGD-33 grenades (with a planned target of 16800 pcs) and 2 005 F-1 grenades, 450 anti-tank mines and thousands of mortar mines (up to 5 thousand mines daily)[627]. In a situation of almost complete siege, this was a significant help to the soldiers of the SDR.

On June 18–19, 1942, an especially strong blow was struck at Sevastopol by enemy aircraft and artillery: a total of 5 682 FABs (high explosive air bomb) and over 25 thousand lighters were dropped[628]. Almost all plants of Sevastopol were out of order, in particular, the mechanical workshop of the “Molot” plant was destroyed again, SevGRES-1, a locomotive depot, a railway station, a mill, an oxygen station, a bakery, a

---

[625] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 304.
[626] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 225. L. 79.
[627] Sarina A. A. Arsenal of Sevastopol / Fire days of Sevastopol. Simferopol: Tavria, 1978. P. 135; CRSA. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 91–93; D. P-152. Op. 1. D. 9. L. 145; Outlines on the history of the Crimean regional party organization. Simferopol, 1981. P. 198.
[628] Borisov B. A. School of life. M.,1971. P. 197.

leather plant, a water supply system and communication lines were significantly damaged.

At the Special Enterprise No. 1, 497 people remained, who were engaged in charging mines on the basis of the existing cases under the leadership of engineers M. Telichev and L. Ya. Gotte[629]. According to the memories of the military commissar of the logistics department G. I. Ryabogin, only on June 27 the special enterprise and SevGRES-1 stopped their work, while the last products were delivered on June 25[630]. In the following days, only small workshops operated in the city on the territory of Spetskombinat No. 1, a railway station and a marine plant, intended for emergency repairs of military equipment[631]. It is known the order No. 102 on Special Enterprise No. 2 dated June 25, 1942, according to which and on the basis of instructions from the defense commission, the enterprise curtailed its work[632].

In the city defense committee, preparations began for the evacuation of skilled workers, which was agreed with Admiral F. S. Oktyabrsky, who promised to provide them with places on the ships[633]. The corresponding decision was made at the last recorded meeting of the city defense committee, which took place on June 24, 1942.

The workers and engineers, mainly from among those not liable for military service and unfit for military service, of the following plants were subject to secondment: plant number 1, plant “Khimchistka”, plant “Molot”, branch of plant number 201 (in Tuapse, at the disposal of plant number 201) ; railway junction, power plant and network “Krymenergo” (in Krasnodar, at the disposal of the regional committee of the AUCP(b))[634].

The mass evacuation of workers to the city began with the Spetskombinat No. 2, which was located in the immediate vicinity of the front line. On the night of June 27–28, 400 people were removed from the adits of Spetskombinat No. 2, about 250-300 people refused to leave[635]. The second group was sent on the night of June 29: there

[629] Tyapkin L. I. On the production of mortars / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 248.
[630] Ryabogin G. I. About the work of the Spetskombinats / MSDLR. Vol. IV. Sevastopol, 1959. P. 237.
[631] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 344.
[632] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 163.
[633] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 333.
[634] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 68.
[635] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 358–359.

were about 400–500 people in it. In total, according to some sources, about 2 000 people were withdrawn.

Simultaneously with the evacuation of workers, measures began to prepare enterprises for destruction. On June 26, at the Sevastopol Shipyard, undergoing major repairs and layed up submarines A-1 and D-6 were blown up[636]. On June 28, at a meeting of the city administration, it was decided to prepare Special Enterprise No. 1 for an explosion[637].

According to the memories of an engineer at the Spetskombinat No. 1 V. V. Koshelev on June 28, probably in the first half of the day, an order was received to abandon the adits[638]. In total, about 1 500 people were evacuated. At 3.30 on June 29, B. A. Borisov received a report from the director of plant No. 201 N. K. Kostenko, who, in connection with the current critical situation, asked for an order to blow up Special Enterprise No. 1. Without delay, a meeting was held, which was attended by members of the defense committee B. A. Borisov, V. P. Yefremov, K. P. Nefedov, and also A. A. Sarina and V. I. Kulibaba during which a decision was made to destroy special enterprises, equipment of a marine plant, steam locomotives, documents of Soviet and party bodies and institutions[639].

During the day, mining of the main industrial facilities was carried out: power plants, slipways and docks of a marine plant, a bakery and part of railway tunnels. On the night of June 29-30, the adits of Special Enterprise No. 2 were blown up. On June 30, Spetskombinat No. 1[640], the Sevastopol Shipyard site in the Yuzhnaya Bay and a submarine docked near the naval bath were destroyed[641]. The machine tools of the artillery plant, technical workshops and reserves of materials were drowned at sea[642]. According to M. Boyko, SevGRES-1 and, presumably, the territory of plant No. 45

---

[636] Platonov A. V. Soviet warships 1941–1945. III. Submarines. St. Petersburg, 1996. P. 24, 119.
[637] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 357.
[638] SARC. F. P-156. Op. 1. D. 22. L. 41
[639] Borisov B. A. School of life. M.,1971. P. 109.
[640] According to the memories of the former master of the plant S. A. Ilyin – after 13.00. See.: Ilyin S. A. On the work of the Spetskombinat / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 206
[641] The plan to blow up objects when leaving Sevastopol, drawn up by M. Boyko / MSDLR. T. XXII. Sevastopol, 1963. P. 152.
[642] Manoshin I. S. Heroic tragedy. Simferopol, 2001. P. 49.

remained unexploded[643]. After the seizure of SevGRES-1 by the Germans, the supply of electricity to the city was cut off.

According to the memories of military factories workers, on the morning of June 30, their leadership received an order to announce to the workers that everyone should go to the places of evacuation – to the bays of Kazachya, Streletskaya, Kruglaya and Kamyshovaya[644]. Employees of Sevastopol enterprises fully shared the fate of the defenders of the city, having died in the last battles or taken prisoners. So, according to the document "Interrogation of prisoners No. 79" of the 1C department of the 24th Infantry Division (drawn up on July 1, 1942), 88 workers and two heads of Spetskombinat No. 1 were captured[645].

According to official (far from complete) data, during the defense at the plants of Sevastopol, 930 82-mm mortars, 1326 50-mm mortars, 109 400 pcs of 82 mm mines were manufactured, 140 600 pcs of 50-mm mines, 55 thousand fuses, 400 thousand anti-personnel, anti-tank and high-explosive shrapnel mines, 5 627 antipersonnel fragmentation mines and 385 073 MUV fuses assembled, RGD-33 grenades – 187 447 pcs, RPG-40 grenades – 59 648 pcs, F-1 grenades – 252 875 pcs. [646] S. N. Maksimov cites somewhat different data: during the period of the Sevastopol defense, the city's plants produced 2408 mortars, 113720 mines for them, 305699 hand grenades, 231549 antipersonnel and anti-tank mines, 8714 aerial bombs, several thousand molotov cocktails and other types of weapons and ammunition[647].

It can be assumed that these indicators may not reflect the true picture of production. Firstly, unsatisfactory statistics for October – November 1941 and April – May 1942 distort the final data, and secondly, it is necessary to take into account the performance indicators of "Khimchistka", which was engaged in ammunition charging.

Thus, in the conditions of the siege, the industry of Sevastopol, despite the extraordinary conditions, continued to work for defense. The production of various

---

[643] The plan to blow up objects when leaving Sevastopol, compiled by M. Boyko / Materials for the defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. XXII. Sevastopol, 1963. L. 152.
[644] Manoshin I. S. Heroic tragedy. Simferopol, 2001. P. 72.
[645] Nuzhdin O. I., Ruzayev S. V. Sevastopol in 1942. Ekaterinburg, 2013. P. 729.
[646] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. L. 60.
[647] Maksimov S. N. Sevastopol defence in 1941–1942. M.: Voenizdat, 1959. P. 118.

military products was mastered, relevant in the conditions of a siege. At the same time, in the production process, numerous rationalizations were introduced into the design of weapons and ammunition, which made it possible to establish mass production in the face of a sharp shortage of raw materials and components. It is especially noteworthy that against the background of a decline in production in other besieged cities (Leningrad, Moscow) in the winter of 1941 in Sevastopol, they managed to create an effective industrial model, which predetermined a sharp increase in production in the winter and spring of 1942.

As B. A. Borisov emphasized in his speech at the meeting of the party activists of Sevastopol on May 12, 1942, “the city's industry could not fully satisfy all the requests of the Black Sea Fleet and the Primorsky Army in connection with the evacuation of main enterprises, but most of the plants overfulfilled the plans directed by the Black Sea Fleet Military Council”[648]. Without a doubt, most of the armament of ammunition for the military forces of the Sevastopol defense region was supplied from the Caucasus. However, it is obvious that mortars, mines, grenades, produced in Sevastopol, played a role in organizing the defense of the city.

[648] RGASPI. Fund 17. Op. 43. D. 2671. P. 32.

Chapter III. ORGANIZATION OF DAY-TO-DAY LIFE OF THE URBAN POPULATION IN THE CONDITIONS OF SIEGE

In the late 1930s, Sevastopol was the second most populous city in the Crimean ASSR. According to the 1939 All-Union Population Census, 109 104 people lived there, taking into account the settlements subordinated to the City Council – 111 938 people (about 10% of the republic population)[649]. By June 1941, the city population increased to 117 thousand people (according to other estimates – up to 137 thousand people)[650].

The rapid offensive of the German military forces in the summer of 1941, the miscalculations of the military command in assessing the complexity of the front-line situation led to the fact that a large number of civilians remained in Sevastopol. In total, by November 1, 1941, 35 382 people were evacuated from Sevastopol, 52 thousand people remained in the city[651]. In the period from November 1 to December 1, 1941, up to 35 882 people were evacuated from Sevastopol[652]. At the same time, the number of civilians in the city practically did not change: as of December 1, there were 51 244 people, including about 30 thousand housewives, elderly people and children[653]. This can be explained by the significant number of refugees from other regions of the Crimean ASSR[654].

In December 1941, the rate of evacuation dropped markedly: only 2112 civilians were evacuated[655]. After the completion of the second assault, despite the lull at the front, the evacuation practically stopped. On the contrary, in the winter and early spring of 1942, a partial re-evacuation took place, up to cases of unauthorized arrival in Sevastopol[656].

---

[649] Great Patriotic War. Jubilee statistical collection. M., 2015. P. 186.
[650] History statistics and statistics of the Sevastopol history. Report submitted to the 1st Open Russian Statistical Congress (October 20, 2015, Novosibirsk) [Electronic media]. URL: http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/573064-1-istoriya-statistiki-statistika-istorii-sevastopolya-vvedenie-dlya-rossii-est-goroda-kotorie-osobenno-dorogi-blizki.php (reference date December 26, 2020).
[651] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 39.
[652] Ibid. L. 38–39.
[653] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 39. Kulakov N. M. Op. cit. P. 177.
[654] Krylov N. I. Fire bastion. M., 1975. P. 98; Khrenov A. F. Bridges to victory. M. 1982. P. 194.
[655] Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942: chronicle of the heroic defense. Book 1. Kiev, 1995. P. 231.
[656] Zhidilov Ye. I. We defended Sevastopol. Gorkiy, 1973. P. 152.

As of February 7, 1942, the number of the contingent, being supplied at the SDR, included 62.5 thousand civilians, including 16 thousand children under the age of 12 years[657]. The "increase" in the number of residents is presumably due to unsatisfactory statistics in the first months of the defense, primarily among those who arrived from other regions of Crimea.

On the eve and during the third assault, in the period from May 28 to June 17, 1942, another 10 thousand people were evacuated from the city[658]. It is believed that between 20[659] and 36 thousand civilians[660] remained in the city. These figures appear to be understated. Considering the city population at the beginning of May 1942 (about 60 thousand people), the official number of dead citizens (from May 25 to June 30 – 791 people) and evacuees (from May to the end of June up to 12 thousand people[661]), we get a figure of approximately in 40–45 thousand people. These calculations are indirectly confirmed by the interview record of I. A. Volkov, who worked in the city government during the occupation. He said that in July 1942 there were 42 thousand inhabitants in Sevastopo[662]l.

Thus, during the defense, several tens of thousands of civilians lived in Sevastopol, including a significant number of disabled citizens – children and the elderly. The city authorities were forced to deal not only with defense issues, but also solve a whole range of tasks related to the life support of the population. First of all, this is the organization of food, medical, social security, as well as cultural services.

III.1. Organization of subsistence supply

By the beginning of the war, the food industry of Sevastopol was represented by small plants: several factories of fruit waters and juices, a meat processing plant, a pasta factory, a bakery n.a. S. M. Kirov.

In the vicinity of Sevastopol, grain crops were not planted, but vegetable growing, horticulture and viticulture were well developed. Vineyards and enterprises of

---

[657] Sinyutin M. V. The battery has completed the task. St. Petersburg, 2010. P. 205, 207.
[658] Crimea during the Great Patriotic War 1941–1945. Simferopol, 1973. P. 155.
[659] Baisak M. G. The glory of those days will not cease. Simferopol, 2005. P. 116.
[660] Manoshin I. S. Op. cit. P. 21.
[661] SARC. F. P-652. Op. 24. D. 5. L. 19.
[662] Nazi death camps. Eyewitnesses testify. From the "Declassified Memory" series. Crimean issue. Vol. 2. / Content by Valiakin A. V. Simferopol, 2010. P. 80.

the “Massandra” plant were located here: a champagne plant in Inkerman (production 1940–1941 – 1 200 thousand bottles), a grape juice plant, three processing plants, as well as the state farms “Profintern”, n.a. Sophia Perovskaya, n.a. Polina Osipenko and “Burliuk”[663]. Also in the district were dairy and livestock farm No. 2, state farms No. 10, No. 14, collective farms “Kommunar”, “12th Anniversary of October” and “Memory of Lenin”.

Vegetables, meat and dairy products from these collective and state farms are supplied to Sevastopol, but they cannot meet the large city's needs, therefore, a significant part of food was transported from nearby areas of the Crimean ASSR. Additional difficulties arose in 1939, when Sevastopol became a regime city. In a note from the city planning commission dated August 9, 1940, it was stated that “the retail distribution network, as well as the turnover of public catering, in no way satisfy the increased demand of the population”[664]. Residents of pre-war Sevastopol remember the “huge” queues for bread[665]. Despite the difficulties, the former director of the markets of Sevastopol, D. I. Lazarev, asserted in his memories that on the eve of the war “the warehouses were overflowing with flour, various cereals in the amount of hundreds and thousands of tons”[666].

Since June 1941, the situation in the food sector has become an object of close scrutiny by the city authorities. Strict accounting and the most economical use of available resources were organized, and work began to create additional reserves. The city population, taught by the experience of past wars and food shortages, rushed to buy food in stores[667].

In the summer of 1941, in Sevastopol, a gradual transition to a rationed food supply to the population not associated with agricultural production began. From July 27, 1941, it was started to distribute bread to all workers and employees of Sevastopol according to the lists. At the same time, employees of plants No. 201 and No. 45, as

---

[663] Russian State Archives of Economics. F. 8546. Op. 1. D. 381. L. 1, 3–6, 11–12, 15, 24–28.
[664] 200 years of Sevastopol. 1783–1983. Coll. of documents and materials. Kiev, 1983. P. 206
[665] Dolgusheva Z. I. Memories of life before the war. Sevastopol, 2012. P. 41; The history of Sevastopol in persons: military and civil leaders of the city and fleets. Sevastopol, 2008. P. 202.
[666] Lazarchuk D.I. “Memories” / MSDLR. XXII. Sevastopol, 1963. P. 206–208.
[667] Sushko Ye. V. A story of the boy from Korabelnaya storona. Sevastopol: ChP Kruchinin L. Yu., 2014. P. 33.

well as disabled people, were attached to shops at their place of residence, the rest of citizens – at their work place. The norms for the distribution of bread per person were established – 700 g per day for workers and employees and 300 g for dependents[668].

Thus, the food distribution system in Sevastopol, as it was in other cities, was initially differentiated: the personnel of industrial enterprises were assigned to the category of primary consumers. The establishment of various norms made it possible to use food reserves expediently and to maintain fixed prices for strategic products.

By Decree of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1993 dated August 20, 1941, a rationing system for bread, sugar and confectionery products was introduced in more than 200 cities of the country[669], but Sevastopol was not included in their number. So, on August 25, the rationing system was introduced in besieged Odessa: workers were given 800 g of bread, employees 600 g each.[670] The same norms were in effect in July – August 1941 in Leningrad[671].

In June – August 1941, the situation in the sphere of food supply for the inhabitants and the garrison of Sevastopol was relatively stable. For example, E. Sh. Niyazov, a cadet of the anti-aircraft artillery school, recalled: “The food was excellent, I still remember that in the morning they were given rice porridge, meat, butter”[672].

Complications begin to appear in the second half of August – the first half of October 1941, when Sevastopol becomes a transit point for numerous refugees: according to the existing rules, all evacuees were supplied from local resources. According to the memories of E.S.Smirnova, during October 3–4 thousand people arrived from Odessa every day, who were given a “travel ration” of 500 g of bread per day[673].

At the same time, formations from the Odessa defense region, which often did not have their own food reserves, were delivered to the city. The chief of the rear services of the Primorskaya army A. P. Yermilov recalled that for the first three or four days the rear of the fleet allocated food, then he had to go to Simferopol and ask for help from the local

---

668 SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 62.
669 History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. In six volumes. Vol. 2. M., 1961. P. 549.
670 Krylov N. I. It will never fade. M., 1984. P. 103.
671 Unconquered Leningrad. Brief history outline of the city during the Great Patriotic War. L.: Nauka, 1970. P. 56.
672 Niyazov E. Sh. <Interview> [Electronic media]. URL: http://iremember.ru/zenitchiki/niyazov-ebuleis-shemshedinovich.html (reference date: July 01, 2013).
673 SARC. F. P-156. Op. 1. D. 22. L. 81.

authorities. As a result, apart of the republic accumulated mobilization reserves was transferred to army[674].

The difficulties that arose prompted the residents of the city to stock up on food: as Z. I. Dolgusheva recalls, literally everything disappeared from the store shelves[675]. At the same time, in the report of B. A. Borisov to the regional committee dated September 23, 1941, the population's dissatisfaction with the situation in food supply was recorded. So, the courier of the State Bank, A. Tarutina, said: "What are we losing, we are starving under Soviet rule, maybe it will be better with them"[676].

Constantly increasing, despite the evacuation of local residents, contingent of satisfied people in Sevastopol has led to the fact that the bakery has ceased to cope with the increased needs. On October 13, 1941, a joint meeting of the city committee bureau and the executive committee of the city council was convened. For the first time, it was decided to start supply the population with flour instead of bread from October 15: those who received 800 g of bread by cards were given 500 g of flour, those who received 600 g of bread – 400 g of flour, and those who received 300 g – 200 g of flour[677]. The situation was saved by a good harvest of fruits and vegetables, which significantly diversified the diet of the city residents (many had household land plots).

At the first meeting of the city defense committee, which took place on October 30, 1941, it was stated: "The availability of food products in trade organizations and at the bases does not meet current needs <...>, the production capacity of food enterprises (bakery, meat processing plant) does not meet the heightened needs"[678].

In the following days, the situation continued to deteriorate. Firstly, at the end of October and the beginning of November 1941, a significant part of the city's food reserves (according to the former employee of Gortorg O. Yefimovich, it should have been enough for 12[679] months) was transferred to the military command. The formations

---

[674] Near the Black Sea strongholds. M.: Voenizdat, 1967. P. 308.
[675] Dolgusheva Z. I. Memories of a Sevastopol girl. Sevastopol, 2011. P. 4.
[676] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 95–97.
[677] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 101.
[678] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 3.
[679] There is a well-known certificate of the availability of mobilisation funds of the People's Commissariat for Trade (top secret, no date) in the Sevastopol city administration: sugar – 91 tons, pasta – 35 tons, animal oil – 4 tons, household soap – 17.7 tons, tea – 2.5 tons, soap liquid – 10 tons, smoking paper – 305 thousand books, matches – 147 thousand boxes, salt in bast-mating bags – 100 tons. SARC. F. P-1. Op. 1. D. 2133. L. 114.

of the Primorskaya army, leaving the encirclement, had no food, and the “naval” reserves, belonging to Voentorg, were taken out to the Caucasus in a precipitate manner[680]. The city lost 6 thousand heads of cattle, pigs, sheep, most of the vegetables and fruits, 57 tons of slaughtered poultry, 1 million eggs, 3 thousand tons of flour, 300 tons of grain fodder[681].

Secondly, the number of refugees from other regions of Crimea has significantly increased in the city. The need for their food supply prevented the accumulation of food supplies. B. A. Borisov directly writes: “If it were not for the flow of evacuees, we would be able to cope with the supply of the population”[682].

Thirdly, from the massive bombing of the city by enemy aircraft in late October – early November 1941, food processing enterprises and food warehouses were significantly affected. The material base was underdeveloped, so the temporary disabling of even one bakery caused negative consequences. At the same time, the reserves of coal necessary for the operation of the bakery were limited (as of October 14, the reserves were estimated at 400 tons, which – with a consumption of 5.5 tons per day – should have been enough only until December 22).

Fourth, transport links with the Caucasus have deteriorated significantly. The city authorities have repeatedly appealed to the Military Council of the fleet with a request for the allocation of transports for the transfer of food products. From November to December 1941, only 3963 tons of food were delivered to the city, which was not enough to cover all needs[683].

According to the decree of the Council of People's Commissars of the Crimean ASSR “On the supply of the army, navy and population” dated November 5, 1941, for the period from November 1, 1941 to January 1, 1942, the following norms for the supply of grain were established: workers of defense enterprises and the railway – 800 g, workers of other enterprises – 600 g, employees – 500 g, dependents – 300 g per

[680] SARC. F. P-156. Op. 1. D. 22. L. 28.
[681] SARC. F. P-156. Op. 1. D. 22. L. 26; Fund. P-35. Op. 1. D. 208. L. 83.
[682] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 114.
[683] The combat path of the Soviet Navy. M., 1988. P. 399.

day[684]. City officials have taken a series of emergency measures to economize, replenish food supplies and stop violations. The same decree introduced a ban on the consumption of food products without the order of the People's Commissariat of Trade of the CASSR; the manager of the city department of "Zagotzerno" was ordered to ensure the grinding of all available grain at the Sevastopol and Balaklava mills, the director of the meat department was ordered to put into operation all slaughter sites; finish harvesting potatoes[685].

Great efforts were directed to speeding up the city mill construction. According to the order of the Council of People's Commissars of the CASSR dated November 2, the chairman of the city executive committee V. P. Yefremov was instructed to allocate machines and materials, the head of construction Ragulin – to commission two units for grinding grain by November 6, and to commission the entire mill by November 10[686].

The provision of the population with food was in direct proportion to the needs of the army. When a military bakery was put out of action during the bombing, the territory of the city bakery was cordoned off by machine gunners, after which the supply of bread to the residents of the city was stopped. Only after the secretary of the city committee B. A. Borisov and the commandant of the city A. P. Starushkin arrived at the scene, the incident was settled[687]. However, the work of the bakeries was temporarily reoriented to baking bread for military bases. Similar excesses were recorded in the second half of November, which was noted at a meeting of the city party committee bureau on November 26[688].

On November 13, 1941, a joint decree of the city party committee and the executive committee of the council was adopted to provide the population with flour instead of bread. A few days later, on November 17, 1941, it was approved at a meeting of the Bureau of the Crimean Regional Committee. The People's Commissariat of Trade of the CASSR was allowed to organize a temporary sale of flour in Sevastopol at unified retail prices and set consumption rates within 15 tons per day. In addition, the

[684] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 15.
[685] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 15.
[686] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 6–8.
[687] Borisov B. A. School of life. M., 1971. P. 128.
[688] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 21.

head of the department of Rosglavkhleb Finkelstein was obliged to equip a mechanized bakery with a production capacity of 20 tons of bread per day within a month[689]. As a result, for 12 days the population was given only flour instead of bread[690].

On November 18, 1941, a meeting of the city party committee bureau was held, at which a package of measures was adopted to overcome the food crisis[691]. In particular, it was decided to ask the Black Sea Fleet Military Council to attach three bakeries to supply the population, and also to draw up an request the necessary food to supply the population in December. At the same time, S. A. Zharkovsky and F. I. Fedoriadi were instructed to restore the work of all shops, as well as, starting from November 19, to organize public catering in plants and in adits[692].

At the conference in 1961 V. P. Yefremov admitted: “We were somewhat confused during the first assault, in November 1941, when the bakery and pasta factory went out of order, but with the help of the Military Council, commander Oktyabrsky and Kulakov, we managed to restore everything”[693].

On November 28, 1941, by the decision of the city party committee bureau, they again began to issue bread according to the previous norms (800/600/300 g)[694]. At the same time, the limit set by the Military Council for the civilian population of 12 tons of bread per day barely covered the needs, which amounted to 18–20 tons.

Since the end of November, a mill with a capacity of up to 40 tons of flour per day began to operate in Sevastopol (grain reserves in the city were significant). She provided for the work of the bakery plant and several bakeries, hidden in the adits. In the shortest possible time, the work of 22 grocery stores was restored, and catering points were organized at the plants.

In order to create meat reserves, a decree was adopted by the Council of People's Commissars of the Crimean ASSR (December 1, 1941), which provided for the identification of ownerless sheep (a total of 410 heads were taken into account), while the

---

689 RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1523. L. 158.
690 SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 83.
691 CRSA.F P-35. Op. 1. D. 201. L. 121.
692 RGASPI F. 17. Op. 22. P. 1525. L. 16; CRSA. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 121.
693 Collection of materials of the war-historical conference dedicated to the 20th anniversary of the beginning of the Sevastopol heroic defense in 1941–1942. Volume III. Sevastopol, 1961. P. 866.
694 SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 83.

owners were allowed to return from 4 to 12 heads[695]. Part of the livestock was confiscated from the urban population: E. Sushko recalls that his family was forced to hand over nine out of ten sheep[696].

At the end of November, fishermen from the "Rybatskaya Kommuna" collective farm, who had previously temporarily suspended their work due to the confiscation of nets by the army, began to go out to sea. Already by December 1, 1941 the collective farm "Rybatskaya Kommuna" had caught 2700 centners of anchovy[697].

Another problem was the water deficiency: M. V. Porplitsa recalled that she was given out only three glasses a day[698]. By leadership order, huge stocks of semi-finished champagne were used for drinking and cooking. Photojournalist B. G. Sheinin recalled: "The sweetish, fragrant liquid pleasantly cooled the skin and tingled in the nose. But whatever you say, the most ordinary water for washing is much better than this noble drink". He also noted that the citizens called the drink "Nastya", which, as he assumes, came from the inscription on the labels – sparkling wine "Asti"[699].

Throughout November 1941, the Sevastopol population received food with significant interruptions. As the secretary of the city committee B. A. Borisov admitted, "there are some queues for bread in the city <...>, there is no stock of necessary products to cover the most minimal needs of the population"[700]. The difficulties in November – December 1941 are often pointed out in their memories by the inhabitants of Sevastopol. Thus, G. Zadorozhnikov writes that "in the first months of the siege, all store shelves were filled with blue tin boxes with "Snatka" crabs. Nothing else. Empty. Soon this also was gone"[701].

At the same time, in besieged Sevastopol, the authorities were able to prevent a food crisis, as was the case in Leningrad: the bread norms were much higher, with the

---

[695] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 38.
[696] Sushko Ye. I know that war firsthand... P. 28.
[697] Heroic Sevastopol. M.: Voenizdat 1969. P. 123; Kotko P. I. On the work of fishing collective farm "Rybatskaya Kommuna" / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 262–263.
[698] Porplitsa M.V. <Memories> / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 229.
[699] Sheinin B. G. War – caught in the act. From a war correspondent's notebook. Sevastopol: "RA" Teleskop LLC, 2015. P. 126–127.
[700] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 83.
[701] Zadorozhnikov G. Old boy memoris (Sevastopol 1941–1944). Sevastopol, 2013. P. 53.

exception of the norms of dependents[702]. The workers of the defense plants were in a special position, where there was good food for the conditions of the siege: in addition to cards, various types of additional supplies operated. V. I. Deribasova points out: “We were fed well, I really liked the milk jelly. There were always the first and second courses, so we were fed according to the naval norm ”[703].

Preparations for issuing cards for December begin at the end of November. From local reserves, only the need for flour and cereals could be covered, the remaining products (meat, fats, sugar, fish, vegetables) had to be delivered from the Caucasus[704]. The executive committee of the city council prepared materials, on the basis of which the regional committee of the party and the SNK of the Crimean ASSR, which did not have the “opportunity to communicate with the center and receive warrants for food products”, made an application to the secretary of the Krasnodar regional committee P. I. Seleznyov and regional executive committee chairman P. F. Tulayev (dated November 23, 1941)[705].

At a meeting of the city party committee bureau, which took place on November 24, daily allowances for December were determined: workers and engineers – 800 g, employees, pensioners and family members of drafted to the RKKA (the Workers' and Peasants' Red Army) and RKKF (the Workers' and Peasants' Red Navy) – 600 g, dependents – 300 g[706].

In December 1941, the situation continued to be difficult. The food supply of the population depended entirely on the military command. As Admiral N. M. Kulakov figuratively put it, the Military Council of the Fleet put the Sevastopol residents on “naval rations”[707]. Note that in the final report of the city party committee on

---

[702] In Leningrad, from September 2, the following norms were established: 600 grams – for workers and engineers, 400 grams – for employees, 300 grams – for dependents; from September 11 – 500 / 300 / 250 grams; from October 1 – 400 / 250 / 250 grams; from November 13 – 300 / 250 / 250 grams, from November 20 – 250 / 125 / 125 grams. See.: Unconquered Leningrad. L.: Nauka, 1970. P. 132, 135, 149–150.

[703] Deribasova (Filippova) V. I. Interview. [Electronic media]. URL: http://iremember.ru/grazhdanskie/deribasova-filippova-valentina-ivanovna.html(reference date: April 15, 2015).

[704] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 83.

[705] SARC. F. P-652. Op. 24. D. 1 L. 9.

[706] RGASPI. F.17. Op. 22. D. 1525. L. 18; CRSA. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 123.

[707] Kulakov N. M. Entrusted to Navy. M.: Voenizdat, 1985. P. 309.

participation in defense, it was emphasized that “during the siege, all supplies to the population and defense plants were made almost entirely by the Gortorg”[708].

There was no systematic delivery of goods. At the same time, the garrison of Sevastopol was constantly increasing due to the arrival of new formations. Thus, it was not possible to create stable food supplies, and food remained scarce.

December 14, 1941. The Sevastopol City Party Committee was again forced to resort to replacing bread with flour (according to the previous conversion rates)[709]. A few days later, on December 17, the second assault on the city began. During the massive bombing, many food processing facilities were significantly damaged, in particular, the bakery was shut down several times, the pasta factory was destroyed on December 29 (the factory was restored on January 4).

Despite all the difficulties, the authorities managed in December 1941 to provide the population with a meager but constant food ration, while no substitutes were added to the baked bread, as was the case in besieged Leningrad. In addition to the planned distribution of bread, in December the city authorities organized the distribution of food according to ration cards (except for bread and public catering). In December, the entire population was given: pasta / cereals – 1 kg each, fat – 200 g, laundry soap – 400 g, sugar (only children under 12 years old) – 200 g[710].

The choice of surviving strategies for the Sevastopol population in conditions of a meager ration was very limited. They did not have the opportunity, as it was in other cities, to make trips to the countryside to exchange goods for food. Some relief came only in the spring of 1942.

On January 9, at a meeting of the city defense committee, leaders of all levels were tasked with urgently finding local resources to improve the food supply of the population (organizing fishing and mussel fishing, developing pig breeding), as well as preparing for spring sowing on the basis of state farms n.a. S. Perovskaya and No. 10[711].

---

[708] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. L. 77.
[709] Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942: chronicle of the heroic defense. Book 1. Kiev, 1995. P. 143.
[710] SARC. P-35. Op. 1. D. 230. L. 54–55.
[711] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 14–15.

The importance of the decisions made was dictated by the depletion of food reserves. In a note from the chairman of the Council of People's Commissars of the CASSR to the deputy chairman of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated January 27, 1942 says: “At present, no funds have been allocated for Sevastopol through the NKtorg of the RSFSR, in this connection we are experiencing great difficulties in supplying the population”[712].

In the first months of 1942, the basis of the diet of the Sevastopol residents was bread or flour, cereals, pasta. Bread delivery rates did not change and amounted to 800/600/300 g, but there was a shortage of vegetables (they were replaced with cereals and dried vegetables) and fresh meat (they were replaced with canned food, herring and corned beef). In connection with food difficulties, the authorities again organized a one-time distribution of additional food according to ration cards. In January, they gave out 400 g of meat (corned beef), 1 kg of 75% flour, 500 g of cereals / pasta, 200 g of fat, 400 g of laundry soap. In February – 1 kg of flour 75%, 1 kg of flour 96%, 1 kg of crackers, 200 g of vegetable oil (for children under 12 years old), 200 g of sugar (for workers, employees, disabled people, pensioners, children under 12 years old) [713].

Against the background of difficulties in the food sector, cases of speculation were recorded. So, citizen Fetisova for 1 liter of milk took five loaves of bread and 10 rubles. As a result, she was fined 2 thousand rubles. Citizen Kozlova was fined for exchanging things for food in the amount of 500 rubles[714]. The scarcity of food was also recorded in the letters of the servicemen: for example, the Red Army soldier of the 54th Rifle Regiment U. wrote to his relatives: “With regard to food, the situation is bad, the soup is only water, bread is not given enough, and from this draw a conclusion yourself”[715].

Relative stabilization began only by the beginning of March. As B. A. Borisov notes in a memo dated March 4, 1942, “there are no interruptions in the supply of grain.

---

[712] SARC. F. P-652. Op. 24. D. 6. L. 6.
[713] SARC. P-35. Op. 1. D. 230. L. 54–55.
[714] ”Krasniy Krym”. March 24, 1942. No. 83. P. 4.
[715] Special message of the head of the OO (Special Section) NKVD of the Krymskiy Front, Commissar of the State Security of the 3rd rank Belyanov, dated April 11, 1942 // Istoricheskoye naslediye Kryma. 2020. P. 133.

The food is comparatively good at the plants "[716]. The work of the network of canteens, pastry shops, grocery stores was gradually restored.

Much attention was paid to the development of collective and individual gardening, which helped to significantly expand the diet of both residents of the city and the soldiers of the defensive area.

Preparatory work begins in January. There were no reserves of seeds in the city, so I. F. Biryukov and agronomist Abdulayev were sent to Krasnodar. As a result, on March 16, 40 tons of seeds of various plants were delivered to Sevastopol, later – another 100 kg of radish seeds[717]. After receiving, the seeds were centrally distributed by the city executive committee between organizations and private individuals. Under the leadership of N. K. Sobolyov, the workers of "Massandra" organized the cultivation of seedlings of tomatoes, eggplants, cabbage.

In February, the process of assigning land plots to plants begins. For example, on February 11, 1942, a decree was signed by the Council of People's Commissars of the CASSR on the transfer of 100 hectares of land to ITK No. 7, on February 29 – 135 hectares of land from the lands of state farm No. 10 were assigned to the Voenflottorg of the Black Sea Fleet[718].

According to the results of the preparatory stage, by a decree of the Council of People's Commissars of the CASSR dated February 16, 1942, a plan for spring agricultural work was approved for state farms, subsidiary farms of Sevastopol and collective farms of Balaklava region. According to him, the state farms were to develop 818 hectares of land, including 224 hectares for vegetables, 150 hectares for potatoes and 444 hectares for grain crops[719]. Land development proceeded at a rapid pace. By the beginning of March, 15 hectares of maize, 30 hectares of "magarach grass"[720] were sown on state farm No. 10 alone, and 3 hectares of soil for vegetable crops were prepared on the subsidiary farm of the Gortrest canteens[721].

---

[716] SARC. F. P–35. Op. 1, D. 234. L. 2.
[717] Sobolyov N. K. People I knew... From notes on the agriculture of besieged Sevastopol in 1941-1942. / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 289.
[718] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 168, 208.
[719] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 178.
[720] I.e. foxtail millet – a food and forage crop similar in quality to millet
[721] Krasniy Krym. 1942. March 7. No. 66. P. 3.

January 5, 1942. The secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions adopted a decree “On the expansion of individual gardening of workers and employees in 1942”. The call for the spread of individual vegetable farming was first heard in the newspaper “Krasniy Krym” on January 19, 1942.[722] In the corresponding decree of the Council of People's Commissars of the CASSR dated February 16, it was ordered “to oblige the Sevastopol City Executive Committee to ensure the maximum development of individual vegetable gardens of workers and employees”, for which 20 hectares of land were allocated. Note that the order of the Council of People's Commissars and the CC of the AUCP(b) “On the allocation of land for subsidiary plots for the gardens of workers and employees” was signed only on April 7, 1942.[723]

At first, the development of individual gardening was slow. In fact, only in March, the allocation of plots and seedlings to the population begins. In total, according to available data, by March 14, the city executive committee allocated more than 700 plots for individual vegetable gardens[724].

In the second half of March 1942, the food supply situation deteriorated sharply, which was associated with a deterioration in transportation (from January to March, only 22 thousand tons of food were delivered). At the same time, there were difficulties with fuel, which had a significant impact on the operation of the mill and the bakery. On March 22, 1942, the city defense committee was forced to adopt new norms for replacing bread with flour (introduced from March 26): 1st category was issued on cards of 500 g, 2nd category – 350 g, 3rd category – 200 g[725].

This problem was solved in a few days, when a method for briquetting coal dust was developed. In addition, in a letter from the republican leadership to the secretary of the city party committee B. A. Borisov, dated March 31, 1942, it was reported about the approval of delivery of flour to Sevastopol – 1500 tons for April. Of this amount, it was allowed to use 600 tons for baking, 900 tons – to be left in reserve (to spend only with

[722] Same. 1942. January 19. No. 19. P. 3.
[723] The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Volume 7. 1938–1945. M.: Politizdat, 1985. P. 279–280.
[724] Krasniy Krym. 1942. March 14. No. 73. P. 2.
[725] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 36.

the approval of the Council of People's Commissars of the CASSR and the regional party committee)[726].

The city authorities immediately restored the distribution of bread, but were forced to significantly reduce the norms. In connection with the instructions of the Military council of the fleet, on April 1, 1942, at a meeting of the city party committee bureau, it was decided to introduce the following norms for the supply of bread: workers and engineering and technical personnel of enterprises began to receive 600 g, employees, pensioners and families of those drafted into the army – 400 g, dependents – 300 g.[727] Thus, the norms for the distribution of bread became practically the same as in Leningrad, where from February 11, 1942, workers and engineers were given 500 grams each, employees – 400 grams, dependents and children – 300 grams[728].

On March 22, 1942, at a meeting of the city defense committee, it was stated that, despite the decree of the city defense committee dated January 9, 1942, "the party and trade union organizations have not yet sufficiently organized the explanation of the decision of the All-Union Central Council of Trade Unions to workers and do not provide appropriate assistance to those wishing to have individual gardens"[729].

On March 23, a meeting of the city party committee bureau was held, at which it was decided to take all measures to support the development of individual gardening, to organize teams at the regional executive committees to check the sowing of the land allotted for individual plots[730].

In a short time, the district councils took into account all the land suitable for vegetable gardens and distributed it among military bases, plants, institutions and individual citizens, and seed distribution points were organized. The distribution of seeds to individual gardeners was completed by mid-April; a total of 647 people received seeds[731].

---

[726] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 232. L. 2.
[727] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 53–54.
[728] Unconquered Leningrad. Leningrad: Nauka, 1970. P. 185.
[729] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 34–35.
[730] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 45–46.
[731] Mayak Kommuny. 1942. April 16. No. 6. P. 4.

The senior agronomist of the city Nikolsky and the agronomist of "Zelenstroy" Shvidkov were dismissed for shortcomings in their work. Employees of the operational group of the regional party committee – the Deputy Head of agricultural department of the Crimean regional committee L. A. Aluker and N. K. Sobolyov were appointed in their place [732].

In the first ten days of April 1942, the first consignments of fresh vegetables were received: spring onions, parsley, radishes, which became a significant addition to the diet of the population and military forces. By May 25, two harvests of early vegetables were gathered and a third harvest was planted (state farms of Sophia Perovskaya and No. 10). A. Khamadan wrote in his outline: "All unoccupied land is plowed for kitchen gardens. They adorned the near approaches with a dark green carpet. This carpet stretches to Sevastopol itself – to squares, vacant lots, large courtyards, wide outskirts"[733].

In total, by May 1942, about 1 thousand hectares of irrigated and dry gardens were laid, of which 700 hectares were cultivated. Individual plots occupied about 160 hectares of land[734]. According to N.K. Sobolyov, 25 subsidiary farms were organized by plants and institutions, and 30 farms were organized by military bases. At the same time, military bases laid out 285 hectares of vegetable gardens, collective farms – 80 hectares, economic organizations – 554 hectares, individual gardens – 142 hectares[735]. Until June 1, 1942, 2 million bunches of radish, 200 tons of spring onions, 25 tons of sorrel, 20 tons of spinach, 10 tons of various greens were harvested[736].

In addition to measures for the development of vegetable gardening, an important area of work was the intensification of the fishing teams' activities. In fact, fishing in Sevastopol began in mid-February 1942, which was connected with warming and the appearance of large fish shoals of fish near the Sevastopol shores. At the city authorities'

---

[732] Sobolyov N. K. People I knew... From notes on the agriculture of besieged Sevastopol in 1941-1942. / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 298.
[733] Khamadan A. M. Sevastopol residents. Sevastopol: "Git pak", 2014. P. 31–32.
[734] The history of the heroic city of Sevastopol 1917–1957. Kiev, 1958. P. 238.
[735] SMHMR. NV. 16875. Sobolyov N. K. Work report on the besieged heroic city of Sevastopol from November 1941 to July 1, 1942 L. 2.
[736] SMHMR. NV. 16875. Sobolyov N. K. Work report on the besieged heroic city of Sevastopol from November 1941 to July 1, 1942 L. 2, 5.

request, former fishermen were sent from military bases to the teams[737]. On the first fishing day, the team of the Balaklava fishing collective farm "Put k Socialismu" took 400 kg of mullet, on the second day – 800 kg[738]. In April, the collective farms "Put k Socialismu" and "Rybatskaya Kommuna" caught 1 500 tons of fish, and in ten days in May - 60.5 tons[739]. In total, during the pre-May competition, the fish collective farms produced 1 730 centners of fish, fulfilling the plan in 15 days[740]. In addition to fish, the Sevastopol residents hunted the mussels, which, according to B. A. Borisov, "filled up all the bazaars". Only in two decades of March, the collective farm "Put k Socialismu" handed over 22 centners of mussels to Glavrybtrest, of which about 11 centners were gathered by a team led by Andrutsaki[741].

The successful development of vegetable gardening, the organization of fishing, as well as the assistance of the naval command with basic foodstuffs made it possible to stabilize the situation by mid-April. B. A. Borisov writes about this in a letter to the regional committee secretary V. S. Bulatov, dated April 13, noting that there was no wheat at all, and flour reserves were only up to May 1.[742]

The following month, the situation remained unchanged: there were no interruptions in the supply of bread, canteens, as well as 25 shops and stalls, operated as usual[743]. Before the May holidays, the command was able to allocate additional products for the population, which were issued by cards: each received 1 kg of anchovy, 500 grams of pasta, 200 grams of sugar, children – 200 grams of sweets and cookies[744].

From the second half of May, the situation began to deteriorate sharply, which was connected with a significant intensification of bombings of the city. The evacuation of the civilian population was accelerated. Engineer I. G. Bulatov, in his letter to his wife, dated May 28, 1942, wrote: "Now the city authorities are evacuating the last remaining of the population, but not so much out of fear that they will be killed by

---

[737] Kotko P. I. On the work of fishing collective farm "Rybatskaya Kommuna" / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 265, 268.
[738] Krasniy Krym. 1942. February 15. No. 46. P. 3.
[739] Altabayeva Ye. B. A city worthy of worship: Sevastopol in the Great Patriotic War. Sevastopol, 2013. P. 228.
[740] The history of the heroic city of Sevastopol 1917-1958. Kiev, 1958. P. 237.
[741] Krasniy Krym. 1942. March 25. No. 84. P. 3.
[742] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 8.
[743] Basov A. V. Op. cit. P. 160.
[744] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 11.

bombs or artillery shells, as more as for reasons of those, in order to save food , and most importantly bread. You cannot fully imagine how difficult it has become to deliver bread and other products here by transports"[745]. City and army reserves were very limited: according to A. V. Platonov, by the beginning of the third assault, there was food for about a week[746].

In preparation for repelling the assault, a decree of the city defense committee dated May 18, 1942 was adopted, according to which all available food reserves were dispersed across 29 storage points and taken under increased security, flour was hidden in deep trenches near bakeries[747].

The food supply system of the urban population received a crushing blow during the massive bombing of the city on June 2–7, 1942. In addition to the destruction of private buildings and industrial facilities, warehouses, mills and bakeries were significantly damaged. Already in the evening of June 2, a decision was made to supply the population with flour instead of bread, as well as to organize baking of flat cakes in shelters[748]. The next day, two ovens were destroyed at the city bakery, after which the facility went out of order. Only the Inkerman bakery continued to work, which could supply only part of the population of the Korabelniy district and the Inkerman adits. Also bakeries No. 3 and No. 7 and one on the Severnaya Storona continued to operate.

All this immediately affected the ration size, which dropped to 400 g for workers and 200–300 g for dependents and children[749]. In reality, the supply norms were even lower: the head of the workshop of Spetskombinat No. 1 S. A. Ilyin emphasized that in June the workers received only 100 grams of crackers and a spoonful of semolina porridge[750]. Regional committee lecturer B. D. Spirtus: "The food was very meager: 300 grams of bread and a little porridge. Rice porridge was for children. The bread was obtained from a military bakery located in a nearby adit"[751].

---

[745] Last letters from the front. In five volumes. Vol. 2: 1942 / Content by Kotenok P. R. M.: Voenizdat, 1991. P. 45.
[746] Platonov A. V. Struggle for domination in the Black Sea. M.,2010. P. 110–111.
[747] CRSA.F P-152. Op. 1. D. 1 L. 47; Kulakov N. M. Op. cit. P. 267.
[748] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 73.
[749] Crimea during the Great Patriotic War. Simferopol, 1973. P. 83; Stenographic record of the broadened museum meeting... // MSDLR. T. XXX. P. 57.
[750] CRSA.F P-156. Op. 1. D. 22. L. 36.
[751] Spirtus V. Having discovered my father's memories. Part 4 [Electronic media]. URL: https://proza.ru/2016/11/08/1779 (reference date November 26, 2020).

In the information summary from B. A. Borisov addressed to the head of the political department of the fleet P. T. Bondarenko (dated June 13, 1942), it was said that "the food reserves for supplying the Sevastopol population are running out. Food for 4-5 days, no fat at all. The population is provided with flour until the end of the month. So far nothing has been obtained from the Novorossiysk reserves"[752].

On June 17, the bakery, after a long break, was able to produce the first products. The next day, a decree of the city defense committee was adopted, in which, given the small food reserves and difficult delivery conditions, it was ordered first of all to supply workers at plants, fighters of the LAD and armed workers' detachments. Bread was proposed to be given only to the population located in large adits and in the central part of the city, and to those who live on the outskirts – flour for five days at once[753]. As of June 18, the reserve of flour was only for half a month, there were no fats, cereals and pasta – for 2–3 days[754].

Probably, this decree was only partially implemented, since on June 19, 1942, an especially powerful air raid was made on Sevastopol, as a result of which a lot of destruction and fires occurred in the city. Among other buildings, a mill, a bakery, six food warehouses were destroyed, including large ones on the Bazarnaya Square and on the Karl Marx st. B. A. Borisov writes that the food was only partially saved. On the night of June 20, he was at the command center of the fleet, where he learned that Admiral F. S. Oktyabrsky had ordered to give food from the naval reserves to the residents[755].

The food situation has become critical. The reserves of military and civilian warehouses were depleted, and the delivery of food by sea became almost impossible. The last days of the defense became a tragedy for tens of thousands of city residents. In addition to constant bombing, complete destruction of infrastructure, the distribution of food was completely stopped. V. D. Chekmotayeva recalled that in June in the hospital,

[752] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 84–85.
[753] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1. L. 64.
[754] Crimea during the Great Patriotic War 1941–1945. Simferopol, 1973. P. 156.
[755] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 320.

where she worked, they were given only barley, bread and tea, and at the end of the month real hunger began, since even bread had run out[756].

Thus, throughout the entire period of the Sevastopol defense, the military command and the city leadership managed to ensure an almost uninterrupted supply of bread and other food products to the civilian population. In fact, a terrible spectre of hunger, similar to that in heroic Leningrad, did not rise in front of the city; did not know Sevastopol and the mass extinction of the population. At the same time, despite the better food supply to the population than in Leningrad, it certainly could not be considered ideal, Sevastopol had its own difficulties. In addition to the actual extreme conditions of the siege, supplies were negatively impacted by two main factors: the large mass of the population remaining in the city, and the difficulty of delivering food from the Caucasus.

III.2. Medical and sanitary and social security of the population

The presence of a large number of civilians, including women, children and the elderly, predetermined the attention of city leaders to the social sphere. Throughout the defense, the authorities carried out various measures in the field of medical support, as well as social protection of the most vulnerable groups of the population.

The extreme conditions of the besieged city – bombing, deterioration of living conditions, a significant increase in the production load created conditions for an increase in morbidity and mortality among the civilian population.

As the doctor V. Ye. Lavrentieva noted in her article, “the efficiency, rhythm and flexibility” of the health care system during the defense “were the result of a well-thought-out and clear organization in the pre-war years”[757]. By June 1941, a sufficiently developed health care system was functioning in Sevastopol, which included 74 medical institutions, including four hospitals, seven polyclinics and four outpatients' clinics, in which 240 doctors worked[758].

---

[756] Chekmotayeva V. D. Sevastopol – the city of unfading glory / MSDLR. Vol. 63. Sevastopol, 1967. P. 76.
[757] Lavrentyeva V. Ye. Medics in the Sevastopol defence / Fire days of Sevastopol. Simferopol, 1978. P. 177.
[758] Sevastopol at the turn of the millennium / Kulikov I. I., Kulik S. I. et al. Sevastopol, 2003. P. 23.

After the outbreak of the war, the work of medical institutions was largely reorganized to provide assistance to the garrison, and later to the medical SDR structures. This negatively affected the provision of medical services to the population. The most acute issue was the personnel issue, which arose due to the mobilization of a significant number of doctors, as well as the transfer of some hospitals for the needs of the military.

Already in the summer of 1941, hospitals and clinics of the city received wounded from the front. For example, from the beginning of September, up to 6 thousand people arrived from Odessa, and up to 4 thousand people from Perekop. The city's paramedics, the Russian Red Cross Society squad members took the wounded from the ships and escorted them to the hospitals, from where the evacuation to the Caucasus was organized (accompanied by the female sanitary squad members)[759].

At the end of October, the city health department took part in the formation of the medical and sanitary department of the Main Base, as well as in the deployment of military medical institutions. In city hospitals, 510 beds were allocated for the wounded[760]. City medical institutions, including three city hospitals, five polyclinics, three outpatients' clinics, were under the operational subordination of the medical and sanitary department of the Main Base.

November 6, 1941 head of the sanitary department of the Main Base A. I. Vlasov received an order to begin transferring the leadership of medical and sanitary support to the military forces to the head of the sanitary department of the Primorskaya army. A hasty evacuation of military medical institutions began, which ended in tragedy: a significant number of medical personnel and equipment perished on November 7 on the “Armenia” transport vessel[761].

Due to the ill-conceived evacuation, the medical and sanitary support of the SDR military forces got a strong blow, which required immediate measures to overcome this situation. As a result, an additional conscription of civilian doctors and medical

[759]Lavrentyeva V. Ye. Medics in the Sevastopol defence / Fire days of Sevastopol. Simferopol, 1978. P. 178.
[760] Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Book 1. Kiev. 1995. P. 28.
[761] Voronov S. O. “Armenia” vessel: unknown tragedy // Underwater research: Archeology. History. Diving. 2011. No. 3. P. 45–46.

personnel to the Primorskaya army was organized, which were sent to staff nine regimental and 22 battalion medical centers. In total, about 100 medical workers of the city were sent to the army.

Large medical institutions were transferred to accommodate army hospitals, including city hospital No. 1 (for 500 beds), an emergency hospital on the basis of school No. 14 (for 200 beds), an infectious diseases hospital in Uchkuevka, and a sanatorium at Maksimova dacha[762]. They shared medicines and tools with military doctors. So, the task of the Central City Pharmacy was to replenish field first-aid kits for military bases[763]. The city authorities handed over to hospital PPG-268, created on the basis of the 1st city hospital: 150 blankets, 485 sheets, 325 bathrobes, 1100 towels, 500 meters of satin, 45 stretchers, 100 mattresses, 108 caps, 500 pairs of slippers, 550 kg candles, 70 lamps, six laundresses and twenty nurses were sent to work[764]. Plants organized the production of the necessary medical equipment: in November-December 1941, 400 stretchers were manufactured, in October-December - 270 crutches, and in November - 94 Dieterix splints[765].

A movement was launched to form voluntary sanitary squads from local residents, who took part in the transportation of the wounded, provided first aid to victims of shelling, and worked in hospitals. So, near the crossing over the Severnaya bay, on the initiative of the 3rd city hospital, a transfer hospital (evacuation point) was set up. According to some reports, up to 500 wounded passed through it[766].

Despite the extensive assistance provided by medical institutions and residents of the city, there were facts of medical property plundering by the military and arbitrariness. On November 7, the military broke into the garage of the medical service at the 1st city hospital and seized two cars from under the shower units; On November 9, under the threat of weapons, a car from under the shower unit and the bus of the blood transfusion station were seized, on November 18 – the premises of outpatient

[762]Lavrentyeva V. Ye. Medics in the Sevastopol defence / Fire days of Sevastopol. Simferopol, 1978. P. 179.
[763] "Krasniy Krym". January 18, 1942. No. 18. P. 3.
[764] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 81.
[765] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 11, 100; D. 231. L. 60; F. P-652. Op. 24. D. 6. L. 8.
[766] Gyrdymova Ye. P. "Front-line hostesses" / Fire days of Sevastopol. Simferopol, 1978. P. 159. SARC. F. P-152. Op. 1. D. 5. L. 2.

clinic and adits in the village of Inkerman, the city disinfection station and the 3rd polyclinic were seized[767]. As a result, medical services to the population were suspended in Inkerman.

Measures to help the army significantly weakened city civil medicine. In fact, authorities were forced to re-form health care institutions, look for personnel and consumables. During the first and second assaults, the number of civilian medical institutions fell sharply from 70 to 20 (by the end of December 1941). There were three polyclinics, a city hospital, a maternity hospital, and several stationary medical centers in the city. There was an acute shortage of civilian medical personnel: by December, out of 250 civilian doctors, only 70 remained[768]. For example, in December 1941, out of 25 staff members, only 12 people remained in pharmacy No. 30[769].

By this time, most of the city residents lived in shelters. On December 2, 1941, at a meeting of the city party committee bureau, a decree was adopted on the creation of a city commission for work in shelters, headed by Ye. P. Gyrdymova[770]. One of the tasks of the commission members was to improve living conditions and medical services for citizens, including children. In the shortest possible time, they were able to put things in order in the shelters, and impromptu nurseries and children's groups were created for children.

As Ye. V. Sushko recalled, “the citizens spent most of the time in adits, where they tried to create at least some kind of home comfort <...> Under the many-meter rock shell it was safe and relatively warm, despite the early and harsh winter of 1941”[771]. Note that in January, not all the shelters of the Korabelnaya side and the Central District had water and light, and a number of shelters lacked latrines[772].

B. A. Borisov in his memories cites as an example a shelter for 350 people on 2 K. Marx st., where the commandant was Ye. M. Mikhailova. There was a light and a water supply. Sleeping platforms were installed in the hall, and cleanliness was

[767] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 208. L. 78.
[768] Altabayeva Ye. B. A city worthy of worship: Sevastopol in the Great Patriotic War. Sevastopol, 2013. P. 220.
[769] Krasniy Krym. 1941. December 18. No. 304. P. 4.
[770] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 127.
[771] Sushko Ye. V. I know that war firsthand... Sevastopol, 2008. P. 27–28.
[772] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 9.

maintained. A special commission and a doctor monitored the sanitary condition. B. A. Borisov emphasizes: “Despite the crowding and cramped conditions, friendship and mutual respect reigned among the inhabitants of the shelters”[773].

The situation was especially difficult in Balaklava, where people spent most of the day in shelters, and could only move along the streets at night. As A. Khamadan noted in his essays, Balaklava “forever remained in the memory of those who saw her in this terrible time: deserted, dead streets, wide open doors and windows of houses - in the daytime; at night - laughter, hurried steps of girls, women, shouts of patrolmen”[774].

To provide medical care to the population, a doctor was assigned to each shelter. Consultations continued in medical institutions. The chief physician of polyclinic No. 1 A. Ya. Ivakhnenko, managed to preserve a reserve of medicines and equipment and, on the basis of his institution, carried out consultation of civilians, as well as primary treatment of wounded soldiers. A hospital with 25 beds was organized at the polyclinic, and a washing point in the basement floor.

During the first and second assaults of Sevastopol, the city's health care was focused mainly on providing ambulance and emergency assistance to victims of air and artillery raids. Also, doctors are faced with an increase in cold-related diseases[775]. This was caused by the cold winter, overcrowding of the population in often uncomfortable shelters. V. D. Chekmotayeva, who worked in the infectious diseases hospital No. 299, recalls that in December, patients with typhus began to be admitted, in early February – with gangrene due to frostbite or meningitis, there were especially many Caucasians[776].

In January 1942, the restoration of the normal operation of the city's medical institutions began. The existing institutions were not enough to fully serve the 60 000 city population, so it was decided to create additional hospitals. By March 20, 1942, an additional department in the city hospital (for 175 beds), an outpatients' clinic in Petrova Slobodka and several health centers were opened[777]. There was a hospital on Korabelnaya

[773] Borisov B. A. The Feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 121.
[774] Khamadan A. M. Sevastopol residents. Sevastopol, 2014. P. 97.
[775] Musyakov P. I. Sevastopol days. From the diary of the editor of the newspaper “Krasniy Chernomorets” [Electronic media]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (reference date: September 09, 2020).
[776] Chekmotayeva V. D. Sevastopol – the city of immortal glory / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. Vol. 63. Sevastopol, 1967. P. 66–67.
[777] Altabayeva Ye. B. A city worthy of worship: Sevastopol in the Great Patriotic War. Sevastopol, 2013. P. 215.

and on the Severnaya Storona, as well as a railway hospital under the leadership of a well-known doctor in the city, M. M. Skulyari[778].

The territory of Sevastopol was divided into 4 medical sections, which were headed by the chief doctors of the district polyclinics. Ten ambulance brigades were organized at polyclinics, ambulance stations, and the LAD headquarters. At the same time, doctors had only four cars at their disposal, so they moved mainly on foot[779]. Doctors worked not only on a stationary basis, but also visited patients at home. The staff of the 2nd polyclinic alone served about 25 800 citizens during the defense, doctors visited over 800 patients at home and held 56 meetings and lectures[780].

The blood transfusion station and its department in the 1st city hospital worked with a heavy load[781]. During the siege, more than 3 thousand donors were registered, more than 1 thousand liters of blood were taken, including Chetvertakova – 17 liters, Malinovskaya – 10 liters, Shumanina – 10.6 liters[782]. Also known is the assistant nurse A. F. Kamenskaya, who after the outbreak of the war began taking 400 g of blood every 2 weeks, respectively, by the end of the defense took 5 liters of blood[783].

Despite the objective difficulties, the network of medical institutions was gradually restored. At the same time, the city continued to support the newly created military medical institutions. So, in the spring of 1942, employees of the Spetskombinat No. 2 took a direct part in equipping hospital premises in the adits of Inkerman (for 200 beds). For the hospital, 55 pillows, 100 scarves were sewn, 200 mattresses and pillows were sewn. 75 towels were sewn for the hospital, 5 thousand bandages were washed, “4 coffins for the Heroes of the Soviet Union were decorated”[784].

In the spring, much attention was paid to improving the sanitary and epidemic situation. The problematic situation in this area was recorded in the editorial of the newspaper “Krasniy Krym” dated January 14, 1942. In particular, it said: “The city

[778] ACS. F. 434. Op. 2. D. 17. L. 2.
[779] 200 years of Sevastopol. Kiev: Naukova Dumka, 1983. P. 233.
[780] The history of the hero city of Sevastopol 1917–1957. Kiev, 1958. P. 241–242; Krasniy Krym. 1942. January 18. No. 18. P. 3.
[781] Krasniy Krym. 1942. January 2. No. 2. P. 3.
[782] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. L. 84; ACS. F. 434. Op. 2. D. 46. L. 128.
[783] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 5. L. 18–19.
[784] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 72.

authorities still do not control enough, they do not strictly enforce the rules of sanitation and hygiene, and that the streets and houses of the city are kept clean and tidy"[785].

Immediately after the end of active hostilities in the city, the dismantling of the rubble and the cleaning of the streets began. On February 12, in order No. 0116, the chief of the city's garrison noted: "With the onset of warm weather, there is a threat of outbreaks of epidemic diseases. <…> The most polluted areas: gora Matyushenko, Korabelnaya storona, Severnaya storona, Turovskaya Slobodka, Inkerman, state farm No. 10"[786].

On March 3, 1942, a decree of the city defense committee "On cleaning up the city" was adopted, in which the corresponding orders were given to the communal services department, district administration and directors of plants. The district executive committees and the chief of militia V. I. Buzin was obliged to attract people widely, and the LAD headquarters – to allocate three vehicles[787].

At a meeting of the city defense committee on March 22, 1942, a package of measures was adopted to prevent epidemic diseases. An extraordinary plenipotentiary commission for combating epidemic diseases was created under the city executive committee under the leadership of V. P. Yefremov. Corresponding commissions were created under the district executive committees. It was ordered to ensure regular cleaning of the city from garbage and sewage, complete the repair of the public bath, establish control over the storage of food and water, the sanitary condition of food wearhouses and canteens. In the city defense committee's decision, it was noted that "control over the sanitary condition of the city, plants and institutions, and shelters should be personally entrusted to the head of the city police department, comrade Buzin and senior sanitary inspector comrade Irtlach. Those who do not comply with the sanitary rules should be brought to the strictest responsibility, even to the point of being brought to trial"[788].

In March, the tidying and cleaning of streets and water sources was in full swing. However, due to the lack of sewage and garbage carts, they could not take out garbage

[785] Krasniy Krym. 1942. January 14. No. 14. P. 1.
[786] Quote the: Sinyutin M. V. The battery has completed the task. St. Petersburg, 2010. P. 123.
[787] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 27.
[788] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 35–36.

and sewage from the city[789]. In this regard, on April 8, 1942, a special decree of the executive committee of the city council "On the sanitary condition of the city" was adopted, according to which the heads of enterprises and homeowners were obliged to completely clean the premises and yards from garbage; the communal services department was ordered to repair the pavements and sidewalks until May 1. Also, trams and cultural institutions were to be disinfected[790].

In pursuance of the decree, decades of cleanliness were held in the city from April 12 to 22, as a result of which garbage and sewage were taken to landfills, partially buried, contaminated areas were treated with bleach, and water ponds and reservoirs were examined for infection[791]. The city population went to subbotniks to clean up the city from garbage, clear debris, whitewash fences, trees, and plant flowers. A peculiar result was summed up in the "Mayak Kommuny" issue dated May 6, where it was stated that everywhere in the city it was clean, flowers were planted, and garbage was removed.

By mid-April, the recreation areas of the citizens were improved, first of all, Primorsky Boulevard: garbage was removed, benches were repaired[792]. A. Khamadan, who was at the beginning of 1942 in Sevastopol, wrote in his outline: "The cleanliness is amazing everywhere, the streets are cleanly swept, stones, logs, sheets of iron, pipes - the remains of what used to be called dwellings - are neatly folded <...> cleanliness and the neatness of the Sevastopol streets inspires cheerfulness"[793]. Journalist N. Lanin echoes him: "Yes, the traces of bombing and shelling were noticeable. But the cleanliness of the newly swept boulevards, the trees neatly trimmed with whitewashed trunks were striking. The paths of Primorsky Boulevard were turning yellow with fresh sand. Flowers have already been planted on the flower beds, as usual at this time. <...> Sevastopol, as they say in the navy, "kept its style". <…> The streets of the city talked about how its people are set up"[794].

---

[789] Sinyutin M. V. The battery fulfilled the task: a military history sketch. St. Petersburg, 2010. P. 123.
[790] Mayak Kommuny. 1942. April 10. No. 2. P. 4.
[791] Sinyutin M. V. Op. cit. P. 123, 125.
[792] Mayak Kommuny. 1942. April 16. No. 6. P. 4.
[793] Khamadan A. M. Sevastopol residents. Sevastopol: "Git pak", 2014. P. 14.
[794] Lanin N. Work trip to Sevastopol / Lines scorched by the war. Memories. Outlines. Reflections / Compiled by B. S. Burkov, V. A. Myakushkov. M.: Politizdat, 1987. P. 196.

Along with improving the sanitary condition of the city, city doctors were engaged in the prevention of epidemics. In January, by order of the city committee bureau, V. M. Zudov and V. Ye. Lavrentyeva were ordered to identify all tuberculosis patients and place them in one place[795]. On March 23, the newspaper "Krasny Krym" published an article about the need for vaccination: "all citizens of Sevastopol must clearly understand the importance and necessity of timely vaccinations". As a result, a mass vaccination of the population against typhoid fever and dysentery was carried out.

In the final report of the city committee for the period of defense in 1942 it was emphasized that "during the entire period of the siege in the city there was not a single case of an epidemic, infectious disease"[796]. V. Ye. Lavrentieva came to the same conclusion: "We did not have an outbreak of infectious diseases for all 250 days of defense"[797]. It should be noted that the complication of the epidemic situation was nevertheless recorded during the third assault, when medical care deteriorated significantly[798].

The lack of fresh vegetables and meat caused widespread avitaminosis and scurvy among the residents of the city and the garrison. So, after the war, the chief of food supplies of the 7th Marine Brigade M. M. Matvienko recalled that in some units up to 30-50% of the personnel were struck by scurvy[799].

A way out of this situation was found in the manufacture of prophylactic infusions from fir, rose hips, barberry, juniper and grape leaves acidified with hydrochloric acid, which were mandatory for all residents of the city and military personnel. The recipe was developed by specialists of the "Massandra" winery and army doctors. Special teams of schoolchildren were engaged in picking them, and city pharmacies, together with employees of the state farm n.a. S. Perovskaya – in production. The consequences were not completely eliminated until the summer of

[795] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 9.
[796] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 231. L. 81.
[797] Lavrentyeva V. Ye. Medics in the Sevastopol defence / Fire days of Sevastopol. Simferopol, 1978. P. 181.
[798] Chekmotayeva V. D. Sevastopol – the city of unfading glory / MSDLR. Vol. 63. Sevastopol, 1967. P. 72.
[799] SARC. F-156. Op. 1. D. 19. L. 70, 71.

1942. Thus, at the beginning of May 1942, cases of scurvy were recorded among the staff, civil workers and prisoners of colony No. 7[800].

In especially difficult conditions, the city's medical workers worked during the third assault on the city. The staff of the polyclinics was dispersed among the shelters to provide emergency assistance on the spot[801], where until the last days of the defense they provided assistance to the citizens and defenders of the city. For 8 months of defense, the doctors of Sevastopol returned to service 30 927 wounded and 10 686 sick[802]. This is the merit of the civilian doctors of the hero-city. The activities of medical institutions in besieged Sevastopol became an important factor in preserving the health of the city's population. Despite the package of objective difficulties and organizational problems, the medical workers managed to prevent the spread of epidemic diseases, scurvy, and to organize a system of treatment for residents who were injured during the shelling and raids of enemy aircraft.

As part of the social policy of the authorities during the war, attention was paid to supporting socially unprotected groups of the population, primarily children, who suffered military hardships much more difficult than adults. Children constituted a significant part of the pre-war Sevastopol population – in 28 schools there were up to 14 thousand students, in 46 kindergartens and nurseries – 2500 pupils[803].

The issues of providing assistance to mothers and children were systematically considered at the meetings of the city party committee, and later the city defense committee. Analysis of the work of government bodies and public organizations in the social sphere allows us to single out several areas of work.

One of the first activities was the organization of the evacuation of children and women from the city. Already on June 22, 1941, on the initiative of the city authorities, an evacuation headquarters was created, which was headed by the secretary of the city committee, M. M. Savitsky[804]. The Sevastopol Commission can be considered one of

[800] SARC. F. 152. Op. 1. D. 12. L. 1.
[801] 200 years of Sevastopol. Kiev: Naukova Dumka, 1983. P. 233.
[802] Sevastopol at the turn of the millennium. Sevastopol: Art-politika, 2003. P. 25.
[803] The history of Sevastopol in persons: military and civil leaders of the city and fleets. Sevastopol, 2008. P. 41.
[804] SARC. P–35. Op. 1. D. 206. L. 4, 5.; Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 20.

the first in the country: for example, in Leningrad, such structures were formed only at the end of June[805].

Within a few days, inmates of an orphanage, kindergartens, women with babies were taken out of the city. Basically, people were settled in the Bakhchisarai, Kuibyshev, Balaklavsky, Zuisky and Biyuk-Onlar regions of the Crimean ASSR, as well as in the suburbs of Sevastopol (up to 1100 children were temporarily housed in the Inkerman adits alone). In total, 15422 people had been removed from the city by June 26, in addition – 243 children from orphanages and 2020 people – family members of military personnel of the garrison[806]. The latter were sent to the village of Ai-Todor near Yalta[807].

In the summer of 1941, a favorable situation developed in Crimea for a planned evacuation, however, until the second half of August, the removal of the civilian population was sporadic. It is known that at this time a voluntary evacuation of the families of the command employees of the fleet, as well as of the city's leading workers was carried out (for example, the wife and son of the secretary of the city committee B. A. Borisov)[808].

The memorandum sent by V. P. Yefremov to the Council of People's Commissars of the CASSR on August 31, 1941 says that since the beginning of the war 20887 children and mothers have been taken out of the city[809]. If we assume that this number includes almost 15500 people evacuated to the interior regions of Crimea by June 26, then from June 20 to August 31, slightly more than 5 thousand people were evacuated.

Only on August 19, the Evacuation Council adopted decree No. SE-88s, in which the Council of People's Commissars of the CASSR was allowed to evacuate 85 thousand “family members of workers and employees” from the territory of the

---

[805] Unconquered Leningrad. P., 1970. P. 57.
[806] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 12.
[807] Zhidilov Ye. I. We defended Sevastopol. Gorkiy, 1973. P. 10–11; Melnik Ye. The road to underground. Notes. Simferopol, 1961. P. 8.
[808] Borisov B. A. School of life. M.,1971. P. 109.
[809] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 83.

republic, including 25 thousand people from Sevastopol, to the Rostov Region and Krasnodar Territory[810].

On August 26, 1941, by the decision of the Evacuation Council No. 13675-SE, evacuation points were formed in the Crimean cities, including Sevastopol[811]. On August 31, by a joint decision of the city party committee and the executive committee of the city council, M.M.Savitsky was appointed head of the evacuation center, at the same time representatives were appointed in the city districts[812]. Evacuation centers were engaged in registrating people to be taken out of the city, developed an evacuation sequence and organized timely dispatch.

First of all, children under 14 years old and mothers[813], families of employees and workers of defense enterprises, as well as highly qualified personnel were subject to evacuation. Another area of work of the city evacuation center was the reception and dispatch to the Caucasus of numerous refugees from the Nikolaev and Odessa regions, as well as from the internal regions of Crimea. In Sevastopol, the evacuees were provided with temporary housing, food and medical care.

The evacuation issues were considered at the second (October 30) and fourth (November 4) meetings of the Sevastopol city defense committee. In particular, on November 4, it was decided to take out of the city the maximum number of children and city residents not related to military production within 4-5 days[814]. After the suspension of the work of the city defense committee, the party committee began to deal with the problems of taking the civilian population out. On November 13, at the direction of the Military council of the fleet and the regional party committee, at a meeting of the city committee bureau, the question of accelerating the evacuation of the population was again raised[815].

---

[810] Goldenberg M. A. Evacuation of the population from Crimea in 1941 / Proceedings of the interdisciplinary scientific-practical conference “III Feodosia scientific readings”. Feodosia: MBUK FMD, 2015. P. 118; Basov A. V. Crimea in the Great Patriotic War. M., 1987. P. 26.
[811] Goldenberg M. A. Op. cit. P. 118.
[812] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 51–52.
[813] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 52.
[814] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 11.
[815] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 14–15.

Since the beginning of 1942, the number of those wishing to go to the Caucasus has decreased, since many have an opinion about the imminent lifting of the siege of Sevastopol and the complete liberation of the Crimean peninsula[816]. Moreover, in the diary of engineer I. A. Seleznyov it is noted that in January 1942 he hoped for an early return of the family from the evacuation, since "the Germans were driven away from the city"[817].

On March 22, 1942, the city leadership was forced to take measures to intensify the evacuation of civilians due to a rather acute food problem and the danger of epidemics[818]. Despite this, the pace of evacuation continued to be slow. The exact number of residents of the city, taken out of Sevastopol from January to May 1942, is unknown. It can be assumed that only a few thousand people were taken out in four months. The delay in evacuation led to large casualties among the civilian population during the third assault.

On May 20, 1942, a meeting of the city defense committee was held, at which a decree was adopted on the emergency evacuation of mothers with children, an orphanage, a children's reception center and a home for the disabled[819]. A. V. Bagriy and M. V. Erahtin were appointed responsible for the organization of these events. As Ye. A. Lapinskaya noted, in May 1942, with the norm of 500–600 people per district, there were barely 250–200 people willing to evacuate[820]. After massive air raids on Sevastopol on June 3–7, 1942, the attitude of residents to evacuation changed dramatically: on June 4 alone, up to 5 thousand evacuation certificates were issued[821]. All the following days, active evacuation continued, which took place in conditions of constant air raids.

From the second half of June, as Ye. Smirnova notes in her memories, the rate of evacuation began to decline. This was due to the urgent need to evacuate a large number

---

[816] Yevseyev A. K. Besieged Sevastopol. Leningrad: Sovetskiy pisatel, 1959. P. 72.; Rymarev D. G. Storm days. M., 1975. P. 40.
[817] Seleznyov I. A. Diary [Electronic media]. URL: https://prozhito.org/notes?date=%221941-01-01%22&diaries=%5B1809%5D (reference date: January 03, 2021).
[818] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 112.
[819] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 48–49.
[820] Lapinskaya Ye. A. In the party district committee / MSDLR. T. XI. Sevastopol, 1962. P. 61.
[821] SARC. F. P-156. Op. 1. D. 22. L. 82, 82 other side.

of wounded soldiers: “The evacuation was going on only with the help of the submarine fleet and under strict secrecy. We took people to the farthest bays”[822].

According to the memorandum of the Crimean ASSR Council of People's Commissars chairman I. S. Seifulayev, dated July 26, 1942. “On the evacuation of the population, industry and cultural values from the city of Sevastopol”, out of 12 thousand civilians transported from Sevastopol in May-June 1942, 7.5 thousand were placed in the Krasnodar Territory, up to 2 thousand in the Ordzhonikidze Territory, up to 3 thousand in other regions of the USSR. Up to 6 thousand children, including 240 orphans among them[823].

One of the areas of work of the authorities was material support for the families of military personnel. In connection with the massive conscription of the male population into the ranks of the Red Army and the Navy, many of them found themselves in a difficult financial situation. On June 26, 1941, the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet was issued “On the procedure for the assignment and payment of benefits to the families of military private and junior commanding personnel in wartime”[824].

On July 5, 1941, in order to implement the decree, a commission was formed in Sevastopol, headed by V. S. Ryabogin[825]. The members of the commission made lists of those in need, accepted and considered applications, on the basis of which payments were made. The commission's activities were widely covered in the press. For example, the newspaper “Krasny Krym” dated July 9, 1941 said: “In a few days of work, the commission <...> makes not the first decision on the payment of benefits, without waiting for applications. Deputies of district councils visit families of military personnel. Strong ties are being established with the families of servicemen”[826].

Almost immediately, the city authorities faced financial difficulties with the issuance of benefits, in connection with which the authorities of Sevastopol were forced

---

[822] Ibid. L. 82.
[823] SARC. F. P-652. Op. 24. D. 5. L. 19.
[824] Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1944. M.: Publication “Vedomostey VS SSSR”, 1945. P. 150–151.
[825] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 8–9.
[826] Krasniy Krym. 1941. June 9. No. 160. P. 1.

to apply to the Council of People's Commissars of the CASSR for the allocation of 3 thousand rubles. At the end of July, funds were received, after which the district social security authorities continued to make payments[827].

The first results of the commission's work were summed up on July 19, 1941 at a meeting of the city party committee bureau. By this time, the applications of 666 families were considered, 292 benefits were assigned and paid, 108 families were denied according to the results of the check, 300 more families were not yet checked. As noted in the minutes of the meeting, in some cases there was an insufficiently sensitive attitude towards people, for example, laid off was Voentorg worker, the wife of citizen-conscript to the Workers' and Peasants' Red Army of Kolesnikov[828].

In addition to benefits, families of military personnel were provided with other benefits: reduction or exemption from tax payments and payment for living space, the preferential right to place children in nurseries and kindergartens. Residents of the city who lost their homes were provided with temporary apartments: by July 19, 1941, out of 79 families who lost their homes, 74 were located on the Severnaya Storona, and 13 in the Central District. By the decision of the city party committee bureau, everyone was supposed to be provided with housing until August 1 and the repair of houses organized[829].

The authorities also helped disabled war veterans who received material and household assistance from the authorities, including one-time allowances. On January 22, 1942, at a meeting of the city party committee bureau, Ye. P. Gyrdymova noted the presence of homeless disabled people in the city. On her initiative, it was decided to ask the Council of People's Commissars of the CASSR to open a House of Invalids in the city[830]. As a result, on February 15, the Council of People's Commissars of the CASSR issued a corresponding decree. The Home for Invalids included two departments (for women and men for 30 people). The expenses for the people support were financed

[827] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 210. L. 20.
[828] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 8–9.
[829] SARC. F. P–35. Op. 1. D. 201. L. 9.
[830] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 9.

from the city budget funds[831]. Later, in May 1942, all of its inhabitants will be evacuated to the Caucasus.

Pensions to personal pensioners were continued to be paid, although there was a temporary delay in November. So, by the decree of the Council of People's Commissars of the CASSR dated December 7, 1941, the Sevastopol City social security council was released with 12464 rubles from the republican budget for the payment of personal allowances for November and annual allowances (for 33 people)[832]. By the decree of the Council of People's Commissars of the CASSR dated January 5, 1942, 14 892 rubles were released to the Sevastopol city council for the payment of allowances for December and the payment of an annual allowance to 69 citizens[833]. Separate decrees of the Council of People's Commissars were also issued on Balaklava: by a decision of December 23, funds were allocated to the Balaklava Executive Committee of the district council for the issuance of benefits to families of Red Army soldiers, disabled people and the maintenance of the apparatus in the amount of 20 thousand rubles[834].

Material support for the families of servicemen was continued during the first and second assault on the city. In total, in the period from June 1941 to January 22, 1942, benefits were issued in the amount of 729 672 rubles, including 94207 rubles in January, and lump-sum benefits in the amount of 32850 rubles[835]. In addition, more than 500 families received food assistance, 1 268 families received fuel. Moreover, at a meeting of the bureau of the City Council, they asked the leadership of the Council of People's Commissars to increase the funds allocated for benefits and to resolve the issue of paying those called up to the fortification battalion[836].

With the establishment of a relative lull at the front, the amount of cash payments increased significantly: in January–February 1942 alone, benefits were paid to families of servicemen in the amount of 635 465 rubles. As of April 19, 6 796 additional distributions of food products were made, and 56 300 rubles were issued as a one-time

[831] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 175.
[832] Ibid. L. 52.
[833] Ibid. L. 117.
[834] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 92.
[835] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 10.
[836] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 10.

aid to large families[837]. In total, more than 2 000 families of front-line soldiers were provided with one-time food aid[838]. As of March 1, 1942, allowances were issued to families in the amount of 1211673 rubles.[839]

On January 9, 1942, at a meeting of the city defense committee, it was especially noted that the district executive committees and housing administrations were allowed to transfer for temporary use the apartments of those evacuated and mobilized in the Workers' and Peasants' Red Army and the Navy only in case of emergency and with the consent of the chairman of the city executive committee[840]. At the same time, citizens in need were provided with housing. For example, the Networks Department provided a free apartment to shock worker L. N. Gulenkova[841].

Despite the siege, schools and kindergartens continued to operate in the city. By June 1941, the city had 9 primary, 19 incomplete secondary and secondary schools, as well as 5 schools for working youth. In July and August, the teaching staff was greatly reduced due to the mobilization of men into the army, as well as evacuation. School buildings and material resources were damaged by the bombing, the survived units were transferred to medical institutions or Osoaviakhim.

Despite the difficulties, the new school year in Sevastopol traditionally began on September 1, but only 15 schools were opened. Since September 1941, the educational process in Sevastopol schools was rebuilt in the direction of strengthening patriotic education and military training, which was facilitated by the PCC decree No. 1969 dated August 11, 1941. “On strengthening the military and physical training of students in the VIII-X grades of secondary schools”[842] and the corresponding decree of the Central Committee of the AUCP(b) dated September 7, 1941.

According to V. P.Bulgari's memories, on September 1, after the start of classes, students of the school, where he studied, were sent to equip the shelter trenches, and already with the beginning of the educational process, military training began: students

[837] Ibid. L. 64.
[838] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 150.
[839] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 77.
[840] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 13.
[841] Krasniy Krym. 1942. January 25. No. 25. P. 2.
[842] GARF. P-5446. Op. 1. D. 195. L. 183.

were taught to crawl and throw grenades. With the beginning of the massive raids on Sevastopol, the school established a schedule of duty on the rooftops[843]. The teacher of school No. 102 V. D. Chekmotayeva noted, that shelters were equipped at each school, teachers and students were provided with gas masks[844].

Already on November 5, 1941, classes in all educational institutions of Sevastopol were terminated due to the outbreak of fighting[845]. The educational process resumption was possible only after the transfer of educational institutions to reliable shelters, since in November school buildings were also subjected to enemy air strikes: destroyed were school No. 15 on Proletarskaya st. and school No. 22 on K. Marx st.

On the back of downtime of classes, teachers and students took an active part in the work of defense circles, worked in hospitals, collected scrap metal and bottles for molotov cocktails. For example, the teacher A. S. Fedorinchik worked in a hospital, was engaged in the organization of educational work among children in shelters[846].

On December 9, 1941, the former director of school No. 13 N. N. Donets was appointed head of the city peoples education council, and she headed the work on the creation of "underground" schools. After being appointed to the post, she convened a meeting of teachers, at which it was decided to find premises suitable for the placement of schools and select teaching personnel.

Some authors write that by December 15, eight schools were opened in the city center and on the Korabelnaya storona, in which several thousand children studied[847]. In reality, the restoration of studies became possible only after the end of active military actions.

On January 9, 1942, at a meeting of the city party committee bureau, N. N. Donets was instructed to register all school-age children, organize the repair of school premises, and draw up a teaching curriculum. It was assumed that studies will begin by

---

[843] Bolgari V. P. Interview. [Electronic media]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/bolgari-vladimir-petrovich/ (reference date: June 13, 2020).
[844] Chekmotayeva V. D. Sevastopol – the city of unfading glory / MSDLR. Vol. 63. Sevastopol, 1967. P. 61.
[845] Mys V. I. Memories of the heroic days of the Sevastopol defense / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 341; Donets N. N. Underground school. From the memories of a teacher at school No. 13. Sevastopol, 1975. P. 1. Morskaya biblioteka n.a. M. P. Lazarev; Kozitskaya Ye. D. Light of underground schools. Sevastopol, 2004. P. 58.
[846] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 5. L. 4.; Krasniy Krym. 1942. January 20. No. 20 P. 3.
[847] Lezinsky M. Lessons of courage / Crimean holidays: Book 2 / Content by L. A. Litvinov. Simferopol: Tavria, 1985. P. 93.

February[848] 1. In a short time, the city authorities, together with the heads of plants, equipped schools, improved the premises, and provided children with hot meals.

School No. 13 was one of the first to be opened, which was located in well-equipped shelters on the Lenin st., 43–47. As of March 16, 1942, School No. 13 had 500 students[849]. As N. N. Donets recalled, "the shelter was large, had five compartments, four of which were reserved for classrooms. At the entrance, several steps led down to a shelter with a massive front door. <…> Classes began at 9 o'clock in the morning. The day began with reading a summary of the Sovinformburo and a review of the "Mayak Kommuny" newspaper <...> then there were normal lessons – five lessons a day, the sixth hour was devoted to working with the sick, lagging behind, as well as for cultural work. All activities were planned for 1 hour, as many children go home to the shelters "[850]. Breakfasts were delivered to the school (a glass of milk or tea, bread and sugar, sometimes pies and sausage).

In mid-March, the city had two middle and four junior high schools located in shelters[851]. The best of them were schools No. 18, 25 and 32 (at the Spetskombinat No. 2)[852]. A month later, by April 19, there were eight schools in which 2 318 students studied, including 1 136 in primary schools (note that there were up to 16 thousand children in the city in total). Of the eight schools, two were secondary (No. 3 and No. 13), four were incomplete secondary schools (No. 6, 19, 25 and 32), and two were primary (No. 18 and Balaklava two-grade school). At a meeting of the city party committee, that took place on this day, it was decided to launch preparations for the new school year, as well as discuss the issue of organizing children's leisure in the summer. The school year was scheduled to end by June 20[853]. In total, up to 300 teachers worked in schools[854].

[848] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 1 L. 14.
[849] Krasniy Chernomorets. 1942. March 16. No. 75. P. 3.
[850] Donets N. N. Underground school. From the memories of a teacher at school No. 13. Sevastopol, 1975. P. 1–2.
[851] SARC. P-35. Op. 1. D. 230. L. 63, 66.
[852] Krasniy Krym. 1942. April 9. No. 99. P. 3.
[853] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 64–65.
[854] Kozitskaya Ye. D. Light of underground schools. Sevastopol, 2004. P. 91.

Schoolchildren took an active part in helping the front: they contributed money to the Defense Fund, collected scrap metal and bottles for molotov cocktails, prepared gifts for front-line soldiers, and were on duty on rooftops and in hospitals.

Pioneers of the railway school No. 25 organized fundraising for the “Tanya” tank (the school students collected 1 642 rubles in cash and 2 580 rubles in bonds; in total, 40 thousand rubles were collected in the city by the second half of April)[855]. At some schools, Timur's teams and concert brigades were formed, which served hospitals, ships, military bases. The initiator of their creation was the secretary of the Severniy District Committee of the komsomol N. I. Krayevaya. At the initiative of the secretary of the city committee of the komsomol A. V. Bagriya, from schoolchildren, search groups were formed to collect medical herbs and plant vegetables (especially actively on the Tatarskaya Slobodka, on Korabelnaya, Inkerman, on the Severnaya Storona).

All schools in the city stopped working on May 20, 1942, in accordance with the decision of the city defense committee: by this time, massive bombing of the city had begun[856]. According to A. M. Netrebenko, the Inkerman school continued its work, in which only in June they issued record cards, and seventh-graders – certificates of completion of incomplete secondary school[857].

The increase in the proportion of women in production necessitated the restoration of the work of kindergartens and nurseries, which were supported by the city executive committee and plants. By mid-April 1942, there were three nursery groups (for 130 children) and three kindergartens (for 105 children) in the city.

The work of the dairy kitchen was restored, which daily produced 1300 bottles of formula milk. Since the pre-war period, the work of the antenatal clinic has not been interrupted, which from November 1, 1941 to April 1942, served 15913 people. The clinic organized home patronage of sick children[858].

The institutions worked in safe shelters and were fully adapted to accommodate the small city residents. For example, a kindergarten (open from December 1) and a

[855] SARC. P-35. Op. 1. D. 230. L. 63, 66. “Krasniy Krym”. April 9, 1942. P. 2.
[856] 200 years of Sevastopol. Coll. of documents and materials. Kiev: Naukova Dumka, 1983. P. 243.
[857] Netrebenko A. M. School in underground / MSDLR. T. IV Sevastopol, 1959. P. 349.
[858] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 64.

school were located in a rocky shelter for railway workers[859]. They tried to create the most comfortable conditions for the children. For example, in the kindergarten at the Spetskombinat No. 2 “cozy rooms were arranged, rugs were laid on the floor, portraits on the walls. Children's furniture, toys, books – everything is in place... The food is well supplied. Children who enter kindergarten recover quickly”[860].

The inevitable consequence of the long siege was the presence of street children in the city. Massive raids on the city in November–December 1941, the evacuation and the involvement of women in production led to an increase in the number of children left without parental care.

Of great importance in strengthening the fight against homelessness and neglect was the decree adopted on January 23, 1942 by the Council of People's Commissars of the USSR “On the arrangement of children left without parents”[861]. The corresponding decree of the Council of People's Commissars of the CASSR was adopted on February 12, 1942. According to him, the city executive committee was obliged to ensure the support for orphans, for which a special commission was created[862]. The commission included the deputy chairman of the city executive committee, representatives of trade unions, Komsomol, NKVD, public education and health care.

With the help of police officers and representatives of the city council, lonely children were identified in the city, who were sent to the reception center, organized on the initiative of A. S. Dedorinchik in Karantinnaya slobodka. Journalist N. G. Mikhaylovskiy later recalled: “We saw lovingly decorated rooms with rugs, flowers, white curtains – everything, as in peacetime. The little inhabitants lived the same way as the adults, and when they saw me in a naval uniform with a revolver on a belt, they besieged me with the same question: “Uncle, how many fascists have you killed?” I honestly admit: the first time I found myself in a dead end, not knowing what to answer”[863].

---

[859] Nemkov A. Ye. Railwaymen in the defense of Crimea. From the notes of the head of the political department / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 181.
[860] Krasniy Krym. 1942. February 13. No. 44. P. 3.
[861] GARF. F. 5446. Op. 1. D. 197. L 164-165; Sinitsin A. M. Caring for neglected and street children in the USSR during the Great Patriotic War // Voprosy istorii. 1969. No. 6. P. 21.
[862] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 170–171.
[863] Mikhaylovskiy N. G. Stormy time. M.: Sovetskaya Rossiay, 1970. P. 176.

After two weeks, children under the age of 14 were transferred to their parents or to an orphanage. Those who were older were sent to defense industry.

The boarding school for orphans was opened on December 27, 1941, headed by K. F. Feigilas, later – O. A. Aleksandrovskaya. The number of children living in the boarding school was constantly growing: as of January 10, 1942, there were 16 children, on March 20 – 35, a month later – already 59 children[864]. The pupils were provided with five meals a day, clothes and bed linen.

Shortly before the start of the third assault, the city authorities planned to open children's and antenatal clinics, as well as a dairy kitchen on the Korabelnaya storona, expand the network of nurseries and kindergartens in each district (for 350 children), open an orphanage for 100 people, and stimulate patronage over orphans. In the artel "Parizhskaya Kommuna", it was planned to organize the sewing of children's shoes from production waste[865]. However, these plans were never implemented due to the tragic events of the third assault on Sevastopol.

III.3. Activities in the field of cultural services for the population

Sevastopol was one of the centers of the cultural life of the Crimean ASSR in the 1930s. There were two theaters (the Russian Drama Theater n.a. A. V. Lunacharsky and the Krasnoflotsky Theater n.a. B. A. Lavrenev), several houses of culture, the Palace of Pioneers, three cinemas, and thirteen libraries.

Since the 1920s. until 1940 there was a Sevastopol Museum Association, which included six museum institutions. After its liquidation[866], the Museum of the Crimean War (Panorama of the Defense of Sevastopol, the Museum of the Crimean War, Malakhov Kurgan), the Museum of the Revolution and the Museum of Cave Cities (in Bakhchisarai) were formed. The Chersonesos State Historical and Archaeological Museum was world famous.

---

[864] Krasniy Krym. 1942. January 11. No. 11. P. 3.; RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 65.
[865] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 65.
[866] Akimchenkov V. V. Documents of local archives as a source on the history of museum affairs: on the example of the State Archives in the Autonomous Republic of Crimea / Severity in the history of Ukraine. 2011. Issue 4. P. 47.

With the outbreak of the war, most of the institutions continued their work, while their activities were rebuilt to promote patriotism and mobilize citizens to help the front. So, at the painting gallery, the release of TASS Windows was organized, the repertoire of cinemas was revised, where, instead of the American film "Song of Love", they began to show "Professor Mamlok" and "Alexander Nevsky"[867].

At the theater n.a. Lunacharsky, it was decided to create a concert brigade to serve the mobilization centers and the garrison. From June 24 to July 11, 1941, the brigade held 20 concerts[868]. At the end of August 1941 the theater opened the winter season – the play by F. Wolf "Professor Mamlok" was shown, the actors worked on the production of the play by K. Simonov "The guy from our city"[869].

The museums also continued to receive visitors, in particular, the former cadet of the anti-aircraft artillery school A. M. Taran recalls the strong impression that he had by visiting the Panorama of the Defense of Sevastopol, where the first-year cadets were taken in July 1941.[870]

Cultural institutions did not stop their work almost until the beginning of the defense. At the direction of the city authorities, in autumn from Sevastopol, the Institute of physical methods of treatment n. a. V. I. Sechenov, biological station, drama theater n.a. Lunacharsky. The evacuation of museums proceeded more slowly: until November, only a significant part of the collections of the Chersonesos Historical and Archaeological Museum (to Sverdlovsk)[871] and the Military Historical Museum of the Black Sea Fleet (to Ulyanovsk) could be removed. It was decided to leave the panorama in place due to the dilapidation of the canvas[872]. Later, on the night of December 11-12,

[867] Krasniy Krym. 1941. July 5. No. 159. P. 3.
[868] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 206. L. 26.
[869] Krasniy Krym. 1941. August 21. No. 197. P. 4.
[870] Private Assistance Institution (PAI) Historical and Memorial Museum Complex (HMMC) "35th Coastal Battery". Taran A. M. About the war. P. 68.
[871] See: Romanchuk A. I. Chersonesos reserve during the Great Patriotic War and historians of the Urals / Document. Archive. History. Modernity: Collection of research papers Issue 5. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2005. P. 287–291; Dianova T. V. Exhibition "Chersonesos Museum during the Great Patriotic War" (based on archival materials) // Krymskiy Archive. 2016. No. 1 (20). P. 51–52.
[872] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 65.

the most valuable exhibits of the Sevastopol painting gallery (about 100 paintings) were taken out on the "Tashkent" transport vessel[873].

In November 1941, after the start of the first assault on the city, the work of all cultural institutions was suspended. In the extreme siege conditions, the leisure opportunities of the citizens were limited to a minimum. Thus, the events dedicated to the 24th anniversary of the October Revolution were canceled, although on October 28, 1941, at a meeting of the city party committee bureau, the program (holding meetings and concerts) was approved[874]. The holiday was remembered by many memoirists. As A. K. Yevseyev writes, "the great holiday in Sevastopol passed sadly and drearily"[875].

Despite the difficult conditions of the siege, the inhabitants of the city and the soldiers of the defensive area found time for informal recreation and affordable entertainment. We read books, local newspapers (the central ones came with great interruptions), listened to the radio. So, in his diary, P. I. Musyakov often mentions such a pastime. For example, November 28: "An ordinary day. <…> Divisional commissar P. T. Bondarenko has already come to our basement twice. He got acquainted with how we live and scored three games in the "goat". <…> Yefremov's radiola is used with might and main. Sometimes we even try to dance"[876].

There were also other forms of informal recreation. There is a well-known statement by the military engineer 3rd rank Konovalov to the NKVD, where he reports that the personnel of one of the military bases "gets drunk, is depraved and comes to the point that on November 18, 1941 the commandant of the base gave orders to the officer on duty comrade Konovalov find two prostitutes for the commander"[877]. Drunkenness was even in the editorial office of the newspaper "Krasny Chernomorets", which is reflected in the diary of P. I. Musyakov: "The privates of the team began to drink again.

[873] See: Bendyukova N. A. M. P. Kroshitskiy and Sevastopol Art Museum // Krymskiy Archive. 1997. No. 3.; Androsov S.A. Crimea Museums in the years of the Great Patriotic war // Istoricheskoye naslediye Kryma. 2004. No. 6–7.
[874] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 2.
[875] Yevseyev A. K. Besieged Sevastopol. Leningrad: Sovetskiy pisatel, 1959. P. 58.
[876] Musyakov P. I. Sevastopol days. From the diary of the editor of the newspaper "Krasniy Chernomorets" [Electronic media]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (reference date: September 09, 2020).
[877] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 211. L. 4–5.

There were two drunks yesterday. More decisive measures must be taken"(November 27, 1941)[878].

In the second half of November 1941, the city authorities took measures to establish control over the population who lived in the shelters. At a meeting of the city party committee bureau dated November 26, 1941, the weakening of mass political work was noted in connection with the mass evacuation and bombing of the city[879]. The head of the agitation and propaganda department, M. I. Petrovsky, was asked to select agitators and instruct them on how to carry out work at enterprises and, especially, in shelters[880].

On December 2, 1941, at a meeting of the city party committee bureau, it was decided to form a city commission for work in shelters, headed by Ye. P. Gyrdymov. The creation of the commission was explained by the need "to strengthen mass political work among workers in shelters, to restore order there and organize women for various public works"[881]. A commandant, political worker and propagandists were appointed to each shelter, who were engaged in agitation work, kept records of the living population and monitored the mood. Internal regulations were developed and approved, according to which smoking, cooking, making noise from 10 pm to 5 am and drinking alcohol were prohibited in shelters; it was necessary to maintain cleanliness. The commandant made lists of tenants, issued permits for the right to enter the shelter, and assigned work orders[882].

In the shelters, the way of life was quickly established, the minimum living conditions for the population were ensured. The work of the commission was controlled by the city authorities. So, on December 10, Ye. P. Gyrdymova reported at a meeting of the city party committee's bureau. Despite the positive assessment of the work, the chairmen of the district executive committees were asked to provide the shelters with warmth and lighting[883].

---

[878] Musyakov P. I. Sevastopol days. From the diary of the editor of the newspaper "Krasniy Chernomorets" [Electronic media]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (reference date: September 09, 2020).
[879] In his speech at the 1963 conference, B. A. Borisov said more definitely: in December 1941, there were "rumors and panic". Verbatim extended meeting record of the museum council... / MSDLR. Vol. XXX. Sevastopol, 1963. P. 34.
[880] RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 21.
[881] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 127; RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 23.
[882] SARC. F. P-152. Op. 1. D. 9. L. 146, 146 other side.
[883] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 131.; RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 28.

On November 9, 1941, by order of the City Council, the Central City Library was temporarily closed, while the employees continued to issue books. The Sevastopol residents' interest in books was great, especially in political literature and Russian classics[884]. At the beginning of December, the number of visitors gradually increased: from 487 people in November to 6 thousand people at the beginning of January 1942.[885] Of the visitors, up to 52% were military, who took books with them to the front lines.

Several concert brigades worked in the city, which included both professional and amateur actors. An idea of their work is given by the report of the artistic director of one of the collectives. November 1941 – January 1942 only one of the brigades made 113 performances, most of them in military units (60%). The report notes that "all the performances of the brigade were received extremely warmly by the audience and were warmly welcomed. The brigade has become popular at the front and in the rear "[886].

At the same time, attempts were made to improve the life of the city's population by opening several photo studios, hairdressing salons, and selling manufactured goods (for example, at the end of December, almost the entire reserve of gramophone records was sold in the Voentorg store)[887].

In mid-December 1941, despite fierce fighting during the second assault on the city, the authorities began preparations for the New Year celebration. On December 19, at a meeting of the city committee bureau, the head of the Gortorg S.A. Zharkovsky was instructed to find reserves for children's gifts, the secretaries of the district committees, by December 30, prepare and hold meetings of collectives at which to read reports on the results of work and current tasks[888]. Despite all the difficulties, on December 30–31, 1941, New Year's trees were held in the largest shelters of the city[889]. The celebration of the New Year, which coincided with the reflection of the second assault on the city and the liberation of the Kerch Peninsula, was of great moral importance, since it gave the

[884] ACS. F. 434. In. 2. D. 43. L. 80.
[885] Krasniy Krym. 1941. December 18. No. 304. P. 4.; 200 years of Sevastopol. 1783–1983. Kiev: Naukova Dumka, 1983. P. 226.
[886] 200 years of Sevastopol. 1783–1983. Kiev: Naukova Dumka, 1983. P. 221.
[887] Krasniy Krym. 1941. December 21. No. 308. P. 4.; Krasniy Krym. 1941. December 24. No. 310. P. 4.
[888] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 201. L. 132; RGASPI. F. 17. Op. 22. D. 1525. L. 21.
[889] Krasniy Krym. 1941. December 31. No. 317. P. 3.

population confidence in the imminent lifting of the siege and the liberation of the entire Crimean peninsula.

Thus, in November–December 1941, leisure opportunities were extremely limited, which was associated with the extraordinary circumstances of the first and second assaults of the city. During these months, the efforts of the authorities were aimed at establishing control over the population. This was done not only to prevent offenses, but also in order to maximize the mobilization of urban residents to help the front.

Since January 1942, the front near Sevastopol has stabilized, the activity of German aviation has sharply decreased. On the whole, during the winter and spring of 1942, the mood of the city residents was upbeat, since the conviction, that the siege would soon be lifted and the entire Crimean peninsula was liberated, was widespread. In a letter from B. A. Bulatov to the secretary of the regional party committee (March 4, 1942), it is noted that “the mood in the city is good, but there are certainly many negative facts”, while “order in the city is not bad”[890].

A period of prolonged lull allowed the authorities to begin rebuilding the city's destroyed infrastructure. Considerable attention began to be paid to the cultural and leisure sphere and the organization of the population's leisure time. In the winter of 1942, a significant part of the city's population continued to live in shelters. With the onset of warmth, the citizens began to move to their apartments. It is symbolic that by the decree of the city party committee bureau dated April 19, 1942, the commission for work in shelters was liquidated, and its functions were transferred to district party committee and district executive committees[891].

Much attention was paid to improving consumer services for the population and military personnel. In February-March, various service enterprises were put into operation – hairdressing salons, laundries, baths, grocery stores and a photo studio. For example, in the second half of April at 10 K. Marx st., a sewing workshop was opened,

[890] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 4.
[891] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 67.

which was engaged in sewing military and civilian clothes[892]. An employee of the artel "Progress" N. V. Astafyev recalled that their watch repair shop was literally "attacked by both military and civilians"[893]. According to the memories of Ye. A. Lapinskaya, candles, shaving cream and cologne "Sevastopolsky" were made in the soap-making artel, which enjoyed particular success[894].

As in besieged Leningrad, the tram service launch was of great moral importance: by the beginning of March, the tram lines of the City Ring were repaired, communication with the Korabelnaya storona was restored[895]. Military doctor M. A. Smirnov recalls: "I was especially amazed when I saw <...> a Sevastopol tram that appeared from around the corner"[896]. In total, from November 1941 to April 1942, 763587 people were transported by tram, and 281866 people were transported by city boats[897].

After the end of the second assault on the city, the city authorities began to pay increased attention to creating conditions for organizing the leisure of the population and military personnel. One of the first activities was the preparation for the celebration of the 24th anniversary of the creation of the Red Army. One of the meetings of the city party committee bureau at the beginning of February 1942 was devoted to this issue. The adopted decree provided for the reading of reports on the history of defense at factories and in shelters, a solemn meeting of senior officials, collection of gifts for soldiers and sending delegations to the front, the opening of an exhibition dedicated to the second defense[898].

On January 9, 1942, the "Krasny Krym" newspaper issued a call to collect materials on the history of the second defense: photographic documents, wall newspapers and diaries of shelter commandants, records of the activities of enterprises[899]. The authorities decided to place the exhibition in the preserved building

---

[892] Mayak Kommuny. 1942. April 25. No. 14. P. 4.
[893] Astafyev N. V. Artel "Progress" / MSDLR. Vol. 35. Sevastopol, 1965. P. 130.
[894] Lapinskaya Ye. A. In the party district committee / MSDLR V. XI. Sevastopol, 1962. P. 55.
[895] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 2.
[896] Smirnov M. A. On the roads of war. 1941–1945. St. Petersburg, 2003. P. 25.
[897] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 230. L. 77.
[898] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 16–17.
[899] Krasniy Krym. January 10, 1942.

of the art gallery. The exhibits of the Museum of the History of the Crimean War, which remained in the city, were also moved here. Restoration work began, selection of exhibits, preparation of information bulletins.

The Sevastopol residents celebrated the anniversary of the Red Army solemnly: banners, posters and flags were hung on the walls of houses, rallies and meetings were held at all enterprises. Thus, 87 reports were held in the city, which covered 5 840 people, as well as conversations and readings about the heroes of the war. Since February 15, 21 delegations have been sent to the front, with which 5 000 gifts have been sent[900]. In addition to the standard gifts – tobacco pouches, tobacco, handkerchiefs – we also prepared one-of-a-kind items. Thus, G. V. Prudnikov, an employee of the railway workshops, recalls that by February 23 they received an order for the manufacture of mahogany mouthpieces[901].

The day before, on February 22, a solemn meeting of the city's leaders was held. State awards were presented at the meeting to A. K. Chaus, L. N. Gulenkova and Ye. I. Rakova

The most notable event in celebration of the Red Army anniversary was the opening of the Museum of the Second Defense of Sevastopol. From eyewitness accounts, one can imagine how the exhibition was organized in this unusual museum institution[902]. In the first room were presented exhibits dedicated to the history of the "struggle of the Russian people against the German occupiers", as well as the first defense of the city in 1854–1855. In the same room it was possible to inspect captured firearms and edged weapons. In the second hall, information was provided on the combat activities of units and formations of the SDR, ships of the Black Sea Fleet. Numerous photographs, personal belongings of soldiers, a picturesque panel "Landing of the Amphibious Assault", as well as trophy awards, diaries, letters, orders, photographs of German soldiers and officers captured near Sevastopol and Kerch were

[900] "On mass political work in connection with the 24th anniversary of the Red Army and the Navy". SMHMR. A-1754/KP-4522. L. 23–26.
[901] Prudnikov G. V. On the work of train drivers / MSDLR. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 192.
[902] Krasniy Krym. 1942. February 24. No. 55. P. 2.; Khamadan A. Sevastopol residents. Sevastopol: GitPak, 2014.; Utrobin Yu. A. Commission for the history of the Sevastopol defence under the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) (1942) // Krymsky arhiv. 2009. No. 11. P. 46.

presented here. The third hall was dedicated to the feat of the inhabitants of Sevastopol, who devoted all their strength to helping the front. A variety of products of the Sevastopol defense enterprises, photographs of leaders, graphs reflecting production indicators, the work of public catering enterprises, cultural institutions were presented here. The museum was a great success among the military and city residents. In total, by mid-April 1942, it was visited by about 50 thousand people[903].

In the winter of 1942, the work of some museum institutions was partially restored. So, in the wake of interest in the first defense of Sevastopol in 1854-1855. Panorama employees conducted excursions, organized traveling exhibitions and lectured at enterprises and military bases.

According to the decrees of the Council of People's Commissars of the CASSR dated January 21 and February 21, 1942, the curator of the Chersonesos Museum was restored to positions (on January 1 A. K. Takhtai was appointed with a salary of 400 rubles) and a librarian[904]. The army command has established external perimeter security for all premises of the museum and the excavation site[905]. According to T. V. Dianova, on the basis of the remaining exhibits, the main exhibition was organized – “The history of Chersonesus on mass and secondary materials, taken from the museum's funds”, as well as three temporary exhibitions: “We struck, we strike and we will strike” (based on materials from the museum and the House of the Black Sea Fleet), “The Heroic Past of the Russian People” (together with the Sevastopol Film Distribution Department) and a showcase with shell fragments picked up on the museum territory. Museum employees gave lectures on eight topics[906].

On March 22, 1942, at a meeting of the city party committee bureau, an order was given in the first ten days of April to check the state of preservation of cultural and historical values, to provide local radio broadcasting, the provide for the work of city cultural institutions (libraries, cinema, art gallery), and also to “organize additional

[903] Utrobin Yu. A. Commission for the history of the Sevastopol defence under the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) (1942) // Krymsky arhiv. 2009. No. 11. P. 45.
[904] SARC. F. P-652. Op. 17. D. 1 L. 133, 183.
[905] Krasniy Krym. 1942. February 17. No. 48. P. 3.
[906] Dianova T. V. Exhibition “Chersonesos Museum during the Great Patriotic War” (based on archival materials) // Krymskiy Archive. 2016. No. 1 (20). P. 52–53.

collection of materials for the Museum of Defense of Sevastopol exhibition[907]. On April 19, 1942, at a meeting of the city party committee bureau, the issue of the safety of museum institutions was re-examined. Among the shortcomings noted: poor registration and protection of exhibits and property, as a result of which there are facts of theft of property and damage to historical exhibits, as well as the destruction of trees on Istoricheskiy Boulevard. As a result, a program for the restoration of museum buildings (Panorama of the Defense of Sevastopol) was approved, and the need to strengthen the protection of the collections of the panorama, the Chersonesos Museum and the biological station was noted. A. K. Takhtay and the senior researcher of the Sevastopol Biological Station Kholodzhev were instructed to take an inventory of property and exhibits. Before the command of the 191st Infantry Regiment, which was stationed on the territory of the Chersonesos Museum, the question was raised of organizing an accounting of museum property in temporary use of the regiment. It was planned to allocate space for an art gallery and put in order the Bratskoe, Angliyskoe and Frantsuskoe cemeteries[908]. The plans were not implemented due to the imminent start of the third assault.

Amateur art activities have developed significantly, the number of art teams in military bases and at enterprises has increased. The repertoire included sketches, art reading, songwriting and dancing[909]. They often included professional actors. For example, the brigade at the city agitation center included the honored actor of the CASSR M. A. Dneprov, actors Politayev, Korotkevich, Vishnevskaya, Makarova, accordionists – father and son Bodia, and others. The agitbrigade of the Central district party committee consisted of 28 people – jazz musicians, dancers, reciters[910].

From December 1941 to May 1942, a brigade of Moscow stage and philharmonic actors under the leadership of Yu. M. Yurovetskiy performed in Sevastopol. By February 27, they gave 10 concerts in military bases and city hospitals[911]. Muscovites came to the city again in April 1942: from April 10 to May 1, the brigade gave 35

[907] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 47.
[908] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 67.
[909] Krasniy Krym. 1942.February 11. No. 42. P. 2.
[910] Ibid. 1942.February 13. No. 44. P. 3.
[911] Ibid. 1942.February 27. No. 58. P. 3.

concerts. Actors Isayenkova, Yurovetskiy and Solovyov were awarded with diplomas of the Black Sea Fleet Military Council[912].

From the pre-war period, one of the favorite forms of spending leisure time was visiting cinemas. On February 22, 1942 in an adit on the K. Marx street opened a restored cinema “Udarnik” for 130-150 seats, equipped with a projection apparatus and sound amplifiers[913]. Every day 6–8 sessions were held in it, in total at least 400 sessions were held in the “Udarnik”[914]. L. Vershinin's article “A Screen Under the Ground”, published in the newspaper “Krasny Krym” on March 24, 1942, provides a list of films shown: “Alexander Nevsky”, “The Boy from the Taiga”, “Bogdan Khmelnitsky”, “Perehod”, ” Suvorov ”[915].

As A. K. Yevseyev notes, most successful films with fighters were not about the war, but about peaceful life – comedies, melodramas, which were watched several times. For example, the American film “The Big Waltz” with music by I. Schtrauss was popular[916]. Also, the cinema “Udarnik” acted as an organizer of movie vehicles for the population and soldiers. According to the memories of I.K. Kalyuzhny, Sevastopol residents watched the film “The Defeat of the Germans near Moscow” with great enthusiasm[917].

Libraries played a significant role in raising the general cultural level of the population. By the beginning of May 1942, six stationary and 15 mobile libraries were operating in Sevastopol, which issued 32960 books over the winter and spring[918]. The works of L. N. Tolstoy, S. N. Sergeyev-Tsensky, M. M. Filippov, dedicated to the events of the Crimean War, were in high demand. At the same time, as A. K. Yevseyev recalls, the military forces read not only L. N. Tolstoy, the poems of A. Pushkin, but also the “Decameron” by G. Boccaccio[919].

---

[912] Mayak Kommuny. 1942. May 6. No. 23. P. 4.
[913] Cinema hall “Udarnik” (25 K. Marx st.) was totally destroied in the air raid on January 18, 1942.
[914] Mund A. Yu. Actors – to the Front / MSDLR. T. XXII. Sevastopol, 1963. P. 171.
[915] Krasniy Krym. 1942. March 24. No. 83. P. 4.
[916] Yevseyev A. K. Besieged Sevastopol. L.: Sovetskiy pisatel, 1959. P. 118.
[917] Private Assistance Institution (PAI) Historical and Memorial Museum Complex (HMMC) “35th Coastal Battery”. Kaluzhniy I. K. Memories. No pagination.
[918] Mayak Kommuny. 1942. May 5. P. 3.
[919] Yevseyev A. K. Sevastopol 1941–1942. / 35 coastal battery museum. L. 75.

One of the centers of the city's cultural life was the agitation center of the city party committee, opened on December 31, 1941. There was a selection of literature and fresh newspapers, information about the situation at the front, TASS Windows was posted, lectures on various topics were held, city residents met with famous Soviet writers – Leonid Sobolyov, Sergei Alymov, Alexandr Khamadan. So, L. S. Sobolyov, who was in Sevastopol from the second half of February to the beginning of April 1942, made 17 appearances by March 16, including reading stories from the series "Sea Soul" to the workers of Spectskombinat No. 2[920].

Much attention was paid to providing the citizens with newspapers. The activity of the local press was relevant due to constant interruptions in the delivery of press from the Caucasus (they arrived late, others did not reach them at all) and relatively poor communication[921]. From November 1941 to April 1942, the "Krasniy Krym" newspaper was the only city organ of the periodical press. The circulation of the newspaper was constantly increasing: in November – 6 thousand copies, in December – 12 thousand, in February – 7 thousand[922].

On April 8, 1942, by the decision of the city party committee bureau in Sevastopol, the publication of the "Mayak Kommuny" newspaper was resumed, which was associated with the transfer of the publication of the regional newspaper "Krasniy Krym" to Kerch[923]. The first issue came out on April 10, the newspaper was printed on two pages six times a week.

Thus, the period of stabilization of the front near Sevastopol was used by the city leadership to carry out restoration measures. Opportunities have appeared for the development of the leisure sphere of everyday life of the population. Under the leadership of the city party committee, measures were taken to normalize the work of cultural institutions (libraries, cinemas, museums), as well as to organize and conduct festive events.

---

[920] Sobolyov L. S. To a constant friend. Diaries. Articles. Letters. M.: Sovremennik, 1986. P. 347.
[921] Lanin N. Work trip to Sevastopol / Lines scorched by the war. Memories. Outlines. Reflections. M.: Politizdat, 1987. P. 199.
[922] 200 years of Sevastopol. 1783–1983. Kiev: Naukova Dumka, 1983. P. 223.
[923] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 60.

In addition to the official forms of spending leisure time, there were also informal ones, primarily associated with the use of alcoholic beverages. The “special summary” on the work of the “Molot” plant dated March 26, 1942 notes the systematic drunkenness of the director of the plant G. D. Nikerin, the secretary of the party organization N. V. Ivanichenko and the chief accountant G. V. Kozlov. So, marking International Women's Day, Nikerin and Ivanichenko drank from the morning of March 8 to 4 a.m. on March 9, 1942.[924] All of these workers were not punished and worked honestly until the end of the defense. At the same time, for drunkenness and domestic corruption in April 1942, D. S. Stepanov, director of the Spetskombinat No. 2, was removed from his post[925].

On the eve of the third assault, the citizens took part in the May 1 celebration. There were some curiosities: on April 23-24, rumors spread throughout the city that the Germans would launch an offensive on April 25 in order to be in the city by May 1. On Petrovsky Spusk, there was a rumor that enemy aircraft would bomb flags displayed in honor of the holiday. Several people were arrested[926].

The program of events, adopted at the meeting of the City Committee Bureau on April 1, was standard: collecting gifts for soldiers, organizing delegations to the front, holding ceremonial meetings, matinees in schools, and city amateur art Olympiads[927]. At the direction of the city authorities, 50 thousand flowers were grown in the greenhouses of Zelentrest[928]. It is noteworthy that in honor of the holiday, the military command was able to allocate additional products for the population, which were issued by cards. Each resident of the city received 1 kg of anchovy, 500 grams of pasta, 200 grams of sugar, children – 200 grams of sweets and cookies[929].

Despite the fact that May 1 was a working day, meetings were held at enterprises and institutions, at which the order of the Supreme Commander-in-Chief was heard. In the cinema, “Boevoy Sbornik No. 7”, in the following days – films “Delo

[924] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 240. L. 8.
[925] Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Simferopol, 1959. P. 190; CRSA. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 10.
[926] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 11.
[927] RGASPI. F. 17. Op. 43. D. 1046 L. 56–57.
[928] Mayak Kommuny. 1942. April 25. No. 14. P. 4.
[929] SARC. F. P-35. Op. 1. D. 234. L. 11.

Artamonovyh" and "The Defeat of the Germans near Moscow" were presented. Poet Sergei Alymov, writers Yevgeny Chernyavsky, Peter Gavrilov, Pavel Panchenko and Lev Dligach spoke at the agitation center. As it is written in the newspaper article, "at parting, the audience warmly thanked the Moscow poets and writers for a good evening. The entire collection went to the benefit of children who suffered from the Nazi bombings"[930].

A few days after the May celebrations, the situation in Crimea changes dramatically: on May 8, 1942, the German offensive began on the Kerch Peninsula, a month later, on June 7, 1942, the third assault on Sevastopol, which ended with the capture of the city by enemy military forces and the establishment of an occupation regime.

Thus, in the extreme conditions of besieged Sevastopol, cultural work played a large role in meeting not only the physical, but also the spiritual needs of people, allowing them to maintain faith in the ultimate victory over the enemy. The city authorities paid great attention to the rational organization and control of the population's leisure time, especially in the period from January to May 1942. The issues of holding festive events, the activities of cultural institutions were systematically brought up to meetings of the city committee bureau of the AUCP(b). In January 1942, the front near Sevastopol stabilized, a long period of calm ensued, which was used by the city leadership to carry out restoration measures. Opportunities have appeared for the development of the leisure sphere of everyday life of the population. Under the leadership of the city party committee, measures were taken to normalize the work of cultural institutions (libraries, cinemas, museums), as well as to organize and conduct festive events.

Summing up, it should be noted that the authorities of the city of Sevastopol played an important role in organizing the daily life of citizens in a defense environment. The work was based on the close relationship of the Soviet, party and emergency governing bodies with the military authorities. Through their efforts, in the

[930] Mayak Kommuny. 1942. May 1. P. 1.

extreme conditions of the besieged city, acceptable living conditions were created for the majority of the citizens.

CONCLUSION

On the eve of the Great Patriotic War, Sevastopol had a special status as the main base of the Black Sea Fleet and at the same time was the largest center for military ship repair in the region. This circumstance had a significant impact on the independence of the local party and Soviet authorities - the city party committee and the executive committee of the city council. In solving a number of issues, primarily defense and economic, they were guided by the instructions of the military authorities represented by the command of the Black Sea Fleet, and not by the authorities of the Crimean ASSR.

There are three main stages in the activities of the authorities of Sevastopol on the eve and during the period of defense, while the situation at the front was the main criterion for such a separation.

The principles of interaction between the city leadership and the command of the fleet, worked out before the war, continued to operate even after the war began. The city committee of the VKP (b) and personally the first secretary B. A. Borisov headed the work of all organizations and institutions of the city. The autonomy from the authorities of the republic increased even more, which was caused by the need to promptly resolve emerging issues in the emergency conditions of war. Until the beginning of the siege of the city, emergency control bodies were not created in Sevastopol, despite the fact that the front was gradually approaching the Crimean peninsula.

As in other cities of the Soviet Union, the city party committee was engaged in the implementation of a wide range of defense measures, as evidenced by the minutes of meetings of the collegial body - the bureau. First of all, in the field of military training, the formation of units of the people's volunteers and the development of local air defense. In general, by the beginning of the siege of the city, these measures were implemented: a significant part of the Sevastopol population underwent military training, the city was prepared for massive air raids. At the same time, the executive committee of the city council continued to deal with intracity issues, heading up the provision of life in a large city.

A feature of Sevastopol, in comparison with other front-line cities and naval bases, was the limited influence of local authorities on the industrial sector. This was explained by the fact that most of the enterprises of Sevastopol were engaged in the implementation of the pre-war ship repair program, so they followed the direct instructions of the military authorities. The program was implemented only by November 1941. For this reason, the plan for the production of military products at the Sevastopol enterprises was not actually implemented.

Significant changes in the work of local authorities took place with the beginning of the siege of Sevastopol in November 1941. From that time on, the situation at the front began to play a decisive role. First of all, the changes affected the management sphere. For a short period - from the end of October to November 4, 1941 - a complex management model was implemented in Sevastopol, based on the interaction of emergency structures - the city defense committee, headed by B. A. Borisov, and the deputy fleet commander for defense of the Main Base, Admiral G. V. Zhukov. They managed to organize the repulsion of the first attempt to capture Sevastopol in early November 1941.

With the creation of the Sevastopol defense region, especially after Admiral F. S. Oktyabrsky took the commander post, the activities of the emergency structures were curtailed: the meetings of the defense committee ceased, G. V. Zhukov was transferred to a lower position. All power was concentrated in the hands of F. S. Oktyabrsky and his closest associates.

The activities of the civilian authorities were under the complete control of the naval command. In November – December 1941, the structure of local government was distinguished by its originality: the functionality was redistributed between the city authorities (the city committee of the party and the executive committee of the city council) and the Crimean republican authorities (the leadership of the republic was in the city for two months).

In the extreme conditions of the first and second assault on the city, the city party committee took the lead in overcoming the consequences of the massive bombing and providing the population with food and medical care. At the same time, virtually all

measures in the defense sphere were curtailed (military training was stopped, the people's volunteers' units were reduced to a minimum). At the same time, the creation of a local industrial base has become the most important area of joint work of civil and military authorities.

The republican authorities made a significant contribution to the creation of the local military industry, which was not previously noted in Russian historiography. Created on the basis of the remaining production facilities in the city, the Spetskombinats, whose work was built on the principle of cooperation, already produced their first products in November, and in December they began mass production of much-needed defensive weapons - mortars, anti-personnel and anti-tank mines and hand grenades.

In January 1942, a long period of calm began near Sevastopol, which was characterized by single operations and a significant decrease in the intensity of air and artillery raids on positions and on the city. In the current situation, when there is hope for the speedy liberation of the entire Crimea and the unblocking of Sevastopol, the city is undergoing significant changes in the management system. The search for an optimal management model took place, and this process continued until mid-May 1942.

In connection with the liberation of the Kerch Peninsula, the republican leadership left there, respectively, the role of the city leadership increased. The city defense committee began its work, which functioned in parallel with the city party committee. The functions of these governing bodies, which included the same workers, have not been completely delimited.

The winter and spring of 1942 were marked by the active work of the city authorities in various fields, including the resumption of mass military training of citizens, the strengthening of air defense, the fighters of which showed themselves positively during the massive incendiary raids in February 1942. Considerable attention was paid to the restoration of communal services. In the spring, one of the main issues was providing food to the population, which numbered more than 50 thousand people. Despite the difficulties, during the entire defense it was possible to provide the inhabitants of the city with food and prevent hunger.

It should be noted that the authorities of the city of Sevastopol played an important role in organizing the daily life of citizens in a defense environment. Through their efforts, in the extreme conditions of the besieged city, acceptable living conditions were created for the majority of the citizens.

The Sevastopol defense industry in January–March 1942 worked at full capacity: most of the enterprises exceeded the established production plans, supplying the military forces with ammunition and weapons. The progressive development of the military industry was suspended in April 1942, when a raw material and fuel crisis broke out due to irregular transportation. The measures taken - maximum economizing, collection of scrap metal, the use of surrogates - only partially solved this problem. In May 1942, the city's enterprises did not fulfill their plans.

In May 1942, in connection with the defeat of the Soviet military forces on the Kerch Peninsula, preparations for repelling the third assault began in Sevastopol. New circumstances made it necessary to centralize civil administration as much as possible: the city defense committee became the only power center. The Defense Committee and personally B. A. Borisov coordinated the work of all organizations and institutions of the city, organized their interaction and contact with military bases.

Together with the military command, a lot of work was done to prepare the city to repel the third assault. The evacuation of the population was significantly intensified. In preparation for the offensive, from June 3 to June 7, 1942, massive German air raids were carried out on the city, as a result of which Sevastopol was completely destroyed, the entire city infrastructure was destroyed.

The activities of the city leadership were reduced to organizing the rescue of the population, followed by evacuation, and conscription. Despite the difficult conditions, Spetskombinat No. 1 continued to operate until mid-June, which produced military products.

Summing up, it should be emphasized that on the eve and during the defense, local authorities, primarily the city committee of the AUCP(b) headed by B. A. Borisov, acted actively and productively, taking on a significant amount of work to create the rear of the Sevastopol's defensive district. The thesis on the outstanding role of the city

defense committee, which has taken root in the literature, is valid only in relation to the first days of the defense of Sevastopol and the third assault, when the committee became the administrative center.

The city committee secretary, relying on a circle of close associates, as well as a small administrative staff, were engaged in important areas of work in a siege: military training of the population, development of the local air defense system, participation in the defense industry functioning, mobilization of the population to help the front. The fall of Sevastopol was due to purely military factors - the city authorities were unable to prevent it.

REFERENCE LIST

Archive funds

1.Crimea Republic State archive

1.1. F. P-1 (Ukrain communist party Crimea region committee). Op. 1. D. 2068, D. 2077, 2112, 2119, D. 2121, D. 2133, D. 2139, D. 2145.

1.2. F. P-35 (the Sevastopol City Committee of the AUCP(b)).

Op. 1. D. 200, D. 201, D. 203, D. 206, D. 208, D. 210, D. 211, D. 221, D. 222, D. 225, D. 230, F 231, D. 232, F 234, D. 240, D. 248.

1.3. F. P-152 (Sevastopol city defence council).

Op. 1. D. 1, D. 2, D. 5, D. 7, D. 9, D. 12.

1.4. F. P-156 (Great Patriotic war history Crimea comission). Op. 1. D. 19, D. 22.

1.5. F. P-652 (Council of People's Commissars of the Crimean ASSR).

Op. 15. D. 799, F.831, F.832, D. 833.

Op. 17. D. 1, D. 5.

Op. 24. F.1, D. 2, D. 3, D. 5, F.6.

2. Russian Federation State Archive

2.1. F. 5446 (USSR Council of Ministers). Op. 1. D. 194, D. 197.

3. State public enterprise “Sevastopol city Archive”

3.1. F. P-79 (Executive committee of the Sevastopol city council of people's deputies).

Op. 1. D. 764, D. 765.

3.2. F. 434 (Collection of documents about the Great Patriotic war 1941-1945).

Op. 2. D. 17, D. 43, D. 44, D. 46.

4. Russian state military archive

4.1. F. 37878 (USSR LAD).

Op. 1. D. 309, D. 416.

5. Russian state archive of socio-political history

5.1. F. 17 (AUCP(b) CC).

Op. 22. D. 1521, D. 1522, D. 1523, D. 1525.

Op. 42. D. 387.

Op. 43. D. 1046, D. 2671.

Op. 88. D. 62.

Op. 122. D. 20.

5.2. F. 644 (State Defense Committee of the USSR).

Op. 1. D. 1, D. 2, D. 12.

6. Russian State Archives of Economics.

6.1. F. 8546 (Institutions for the leadership of the wine industry of the ministries of the food industry of the USSR, the taste industry of the USSR, the light and food industry of the USSR and the food industry of the USSR).

Op. 1. D. 381.

7. Central Navy archive

7.1. F. 2. Op. 1. D. 315.

7.2. F. 3. Op. 1. D. 565

Museums and libraries funds

1.FGBUK “Sevastopol military history museum-reserve”

1.1. The results of party meetings of the primary organizations on the issue “Results of city party activists meeting and immediate tasks of the Sevastopol organization”. SMHMR. A-1754/KP-4522.

1.2. “On mass political work in connection with the 24th anniversary of the Red Army and the Navy”. SMHMR. A-1754/KP-4522. L. 23–26.

1.3. Preparatory materials to B. A. Borisov publication “The feat of Sevastopol”. A-1754/KP-4522.

1.4. Verbatim report of the expanded meeting of the Council of the Museum of Defense and Liberation of Sevastopol on the topic “Party organizations and workers of the city in the defense of Sevastopol in 1941-1942. (October 28-29, 1963)”/ Materials on the defense, liberation and restoration of Sevastopol (hereinafter - MOOVS). T. XXX. Sevastopol, 1963. 293 p.

1.5. Astafyev N. V. Artel “Progress” / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. Vol. 35. Sevastopol, 1965. P. 127–131.

1.6. Bobrova L. K. <Memories> / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. XI. Sevastopol, 1962. P. 184–201.

1.7. Gyrdymova Ye. P. On work with the population living in bomb shelters / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 69–90.

1.8. Dzheneviz-Yakushechkina Ye. S. <Memories> / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 252–260.

1.9. Ilyin S.A. About the work of the Spetskombinat / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 204–211.

1.10. Kotko P. I. About the work of the fishing collective farm “Rybatskaya Kommuna” / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 204–211.

1.11. Lazarchuk D. I. <Memories> / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. XXII. Sevastopol, 1963. P. 196–208.

1.12. Lapinskaya Ye. A. In the party district committee / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. XI. Sevastopol, 1962. P. 55–68.

1.13. Mikhalyova A. M. Autobiography / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. XI. Sevastopol, 1962. P. 225–247.

1.14. Mys V. I. Memories of the heroic days of the Sevastopol defense / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 340–346.

1.15. Mund A. Yu. Actors – to the Front / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. XXII. Sevastopol, 1963. P. 169–170.

1.16. Nemkov A. Ye. Railwaymen in the defense of Crimea. From the notes of the head of the political department / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 122–191.

1.17. Netrebenko A. M. School underground / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 347–349.

1.18. Porplitsa M. V. <Memories> / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 229–230.

1.19. Prudnikov G. V. On the work of train drivers / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 192–194.

1.20. Ryabogin G. I. About the work of the Spetskombinats / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 233–237.

1.21. Sarina A. A. Sevastopol women in the city defense / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. XXII. Sevastopol, 1963. P. 1–21.

1.22. Sobolyov N. K. Work report on the besieged heroic city of Sevastopol from November 1941 to July 1, 1942 SMHMR. NV. 16875.

1.23. Sobolyov N. K. People I knew... From notes on the agriculture of besieged Sevastopol in 1941–1942 / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 283–320.

1.24. Tyapkin L. I. On the production of mortars / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959.

1.25. Chekmotayeva V. D. Sevastopol – the city of immortal glory / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. Vol. 63. Sevastopol, 1967. P. 58–78.

1.26. Yablonskaya K. M. Party work in the city / Materials on defense, liberation and restoration of Sevastopol. T. IV. Sevastopol, 1959. P. 55–62.

2. Military history museum of Black Sea fleet history

2.1. Oktyabrsky F. S. Forced certificate of the participants in the Sevastopol defence of 1941–1942.

3. Peoples' museum of Sevastopol police n.a. M. S. Kazakevich

3.1. Kaluzhniy I. K. memories of a former medical officer of the 3rd battalion of the 456th border guard regiment, who participated in the defense of Sevastopol in 1941–1942.

3.2. Holodnyak (Ivanova) R.S. memories.

4. Historical and Memorial Museum Complex “35th Coastal Battery”

4.1. Album of defensive, base and airfield structures built during the Great Patriotic War. 1941–1942. Black Sea Fleet Engineers Department. 1942. No pagination.

4.2. Taran A. M. About the war (memories).

5. Sea library n.a. M. P. Lazarev

5.1. Collection of materials of the War-Historical Conference dedicated to the 20th anniversary of the beginning of the Sevastopol heroic defense in 1941–1942. Sevastopol: Izdanie Voenno-nauchnogo obshestva admiralov, generalov, ofitserov zapasa i v otstavke pri Sevastopolskom Dome oficerov flota, V. III. Sevastopol, 1961.

5.2. Donets N. N. Underground school. From the memories of a teacher at school No. 13. Sevastopol, 1975.

Published documents

1. Internal military forces in Great Patriotic war. 1941–1945. Documents and materials / Content by V. V. Dushenkin, V. V. Bobrova. - M.: Yurid. lit., 1975. - 725 p.
2. Heroic Defense of Sevastopol 1941–1942 Collection of documents and materials / Ed. by P. A. Chursin. - Simferopol: Krymizdat, 1946. - 292 p.
3. Ivanov V. B. Sevastopol defence 1941–1944 in official documents / V. B. Ivanov. - Sevastopol: Bibleks, 2004. - 320 p.
4. Soviet Ukraine in Great Patriotic war, 1941–1945. Documents and material. In three volumes. Vol. 1. Ukrainian SSR in the first period of the Great Patriotic war (June 22, 1941 - November 18, 1942) / Content by D. F. Grigorovich. - Kiev: Naukova Dumka, 1980. - 553 p.

5. For historian record. From archive of admiral F. S. Oktaybrsky / Compiled by R. F. Oktaybrskaya. - Sevastopol: Miste, 2013. - 287 p.
6. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Vol. 7. (1938–1945) / In-t Marksizma-Leninizma pri CK KPSS; Under gener. edit. of A. G. Yegorov, K. M. Bogolubov. - 9th edit., updated and revised. - M.: Politizdat, 1985. - 576 p.
7. Crimea during the Great Patriotic war 1941-1945.: collection of documents and materials / Content by: I. P. Kondranov, A. A. Stepanov. - Simferopol: Tavria, 1973. - 496 p.
8. Nazi death camps. Eyewitnesses testify. From the “Declassified Memory” series. Crimean issue. Volume. 2 / Content by A. V. Valyakin. - Simferopol: Izdatelstvo DOLYA, 2010. - 408 p.
9. Fire days of Sevastopol: collection / Content by P. Ye. Garmash. - Simferopol: Tavria, 1978. - 272 p.
10. Partisan movement in Crimea (1941-1942). - Simferopol: Sonat, 2006. - 244 p.
11. Last letters from the front. In five volumes. Vol. 2: 1942 / Content by P.R. Kotenok. - M.: Voenizdat, 1991. - 554 p.
12. Russian Archive. Great Patriotic War. Vol. 16 (5-1). General Headquarters, 1941: Documents and material / In-t Voen. History Min-try of Defence of the Russian Federation, Hist.-arch. of milit.-memor. center Gener. Head Quarters of the Russian Federation Armed Forces, Centr. Archive of the Ministry of Defence of Russian Federation / Content by A. M. Sokolov et al. - M.: Terra, 1996. - 448 p.
13. Sevastopol. 1941-1945: archive documents collection / Content by N. F. Zadorozhnaya, M. T. Solovyova. - Simferopol: Firma Salta LTD LLC, 2020. - 448 p.
14. Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1944 - M.: Izdanie “Vedomosti VS SSSR”, 1945. - 400 p.
15. Sevastopol is 200 years old. 1783–1983 / Content by G. I. Vaneyev et al. - Kiev: Naukova dumka, 1983. - 410 p.

16. Special story “On the combat operations of coastal batteries in the defense of the main naval base of the Black Sea Fleet city of Sevastopol for the period from December 10 to 31, 1941 / Combat actions on Crimea peninsula in documents of the authorities / Content by A. V. Yefimov // Istoricheskoye naslediye Kryma. - 2020. P. 115–119.
17. Special message of the OO NKVD of the Krymskiy Front of the commissar of the State Security of the 3rd rank of Belyanov dated April 11, 1942 / Combat actions on the Crimean peninsula in the authorities' documents / Content by A. V. Yefimov // Istoricheskoye naslediye Kryma. - 2020. - P. 132–133.

Periodical press

1. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - June 23.
2. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - June 24.
3. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - June 25.
4. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - June 26.
5. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - June 29.
6. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - July 1.
7. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - July 4.
8. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - July 5.
9. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - July 9.
10. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - July 11.
11. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - July 12.
12. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - August 21.
13. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - November 21.
14. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 11.
15. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 12.
16. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 15.
17. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 18.
18. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 21.
19. Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 22.

20.Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 24.

21.Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 27.

22.Krasniy Krym (Simferopol). - 1941. - December 31.

23.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January 2.

24.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January 10.

25.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January11.

26.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January 14.

27.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January17.

28.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January 18.

29.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January 19.

30.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January 20.

31.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - January 25.

32. Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 3.

33.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 10.

34.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 11.

35.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 13.

36.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 15.

37.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 17.

38.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 18.

39.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 24.

40.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - February 27.

41. Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 1.

42.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 2.

43. Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 7.

44.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 13.

45.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 14.

46. Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 16.

47.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 22.

48.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 23.

49.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 24.

50.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 25.
51.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 26.
52.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - April 4.
53.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - April 9.
54.Krasniy Krym (Simferopol). - 1942. - March 16.
55.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1941. - August 3.
56.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1941. - August 5.
57.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1941. - April 10.
58.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1941. - April 16.
59.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1941. - April 25.
60.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1942. - May 1.
61.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1942. - May 5.
62.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1942. - May 6.
63.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1942. - May 13.
64.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1942. - May 14.
65.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1942. - May 23.
66.Mayak Kommuny (Sevastopol). - 1942. - June 9.

Diaries and memories

1. Alexandrov N. I. Sevastopol armored train / N. I. Alexandrov. - Simferopol: Crimea, 1966. - 280 p.
2. Baisak M. G. The glory of those days will not cease / M. G. Baisak. - Simferopol: Tavria, 2005. - 188 p.
3. Baranov N. F. Interview / N. F. Baranov [Electronic media]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/baranov-nikolay-fedoseevich/ (reference date: June 12, 2020).
4. Biderman G. In mortal combat. Memories of the anti-tank crew commander. 1941–1945 / Transl. from eng. A. S. Tsiplenkova. - M.: Centerpolygraph CJSC, 2005. - 366 p.

5. Bolgari V. P. Interview / V. P. Bolgari [Electronic media]. URL: https://iremember.ru/memoirs/krasnoflottsi/bolgari-vladimir-petrovich/ (reference date: June 13, 2020).
6. Borisov B. A. The feat of Sevastopol. Memories / B. A. Borisov. - Simferopol: Krymizdat, 1959. - 401 p.
7. Borisov B. A. School of Life / Borisov B. A. - M.: Politizdat, 1971. - 367 p.
8. Gyrdymova Ye. P. “Front-line hostesses” / Ye. P. Gyrdymova / Fire days of Sevastopol. - Simferopol, 1978. - P. 158–167.
9. Deribasova (Filippova) V. I. Interview / V. I. Deribasova (Filippova) [Electronic media]. URL: http://iremember.ru/grazhdanskie/deribasova-filippova-valentina-ivanovna.html(reference date: April 15, 2015).
10. Dolgusheva Z. I. Memories of life before the war / Z. I. Dolgusheva. - Sevastopol: Scientific Production Center “ECOSI-Gidrofizika”, 2012. - 44 p.
11. Dolgusheva Z. I. Memories of a Sevastopol girl / Z. I. Dolgusheva. - Sevastopol: Scientific Production Center “ECOSI-Gidrofizika”, 2012. - 85 p.
12. Yevseyev A. K. Besieged Sevastopol /A. K. Yevseyev. - Leningrad: Sovetskiy pisatel, 1959. - 253 p.
13. Yermilov A. P. Primorskaya combat rear / A. P. Yermilov / Near the Black Sea strongholds. Detached Primorskaya army in the defense of Odessa and Sevastopol. Memories. - M.: Voenizdat, 1967. - P. 306–319.
14. Zhidilov Ye. I. We defended Sevastopol / Ye. I. Zhidilov. - Gorkiy: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1973. - 256 p.
15. Zhilin I. S. At “Air” alarm / I. S. Zhilin / Fire days of Sevastopol. - Simferopol: Tavria, 1978. - P. 15–21.
16. Zadorozhnikov G. Memoirs of an old boy (Sevastopol 1941–1945) / G. Zadorozhnikov. - Sevastopol: [Sine nomine], 2013. - 206 p.
17. Islyamova Kh. I. Interview / Kh. I. Islaymova / Drabkin A. V. Up to the elbows in blood. Red Army Red Cross. - M.: Yauza: Eksmo, 2010. - P. 388–411.
18. Kozitskaya Ye. D. Light of underground schools / Ye. D. Kozitskaya. - Sevastopol, 2004. - 122 p.

19. Krylov N. I. It will never fade / N. I. Krylov. - M.: Voenizdat, 1984. - 558 p.
20. Krylov N. I. Fire Bastion / N. I. Krylov. - M.: Voenizdat, 1973. - 416 p.
21. Kuznetsov N. G. Heading towards victory / N. G. Kuznetsov. - M.: Voenizdat, 1987. - 463 p.
22. Kuznetsov N. G. Fleets on combat alert / N. G. Kuznetsov. - M.: Voenizdat, 1971. - 320 p.
23. Kulakov N. M. Entrusted to the fleet / N. M. Kulakov. - M.: Voenizdat, 1985. – 320 p.
24. Lavrentyeva V. Ye. Medics in the Sevastopol defence / V. Ye. Lavrentieva / Fire days of Sevastopol. - Simferopol: Tavria, 1978. - P. 176–183.
25. Lanin N. Work trip to Sevastopol / N. Lanin / Lines scorched by the war. Memories. Outlines. Reflections / Compiled by B. S. Burkov, V. A. Myakushkov. - M.: Politizdat, 1987. - P. 195–205.
26. Leoshenya Ye. V. Echelon from the capital / Ye. V. Leoshenia / Near the Black Sea strongholds. Detached Primorskaya army in the defense of Odessa and Sevastopol. Memories. - M.: Voenizdat, 1967. - P. 232–243.
27. Lunyov P. A. Memories of the work of the communications workers of the Sevastopol automatic telephone exchange and the communications office during the defense of the city in 1941-1942. (1964) / P. A. Lunyov / Communications in Ukraine in Great Patriotic war / Content by N. A. Borisova, N. I. Losich, O. V. Frolova et al. - St. Petersburg: Central communications museum n.a. A. S. Popov, 2013. - P. 262–281.
28. Melnik Ye. The road to underground. Notes / Ye. Melnik. - Simferopol: Krymizdat, 1961. - 315 p.
29. Mikhaylovskiy N. G. Stormy time / G. G. Mikhaylovskiy. - M.: Sovetskaya Rossia, 1970. - 363 p.
30. Morinichenko V. K. Sevastopol man (memories) / V. K. Morinichenko / Hero city of Sevastopol. Sevastopol - unknown pages: [Sine nomine], 2006. - P. 69–72.
31. Musyakov P. I. Sevastopol days (notes of the editor of fleet newspaper) / P. I. Musyakov. - Simferopol: Krymizdat, 1963. - 192 p.

32. Musyakov P. I. Sevastopol days. From the diary of the editor of the newspaper “Krasniy Chernomorets” / P. I. Musyakov [Electronic media]. URL: http://moscow-crimea.ru/history/20vek (reference date: September 09, 2020).
33. Musyakov P. Defending Sevastopol / P. I. Musyakov. - M.: OGIZ / Gos. Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1943. - 40 p.
34. Niyazov E. Sh. <Interview> / Ye. Sh. Niyazov [Electronic media]. URL: http://iremember.ru/zenitchiki/niyazov-ebuleis-shemshedinovich.html (reference date: July 01, 2013).
35. Orekhova M. Summer 1941... The first days of the war (memories of N. M. Kanaka) / M. Orekhova / Hero city of Sevastopol. Unknown pages. Sevastopol, no year. - P. 1–3.
36. Pantyushenko A. S. Mosaic of War / A. S. Pantyushenko // Moskva – Krym. 2003. No. 5 [Electronic media]. URL: http://www.moscow-crimea.ru/history/20vek/pantushenko.html(reference date: August 13, 2020).
37. Roitenburd L. N. We defended Sevastopol. Memories of a defence participant / L. N. Roitenburd / Hero City of Sevastopol. Unknown pages. - Sevastopol: [Sine nomine], 2011. - P. 14–16.
38. Rymarev D. G. Storm days. Notes of a front-line cameraman / D. G. Rymarev. - M.: Souz kinematografistov SSSR. Buro propogandy sovetskogo kinoiskusstva, 1975. - 118 p.
39. Seleznyov I. A. Diary / I. A. Seleznyov [Electronic media]. URL: https://prozhito.org/notes?date=%221941-01-01%22&diaries=%5B1809%5D (reference date: January 03, 2021).
40. Smirnov M. A. On the roads of war. 1941–1945. / M. A. Smirnov. - St. Petersburg: [Sine nomine], 2003. - 92 p.
41. Sobolyov L. S. To a constant friend. Diaries. Articles. Letters / L. S. Sobolyov. - M.: Sovremennik, 1986. - 430 p.
42. Spirtus V. Having discovered my father's memories. Part 2 [Electronic media]. URL: https://proza.ru/2016/10/31/1135(reference date: December 15, 2021).

43. Spirtus V. Having discovered my father's memories. Part 4 [Electronic media]. URL: https://proza.ru/2016/11/08/1779 (reference date November 26, 2020).
44. Surguchev M.N. The ships return to formation / M. N. Surguchyov. - Simferopol: Tavria, 1972. - 317 p.
45. Sushko Ye. V. I know that war firsthand ... / Ye. V. Sushko. - Sevastopol: ChP Kruchinin L. Yu., 2008. - 144 p.
46. Sushko Ye. V. Korabelnaya storona boy story / Ye. V. Sushko. - Sevastopol: ChP Kruchinin L.Yu., 2014. - 228 p.
47. Khamadan A. Sevastopol residents. War correspondent's notes / A. M. Khamadan. - Sevastopol: Git pak, 2014. - 149 p.
48. Khrenov A. F. Bridges to victory / A. F. Khrenov. - M., Voenizdat, 1982. - 349 p.
49. Sheinin B. G. War – caught in the act. From a war correspondent's notebook / B. G. Sheinin. - Sevastopol: “RA” Teleskop” LLC, 2015. - 368 p.

Reference literature

1. Great Patriotic War. Jubilee statistical collection / Federal Statistics State Service. - M.: Federalnaya sluzhba gos. statistiki, 2015. - 190 p.
2. Sevastopol at the turn of the millennium / I. I. Kulikov, S. I. Kulik, A. A. Skripnichenko, P. A. Shunko. - Sevastopol: Art-Politika, 2003. - 644 p.
3. Sherbakov M., Ragatskiy S. Crimean ASSR (materials for agitators) / M. Shcherbakov, S. Ragatskiy. - Simferopol: Gosudarstvennoe izdatelstvo Krymskoy ASSR, 1939. - 87 p.

Scientific researches

1. Akimchenkov V. V. Documents of local archives as a source on the history of museum affairs: on the example of the State Archives in the Autonomous Republic of Crimea / V. V. Akimchenkov // Severity in the history of Ukraine. - 2011. - Issue 4. P. 46–48.
2. Alekseyev A. A. The gunsmiths' feat / A. A. Alekseev / Fiery days of Sevastopol. - Simferopol: Tavria, 1978. - P. 137–156.

3. Altabayeva Ye. B. A city worthy of worship: Sevastopol in the Great Patriotic War. Part I. Sevastopol defence of1941-1942: instructional medium / Ye. B. Altabaeva. - Sevastopol: Teleskop, 2013. - 368 p,
4. Andreyev B. P. Party organizations and city councils of the RSFSR (1926–1937): author's abstract in support of doctor for historical degree: 07.00.01 / Valeriy Pavlovich Andreyev. - Tomsk, 1991. - 28 p.
5. Androsov S. A. Crimea Museum in the years the Great Patriotic war / S. A. Androsov // Istoricheskoye naslediye Kryma. - 2004. - No. 6–7. - P. 171–180.
6. Aridova A. M. Komsomol members in the days of the heroic Sevastopol defense / A. M. Aridova / Collection of stories of the Museum of the heroic defense and liberation of Sevastopol. - Simferopol: Krym, 1969. - P. 65–72.
7. Baglei A. I., Artyukhov V. M. Hero city of Sevastopol / A. I. Baglei, V. M. Artyukhov. - M.: Stroiizdat, 1975. - 206 p.
8. Balakin S. A. “Soobrazitelniy” and other Gnevny classes / S. A. Balakin // Sea collection. - 1997. - No. 6 (18). - 32 p.
9. Bannikov F. G. Annihilation battalions of the USSR NKVD in the Great Patriotic War (1941–1945). / F. G. Bannikov. - M.: [Sine nomine], 1968. - 72 p.
10. Basov A. B. Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945 / A. V. Basov. - M.: Nauka, 1987. - 336 p.
11. Belonosov I. I., Rusinov V. A. Victory was forged in the rear. Labor feat of the working class during the Great Patriotic War / I. I. Belonosov, V. A. Rusinov. - M.: Profizdat, 1985. - 264 p.
12. Bendyukova N. A. M. P. Kroshitskiy and Sevastopol art museum / N. A. Bendyukova // Krymskiy arhiv. - 1997. - No. 3. - P. 122–128.
13. The combat path of the Soviet Navy / V. I. Achkasov, A. V. Basov, A. I. Sumin and others. 4th edit., updated and revised. - M.: Voenizdat, 1988. - 607 p.
14. Borisov B. A. Sevastopol defence city committee / B. A. Borisov // Voenno-istorichesky zhurnal. 1959. - No. 11. - P. 20–36.
15. Borisov B. A. Sevastopol Communists / B. A. Borisov / Fire days of Sevastopol. - Simferopol: Tavria, 1978. - P. 47–60.

16. Bochkarev M.P. Rear of the Black Sea Fleet during the Great Patriotic War / M. P. Bochkarev / Bulletin No. 17. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. - Sevastopol, 1983. - P. 18-29.
17. Broshevan V. M. Military mobilization in the Crimea. 1941–1944. / V. M. Broshevan. - Simferopol: [Sine nomine], 1994. - 126 p.
18. Broshevan V. M. Military mobilisation to the front. On the history of the issue of the military conscription of liable military personnel and volunteers–residents of the Crimean ASSR to the army in June–November 1941 / V. M. Broshevan // Voenno-istoricheskiy arhiv. - 2011. - No. 1. - P. 155–173.
19. Broshevan V. M. To combat parachute assault forces and saboteurs of the enemy in the front line. On the history of the creation of annihilation units in the Crimean ASSR and their role in the defense of the republic in 1941–1942. / V. M. Broshevan // Voenno-istoricheskiy arhiv. - 2011. - No. 5. P. 72-83.
20. Vaneyev G. I. Heroines of the Sevastopol fortress / G. I. Vaneev. - Simferopol: Krym, 1965. - 107 p.
21. Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Chronicle of heroic defense. Book 1 (10.30.1941–01.02.1942) / G. I. Vaneyev. - Kiev: Ukraina, 1995. - 253 p.
22. Vaneyev G. I. Sevastopol 1941–1942. Chronicle of heroic defense. Book 2 (01.02–07.05.1942) / G. I. Vaneyev. - Kiev: Ukraina, 1995. - 285 p.
23. Varyuhin G. A. Military-organizational activity of city Soviets in the first period of the Great Patriotic War / G. A. Varyuhin // Vestnik Moskovskogo Universiteta. - 1966. - No. 6. - P. 18–29.
24. Vasilyev V. I. Activity of party organizations and city defense committees of the Crimea in the first period of the Great Patriotic War: dissertation in support of candidate for historical sciences: 07.00.01 / Vitaliy Ivanovich Vasilyev. - M., 1974. - 208 p.
25. The Great Patriotic War 1941–1945. Military-historical outlines. In 4 books. Book 1. Severe tribulations / Edit. coll.: N. M. Ramanichev (ch. edit.) and others. - M.: Nauka, 1998.- 544 p.

26. Voitikov S.S. Defense of Sevastopol 1941–1942 in Soviet historiography of the second half of the 1940–1960s. / S.S.Voitikov / Moskva-Sevastopol: Arhivno-kraevedcheskiy almanah. - issue 2. - M., 2020. - P. 161–190.
27. Volkov I. M. The struggle of the Soviet people to create combat reserves for the front in the first period of the Great Patriotic War (June 1941 – November 1942) / I. M. Volkov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria IX. 1962. - No. 5. - P. 21–39.
28. Voronov S. O. “Armenia” vessel: unknown tragedy // Underwater research: Archeology. History. Daiving. - 2011. - No. 3. - P. 41–62.
29. Ganzenmüller J. Besieged Leningrad. The city is in the strategic calculations of the aggressors and defenders. 1941–1944. / Trans. from German A. L. Utkina. - M.: Centrpoligraf, 2019. - 511 p.
30. Heroic defense of Sevastopol. 1941–1942 / Vaneyev G. I., Ermash S. L. et al. - M.: Voenizdat, 1969. - 367 p.
31. Golovin I. N. I. V. Kurchatov / I. N. Golovin. - M.: Atomizdat, 1978. - 136 p.
32. Goldenberg M. A. Evacuation of the population from Crimea in 1941 / M. A. Goldenberg / Proceedings of the interdisciplinary scientific-practical conference “III Feodosia scientific readings”. - Feodosia: MBUK FMD, 2015. - P. 118–119.
33. Grab V. I., Suprunenko O. B. Archaeologist Oleksandr Tahtai / V. I. Grab, o.B. Suprunenko. - Poltava: Poltavskiy kraevznachiy muzei, 1991. - 78 p.
34. Gutin M. L. On the activities of local defense committees during the Great Patriotic War / M. L. Gutin // Voprosy istorii KPSS. 1970. - No. 7. -P. 82–91.
35. Gutin M. L. Creation of sectoral industrial departments of party bodies and their activities during the Great Patriotic War / M. L. Gutin // Voprosy istorii KPSS. 1970. - No. 9. -P. 98–106.
36. Danilov V. N. The Soviet State in the Great Patriotic War: the phenomenon of the emergency authorities in 1941–1945. / V. N. Danilov. - Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo un-ta, 2002. - 396 p.

37. Dianova T. V. Exhibition “Chersonesos Museum during the Great Patriotic War” (based on archival materials) / T. V. Dianova // Krymskiy Archive. 2016. - No. 1 (20). - P. 47–58.
38. Doskato O. This is how the war began / O. G. Doskato / Hero City of Sevastopol. Unknown pages. - Sevastopol, 2006. - P. 4–8.
39. Zhuravlyova N. S. “They worked with axes and minimal fire extinguishing equipment...”. Unknown facts of the salvation of the Sevastopol panorama / N. S. Zhuravlyova // Voenno-istorichesky zhurnal. 2018. - No. 12. - P. 62–67.
40. Zhuravlyova N.S. Review of the Soviet period literary sources on the heroic defense of Sevastopol / N. S. Zhuravlyova / Vestnik YuUrGU. Seria “socialno-gumanitaryh nauk”. -2015. - No. 3. (Vol. 15.). - P. 17–24.
41. Zamyatin N. M., Vorobyev F. D. Defense of Sevastopol: operational-tactical outline. War-historical department of the General Head Quarters of the Red Army / N. M. Zamyatin, F. D. Vorobyev. - M.: Voenizdat, 1943. - 46 p.
42. Zaulochna S. A. Constitutional status of the Crimean Autonomy within the RSFSR (1921–1944): historical and legal research: author's abstract in support of doctor for historical degree: 12.00.01 / Svitlana Andrievna Zaulochna. - Kharkiv, 2009. - 20 p.
43. Ignatovich Ye. Black Sea fleet Air Defence in the beginning of Sevastopol defence / Ye. A. Ignatovich / Bulletin No. 14. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. - Sevastopol, 1981. - P. 25-36.
44. Irinarhov R. S. Kazakh Naval Forces before formidable challenge / R. S. Irinarhov. - Minsk: Harvest, 2008. - 432 p.
45. Isayev A. V., Glukharyov N. N., Romanko O. V., Khazanov D. B. Battle for Crimea 1941-1944. / A. V. Isayev, N. N. Glukharyov, O. V. Romanko, D. B. Khazanov. - M.: Yauza, 2016. - 896 p.
46. Isayev A. V. Battle for Sevastopol / A. V. Isayev. - M.: Yauza, 2016. - 896 p.
47. History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. In six volumes. Vol. 2. Reflection by the Soviet people of the treacherous attack of Nazi

Germany on the USSR: creating conditions for a radical turning point in the war (June 1941 – November 1942) / Edit. comiss. P. N. Pospelov (chairman) et al. - M.: Voenizdat, 1961. - 681 p.

48. History of World War II 1939–1945. In twelve volumes. Vol. 4. Fascist aggression against the USSR: the collapse of the “lightning war” strategy / Gl. red. komissii A. A Grechko, N.G. Andronnikov, K. A. Cheremuhin et al. - M.: Voenizdat, 1975. - 536 p.
49. The history of the hero city of Sevastopol 1917–1957 / under edit. by S. F. Naida. - Kiev: Izdatelstvo AN Ukrainskoi SSR, 1958. - 339 p.
50. History of Crimea: in two volumes. Vol. 2 / Responsible editor A. V. Urasov. - M.: Kuchkovo pole, 2017. - 789 p.
51. History of domestic shipbuilding: in 5 vol. Vol. 4. Shipbuilding during the first five-year plans and the Great Patriotic War. 1925–1945. / V. Yu. Gribovskiy, A. A. Narusbayev, I. I. Chernikov. - St. Petersburg: Sudostroyeniye, 1996. - 558 p.
52. The history of Sevastopol in persons: military and civil leaders of the city and fleets. To the 225th anniversary of the founding of the city / I. I. Kulikov, V. P. Kot, V. V. Kerstyannikov, S. I. Kulik, A. A. Skripnichenko, N. M. Tereshchuk, A. A. Fesenko. - Sevastopol: Art-politika, 2008. - 496 p.
53. History statistics and statistics of the Sevastopol history. Report submitted to the 1st Open Russian Statistical Congress (October 20, 2015, Novosibirsk) [Electronic media]. URL: http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/573064-1-istoriya-statistiki-statistika-istorii-sevastopolya-vvedenie-dlya-rossii-est-goroda-kotorie-osobenno-dorogi-blizki.php (reference date December 26, 2020).
54. Karayev G. N. Defense of Sevastopol (war-historical outline) / G. N. Karaev. - Leningrad: Gos. izdatelstvo detskoy literatury Minprosvesheniya RSFSR, 1956. - 151 p.
55. Kelner Ye. I. Heroic Defense of Sevastopol / Ye. I. Kelner. - Simferopol: Krymizdat, 1958. - 161 p.
56. Kelner Ye. I. Sevastopol workers in the fight against the Hitler's invaders (1941–1942) / Ye. I. Kelner // Voprosy istorii. 1956.- No. 9. - P. 101–110.

57. Kovalchenko I. D. Historical research methods / I. D. Kovalchenko. - M.: “Nauka”, 1987. - 440 p.
58. Kolesnik A. D. People's militia of hero cities / A. D. Kolesnik. - M.: Nauka, 1974. - 367 p.
59. Kolesnik A. D. RSFSR during the Great Patriotic War: Problems of the history of the rear and all people assistance to the front / A. D. Kolesnik. - M.: Nauka, 1982. - 328 p.
60. Kolomietz M. V. Armored trains of the Great Patriotic / M. V. Kolomietz. - M.: Strategia KM: Yauza: Eksmo, 2010.- 304 p.
61. Ship chronicle. Sevastopol marine plant. / Collective body V. V. Vinogradov, T. A. Gavrilov, N. Ye. Golubev and others. - Sevastopol: Art-Print LLC, 2003. - 535 p.
62. Korzhikhina T. P., Figatner Yu. Yu. Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action / T. P. Korzhikhina, Yu. Yu. Figatner // Voprosy istorii. - 1993. - No. 7. - P. 25–38.
63. Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945. Questions. Answers. / Content by: V. K. Garagulya, I. P. Kondranov, L. P. Kravtsova. - Simferopol: Tavria, 1994. - 208 p.
64. Crimea: past and present / Responsible editor S. G. Agagdzhanov, A. N.Sakharov. - M.: Mysl, 1988. - 107 p.
65. Crimean ASSR (1921–1945). Questions – answers. Issue. 3 / Content by Yu.I. Gorbunov. - Simferopol: Tavria, 1990. - 320 p.
66. Crimean ASSR: 20–30s. Historical outline / G. I. Kasyanov, V. I. Marochko, O. N. Movchan, L. I. Tkachyova. - Kiev, 1989. - 19 p.
67. Kukin D. M.Party and state leadership of the USSR national economy on the eve and during the war / Soviet home front in the Great Patriotic War. Book 1. General problems / Under gen. Edit. of P. N. Pospelov. - M.: Mysl, 1974. - P/ 13–32.

68. Kulikova G. B. Soviets of workers deputies in 1941–1945. / G. B. Kulikova / Soviet rear in Great Patriotic War. Book 1. General problems / Under gener. edit. of P. N. Pospelov. - M.: Mysl, 1974. - P. 80–92.
69. Kulish B. M. Soviet historiography of the Great Patriotic war / V. M. Kulish / Soviet historiography / under gen. edit. of Yu. N. Afanasyev. - M.: RGGU, 1996. - P. 274–315.
70. Kuptsov V. P. Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War: problems of historiography / V. P. Kuptsov // Vestnik Rossiyskogo economicheskogo universiteta n.a. G. V. Plehanova. - 2010. - No. 2 (32). - P 129–138.
71. Kurochkin M. K., Lutsenko B. S., Semiglazov N. I. Balaklava hights: Feature article / M. K. Kurochkin, B. S. Lutsenko et al. - Simferopol: Tavria, 1983. - 104 p.
72. Lezinsky M. Lessons of courage / Crimean holidays: Coll. for tourists and ethnographers: Book. 2 / Content by L. A. Litvinov. - Simferopol: Tavria, 1985. - p. 90–107.
73. Lyubovich M. Some issues of party political work during the defense of Sevastopol / M. Lyubovich / Bulletin No. 14. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. - Sevastopol, 1981. - P. 14–24.
74. Maksimov S. N. Sevastopol Defence in 1941–1942 / S. N. Maksimov. - M.: Voenizdat, 1959. - 137 p.
75. Manoshin I. S. Heroic tragedy. On the last days of the defense of Sevastopol / I. S. Manoshin. - Simferopol: Tavria, 2001. - 208 p.
76. Meshkova Ye. Knights of Duty / Ye. Meshkova / Hero City of Sevastopol. Unknown pages. Sine nomine P. 12–15.
77. Morgunov P. A. Heroic Sevastopol / P. A. Morgunov. - M.: Nauka, 1979. - 516 p.
78. Morozov M. Ye. Air battle for Sevastopol of 1941–1942 / M. E. Morozov. - M.: Yauza, 2007. - 458 p.

79. Morozov M. E., Kulagin K. L. USSR first submarines. “Decemberist” and “Leninists” / M. E. Morozov, K. L. Kulagin. - M.: Kollektsia, Yauza, Eksmo, 2010. - 160 p.

80. Neverov I. M. Sevastopol: Pages of the heroic defense and liberation of the hero-city, 1941–1944 / I. M. Neverov. - M.: Politizdat, 1983. - 206 p.

81. Unconquered Leningrad. Brief history outline of the city during the Great Patriotic War / A. R. Dzeniskevich, V. M. Kovalchuk, G. L. Sobolyov, A. N. Tsamutali, V. A. Shishkin. - Leningrad: Nauka, 1970. - 413 p.

82. Nikolskiy B. V. The Great Patriotic War in the Black Sea as a series of feats, crimes and punishments. Part two. Defense directorate of Sevastopol. Scientific and historical research / B. V. Nikolskiy. - Sevastopol: Izdatelstvo “Mieste”, 2013. - 357 p.

83. Nuzhdin O. I., Ruzayev S. V. Sevastopol in July 1942: chronicle of the besieged city / O. I. Nuzhdin, S. V. Ruzayev. - Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2013. - 752 p.

84. Nuzhdin O. I., Ruzayev S. V. Sevastopol in November 1941 / O. I. Nuzhdin, S. V. Ruzayev. - Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2017. - 753 p.

85. Omelchuk D. V. “For dissemination of false rumours…”. Sevastopol heroic defence unknown pages (1941–1942.) / D. V. Omelchuk // Uchenie zapiski Tavricheskogo hatsionalnogo universiteta n.a. V. I. Vernadsky. Seria “Istoria”. - V 16 (55). - 2003. - No. 2. - P. 49–53.

86. Outlines on the history of the Crimean regional party organization / Editorship: N. V. Bagrov, M. R. Akulov, V. D. Arbuzov et al. - Simferopol: Tavria, 1981. - 376 p.

87. Paletskih N. P. Leisure spheres of everyday life in the Urals during the Great Patriotic War / N. P. Paletskih // Uralskiy istoricheskiy vestnik. - 2015. - No. 1(46). - P. 59–63.

88. Pashchenya V. N. Crimean ASSR during World War II (1939–1945) / V. N. Pashchenya. - Simferopol: DIAYPI, 2014. - 414 p.

89. Petrov I. Ye. Sevastopol in the Great Patriotic War. Report at the scientific session of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences, dedicated to the centenary of the Sevastopol defense in the Crimean War in 1853–1856. (Moscow, October 28, 1954) / I. Ye. Petrov / Reports and reports of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. Issue 5. - M.: Izdatelstvo AN SSSR, 1955. - p. 29–42.
90. Pishchulina S. Yu. Stalingrad city defense committee in 1941–1945: author's abstract in support of doctor for historical degree: 07.00.02 / Svetlana Yurievna Pishulina. - Volgograd. 2007. - 27 p.
91. Platonov A. V. Struggle for domination in the Black Sea /A. V. Platonov. - M.: Veche, 2010. - 464 p.
92. Platonov A. V. Soviet warships 1941–1945. III. Submarines / A. V. Platonov. - St. Petersburg, 1996. - 168 p.
93. The feat of Sevastopol. In the footsteps of memories / V. V. Saratov, A. P. Smoliaynnikov. - Kiev, 2012. - 344 p.
94. Pribylov B. V., Kravchenko Ye. N. Hand and rifle grenades / B. V. Pribylov, Ye. N. Kravchenko. - M.: “Arktika 4D”, 2008. - 776 p.
95. Puchenkov A. S. The classic history of the siege epic / A. S. Puchenkov // Russian history. - 2019. - No. 3. - P. 150–153.
96. Romadin S. The fate of “Zheleznyakov” / S. Romadin // Tankomaster. - 1998. - No. 1 - P. 17–22.
97. Romanchuk A. I. Chersonesos reserve during the Great Patriotic War and historians of the Urals / A. I. Romanchuk / Document. Archive. History. Modernity: Collection of research papers Issue 5. - Ekaterinburg: Izdatelstvo Ural. un-ta, 2005. - P. 287-291.
98. Ruzayev S. V. City defense committee in the system of authorities in the city of Sevastopol (October 1941 – June 1942) / S. V. Ruzayev // Bulletin of Tomsk State University. - 2013. - No. 376. - P. 101–103

99. Ruzayev S. V. The organization of the leisure of population during the defense of Sevastopol (1941-1942) / S. V. Ruzayev // Bulletin of SUSU. Series “social sciences and humanities”. - 2018. - Vol. 18 (No. 2). - P. 106–108

100. Ruzayev S. V. Personnel issues in the work of the Seavastopol city committee of the CPSU(b) in 1941–1942 / S. V. Ruzayev // Clio. - 2021. - No. 3 (171). - P. 156–162.

101. Savilov V. Armored vehicles in the battles for the Crimea. Reflecting the first assault / V. N. Savilov // Military Krym. - 2008. - No. 9. - P. 51–56.

102. Savchenko V. A., Filippenko A. A. Defence of Odessa. 73 days of the city heroic defence / V. A. Savchenko, A. A. Filippenko. - M.: ZAO Izdatelstvo ”Centrpoligraf”, 2011. - 477 p.

103. Samarin V. A. Organization of repair of OVR (sea area guard) ships during the defense of Sevastopol in 1941–1942. / V. A. Samarin / Bulletin No. 12. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. - Sevastopol, 1980. - P. 102–113.

104. Sarina A. A. Sevastopol Arsenal / A. A. Sarina / Fire days of Sevastopol. - Simferopol: Tavria, 1978. - P. 122–135.

105. Sarina A. A. Heroic deeds of the workers of Sevastopol during the defense of the city / A. A. Sarina / Bulletin No. 14. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. - Sevastopol, 1981. - P. 71–82.

106. Sedov M. G. Heroic Defense of Sevastopol (1941–1942) / M. G. Sedov // Istoricheskiy zhurnal. - 1943. - No. 5–6. - P. 7–17.

107. Sibiryakov I. V. The image of Sevastopol in the memories of the participants of the Great Patriotic War / I. V. Sibiryakov / Bulletin of YuUrGU. Seria “sotsialno-gumanitarnyye nauki”. - 2018. - Vol. 18 (No1). - P. 47–55.

108. Sidorchuk Ye. A. Battle of Sevastopol: military-political aspect: dissertation in support of candidate for historical sciences: 07.00.02: Sidorchuk Yevgeniy Aleksandrovich. M., 2020. - 329 p.

109. Sinitsyn A. M. Caring for the wounded front-line soldiers and war invalids during the Great Patriotic war / A. M. Sinitsyn // USSR History. - 1973. - No. 1. - P. 24–31.

110. Sinitsyn A. M. Caring for neglected and street children in the USSR during the Great Patriotic War / A. M.Sinitsyn // Voprosy istorii. - 1969. - No. 6. - P. 21–29.

111. Sinitsyn A. M. Emergency bodies of the Soviet state during the Great Patriotic War/ A. M. Sinitsyn // Voprosy istorii. - 1955. - No. 2. - P. 32–43.

112. Sinyutin M. V. The battery fulfilled the task: A military history sketch. M.V. Sinyutin. - St. Petersburg.: Renome, 2010. - 264 p.

113. Sobolevska. T. Documents of the State archive in the Autonomous Republic of Crimea from the history of the Second World War / T. Sobolevska // Arhivi Ukraini.- 2005. -No. 1–3. -P. 139–144.

114. Soviet rear during the Second World War: instructional medium for university students studying in the specialty “History” / S. A. Baibakov, N. A. Kirsanov, L. A. Pinegina and others. - M.: Vysshaya shkola, 1986. - 192 p.

115. Strelbiyskiy K. B. Transportation by submarines of the Black Sea Fleet in May – July 1942 of personnel from the Caucasus to Sevastopol and the delivery of evacuees from Sevastopol to the Caucasus: chronicle and statistics / K. B. Strelbitskiy / Underwater war secrets. Vypusk 21. - Lvov, 2006. - P. 65–71.

116. Sysoyev N. Ye. Repair of ships of the Black Sea Fleet during the Great Patriotic War / N. Ye. Sysoyev / Bulletin No. 8. Memories, outlines, stories. Military Scientific Society at the Sevastopol House of Navy Officers of the Black Sea Fleet. - Sevastopol, 1977. - P. 80–104.

117. Telpukhovskiy V. B. Provision of industry with workers in the first period of the Great Patriotic war / V. B. Telpuhovskiy // Voprosy istorii. - 1958. - No. 11. - P. 24–44.

118. Tereshchuk N., Fesenko A. Collection of documents about the Great Patriotic War of the Soviet Union of 1941–1945. (State Archives of Sevastopol) / N. Tereshchuk, A. Fesenko // Arhivi Ukraini. - 2005. - No. 1–3. - P. 217–220.

119. The rear of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945. / Under gener. edit. of S. K. Kurotkin. - M.: Voenizdat, 1977. - 559 p. Kurotkina. - M.: Voenizdat, 1977. - 559 p.

120. Fleet rear. Development history. / Collective body: V. S. Shlomin, D. I. Velikanov, V. M. Guriaynov et al. - M.: Voenizdat, 1992. - 318 p.

121. Utrobin Yu. A. Archival materials about the initial historiography period of the Great Patriotic War in Crimea (1944–1947) / Yu. A. Utrobin // Kultura narodov Prichernomorya. - 2007. - No. 104. - P. 99–101.

122. Utrobin Yu. A. Commission for the history of the Sevastopol defence under the Crimean Regional Committee of the AUCP(b) (1942) / Yu. A. Utrobin // Krymsky arhiv. 2009. - No. 11. - P. 37–50.

123. Filimonov S. B. At the origins of the development of the theme “Crimea during the Great Patriotic war” / S. B. Filimonov / Top issues of history, historiography and source study of the South of Russia: to the 75th anniversary of the liberation of the Crimea from the Nazi invaders. Materialy konferencii - Simferopol: Arial, 2019. - P. 92–97.

124. Khaupt V. East Front 1941–1945. True story / trans. from germ. S. Lipatova. - M.: Yauza, Eksmo, 2008. - 560 p.

125. Khayali R. I. Crimea in the Great Patriotic War 1941–1945. Some methodological aspects of research / R. I. Khayali // History of Ukraine. Little known names, events, facts. Zbornik naukovih pratz. - Kiev, 2004. - P. 85–96.

126. Khlevnyuk O. V. The system of supreme power in the USSR during the years of the Great Patriotic War. Historiography, sources and perspectives of research / O. V. Khlevnyuk // Vestnik Rossiskogo fonda fundamentalnih issledovaniy. Gumanitarnie i obshestvennie nauki. - 2018. - No. 1. - P. 15-26.

127. Chernozub P.N. City Defense Committees in the front line / P.N. Chernozub // Voenno-istorichesky zhurnal. 1974. - No. 5. - P. 125–126.

128. Chernyavskiy U. G. Providing cities with food during the Great Patriotic war / U. G. Chernyavskiy // Istoria SSSR. - 1959. -No4. – P. 88–98.

129. Shergina L. Pahomov Ivan Ivanovich-participant in the defense of Sevastopol 1941–1942. / L. Shergina / Hero City of Sevastopol. Unknown pages. - Sevastopol, 2011. - P. 58–64.

130. Shirokorad A. B. Ships and boats of the USSR Navy 1939–1941 / Under gener. edit. of A. Ye. Taras. Spravochnik. - Minsk: Harvest, 2002. - 944 p.

131. Shishko Ye. A. Crimean party organization in the summer and autumn of 1941 / Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945. / Ed. by I. S.Chirvy. - Simferopol: Krymizdat, 1963. - P. 24–44.

132. Shurygin V. V. Iron Island: Floating battery chronicle / V. V. Shurygin. - M.: Voenizdat, 1979. - 304 p.

133. Edlinskiy S. F. On sea communications / S. F. Edlinskiy / Echelons go to the East. From the history of the relocation of the USSR productive forces in 1941–1942. - M.: Nauka, 1966. - P. 141–167.